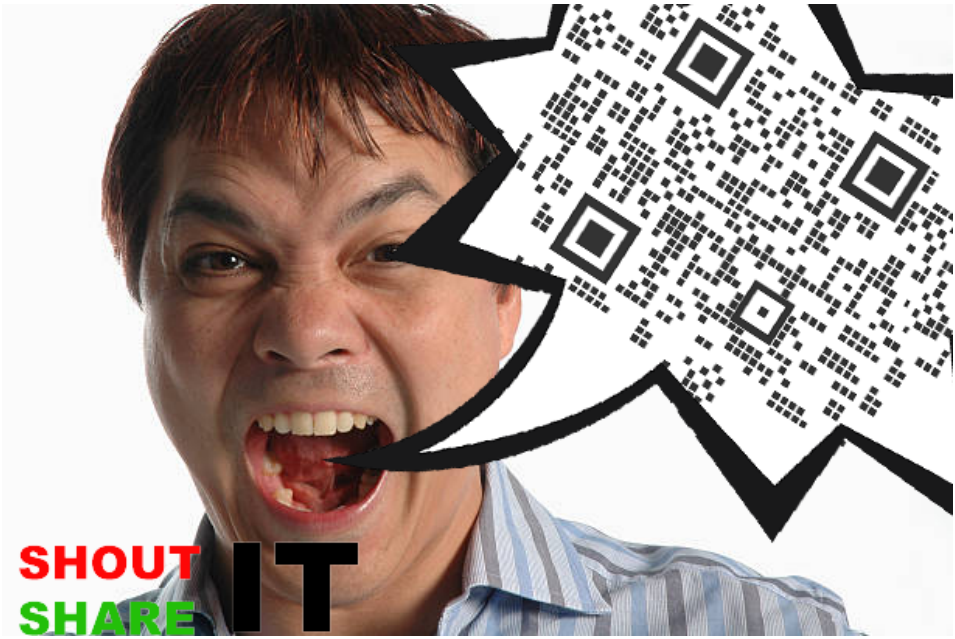
Максим Друzь

Новая надежда России

поствыборный лубок с супергероями и несчастной любовью


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действие происходит в России в канун выборов 2018 года. Провинциальная золушка Надя внезапно оказывается в свите Президента – и, более того, становится центральной, почти сакральной фигурой для будущего страны. Однако эта роль грозит ей смертельной опасностью, и на выручку Наде бросается друг Максим – идя по ее следам, затерянным среди секретных, населенных странными людьми городов, он постепенно открывает для себя истинное устройство России. Книга не является политическим или сатирическим памфлетом; скорее, это постмодернистский комикс с легко узнаваемыми героями.Содержит нецензурную брань.

- НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ
- Эпиграф
- 24 февраля
- 1 марта
- 7 марта
- 19 марта
- 16 марта
- 17 марта, утро
- 20 марта
- 21 марта
- 19 марта, перед рассветом
- 19 марта, позже в тот же день
- 23 марта
- 27 марта
- 22 марта
- 27 марта
- 28 марта, полдень
- 28 марта, поздно
- 29 марта
- 29 марта
- 30 марта
- ЭПИЛОГ. 29 февраля, восемнадцать лет спустя
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Книга, которую вы держите в руках, специально сконструирована маркетологами таким образом, чтобы быть приятной для употребления широким кругом неискушенных читателей. Несмотря на пафосное название, это исключительно приключенческое, развлекательное, конъюнктурное чтиво на пару вечеров, честно не претендующее ни на что большее. Не стоит искать здесь злободневную политическую сатиру или, вчитываясь между строк, пытаться обнаружить потаенные мысли о судьбах России – их нет. Зато тут есть: погони, драки, откровенная любовь, сомнения и метания, интриги, таинственные загадки, сплетни о высшем свете, и, разумеется, юмор. Все это сделает знакомство с произведением исключительно легким и необременительным.

И вот ещё: во избежание обвинений в диффамации и подрыве устоев, сразу ответственно заявляем, что этот текст – вовсе не о том, что может прийти вам в голову на первых же страницах. Все персонажи являются плодом романтического воображения автора, ну а в том, что они, вполне вероятно, покажутся вам похожими на реальных людей – ваша, и только ваша вина. Мы тут абсолютно ни при чем.

Эпиграф

Покуситесь на президента,
Пригласите его в катакомбы,
И на глубине рваните чеку.
Любовь – это страшная бомба.

Хочешь стать государственной тайной,
Мечтой в броне невесомой?
Помни: он в сердце бомжа,
И в дыханье Газпрома.

“Ундервуд”

24 февраля

привет Дневник!

я решила начать записывать всё, что со мной происходит, потому что сегодня – удивительный и чудесный день, и его события надо сохранить для истории. Кто знает, в какие книги и летописи в будущем может попасть мой рассказ, но, как настоящий историк (хотя пока и без диплома:), я знаю, что должна ответственно и подробно зафиксировать всё, свидетелем чему оказалась. Да что там свидетелем, я была в самом центре событий, и так счастлива от этого;) Сегодня я познакомилась с самым лучшим ЧЕЛОВЕКОМ на земле. Ты еще не знаешь об этом, но его портрет висит над моей кроватью с самого детства, и можешь себе представить, что для меня значит эта встреча! и даст Бог, мы сможем увидеться снова – по крайней мере, он сам! мне так сказал. Впрочем я, как восторженная девчонка, тороплюсь сразу сказать всё самое главное, а ведь надо записывать по порядку и с самого начала,

итак:

в нашем Университете сегодня проходил Конкурс Красоты среди студентов (студенток) и я, как умница-отличница-почти-совсем-краснодипломница, и вообще староста, была в Оргкомитете. Меня уже второй раз туда назначили, и, честно говоря, делать там особенно нечего, сплошная скукотища: надо следить, чтобы у членов жюри всегда была вода на столе, ну и все такое. Зато можно из-за кулис вблизи посмотреть на наших красотуль:) Лучше всех, конечно, была Элька из моей группы (потом про неё расскажу, если не забуду), ну, она и победила в конце концов, как я надеялась) Хотя речь не о ней.

Мы все, конечно, знали и готовились, что на Празднике будет ОН. Конкурс-то красоты для девушек обычно где-то в районе 8 Марта делают, это же само-собой разумеется, а тут всё сдвинули на Мужской праздник, из-за того, что ОН только сейчас приехать смог. А я всё знала, потому что ещё с осени меня (да и остальных тоже, хотя все помалкивают) стали проверять, давать какие-то анкеты, в которых надо было указывать адрес эл. Почты, телефон, про родителей, и ещё миллион разных вещей – ну что ж, так надо, безопасность выше всего, а люди разные бывают. Я всё прилежно заполнила:) У него сейчас много поездок по всей нашей Стране, потому что скоро выборы, на которых люди будут за Него голосовать, и он хочет со всеми пообщаться (забыла тебе сказать: это же будут первые самые настоящие Выборы в моей жизни, и я, конечно, готовлюсь к этому событию – вот даже уже договорилась, что меня возьмут в Наблюдатели). Да что я всё не о

том!

Пока ректор зачитывал приветственную речь, а потом представлял всех участниц, я стояла сбоку, выглядывая из-за занавеса, и всё высматривала, не могла понять, где Он: в жюри не сел, а в зале темно, и даже в первых рядах не разглядишь, кто где сидит. Распорядитель наш закулисный – худрук Степан Марьяныч из студ. Театра стал выпускать девушек на сцену, подгоняя их хлопками: хотел и меня шлёпнуть по ляжке, но я ловко увернулась и отпрыгнула в сторону. Не для тебя, Степка, ягодка росла:) Я ему тут же сказала самым прямым образом, чтобы он не руки распускал по чужим попам, а пошел бы лучше на худой конец воды мне принес из ящика с бутылками, хоть какая-то польза от него была.

И тут как раз увидела, где Он! Сел в первом ряду, а все наши дяденьки – ректор и прочие, которые были в жюри, получилось, сидели перед ним за столиками, спиной, и нет-нет да и оглядывались назад, так забавно:) Впрочем, это я сейчас пишу, что забавно, а ТАМ всё было очень ответственно. Вот например, когда уже всё началось, мне надо было всё время ходить между столиками, а значит, рядом с НИМ, и чтобы не дай Бог никого не задеть, водой не облить, и вообще быть незаметной как мышка, чтобы не загораживать сцену. Я справилась, конечно, я со всем справляюсь (ой, это нескромно наверно) но я очень волновалась от этой на первый взгляд, маленькой, но на самом деле очень ответственной задачи. Было очень интересно на него смотреть вблизи, но если быть честной, то мимо я прошла всего два раза, и всё-таки было очень темно в зале, я почти ничего не разглядела, только то, что Он кажется немного уставшим, но всё равно улыбается нашим девчонкам-участницам.

Ну вот, но это не главное.

А главное то, что когда все закончилось (в смысле, Конкурс), они всё – с ректором, помощниками всякими, и другими, пошли в Синий зал и стали там о чём-то говорить, двери закрыли, естественно, а рядом встали люди из его сопровождения, и ещё разные лица из нашей администрации. И даже губернатор вроде бы как с ними, но из-за спин плохо видно. Стоят, ну и переговариваются тихонько между собой. Я проходила мимо с пачкой протоколов из жюри (несла к себе в Профком) и тут ко мне кинулась Ирина Львовна из международных отношений, обнюхала всю с головы до ног носищем своим (осмотрела внимательно то есть) и прям трясётся:

“Соловьёва! (это моя фамилия – Соловьёва), ты же есть у нас в списках ФСО, тебя проверяли?”

“Да, отвечаю, Ирина Львовна, проверяли в хвост и в гриву”.

“Тогда, говорит, бросай свои бумажки, твоя помощь нужна!”

И.В. подвела меня к Николаю Николаевичу (это первый проректор), и говорит ему: “Вот, это Соловьёва, наша первая отличница и активистка (хотя НН меня сам знает по всяким волонтерским делам), давайте её запустим”, а он тоже посмотрел на меня пристально, и покивал согласно. Тут я влезла и спросила, что случилось, и что надо делать.

“Ай, говорит Н.Н., забыли им чай дать! Они так быстро в зал зашли и двери закрыли, что мы не успели все подготовить. Это все вы, Ирина Львовна, не доглядели! Вы же у нас только хоботом на собраниях трясти умеете, а весь чай ушами прохлопали! А теперь, получается, нам самим войти к ним неудобно без приглашения, вдруг что секретное. А такой студенточке, как ты, Соловьёва, в самый раз. Так что задержись на минутку, возьми вот этот подносик и заходи тихонечко. Чашечки на стол им расставишь, из чайничка накапаешь по половинке – только не ошпарь там никого, ради всего святого! – и тут же выходи, поняла? С товарищами согласовано” – и показал на парней в костюмах.

Я, конечно, разволновалась, но виду не подала, взяла этот поднос и зашла в Зал (дверь мне распахнули). А в зале всё убрано, стоит столик и несколько кресел, в двух сидят: он – спокойный, нахмуренный немного, и ректор, весь красный и как будто смущённый. И в углу на стульчиках ещё несколько человек сидело, их я плохо рассмотрела. И вот ректор увидел, как я захожу с чашками и печеньем, и чуть не замахал на меня руками и своими усищами, что я не вовремя. А ОН, наоборот, посмотрел на меня, увидел на груди значок с его же изображением, который мне ещё в прошлом году в летнем лагере МГ дали (не зря, значит, надела!), улыбнулся слегка и говорит, не обращая внимания на ректорские волнения:

“Это вы чай принесли? Спасибо. Поставьте, пожалуйста, вот на этот столик”.

Вблизи он совсем не такой, как в телевизоре или на фотографиях в интернете – выглядит моложе, не такой серьезный, и совсем не страшный. Спокойный и, как бы это сказать, понятный – не ждёшь подвоха. Но и не такой важный, или какой-то необыкновенный, просто хороший человек. И это всё я поняла только с одного взгляда. Подошла, расставила чашки, а сама всё стараюсь на него поглядеть, и почему-то от этого улыбаюсь:) Глупо, да? Даже стыдно немного за такое поведение.

А он присмотрелся ко мне получше, и тоже вроде улыбнулся, хотя до меня у них с ректором явно был разговор не очень приятный. И спрашивает:

“Мы, кажется, с вами встречались совсем недавно? У меня на

лица память очень хорошая. А, припоминаю. Это вы коллегам воду разносили, верно?"

"Да", киваю, а сама не знаю, как к нему обращаться – то ли по имени-отчеству, то ли по должности, но так уж совсем смешно получится, так ничего и не прибавила больше.

"А почему же вы в конкурсе красоты не участвовали?" – интересуется.

"Ну куда мне. Я же не такая красивая", говорю. Тут он меня смутил, поэтому, неверное, немножко дерзко вышло, как будто я кокетничаю. Потому что на самом деле, я думаю, что я довольно красивая, ну, или по крайней мере, нормальная. Просто для того, чтобы на сцене выступать, надо другой быть, как, например, Элька – тонкой, изящной какой-то, да ещё уметь из себя красавицу подать, правильно накраситься, двигаться как следует, ну и так далее. Я бы, наверное, тоже смогла, только не хочу и душа у меня к этому не лежит – что приятного, когда тебя рассматривают, как собачку на выставке? К тому же наши девчонки, кто там был, они всё реально тощие, потому что хотят быть как настоящие модели, и потому что так модно. А я не тощая, но не потому, что толстая, а потому что у меня с детства спорт – плаванье, и теннис, и выездка с троеборьем, и походы с ориентированием. Да чем я только не занималась, так что фигура у меня совсем не модельная: слишком плечи широковаты, ноги такие, что узкие джинсы лучше не носить, да еще и дылда, каких мало (высокая, в смысле). Но вообще на меня, бывает, и заглядываются: всё-таки волосы красивые, длинные (хоть и не яркие, русые – я их не крашу никогда), лицо правильное (скулы тяжеловаты – это мне от прабабушки-татарки наследство, но так даже интереснее), нос, рот, это всё в порядке. Элька говорит, когда подлизывается, что я красивее её, а она просто «вешалка» (врёт, конечно:)))) Но вот эти конкурсы красоты – фуу, не для меня это!

Но тут Он меня совсем раскраснеться заставил от смущения, говорит:

"Нет, не согласен. Вы – настоящая русская красавица. Не такая, прости Господи, как у некоторых наших «живых классиков постмодернизма» (это я не поняла, но при этом он так хитро сощурился, что сразу стало ясно, что этих «классиков» нужно поставить в кавычки), а самая настоящая, какой и должна быть. С вас можно было бы написать новую «Родину-Мать», наверное. Если захотите, конечно".

Я глаза опустила, конечно, а самой приятно, слов нет.

"Вот видите Александр Николаевич, продолжает Он уже в сторону ректора, это всё к тому же, о чем вы мне рассказываете. Смещены у вас акценты в учреждении в какую-то не нашу,

непонятную сторону. Устроили конкурс красоты, в чуждом нам нравственном ключе, как будто у Дональда (это я уже догадалась, что он про «Мисс Вселенная»), а вместо этого нужно работать с молодежью, воспитывать хороших и правильных ребят и девушек. Как наша гостья (показал на меня), понимаете? Если это не сделаете вы здесь и сейчас, не обеспечите это воспитание, то с кем мы будем завтра работать на благо России?..”

Ректор уже понял, что для него гроза прошла, и загудел:

“Как же, всё понимаем, работаем… У нас почти все такие же молодцы, как наша Соловьёва (тут ОН почему-то нахмурился, но потом понял, что это про меня, и кивнул. А ректор – надо же, знает, как меня зовут!), просто эта в числе самых лучших. Стараемся, воспитываем…”

«Ладно – поморщился Он, и так недобро пустой чашкой по столу пристукнул, – вы лучше не оправдывайтесь, таких воспитателей сажать надо в спецшколу, трудным подросткам слюни подтирать, и то не уверен, справитесь ли. А потом говорит уже мне: Вас, простите, как зовут? Если не секрет.”

“Не секрет, отвечаю – Надеждой”.

“Вы знаете, Надя… можно вас так называть? Мы устраиваем прием через две недели для активистов молодежных организаций – самых отличившихся. Думаю, что вам было бы полезно на этом мероприятии поработать. Как, Александр Николаевич, отпустите Надежду в Москву?”

Ректор снова усами замахал – согласен, типа, а я аж ахнула про себя. Подумала, значит, я увижу Его снова?

“Вот и отлично. Будем вас ждать в Кремле. И вот что, Наденька, принесите нам снова чаю, пожалуйста. И пригласите губернатора, а то неудобно, задерживаем человека” – и снова улыбается.

Я вылетела из зала, как на крыльях, и ко мне сразу же бросились НН и ИЛ и стали спрашивать, что там происходит) Я сказала, что хотят ещё чая и губернатора. Губернатор тут же побежал внутрь, а НН тоже туда сунулся было, но ему там что-то такое сказали, что он быстро закрыл дверь, оглядываясь с опаской, отошел от неё и сказал мне, что чаю уже, оказывается, не надо. Эх, жалко, так я и не попрощалась, это же совсем невежливо вышло(((((Может быть, теперь он забудет про меня и про свое приглашение? Ну что ж, человек занятый, всякое может быть, а свою минуту славы я уже всё равно получила, всю жизнь буду помнить.

Нет, ОН не такой! Это какой-нибудь другой может забыть, а он – нет! В любом случае, пробьюсь через приемную к ректору и напомню ему, что он обещал меня в Москву отправить. Теперь уже

не отступлюсь, буду добиваться своего.

Дома, конечно, рассказала маме и папе обо всем. Мама была очень рада и горда мной, это же она повесила потрет Президента в моей комнате ещё в раннем детстве. Папа, как обычно, только удивленно покачал головой – он у меня, как он сам выражается, «левых» взглядов и ко всем людям во власти относится «скептически», но я-то знаю, что это всё напускное. Что папе тужить, если он профессор в мединституте, получает там нормальную (хорошую) зарплату, и всё, что у нас есть, в конце концов от государства, а получается, и лично от президента?.. Так что тут он меня не обманет:)

Всё, наконец-то всё записала. Ошибок наверное, караул сколько – поздно совсем, мысли путаются и слова тоже. Ничего, потом все перепечатаю набело, если кому-нибудь захочу дать почитать (и надо все эти нескромности девчоночьи убрать не забыть, а то чёрте что такое). А сейчас – пора спать.

Я такая счастливая! Ура!

ПС. Надо будет ещё Эльке завтра рассказать. И Максу обязательно. Хотя он, наверное снова расстроится, это уж как гадалке пить не давай. Взял манеру обижаться, понимаете, что я где-то отдельно от него всё время, а тут аж в Москву ехать. Ну нет, надо сказать ему, чтобы заканчивал все эти сопли! Я сделаю из него человека:)

1 марта

Привет, дневничок,

сегодня кратко, потому что времени совсем нет:) Жизнь моя становится все удивительнее.

Во-первых, позвонила Анфиса Васильевна из бухгалтерии и попросила зайти подписать авансовый отчет. Я начала спрашивать, за что отчитываться-то, но выяснилось, что я неправильно её поняла и наоборот, должна получить деньги на командировку (вот как!) в Москву. Пришла к ней, она отсчитала мне двадцать тысяч под роспись (я прям охнула от такого количества) и командировочное удостоверение, в котором так и написано «Направляется в командировку в город Москву, в АДМИНИСТРАЦИЮ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ!!!» Обалдеть. Ещё сказала зайти к Эльке (а я забыла сказать, что Элька подрабатывает на практике референтшей в ректорате) и узнать насчет гостиницы и прочего. Я побежала в ректорат, там Элька смотрит на меня завистливым глазом (уже неделю) и говорит шёпотом: смотри, Соловьёва, мне сказали на тебя средств не жалеть, я тебе гостиницу забронировала самую лучшую, в центре (называется «Времена и свобода») кучу денег стоит, но зато до Кремля пешком пять минут, круто, да? Сказала, что билетов на самолет нормальных нет – редко от нас самолеты летают, потому что до Москвы рукой подать и все на поезде ездят, зато купе у меня будет фирменное туда и обратно. Говорит, давай, Надин, помни добро и давай там, смотри по сторонам внимательно, может местного богатенького зацепишь! Тоже мне, юмористка, Сергей Дроботенко в юбке:) Молодец Элька, хотя я не привереда и могла бы и поскромнее устроиться. Мне же много не надо, и к походной жизни я привычная. Ну ладно, так тоже здорово получилось. Мы с ней ещё немножко поболтали, хотя уже раньше всё-всё обсудили. Она, конечно, сначала расстроилась, что Сам на неё с первого ряда смотрел, всю такую красивую и в прожекторах сверкающую, а заметил, оказывается, меня. Ну ничего, она нормальная, долго сердиться не умеет:) К тому же у неё и без Президента поклонников полно, не то, что у меня) Да и какой он «поклонник», о чем это я – у Эльки моей и мыслей таких быть не могло.

Во-вторых, позвонил какой-то очень серьезный дядечка, представился Александром Сергеевичем, спросил, намерена ли я присутствовать на Президентском молодёжном мероприятии, а потом начал долго и очень занудно всё про меня выспрашивать – и про родителей, и про учёбу и т.п. В общем примерно то же самое,

что я в анкете уже писала, когда мы к приезду готовились. Я всё ответила без запиночки, он поблагодарил (надо же, какой вежливый:) и сказал, что через пару дней перезвонит, а если даже и не перезвонит, то значит, всё в порядке и можно ехать.

В общем, мой поезд через три дня, в понедельник утром приезжаю в Москву и покоряю столицу! Это я для красного словца, скорее всего будет не до безделья: сначала будет Всероссийский форум молодёжных активистов (это в комплексе «Олимпийский», как сказал Александр Сергеевич, надо будет посмотреть на карте, далеко ли от гостиницы и от Кремля), там будут всякие командные игры и занятия, и продолжаться это будет до среды, а вот в среду вечером будет приём в самом Кремле, и я на него тоже приглашена! А.С. сказал, поэтому и проверяют. Как будто я не понимаю:)

Вот и все мои новости. Хорошо, что завтра пятница, потом выходные, а там уже Москва. Скорее бы.

Да, ещё перечитала прошлую запись и увидела, что там куча имен, о которых ничего непонятно. Надо это исправить. Буквально два слова тут оставлю, чтоб было яснее. Ну, про Эльку уже всё сказано – лучшая подруга по учёбе, не разлей вода, вместе и занимаемся, и развлекаемся. Она добрая и веселая, хотя в последнее время всё больше времени проводит с мальчиками, но и на меня у неё время остается. Кто ещё? Да, Макс же! Максим тоже хороший, но с ним всё сложно(

А, да что там сложно. Всё понимаем, не маленькие. Вырос и вздумал в меня влюбиться. Я его знаю чуть ли не с детского сада, и он мой самый настоящий, единственный друг. Хотя, наверное, уже нужно сказать, что БЫЛ друг, и это очень-очень грустно. Я-то его по прежнему считаю другом, и люблю как друга, а он вбил себе в голову, что теперь он уже взрослый и мы с ним должны обязательно быть вместе, как парень и девушка. Прости, Макс, но это не для меня. Ну или не сейчас, по крайней мере. Во-первых, он еще маленький совсем, всего на два года старше меня, хотя и изображает из себя какого-то «Ковбоя Мальборо», как в старинном фильме – отрастил волосы хвостом, и даже бороду (очень колючая), скопил денег на мотоцикл, на котором везде гоняет, и очень гордится тем, что уже закончил университет и типа весь такой самостоятельный. Но если встречаться по-настоящему, то это же, считай, уже всё равно что замуж, а замуж я за такого мальчишку не хочу, и всё тут. Вот если бы нашему Максу было лет тридцать… Но он же не будет столько ждать. Или если бы Макс был таким же как… Нет, это я уже совсем куда-то не туда завернула, аж самой страшно:)

Во-вторых, ну какой он муж, что за глупость. В конце концов,

друг семьи, всегда где-то под рукой – и на кружках после школы, и в лагеря нас старались вместе отправлять, и никогда он не пытался меня как-то особенно оберегать (я этого не люблю, да и незачем было), то есть вести себя со мной, как мужчина, даже дрались иногда:) Ну как такого всерьёз воспринимать? Нет уж, пусть он себе не выдумывает – друзья и точка, и такого друга я терять точно не хочу, а если начать любовь-морковь крутить, то ничем хорошим по любому не закончится. Надо ему как-то это объяснить, чтобы понял наконец. Ну вот, все написала тут, и сама вроде бы разобралась, а то до этого и сама не понимала, что мне от него нужно?

Ах да, Максу я тоже, конечно, всё рассказала на следующий же день – и про Москву, и про ВВ. Он похихикал, конечно, но назвал меня «умницей» и пожелал счастливого пути. Вроде даже совсем не расстроился, что я уезжаю. Ну и ладно, черт с ним)

Скорее бы воскресенье и на поезд! Спокойной ночи!

7 марта

Я в Москве! Надо было сразу всё записывать, с первого дня – столько всего произошло, голова кругом, куча людей, событий, новых знакомых, и боюсь, я уже половину всего забыла:) Но надо заставить себя сесть и всё главное записать (хотя сейчас, если честно, уже два часа ночи, то есть получается, число не 7, а уже 8е – Праздник уже! и устала ужасно. Но я так возбуждена, что вряд ли быстро засну, так что лучше использовать это время с пользой и заполнить дневник).

Первые два дня, которые я провела в Столице, были очень насыщенные, но писать я о них подробно не буду – хочется сохранить силы на интересное, которое произошло сегодня (ой, ну то есть вчера, ты понял:) Сначала приехала в гостиницу на метро (очень красивое, только людей столько, сколько, наверное, во всём нашем городе не наберётся), умылась, погуляла немножко по улицам и даже до Красной Площади дошла. Потом поехала в комплекс Олимпийский, где уже после обеда началась наша регистрация, потом обед там же, а вечером был огромный концерт со всеми самыми лучшими артистами, которых я раньше только по телевизору видела, потом расскажу поподробнее:) Добралась до гостиницы уже поздно, ближе к полуночи, а наутро рано снова на форум. Там нас разделили на команды и начались занятия, лекции, дискуссии и, самое классное, конкурсы (точнее это была одна большая игра, в которой надо было набирать баллы за все два дня). Тема была «Мы рулим страной», то есть надо было вообразить, что мы – настоящее правительство с Думой и прочим, и управлять государством, делая его лучше. Я уже много раз в таком участвовала, поэтому первым делом со всеми перезнакомилась и стала всем помогать – и в своей команде, и даже некоторым из других, кто хотел, потому что тут самое главное – все делать сообща, ну то есть организаторы на это смотрят в первую очередь. Особенно в понарошечной думе ссориться и спорить друг с другом нельзя было – там чем быстрее к общему мнению приходишь, тем больше баллов получаешь. На этом наша команда и погорела: упёрлись, как страусы, в законопроект об автофекальной реформе, и потратили слишком много времени. Выяснилось, что главное было всем единогласно закон принимать, неважно, в каком варианте.

В результате моя команда заняла всего второе место! (жаль, конечно, но ребята, с которыми мы соревновались в финале, были старше и объективно гораздо опытнее нас), а я сама оказалась первой в дополнительной номинации «Лучший товарищ». Это было

очень здорово, когда вернусь к себе домой, надо будет доклад сделать на собрании, и повторить всё это у нас. Ну да ладно, про это можно долго рассказывать. Главное, друзей у меня теперь появилось очень много со всех уголков нашей Страны – чуть ли не в каждом городе будет теперь, к кому зайти в гости при случае:)

ЕГО я там видела только издали – я сидела на трибунах, а он прочитал небольшую речь на открытии. Говорил, чтобы мы осознали, что именно нам здесь жить, а не кому-нибудь другому, и что только мы будем управлять страной и развивать её буквально через несколько лет – не ему же одному этим заниматься (этого он не говорил, это я от себя добавила:) Так всё и есть. Я не понимаю людей, которые только и могут от государства требовать, чтобы оно им то подало, это сделало, а сами как будто не осознают, что они все вместе и есть общая страна, и если каждый не будет делать всё, что может сделать хорошего для себя и для других, то никакое правительство тут не поможет. Россия – это же люди, а не какое-то непонятное «государство», которое как-бы существует где-то отдельно от населения, и как бы ни при чем. И уж тем более Россия не какой-то кусок земли, очерченный границами, и если уж ты родился тут, то ты сам и есть Россия, так что живи хорошо и другим помогай, тогда и все вместе будем жить хорошо и дружно. Так я всегда думала и очень рада, что наш лидер со мной согласен:))))))

Ну вот, это всё хорошо, но самое лучшее было потом. Еще накануне меня тихонько вызвали с лекции, и проводили в оргкомитет, где приветливая тётенька выдала мне пропуск на территорию Кремля, и объяснила, как пройти. Сказала, что это большое везение, потому что из пяти тысяч делегатов форума на приём пригласили только триста, кто лучше всех себя показал на конкурсах. Они внимательно смотрят на то, кто и как себя проявляет во время занятий и состязаний, и выбирают самых активных. Спасибо, что и меня заметили! (хотя сейчас вспомнила, что мне вроде бы ещё дома сказали, что я на приём приглашена – значит, заранее знали, что я буду лучше других?)

Сам Кремль – это, конечно, полный отпад. Я слышала, что москвичи сами в Кремле не бывают почти никогда, но если бы я жила в Москве, то ходила бы сюда на каждые выходные. Это же центр нашей Родины, здесь столько всего произошло! Я ведь будущий историк, и много читала про царей, великих князей, и всегда мечтала оказаться рядом с ними, особенно в детстве, когда грезила стать принцессой. Ну ладно, хотя бы так к ним прикоснулась – не в одном времени, так в одном месте. Хотя о чем это я – нынешние люди в Кремле не чета каким-то там паршивым великим князьям, потому что их слушают в половине мира, а

когда-нибудь (даст Бог, скоро), будут слушать и во второй половине. Всё равно, нужно будет как-то извернутся и напроситься на практику к московским археологам – я знаю, тут целый отдел в местном правительстве выделен для историков. Вот интересно было бы!

Я пришла сильно заранее, чуть ли не за час, и пришлось, уже пройдя за ворота Боровицкой башни, простоять это время в небольшом дворике, огороженном железными турникетами. Уже стемнело, и я начала подмерзать, потому что весна в Москве на редкость холодная и противная (на мне был теплый пуховик, но под ним – только выходное платье, которое я предусмотрительно захватила из дому, и тонкие колготки – я решила, что будет глупо, если я приду в двух колготках, а потом побегу переодеваться и запихивать снятое в сумочку). Но потом пришел какой-то весёлый парень, и стал нас – а собралась уже приличная толпа, развлекать рассказами об архитектуре Кремля. А вскоре у него запищала рация, и он пригласил всех заходить в подъезд и подниматься наверх. Двери, которые перед нами распахнули, были такими широкими, что хотя все и постарались поскорее очутиться внутри, никакой давки или очереди не возникло. Мы вошли в огромный холл, украшенный гобеленами и старинными зеркалами, разделись в гардеробе, и поднялись на второй этаж по лестнице, в пролетах которой стояли красивые статуи в венецианском стиле (я поняла, что именно в венецианском, а не например, флорентийском, потому что ходила в кружок для школьников при нашем музее, а сейчас даже иногда веду там занятия). Лестница привела нас в зал, свет в котором был притушен, но по столам вместо этого были расставлены светильники и даже настоящие свечи, которые таинственно отражались в зеркалах, развешенных между стенными портьерами, и даже в позолоте хрустальных люстр и потолочной лепнины. Холл был выдержан в голубых тонах, лестница – в желто-коричневых, а стены зала сияли всеми оттенками красного и бордового. Наверное, я слишком подробно и торжественно это описываю, но красота этого великого места произвела на меня сильнейшее впечатление. Красиво жили великие князья, этого не отнимешь:)

В зале стоял в центре большой длинный стол, уставленный фруктами, напитками, и прочими закусками, и ещё несколько столов поменьше, тоже накрытых, стояли отдельно. Стульев не было, то есть, получается, я попала на фуршет, где надо стоять. Так мне нравится даже больше, потому что на таком фуршете можно ходить и общаться с разными людьми, а не сидеть, как приклеенная, рядом с одними и теми же соседями, которые к тому же могут оказаться скучнющими. Зал был такой большой и

высокий, что совершенно не чувствовалось, что в нем собралось триста человек. Все разбрелись по углам, стараясь не шуметь, и не зная, что нужно делать, но тут вышел распорядитель во фраке (!) и даже, кажется с эполетами, и сказал в микрофон, что Президент задерживается на Совете безопасности, просит его извинить и начинать без него, а он присоединится чуть позже. Все немного расслабились и начали подходить к столам, причем почему-то не к большому, а к маленьким, хотя никто вроде бы не запрещал что-то брать с большого. Люди так забавно себя ведут иногда:) Я-то сама была внешне спокойна, хотя внутри, если честно, все немного сжималось, но не тревожно, а как бы от радости – не знаю даже, как правильно это описать.

Я тоже подошла к какому-то столику, взяла яблоко, завязалась беседа. Через пять минут мы уже вовсю хихикали между собой, да и во всем зале стало шумно и весело. Я была удивлена, сколько внимания обращают на меня собеседники, они даже пытались делать мне комплименты, и иногда довольно приятные – видимо, дело было в том, что я оказалась единственной девушкой рядом с этим столом, все остальные были парни и даже пара мужчин постарше. Вообще женщин было на удивление мало – я увидела только на другом конце зала парочку каких-то расфуфыренных девиц, неприлично громко заливающихся хохотом. Это было неприятно – что это они приперлись сюда, в этот кремлёвский дворец, такой важный для нашей страны, а выглядят, прошу прощения, как гулящие девки – в каких-то вечерних платьях с вырезами, с причёсками и открытыми плечами. Такое впечатление, что это не наши студентки-активистки, а просто какие-то залётные «светские львицы». Ну что поделать, не все могут справиться со своей бабской сущностью, даже я иногда этим грешу, что уж там:)) Но в этот раз на мне было очень скромное светло-серое шерстяное платье по колено и с простым воротом, а из украшений – только те маленькие золотые часы, которые мне подарил губернатор, когда вручал диплом стипендиата (Господи, наверное создается впечатление, что я только и делаю, что хвастаюсь своими достижениями, как будто резюме пишу! Обещаю больше этого не делать) Волосы я заплела в простую косу – что тут выдумывать, и так красиво вышло, и в целом вся была такая тихоня. Все же странно, что парни рядом то и дело начинали на меня тайком пялиться. Соком я облилась, что ли? Рассматривали бы лучше красоты Кремля, вряд ли они тут каждый день бывают!

Ну ладно, всё это было очень мило и весело, но все, конечно, ждали Его. Наконец, уже в десятом часу (я же говорила, что у меня были часы, так что за временем я следила), распорядитель

осторожно постучал по микрофону и попросил внимания. Все сразу затихли, и тут откуда ни возьмись заиграл короткий марш, и тут же распахнулись огромные двери в торце зала, и вошел Он – один, как будто двери открылись сами, повинуясь его воле. Все сразу как будто подались к Нему, не сходя с места, и я, конечно, тоже.

Он приблизился к длинному столу, который так и стоял нетронутый, и негромким, но прекрасно слышным голосом (микрофона он не взял) попросил нас присоединиться к нему. После небольшой неразберихи все оказались у стола (я, к сожалению, слишком далеко от нужного конца) и Он произнес небольшую речь. В этот раз у него не было заготовленного текста, говорил он намного проще, чем на официальных мероприятиях, и это выглядело очень человечно и даже как-то трогательно. Я вся замерла, вслушиваясь в слова. Рядом со мной все возился какой-то толстый паренек, и я шикнула на него, чтобы успокоился и не мешал слушать.

Вот, что он сказал (пишу по памяти):

“Друзья! Нет, не просто друзья, коллеги – еще раз отмечу, что мы с вами именно соратники, коллеги, потому что работаем в общем направлении, развиваем нашу страну, делаем жизнь в ней лучше, а будущее – все ближе. Поэтому не буду повторяться, полагаю, что в этом вопросе у нас с вами полное взаимопонимание. Считаю, что сейчас вам важнее услышать другое. То, для чего вас на самом деле пригласили сюда, в самое сердце нашей державы, и, не ошибусь, если скажу, что в самый центр принятия важнейших решений. Всем собравшимся предстоит в ближайшее время непосредственно включиться в общую систему управления страной. Вы будете допущены к самым высоким государственным секретам и примете на себя ответственность за судьбы наших сограждан. Надеюсь, что мы не ошиблись в вас, нашем кадровом резерве, и вас не напугают никакие сложные, почти невыполнимые задачи…

(не знаю, как другие, а у меня холодок по душе прошел от этих слов).

Поясню. Дело в том, что наша Родина устроена сложнее, чем думают большинство её граждан. Из-за постоянных изменений цивилизационной конъюнктуры, из-за притворно миролюбивых действий западных партнеров, мы должны были придумать новые правила игры. Сделать так, чтобы безопасность и мирная жизнь гражданского населения были надежно защищены от любых угроз. Поэтому еще советскими людьми был создан, а нами значительно модернизирован уникальный дублирующий контур, призванный обеспечить безопасность страны.

Вы знаете, что в последние годы Россия совершила мощный

рывок в области вооружений, практически заново возродила научно-технический комплекс, развернула современную военно-промышленную отрасль, в которой трудятся миллионы человек. Знают это и наши «партнеры», и, казуистически пользуясь положениями различных международных договоров, на которые мы бездумно согласились в девяностые, контролируют все наши попытки восстановить глобальный геополитический паритет. Но они не знают того, что сейчас узнаете вы… Кроме мирной, привычной вам России, есть и другая… (тут ВВ. заметно поморщился), нет, Новая Россия, которая до поры скрыта от враждебных взглядов Запада. Это комплекс специальных учреждений и предприятий со своими городами, рабочими, учёными, который незримо раскинулся на просторах нашей необъятной Родины. Фактически, это отдельное внутрироссийское автономное образование, которое, разумеется, полностью интегрировано в общее конституционное и правовое поле страны. И быть гражданином этого «государства внутри государства» крайне почётно. Оно создавалось не стихийно, а конструировалось намеренно для достижения максимальной эффективности и производительности труда, в нём сконцентрированы наилучшие черты общественных и экономических отношений, включая те, которые были наиболее востребованы при социалистическом строительстве в недавнем прошлом. Представьте себе строителей БАМа или покорителей сибирских рек – вспомните тот энтузиазм и веру в свои силы и счастливое будущее, которые описывают все участники тех событий. Всё это сохранено и приумножено в нашей новой России, изначально заложено в её устройстве. Не скрою, что нам удалось внедрить уникальную национальную идею в саму основу этой структуры. Эта идея – защита мирного Отечества через собственное процветание. Люди, которые работают в Новой России на благо всей остальной страны, точно знают, что их плодотворный труд направлен на защиту не только своих семей, но и всех сограждан всей Большой России, и именно это они с детства расценивают как высший смысл своей жизни. Уверен, что в течение следующих шести – десяти лет эта идея естественным образом станет превалирующей и для всех остальных слоев населения страны.

Новая Россия – буду называть её так, хотя есть и официальное, созвучное название всего проекта – «Новая Земля-84», является, помимо прочего, полигоном для отработки политических и модернизационных стратегий правительства. Благодаря этому, уже сейчас в ней достигнуты доселе невиданные темпы экономического роста. Например, в прошлом году подушевой ВВП, рассчитанный для этих специальных категорий населения составил

более 46 тысяч долларов США, в то время как в среднем по стране – чуть менее 28 тысяч… Но основной смысл существования этой России не в экономике, а в том, что она является инструментом мощнейшего оборонно-промышленного развития. Системы вооружений и защиты, разработанные специалистами специальных технических отраслей Новой России, без всякого преувеличения, поражают воображения – и это при том, что они существуют параллельно и независимо от хорошо всем известных и полностью боеготовых ВКС, РВСН, ВМФ и сухопутных сил страны. Само существование неподконтрольного и неизвестного западным партнером компонента стратегического воздействия является сильнейшим козырем нашей международной политики, который до поры скрыт от враждебных глаз, но в самое ближайшее время вернет нашей Родине лидирующее положение в мире.

Вы спросите, где она, эта невидимая, волшебная Россия? На Севере, в Сибири, на Урале, в Крыму – везде. Везде есть живая частичка Новой России. Но повторю еще раз: Россия – это всегда вы, её граждане. Подумайте об этом. С сегодняшнего дня каждый из вас станет частью Новой России, получит соответствующие назначения, должностные инструкции, и, надеюсь, активно включится в общую работу. Поэтому прошу поднять эти бокалы (он взял со стола узкий фужер с вином) за нашу будущее, за Новую Россию!"

Все закричали «Ура!», и я тоже, хотя заметила, что у некоторых на лицах во время речи Президента появилось недоумённое или даже испуганное выражение. Конечно, я и сама была ошарашена. Признаться, из сказанного я многого не поняла. Может быть, позже объяснят поподробнее? От волнения я отхлебнула шампанского, которое взяла со стола и сморщилась – не люблю вино, да и вообще алкоголь. Я заметила, что и сам ВВ только постоял с фужером в поднятой руке, символически поднес его к губам, и тут же поставил обратно – вот какой молодец, тоже это дело не любит:)

Распорядитель снова взял микрофон и сказал, что официальная часть закончена, можно переходить к свободному общению. И что он просит всех присутствующих после мероприятия не расходиться, а подойти к столику в углу (за которым только сейчас появилась тётечка) и расписаться в каких-то документах. Часть народа сразу потянулась к этому столику, но большинство, конечно окружило ВВ и стало засыпать его вопросами, на которые он отвечал с мягкой улыбкой. Я, конечно, опять опоздала и встала рядом с ним, но сбоку, так что никак не получалось попасть ему на глаза. Интересно было, вспомнит ли он меня?..

Вблизи он выглядел снова немного не так, как во время нашей первой встречи – как будто стал старше (хотя все и так знают, что он немолод), но, напротив, выше и как бы мощнее – наверное, мне так показалось, потому что раньше я его видела сидящим. Я была в сапожках с каблуками, правда, небольшими, и всё равно была лишь чуть-чуть его выше. И тут случилось чудо: он повернулся, и сам шагнул ко мне!

“Здравствуйте, Надя, рад видеть и вас здесь”, – я только ахнула в ответ в том смысле, что надо же, меня помнят:) Он понял и пояснил: “Такую, как вы, сложно не приметить… Впрочем, вы знаете, что в моей памяти навсегда остаются люди, с которыми довелось встречаться. Это профессиональное”. Ужас, как приятно было! А он продолжает “У моего помощника, где он… Ах, вот он, Антон Эдуардович, подойдите, пожалуйста, – так вот, у нас с ним как раз есть для вас поручение по вашему региону (для меня? ПОРУЧЕНИЕ?) Вас не затруднит немножко подождать, пока мы с коллегами закончим беседу? Отлично, тогда, Антон Эдуардович, пожалуйста, побудьте с Надеждой, и никуда её не отпускайте” – и улыбается, как родной, а я и сама в ответ просто расплываюсь:)

Все ребята вокруг смотрят на меня, как на принцессу какую-то, глаза у всех по полтиннику, а Антон Эдуардович, такой важный, с кожаной папочкой, подошёл и говорит «Пойдемте, Надежда Сергеевна, я вам покажу, где подождать, только давайте сначала распишемся с остальными» – и подводит меня к тетеньке за столиком. Тетя говорит: та-ак, Соловьёва Эн-Эс, видела ваш бланк, где он… И так потешно очки приподнимает из-за дальнозоркости, прямо как моя мама. Подает мне листочек, там написано: я, такая-то, обязуюсь не разглашать… ой, а получается, я же только что всё разгласила, что услышала! Вот прям сейчас дошло. Ладно, надеюсь, не страшно – у меня дневник закрытый от всех-всех-всех, а потом сотру всё ненужное, да?

Я так долго всё описываю, потому что мне немного страшно переходить к последней части, то есть самому важному, что со мной случилось в этот вечер. Не могу понять, что меня напугало, но если честно, на душе до сих пор как-то тревожно, хотя и очень хочется, чтобы всё продолжалось дальше. Надо записать всё по порядку и поподробнее, тогда смогу сама разобраться.

Ну хорошо, А.Э. отвёл меня в небольшой коридорчик, открыл ключом на здоровенной связке дверь, и впустил в комнату. Тут уже никакого барокко не было – обычная офисная комнатка, типа приёмной в нашем ректорате, только поуютнее: торшер горит, диван, большущий аквариум с рыбками (я их люблю), телевизор на полстены показывает какой-то зарубежный канал без звука,

новости, кажется. АЭ. на меня посмотрел со значением, но как бы недовольно (видно, ему неприятно было, что из-за какой-то студентки его от важных дел отрывают), предложил подождать на диване, а сам сел на стул в углу и уткнулся в свою папку с бумагами. Так и сидели, молчали – он читал с нахмуренным лбом, а я рыбок разглядывала и всё думала, зачем же меня позвали. Даже накрутила себя: может, провинилась чем-то, хотя что же такого я могла натворить, что сам Президент мне захотел высказать? Хорошо, недолго пришлось мучаться: прошло десять минут, я только начала успокаиваться, и вот – снова ОН и всю меня опять разбудоражил.

По сравнению с хмурым АЭ., ВВ смотрелся совсем мило и приветливо, как папа прямо) Мы с Антоном этим дружно вскочили, но ВВ попросил всех сесть, а АЭ не уходить и поприсутствовать при разговоре. Сам тоже устроился на простом стуле напротив меня, и получилось, что я чуть ли не развалилась на диване, а они с прямыми спинами сидят и на меня смотрят:) Сейчас смешно, а там я тут же вытянулась, руки на коленях, как у первоклассницы и гляжу в пол. "Здравствуйте, говорю, Владимир Владимирович!" Как дурочка, честное слово – только что виделись!

"Не буду вас спрашивать, Надя, – говорит, – как вы добрались, и нравится ли вам у нас в гостях – и так вижу, что всё хорошо" – я закивала. "Час уже поздний, поэтому постараюсь вас долго не задерживать и перейду сразу к делу". Тут я набралась смелости и заявила: "Нет-нет, говорю, Владимир Владимирович, для меня большая радость с вами говорить и вообще быть рядом, так что задерживайте меня сколько хотите".

Он смеется: "Вы, Надя, меня смущаете, хотя вижу, что в вас не ошибся. Вообще было очень приятно встретить именно вас во время той поездки". Я спросила почему. "Видите ли, мне довольно тяжело бывать вашем городе. Хотя, наверное, и не стоит в этом признаваться. Чувствую ещё с давних пор вину перед его жителями, из-за той самой подлодки. Помните?" – я кивнула, хотя, честно говоря, во времена «той подлодки» ещё только в ясли ходила и, конечно, ничего не помню, кроме того, что трагедия была страшная, и все об этом только и говорили. А он продолжает: "Вот ведь сколько лет прошло, но по-прежнему ощущаю свою особую ответственность перед населением вашего прекрасного региона. И иногда даже кажется, что на меня там смотрят куда как внимательнее, чем в других городах. От этого не по себе". Вот он какой, оказывается!

"Так что очень здорово, что нам посчастливилось встретиться именно с вами. Теперь понятно, что молодежь, по крайней мере, нас поддерживает в вашем городе… Но главное, что

у меня есть возможность на вас положиться и попросить об одном одолжении." Я села ещё прямее, всем видом выражая готовность сделать всё, что угодно.

"Как вы наверняка догадываетесь, Наденька, сейчас, после выборов, в стране будут важные изменения. Для этого нужно укрепить власть на местах, в том числе, и в вашем родном крае. Ваш губернатор – молодец, он много сделал для региона и для страны, но настало время дать дорогу новому поколению. Нет, не пугайтесь, речь не идет о вас (у меня в тот момент действительно округлились глаза), есть на примете не менее достойный кандидат. Но вам тоже надо развивать себя и потихоньку двигаться вверх. Например, поработать в администрации будущего областного правительства в качестве нашего, так скажем, представителя. Чувствуете ли вы себя готовой к такой работе?"

Еще бы! Конечно! Что за счастье:) Я только собиралась на него это вывалить и ещё, может быть, немножко попрыгать на диване от радости (шучу), как этот несносный АЭ, который во время беседы всеми силами изображал беспокойство, промямлил: "Владимир Владимирович…" и постучал по часам на руке (большие, золотые, кажется). Президент кивнул ему, и сказал мне с сожалением:

"Впрочем, не хочу торопить вас с ответом. Подумайте спокойно. Очень жаль, что сейчас приходится прощаться – нам надо многое обсудить… Как же быть?"

Подумал и сам ответил:

"Так. Поступим следующим образом… Вы в какой гостинице остановились? Или у знакомых?"

"В гостинице… Времена и свобода".

"Что за странное название. Где это? Неважно. Вы сможете задержаться на несколько дней в Москве? Завтра вас заберут и поселят в загородном отеле администрации президента. Это горки (какие еще «горки», подумала я), там лес, красиво, речка близко… Хотя сейчас же зима, всё замерзло. Ну нестрашно. Всё равно там хорошо. Воспринимайте это как скромный подарок к завтрашнему Женскому дню. Там мы сможем ещё раз встретиться и поговорить. К тому же, если не ошибаюсь, сейчас там проходит тренинг для кадрового резерва по кризисному менеджменту. Если хотите, я попрошу, чтобы вас туда устроили, будет интересно. Согласны?"

Мне очень хотелось согласиться, но почему-то стало страшно, и я спросила: "А как же мой университет, да и родителей надо предупредить? Не могу же я вот так пропасть и занятия пропускать…" "Не переживайте, родителям позвоните, а с университетом проблем не будет. Обещаю. Договорились? Вот и

хорошо. Антон Эдуардович, организуйте всё, пожалуйста, и пойдемте уже скорее, нас ждут. До встречи, Надежда… хм, Сергеевна" – улыбнулся мне на прощание, и вышел.

А.Э. поманил меня за собой и запер комнату той же связкой. Мы втроем прошли до конца коридора – там меня оставили рядом с охранником, который выглядел, как настоящий гвардеец, а сами удалились куда-то вглубь здания. Охранник вежливо попросил меня подождать, позвонил кому-то по телефону – с диском и трубкой, я такие только в детстве у бабушки видела! – и через несколько минут появился другой человек, в штатском, принёс мой пуховик и вывел меня на улицу. А там, оказывается, ждала машина, а перед ней еще полиция с работающей мигалкой. Вот это да! Мой спутник распахнул дверцу, попрощался, и я осталась одна с водителем, который тоже поздоровался (очень они все вежливые), но в дальнейшем не сказал ни слова. Жаль, что поездкой долго наслаждаться не пришлось – буквально через пять минут меня высадили у моей гостиницы. Человек на стойке, который всё видел, смотрел на меня круглыми глазами, ещё бы – доставили меня как настоящую королеву!:)

Сейчас уже почти утро, надо заканчивать и ложиться спать. Но я не могу решить – соглашаться или нет на предложение В.В. То есть на работу без вопросов, а вот ехать ли завтра в это другое место? Он говорит, там хорошо, но я очень беспокоюсь, что подумают родители и как я потом буду навёрстывать занятия в универе.

Ой, да что я вру! Я втемяшила себе в голову, что понравилась ВВ – ну, как девушка, и он меня заманивает в свои сети. Это просто глупость какая-то, и мне за себя стыдно. Кто ты, и кто он? Конечно, ты (то есть тьфу, я) не отказалась бы, но зачем выдумывать всякий бред? Как это вообще могло прийти в мою рассудительную голову? Это же Президент, а не какой-то ухажёр из подворотни, у него одна страсть – Россия! Так что выкидывай-ка всё это из головы, милуша, и подумай спокойно. Ты боишься его? Нет, он хороший, и никогда не сделает ничего плохого. Ты боишься своего будущего, работая у него? Пожалуй, что да. Хорошо, бойся на здоровье, но стоит ли из-за этого отказываться от выпавшего тебе шанса? Конечно, нет!

Вот и умница, все по полочкам разложила, и сама разобралась. Конечно, хорошо бы всё это обсудить с родителями… Нет, они не поймут, лучше – с Максом! Так и сделаю – позвоню ему прямо как проснусь, сейчас же он дрыхнет как суслик, я его знаю… Все, теперь самой спать. Пока, Дневничок, и до скорых встреч! Жизнь становится все чудеснее и удивительнее!:)

19 марта

Жизнь становится всё дерьмовее. Надежда пропала ещё две недели назад, почти сразу после приезда в проклятую Москву. А я, осёл, только сейчас сообразил броситься ей вслед, как паршивый Дон Кихот за своей Дульсинеей. Шикарный план: приехать в столицу и найти Надю. Нормально? И вот, пожалуйста: денег нет, жить негде, что делать – неясно, и вообще непонятно, за каким чёртом я сюда приперся. Где и как ее искать в этом муравейнике, и, самое главное, нужно ли ее спасать вообще? Или она тут наслаждается жизнью в свое удовольствие, а я веду себя как перепуганный идиот? То есть идиот-то я в любом случае, но, очевидно, ещё и дурак при этом…

Так я ругал себя, сидя в неожиданно дорогом (денег было не жалко только на чай) фастфуде где-то в районе Лубянки, а может, и не Лубянки – изучить географию столицы у меня времени не было. Ситуация была паршивой, а главное – глупой. Исчезнув в начале марта, Надя позвонила домой всего дважды – один раз родителям, сообщила о том, что добралась, а в позапрошлый вторник – мне. Поговорили дай бог минуту. Сказала мне, что очень занята, а в остальном все хорошо. После этого пропала окончательно – телефон отключен, сама не перезванивает. Еще через несколько дней – в прошлый понедельник, то есть ровно неделю назад, родителям доставили заказную телеграмму, вот она, у меня в кармане: «СООБЩАЕМ ВАША ДОЧЬ СОЛОВЬЕВА НС ЗАЧИСЛЕНА НА СТАЖИРОВКУ ДЕПАРТАМЕНТА МОЛОДЕЖНЫХ ПРОГРАММ АП ПРИКОМАНДИРОВАНА ОТРЯДУ N 10». Что за отряд, непонятно, но “АП” – это, надо думать, Администрация президента, раз она туда с самого начала намылилась. Родителей это успокоило, но вообще, по-моему, свинство – не могла сама позвонить и рассказать по-человечески? Ну хорошо, пошёл в университет. Там ясности не добавилось – им тоже никто ничего не объяснял, но у них есть такая же телеграмма, только слово “дочь” заменено на “обучаемая”. Обучаемая! Кто их там только русскому языку учил, олигофренов!

Ладно папа с мамой, божьи люди. Им бумажку прислали, они и расслабились. Но почему она ничего не сказала заранее? Не выбрала даже минуты, чтобы написать сообщение? Я знаю Надю всю её недолгую жизнь. И всегда она была где-то рядом – так, что я её видел, или слышал, или просто знал, что с ней всё в порядке. Мы встречались сначала во дворе, потом в школе между уроками, потом уже созванивались – даже когда телефоны стояли только дома. Каждый день, без исключений. И поэтому я не могу

поверить, никак не могу заставить себя поверить в то, что ничего не случилось. Она слишком, чересчур ответственная в этих вопросах и никогда не заставит других людей переживать из-за себя. И вот ещё что. В мою бытность в добровольной дружине следопытов-спасателей, нам сказали сразу: если человек пропал, то найти его надо в тот же день. Три дня – критичный срок, после этого никаких надежд уже нет. А тут полторы недели ни духу, ни слуху, и никто, кроме меня, дурака, по этому поводу не парится!

Ладно. Можно сказать, что и это ещё не повод переживать. Есть же телеграмма, в конце концов. По ней я, наивный, и рассчитывал найти эту горемыку. На телеграмме указан адрес отправителя: Старая площадь, д. 8/5 стр. 1. Утром, как только сошел с поезда, сразу поехал по этому адресу. Думал, узнаю у них, куда дальше обращаться, или, на худой конец, просто устрою скандал. Какой там! Приехал, на двери действительно вывеска “Администрация Президента Российской Федерации”, все с большой буквы, чёрт бы их побрал, а за дверью будка с охраной, так что пустили меня только в справочное окошко. Там сидит безупречно вышколенная сука: рассмотрела телеграмму на отлёте, сказала, что, к сожалению, о существовании департамента молодёжных программ ей неизвестно, нет такого департамента у них тут, а кто такая Надежда Соловьёва, она тем более не знает. А знала бы – не сказала, потому что разглашение персональных данных. Я ей талдычу: человек пропал, что делать-то, куда идти с этой телеграммой несчастной, а она на полном серьезе предлагает мне обратиться с письменным заявлением, которое, в соответствии с Федеральным, мать его, законом «О работе с обращениями граждан», рассмотрят не позднее, чем за тридцать дней, и дадут мне официальный ответ по почте. Стерва очкастая. А меня ещё спрашивают, почему, дескать, я не люблю власть и всю ту сволочь, которая сверху налипла…

Что же делать? По всему выходит, что департамент фальшивый и Надя где-то в другом месте. Разворачиваться с оскорбленным видом и валить в родную провинцию? Ну уж дудки, слишком всё это подозрительно воняет… Ну, Надька! Найду – хвост надеру, заречется быть такой эгоисткой. Она у нас в последнее время вся такая самостоятельная и независимая, что даже меня умудрилась в этом убедить. А я и рад…

Я уже собирался пуститься по второму кругу в череде внутренних упреков, но, к счастью, печальные размышления прервал тренькнувший телефон. Вздрогнув от неожиданности, я уставился на номер с некоторой опаской – никаких звонков я не ждал. Сплошные восьмерки и нули, чёрт разберет, кто там.

– Да!

– Максим Анатольевич? – бесстрастно осведомился гнусавый голос.

– Да!

– Пушков Александр Сергеевич беспокоит. Майор федеральной службы охраны. Я должен задать вам несколько вопросов. Готовы?

– Слушаю, – настороженно ответил я, размышляя, за каким хреном я понадобился службистам.

– Вы знакомы с Соловьёвой Надеждой Сергеевной?

– Знаком. А в чем, собственно…

– Когда вы её видели в последний раз?

– А какое вам дело? – по привычке заерепенился я, но сердце моё упало. Я был уверен, что следующей фразой услышу: «Вам требуется прибыть на опознание…»

– Минуточку, Максим Анатольевич. Не отключайте телефон. С вами будет говорить мой руководитель. Я перевожу вас на защищённую линию. После окончания разговора вам может потребоваться выключить, и снова включить ваше устройство для восстановления его функций. Как поняли?

– Эй, подождите!.. – но в трубке уже послышался резкий писк, а потом заиграла неразборчивая мелодия, которую обычно проигрывают, чтобы вы не скучали, пытаясь дозвониться до какого-нибудь банка. Попиликав полминуты, музыка прервалась оглушительным треском, и совсем другой голос – нечеловеческий из-за наложенных искажений, буркнул:

– Маааксим?..

– Допустим.

– Эта Соловьёва – твоя невеста?

– Она мне не невеста. А вы кто ещё такой?

– Как не невеста? – проигнорировал вопрос неприятный собеседник. – А что они мне тут понаписали? А?

– Понятия не имею, что вам там понаписали, но вы что-то не представились. И что с Надей?

– Ты, Максим, слушай меня внимательно и не перебивай. Зовут меня Игорь Иваныч, а остальные вопросы попридержи. Есть?

Я ничего не придумал в ответ и промолчал.

– У Соловьёвой твоей проблемы. И ты мне нужен, чтобы их порешать. В данный момент могу сказать, что она попала, скажем так, в нехорошую компанию. Мы знаем, где она, но по некоторым причинам, о которых тебе знать не положено, достать её оттуда не можем. Но это сможешь сделать ты, во всяком случае, мои эксперты так считают. Хотя какие они к херам эксперты, если не могут разобраться, кто чья невеста!

– Она жива хоть?

– Я сказал, не перебивай. Жива, но в неприятном положении. Да не! Не в том положении, о котором ты подумал, а просто в сложном положении… Если ты будешь меня слушаться и делать, что я говорю, то скоро её увидишь. Всё ясно?

Я хорошенько подумал. Ничего не было ясно.

– Послушайте, как вас… Игорь Иванович? Мне ясно, что вы всё врете. Вы просто похитили Надю и теперь пытаетесь шантажом заставить меня принять участие в каких-то противоправных действиях. Так ведь?

– Что-о?!.

– Так имейте в виду, что меня это не смущает. Только не врите. Говорите прямо, что надо сделать, а я подумаю. Но имейте в виду: если вы причините ей какой-то вред…

– Да заткнись ты уже! Если ты собираешься всё время пиздеть вместо того, чтобы дело делать, мы с тобой точно не сработаемся. Ты хоть в курсе, что время разговора по защищенной линии ограничено? Нет? Ну так слушай… Если хочешь знать, мне твоя Надежда нахуй не нужна. И «причинять вред» я буду тем людям, которые её у себя держат. И которые хотят причинить вред ей. Это доступно?

Теперь я все-таки предпочел замолкнуть.

– Вот и лады, будем считать, что договорились. Теперь запоминай внимательно, два раза повторять не буду. Насколько я вижу… ты сейчас в какой-то тошниловке на Большом Черкасском. Значит, сейчас заканчиваем разговор – тебе говорили, что надо будет телефон заново включить? Не делай этого, и вообще ничего не трогай. Выходишь из кафе, направо пятнадцать метров, на противоположной стороне улицы припаркован серый «Форд». Двери не заперты. Открываешь заднюю, забираешь другой телефон. Свой оставь на сиденье, мы его покатаем, это даст тебе время. Дверь в машину захлопнуть не забудь. Как понял? Можешь просто кивнуть, я тебя вижу.

Я покрутил головой, озираясь. Кивнул.

– Не надейся, не увидишь. Далее. Забрал наш телефон, строго пешком идешь в том же направлении до ближайшего перекрестка, там налево. Улица называется «Маросейка». По ней двигаешься до Курского вокзала. Не бойся, не промахнешься, у нас тут в Москве куда ни иди, все равно окажешься на вокзале. В метро не заходи, там камеры. Кивни.

– На вокзале покупаешь билет на электричку до остановки «Ногинск». Далее особо внимательно. Рядом со станцией автовокзал. Там автобус 24. Ходит редко, подождёшь. Едешь до остановки «АБЗ». А-бэ-зэ, запомнил? Сразу за остановкой лесная

дорога. По дороге восемьсот метров, будут ворота и перед ними тропинка направо. По тропинке четыреста метров, там гараж типа сарай. Дверь будет открыта. Внутри дальнейшие инструкции и экипировка. Всё ясно? Деньги есть? Можешь говорить.

– На билет хватит… А вы не собираетесь мне толком объяснить, что происходит? Сарай в лесу – это, знаете ли, как-то… небезопасно. Если бы я понимал, в чем дело, то действовал бы более уверенно, нет?

– Так, давай не будет начинать ссать в самом начале истории. Никаких гарантий не будет. Единственное, что могу обещать, так это то, что сейчас тебе лично ничего не угрожает. Чужого наблюдения за тобой пока не вижу, и я уж постараюсь сделать так, чтобы его не было как можно дольше. И пойми, ты мне нужен только потому, что сам я в эту историю по своему рангу и положению влезать не должен. Не мой уровень и не моя зона компетенций. А вот если ты сам, так сказать, по собственной инициативе… Короче, я тебя уговаривать, как маленького, не буду. Только ты имей в виду, Максим, что если бы мне вздумалось от тебя избавиться, ты бы сейчас в этой сраной кафешке не сидел. И никто бы ничего не заметил, уж поверь. Так что в лес тебя заманивать из-за такой ерунды, это, сам понимаешь… Не знаю, насколько я тебя успокоил, но надеюсь, что ты сейчас прекратишь строить целку и возьмешься за дело. Лады?

Я снова кивнул.

– Все, действуй. Да! Пока будешь идти до вокзала, зайди в парикмахерскую, подстригись покороче, да побрейся, бляха-муха! Для конспирации. Это приказ. А то смотреть на тебя стра…

Звук оборвался на полуслове, словно невидимый провод, соединявший меня с таинственным собеседником, перерубила лопата незадачливого землекопа. Я отнял трубку от уха и посмотрел на безжизненно темный экран. Телефон был выключен. Вероятно, вид у меня был ошарашенный, потому что официант, с сомнением наблюдавший за мной, подошел и спросил, хочу ли я чего-то ещё – на их языке это означает предложение расплатиться и выметаться. Я попросил воды и попытался собрать разбегающиеся мысли в кучу.

Я отнюдь не трус, но скажу без утайки, что Игорь Иванович заставил меня здорово разнервничаться. Ясно, что с Надей беда. Ясно, что надо её спасать и, кажется, мне готовы помочь в этом – ну или заманить в ловушку и убить, с равной вероятностью. Самое пугающее в только что произошедшем разговоре было то, что сыгран он был на уровне наспех написанного диалога из дешёвого бандитского сериала. Глупо отказываться, когда

предлагают помощь, но почему в такой гротескной форме?..

Пришёл официант, опасливо поставил стакан воды на краешек стола, и глядя в сторону, сообщил, что меня просят к телефону. Я было привстал, чтобы подойти к аппарату, но, оказывается, он принес радиотрубку.

– Максим Анатольевич, снова Пушков на проводе. Примите телефонограмму, – квакнул телефон.

– Давайте, – вздохнул я.

– Так, где тут она у меня… А, вот. Зачитываю: «Не тупи». Как поняли, повторите.

– Не тупи, – машинально повторил я, чувствуя, что последовать этому совету (приказу?) будет трудновато.

– Все верно. Желаю успехов.

Что за бред!.. С другой стороны, шло бы оно все к чертям свинячьим, и будь что будет. Надьку надо выручать, а по ходу дела разберемся, что к чему.

– Можно вас рассчитать? – нервно спросил официант.

– Можно Глашку за подтяжку, – огрызнулся я, кстати вспомнив свою военную кафедру. Не люблю, когда мне так прозрачно указывают на выход.

Непроизвольно озираясь по сторонам, я покинул кафе и перешел дорогу. Машина стояла там, где и было обещано – в самом неположенном месте, прямо под запрещающим знаком. Внутри никого не было. Еще раз оглядевшись и одернув себя – это наверняка смотрелось со стороны подозрительно, – я тихонько приоткрыл дверь и осмотрел салон. На заднем диване лежал небольшой матовый предмет – коробочка размером с обычный телефон, только толще. На грани, обращённой кверху, чернела одинокая кнопка. Я взял коробочку и бесстрашно потыкал клавишу: уж не знаю, чего я ожидал, но ничего особенного не произошло: трубка не подавала признаков жизни. Пожав плечами, я засунул ее в карман и собрался идти прочь от машины, но в последний момент спохватился, и, подавив приступ скупого сожаления, бросил на сиденье свой старый телефон. Удаляясь от автомобиля, я запоздало подумал, что надо было позвонить кому-нибудь, предупредить… А, что уж теперь, снявши девушку, по деньгам не плачут.

Где находится Курский вокзал, я смутно представлял – именно на нём я сошел с поезда сегодня утром.

* * *

В электричке было угнетающе жарко, несмотря на весенний холод снаружи. Очевидно, источником духоты было невероятное количество тел, плотно заполнивших всё пространство вагона. Я

привык к тому, что электричка – это транспорт простых и слегка агрессивных парней с заводских окраин, но здесь налицо был социальный прогресс: пассажиры, тесно облепившие сиденья и проходы, были скорее похожи на обычных клерков с пустыми глазами, погрузившихся в вызывающе дорогие телефоны. Цвета в одежде преобладали тёмные, серые. Слегка разбавляла эту однообразную конторскую массу только дюжина южных гостей в аляповатых замызганных спецовках. Стоял страшный шум: через толпу, распихивая граждан потёртым баяном и клянча деньги, пробивались неопрятные скоморохи в ушанках, распевающие конъюнктурные куплеты дебильно-политического содержания:

К Ленке я своей лечу,
Только одного хочу:
Совершить с Еленой я
Акт волеизъявления!

Не дает жена никак –
«Знаю, дрочишь на Собчак!
А хочешь мои груди, н-на́!
Выбирай Грудинина!»

Ну и так далее. Тухлый товар, подумал я. Со вчерашнего дня можно было бы придумать что-нибудь поновее, а сегодня всё уже кончено… Чёрт, даже не знаю результатов – а впрочем, разве можно мечтать, чтобы хоть что-то изменилось?

Непроизвольно я засмотрелся на неуместно романтическую сцену, разыгрывающуюся прямо в центре этого бедлама: совсем юная парочка, студенты, наверное, а может, и школьники даже, не обращая ни малейшего внимания на неприязненно кривящиеся лица окружающих, бурно и развязно обменивались поцелуями. Я не разделял порицательного ханжества окружающей публики: счастливы люди, и слава богу. Но, глядя на эту простодушную любовь в переполненном вагоне, я и сам внезапно вспомнил тот день, когда впервые почувствовал, что Надя, по следам которой теперь везла меня электричка, вдруг стала для меня чем-то большим, чем просто подругой детства.

Это случилось очень давно, года четыре назад, или даже больше, в начале осени, случившейся тогда необычайно теплой, если не сказать – знойной. Точно, это было 1 сентября, потому что накануне Надя позвонила мне и долго упрашивала принести ей букет цветов на линейку к школе – сама забыла купить заранее. Я дал себя поуговаривать и, в конце концов, согласился – всё равно тащиться на учебу в первый же день после долгих

каникул у меня не было никакого желания. Так что ломался я больше для виду, чтобы она не слишком задавалась.

На линейку я безбожно опоздал – проспал, а затем выискивал букет подешевле по окрестным лавкам – денег у меня, тогда второкурсника, было кот накашлял. Когда я появился у школы, все уже разошлись по классам. Нерешительно покрутившись у входа, я собрался уже уходить, как вдруг заметил свою подружку, спрятавшуюся в тени большого куста сирени – и оттого почти невидимую на фоне солнечного двора. Это сейчас Надя стала такой, что глазам больно смотреть, а тогда она была совсем неуклюжей, угловатой пацанкой с исцарапанными после летних приключений коленками. Из-за жары на ней было совсем простое, непраздничное платье в крупный горох, нос облупился от загара, волосы, заплетенные в небрежный хвост, выгорели на концах, и из-за всего этого смотрелась она на несколько сельский манер. Она глядела куда-то вдаль, и поэтому не сразу заметила меня, а увидев, даже не стала ругать. Деловито сообщила, что чуть не померла от скуки на утреннике, и что на счастье он завершился быстро, и совсем незапланированным образом: одна из ее одноклассниц, неистовая татарка Эльвира, сцепилась до крови с неким Вадиком. Последний, оказывается, так всех достал своей идиотической приставучестью, что все только обрадовались, когда его отправили на скорой прямиком в травмпункт с “огромным кулем льда на бубенцах”. Так уж наша Надежда выражалась в те времена.

Взяла букет, обнюхала, спросила: «Ты не обидишься, если я его выкину? Неохота с этим веником таскаться весь день». Потом пригляделась внимательнее, и радостно вытянула из пучка один цветок (я в них не разбираюсь). Стала совать мне его под нос и хвастаться, что нашла цветик-семицветик: у этих растений, дескать, всегда по пять лепестков, а у этого аж семь, и если такой найдёшь, то обязательно будешь счастливой, и желание исполнится. Я спросил, что за желание, но она посмотрела на меня, как на больного, и сказала, что даже последний дурак знает, что желания вслух говорить нельзя – а то не сбудется! После чего, зажмурившись, героически съела несчастное растение, морщась от горечи и отплёвываясь. То ли на полном серьезе верила в эти сказки, то ли меня рассмешить хотела…

Потом схватила меня за рукав и потащила в сторону от школы и наших домов. Выяснилось, что после болезненного инцидента с Вадиком всех малолеток загнали на урок, а старших распустили по домам, потому что до этого предполагалось, что они должны были рассесться по автобусам и катить к памятнику Ленину на центральной площади – чтобы принять участие в

очередной воспитательно-патриотической тягомотине. Но потом что-то пошло не так, и поездка накрылась медным тазом. Поэтому Наде скучно, домой она не хочет, а желает, чтобы я её развлекал. У меня были кое-какие планы, да и не горел я желанием гулять по жаре после вчерашней шумной студенческой ночи, но сопротивляться сил тоже не было, и я, как последний конформист, поддался на её уговоры. Повёл ее в парк, где мы и раньше гуляли, потом глубже в лес. Помню, за нами увязалась беременная кошка – эти твари становятся жутко прилипчивыми, находясь в положении – так и льнут к первому встречному. Бедная Надя чуть не плакала, наглаживая уши трущегося о её ноги животного, и все умоляла меня забрать кису с собой. Еле оттащил её от кошки – та, когда мы дошли до густых прохладных зарослей, разочаровано мяукнула, и дальше с нами не пошла.

Я вёл Надю в тенистую гущу леса – там было чудное (для детей, конечно, какими, в сущности, мы тогда ещё являлись) местечко – какие-то старые толстые трубы, перекинутые через овраг, так что на них можно было забраться, и болтать ногами над десятиметровой пропастью. Я совсем забыл, что Надя боится высоты – после той давней травмы, – но она отважно вскарабкалась на трубу, не отставая на меня ни на шаг, а когда я расположился на нагретом солнцем металлическом боку, бесстрашно опустилась рядом, подсунув под себя юбку. Так мы и сидели, разговаривая. Сначала о всякой ерунде, но потом вдруг, продемонстрировав совершенно младенческую непосредственность, Надя огорошила меня вопросом:

– Слушай, а у тебя с твоей бурёнкой уже что-то было? – «буренкой» она называла девушку, с которой я в то время гулял, и не потому, что та была корпулентной или внешне напоминала корову, – а потому, что считала её тупой – и в глубине души я был с ней согласен.

– В смысле – «было»?

– Не строй из себя мальчика-зайчика. Сам знаешь – тычинки в пестики, всё такое. Так было или нет?

– Надька, ты дура что ли? Нельзя про такое спрашивать…

– Почему? Хочу и спрашиваю. Раз боишься отвечать, значит, и тут похвастаться нечем, а?

– Ну, было, – мрачно сказал я.

– Ну и дурак… – разочаровано протянула она. – Понравилось хоть?

– Мне да, а ей – не знаю, – честно признался я. – Ничего особенного, короче.

Про «ничего особенного» было, разумеется, бессовестное враньё, но что я буду – школьнице порнографические истории

рассказывать?

– И совсем даже неудивительно, – мстительно заявила она. – Мне бы с тобой тоже не понравилось!

– Фу, Надя!.. Не переживай, я на тебе жениться не собираюсь.

– Ой ли? А на своей дурынде собираешься, что ли?

– Сама ты дурында. А она нормальная, в отличие от тебя!

– Три раза ха-ха. Ты имей, кстати, в виду, что я от жалости к тебе подохну, если тебя угораздит выскочить замуж… то есть, тьфу, жениться на этой коровище. Вот не вру! Хотя тебе полезно было бы – помучайся полжизни с такой, глядишь, и хватило бы ума разобраться, кто тут нормальная, а кто нет.

– Да ты сумасшедшая!..

В общем, все шло как обычно – беседы наши проходили почти всегда в похожем ключе. Не проходило и двух дней, чтобы мы не перессорились и заново не помирились. В тот раз дело тоже шло к несомненной перебранке, но тут в наш разговор вмешался слепой случай в виде трёх великовозрастных балбесов, вышедших на край оврага из кустов. Они, не торопясь, подошли к краю трубы, на которой мы сидели, и стали недобро на нас пялиться. Мы замолчали. Отступать было некуда – на другом берегу оврага трубы уходили в отвесную земляную стену, не вскарабкаешься. Надо было брать инициативу в свои руки.

– Чего уставились? – сердито спросил я. Гопники, разобравшись, что в данной ситуации прелюдии ни к чему, сразу перешли к делу:

– Есть деньги?

– Есть.

Они, видимо, не ожидали, что переговоры завершатся так быстро:

– Ну иди сюда, показывай.

Я, вздохнув, поднялся, и, держа равновесие, потопал по требе к этим несчастным оболтусам. Надя тоже не захотела оставаться на месте: стащив туфли и ухватив меня за плечо, она шлёпала босыми ногами следом. Откровенно говоря, я не чувствовал себя в слишком хорошей форме для того, чтобы размахивать кулаками, но ещё меньше желания было разводить всю эту понятийную демагогию и пытаться решить все миром. Самой драки я не боялся совершенно – в конце концов, мое детство прошло в нормальном пролетарском районе, а не в институте благородных девиц; к тому же, в школьные годы я, в отличие от своих лоботрясов-одноклассников, не терял времени даром, а занимался физкультурой. Эти трое просто были не из местных, знакомых – в противном случае у них и мысли бы не возникло связываться со мной.

Хулиганы хмуро осмотрели меня, и – особенно неприятными, оценивающими взглядами – Надю, поплевали себе под ноги, и вдруг спросили:

– Тебя как звать?

– Максим.

– Ты это, Максим… Бабло сдавай по-быстрому, и пиздуй кабанчиком. А у нас тут одно дело будет. Понял?

Я посмотрел на Надю – она улыбалась самым глупейшим образом. Ну ладно…

Двоих я уложил без каких-либо проблем, разом – наиболее бесхитростными и грубыми приёмчиками из тех, которым меня учили. Один без звука грохнулся на землю, а второй, матерясь и хрустя ветками, скатился в овраг. Я уже надеялся, что на этом всё и закончится, но третий из этих поганцев, вместо того чтобы дать дёру, заехал мне в прямиком в глаз какой-то железякой, выхваченной из кармана. Так что теперь на землю пришлось грохнуться уже мне, попутно ослепнув на одну сторону. Перспективы происходящего становились довольно туманными, и в этот момент Надя подскочила к моему обидчику, и выверенным движением залепила ему ступней прямо в то самое место, которое не далее, чем сегодня, уже подвело неведомого мне Вадика. И с тем же эффектом. Скорой и кулька со льдом поблизости не оказалось, так что парень просто мирно улегся на траву, не в силах даже толком материться. Спасительница Надя, не теряя ни секунды, подбежала ко мне, быстро осмотрела окровавленное лицо, и, очевидно, придя к выводу, что ничего серьезного со мной не случилось, неожиданно сильными руками помогла мне подняться, – и погнала в лес, подальше от места битвы.

Не могу сказать, что понёс слишком уж серьезные потери – по крайней мере, до Надиного дома я смог дойти сам, зажимая рукавом куртки рассечённую бровь – лило из раны обильно, но неопасно. Надя настояла на том, чтобы я поднялся к ней. Полюбовавшись на себя в зеркало в ее прихожей, я пришел к выводу, что больше похож на серийного убийцу после бурной ночи, чем на нормального законопослушного человека. После умывания вид стал получше, но до идеала какого-нибудь Брэда Питта было все равно далеко: кровь продолжала предательски сочиться, сама собой размазываясь по физиономии.

– Да уж, ни струя себе фонтан, – присвистнула Надя, изучив обстановку. Она, казалось, ни капельки не нервничала. – Надо шить. В таком виде тебе домой соваться нельзя. Родители с ума сойдут, когда увидят такого красавца…

– Можно подумать, если зашьём, то они ничего не заметят, –

промычал я, пытаясь оглядеть себя сбоку и оценить тяжесть повреждений. – Да ты умеешь шить, что ли?

– Ничего, попрячешься от них пару-тройку дней – типа вечером в темноте пришёл, утром раньше всех ушёл. Тогда уже твоя башка будет не так страшно выглядеть, и всем будет наплевать. А врачей нам вызывать нельзя – ты чего, это ж уголовщина, потом по ментам замучаешься ходить. Вместе со мной… Так что потерпи, не помрёшь.

Она тут же притащила спирт и какие-то особые иголки (хорошо, когда в доме отец – врач), уложила меня на диван, присела на корточки, и стала обрабатывать операционное поле. Предложила мне принять и внутрь – “для анестезии”, от чего я не без тайной гордости отказался. Но ей всё было неудобно, она не никак могла подобраться рукой в нужное место, и тогда, чертыхнувшись, она устроилась рядом, а мою бедную голову положила себе на бедра. Вот так-то лучше, говорит. И ткнула иглой в бровь.

И вот именно в те минуты, лежа на тёплых Надиных коленях, жмурясь и морщась от неумелых уколов, я и понял с удивлением, что, оказывается, моя давняя дворовая приятельница вдруг стала для меня совсем другой – не гадким вчерашним утенком, а самой настоящей, и, наверное, самой близкой мне в этот миг девушкой. Помню, я подумал: каким же я был остолопом, не замечая это заманчивое чудо, обретавшееся рядом со мной все эти годы. С тех пор прошло много времени, но это чувство собственного идиотизма так и не покинуло меня: не могу объяснить почему, но ни в тот день, ни во все последующие, я ни разу не говорил Наде, что влюблён в нее, хотя множество раз, дурак и еще раз дурак, дружески рассказывал ей о своих симпатиях к другим. Это ли не идиотизм? Не знаю, являлись ли мои чувства секретом для неё самой – позже я изредка ловил на себе её заинтересованные, и иногда даже интригующие взгляды, но никогда в ответ не признавался в главном. А теперь у неё началась взрослая жизнь, мы видимся всё реже, и, боюсь, мы уверенным курсом движемся к тому, чтобы отдалиться друг от друга навсегда.

От этих мыслей мне стало совсем паршиво, но я вовремя вспомнил, что в текущей ситуации не стоит распускать нюни. Я потрогал рукой бровь – тот шрам, конечно, был на месте, он всегда со мной, и, ощутив под пальцами впадинки от стежков, оставленных Надей, я как будто прикоснулся к ней самой. В тот раз она спасла меня, а теперь настала моя очередь. Клянусь, если я найду её… то есть, когда я найду её, черт побери, то уже не стану мямлить. Пусть тогда сама решает, что со мной делать дальше. И всё, и хватит об этом.

Металлический голос, в котором с трудом угадывались женские интонации, объявил остановку “Ногинск”, и поезд начал неуверенное тряское торможение. Пора было двигаться к выходу.

* * *

Древний подмосковный автобус выгрузил меня на заснеженной остановке, приткнувшейся между стеной соснового леса и шоссе с редкими проносящимися машинами. Начинало темнеть, было холодно, под капюшон куртки, непривычно морозя стриженную голову, задувал ветер. Вместе со мной сошла только какая-то баба в хрестоматийном платке и шубе, будто сшитой из разнокалиберных меховых заплат, да ещё и с вёдрами в придачу. Не обращая на меня никакого внимания, она повернулась спиной и быстро исчезла в сумерках, вытянувшихся вдоль обочины. Автобус, дымя и дребезжа, укатил вдаль, и я остался совсем один. Обойдя покосившийся павильон, окруженный желтыми проталинами (по всей видимости, оставленными за долгую зиму нетерпеливыми пассажирами) я обнаружил утоптанную дорожку, уводящую вглубь серого обледенелого леса. Да что же я делаю, – подумал я, наверное, в сотый уже раз за этот день, и осторожно двинулся вдоль тропинки.

Через несколько сотен шагов лес поредел, и обнаружился ржавый решетчатый забор, протянувшийся направо и налево сколько хватало глаз. Дорога упёрлась в обмотанные колючей проволокой ворота с облупленными красными звездами. Они были заперты на навесной замок, да ещё и до половины занесены снегом, но было видно, что тем, кто здесь ходит, на это плевать – дорожка делала небольшой изгиб и ныряла в дыру в заборе. Вокруг стояла тишина и не было ни души – только где-то далеко за забором невнятно чернели низкие строения без единого огонька, и жизнь в них выдавала только струя печного дыма, поднимавшаяся над одной из крыш. Я вспомнил, что от ворот мне положено свернуть направо, куда действительно вели редкие протоптанные в снегу следы, и, ругаясь про себя и проваливаясь под наст, последовал за ними. Вскоре я обнаружил и сарай из посеревших досок, грубо перехваченных облезлыми полосами железа. Дверь была приоткрыта, но было уже почти темно, и я не мог разглядеть, что находится внутри. В очередной раз поколебавшись, я шагнул через порог, и в эту же секунду раздался оглушающий электрический звон, заставивший меня шарахнуться назад. Ударившись затылком о притолоку двери, я споткнулся о порог и вывалился наружу. Сначала я вообразил, что включилась сигнализация, но, оказывается, звенел я сам – а, точнее, резкий звук шел от того самого “телефона”, который я

подобрал в машине. Ткнув наудачу в кнопку, я заставил аппарат замолчать, и с некоторой опаской поднес его к уху.

Это был Игорь Иванович.

– Что, обосрался? – поинтересовался он своим искаженным голосом. – Ничего, тут у нас тоже кое-кто сейчас портки стирать будет. Не могли вызов на устройстве нормально настроить, дегенераты…

Я поднялся из сугроба, нервно отряхнулся, и покашлял в трубку, обозначив свое участие в беседе. Мой собеседник на том конце издал подобие страдальческого стона:

– Да не светись ты в чистом поле, голова садовая! Зайди в гараж, быстро… – я сообразил, и сделал шаг вперед. – Так, теперь зажги свет, справа от двери. Да выше, что ты там шаришь, как слепой!..

Зажглись лампы, и я смог оглядеться. Изнутри сарай выглядел солиднее, чем снаружи: стены ровные, закрыты панелями под дерево, на потолке – современные светильники, вдоль стен стоят аккуратные стеллажи с разнообразными инструментами. Почти всё свободное пространство занимал древний и изрядно помятый грузовик типа «шишига» с будкой-кунгом и черными ведомственными номерами на бампере. М-да, выдающаяся техника, покачал головой я.

– Теперь смотри, времени мало, объясняю быстро и по-военному. Потом еще мой сотрудник добавит. Первое. Твое задание ясное и понятное. Ты должен прибыть на точку, получить там груз, и доставить туда, где находится Соловьёва. После этого её отпустят, и ты сможешь ее забрать на все четыре стороны, или куда там тебе надо. Это в общих чертах. Теперь детали. Первая часть задания самая простая. Твой груз – это техническое изделие, габариты 400 на 200 на 120 миллиметров, вес – четыре тысячи шестьсот граммов. Оно находится на предприятии-изготовителе – опытном производстве Паровозоремонтного завода имени Красной звезды. Адрес: Костромская область, поселок городского типа Мантурово-Верхнее, промзона номер два. Тебе надо туда явиться и забрать изделие, полномочиями тебя обеспечим, вопросов не будет.

Теперь далее. Груз надо доставить в то место, где будет Соловьёва, и там произвести замену блока эр-один… Да блядь, что вы тут мне опять понаписали?!. Я вам кандидат технических наук, что ли?!. Ладно, хер с ним, это всё потом. Ближе к делу получишь инструктаж. Главное, туда добраться. Нюанс в том, что это место все время перемещается. Поэтому тебе надо будет следовать за ним по нашим указаниям. Понял?

– Не понял. Как это – место перемещается?

– Да потому что это не место, а они все вместе с Соловьёвой перемещаются! У них транспортное средство, неужели не ясно?

– Не совсем. Ладно, давайте дальше…

– Правильно, по ходу разберешься. Ты же умный, да? Значит, забираешь изделие и двигаешь в точку встречи. Вот, например… что тут у нас… значит, группировка «Рогачёво» сообщает, что сейчас они движутся по ориентирам Вычегда-Печора, это у нас, стало быть, где-то в Коми. Ну и ты за ними, а мы тебя будем вести потихоньку. Специальными средствами обеспечим, об этом позже…

Второе. Задание, если ты ещё не понял, связано с государственными оборонными задачами Российской Федерации. Его любой хрен с горы выполнять не может. Поэтому тебе специальным приказом присвоено внеочередное звание подполковника Федеральной службы безопасности, и этим же приказом ты переведен в моё особое личное подчинение. Ты же у нас присягу принимал уже, так? Ну, значит, обойдемся без торжественной части. Можешь просто сказать: “Служу Отечеству”. Не хочешь? Ну хрен с тобой. Ты только сильно не гордись, высокое офицерское звание тебе будет нужно не для того, чтобы в спецприемнике ЛГБТ-активисток мацать, а для того, чтобы у тех людей, с которыми тебе придётся встречаться, не было лишних вопросов. Так что посмотри-ка налево, на ближнем стеллаже… да, тут. В этой папке твой приказ, спецудостоверение, и доверенность на получение груза. И документы на имя Максима Анатольевича Борщёва – это твой полный тезка, реальный офицер, кстати. Он во все базы внесён по высшему допуску, но в жизни его никто не видел никогда, потому что он всё время сидит в бункере.

– В каком бункере?

– Как в каком, самом главном. Да хуй с ним, с Борщёвым, главное, что никто не знает, как он выглядит, а зато тебе по документам любая шавка будет жопу лизать, ясна идея? Да, не забудь в приказе расписаться. И в расписке о неразглашении тоже! Дело-делом, а бумага в порядке должна быть. Понял?

– Я не понял, как я доберусь до этой Костромы.

– Не до Костромы, а до Мантурово! Наземным транспортом. Вот на этом самом драндулете, не видишь, что ли? Да ты не ссы, машина огонь, хе-хе! Щас тебе мои техники все обрисуют. И ради бога, Максим, не тормози больше. Завтра утром чтоб как штык был на проходной завода. Шестьсот километров, ерунда, дальше придется быстрее бегать. Да! Забыл самое главное. На заводе тебе нужен зам по снабжению, эээ… младший лейтенант Слизень. Он всё выдаст. Ну всё, пока.

Но это был ещё не конец разговора. В трубке пискнуло, и уже

другой, но тоже знакомый голос заговорил:

– Здравия желаю, товарищ подполковник, говорит майор Пушков. Я должен довести вам инструктаж по применению спецсредств. Попрошу вас слушать меня внимательно и выполнять все мои указания… эээ, если вас это не затруднит. Как слышите меня?

– Нормально.

– Хорошо, тогда подойдите к водительской двери кабины транспортного средства… Вот так. Это – транспортер личного состава специального назначения ГАЗ-67-СУ. Оборудован бронекорпусом с бронестеклами, универсальной ходовой частью повышенной проходимости с пневмоподвеской (я с сомнением покосился на колеса “шишиги” – действительно, необычно широкие, как у гоночной машины, только по-тракторному рифленые), форсированным многотопливным двигателем, и комплексом обеспечения повышенной живучести – это всякие там системы подкачки шин, активной защиты от кумулятивных боеприпасов, постановки завесы, ну и так далее, – похоже, Пушкову надоело зачитывать инструкцию, и он перешел на обычный русский язык.

– Двигатель три и восемь литра, шестьсот пятьдесят лошадиных сил. Максимальная скорость по шоссе, если покрытие хорошее, ограничена только вашими нервами, а по пересеченной местности – до восьмидесяти. Бак на пятьсот литров, этого хватит примерно на тысячу километров, а лить туда можете всё, что найдете по дороге. Машина состоит из… ну, моторно-трансмиссионное вы не трогайте, оно опломбировано, а вот отделение механика-водителя давайте посмотрим. Прошу внутрь.

Я с трудом распахнул тяжеленную дверь, и по ступенькам забрался на сиденье, оказавшееся неожиданно удобным. Вообще, внутри всё оказалось вполне пристойно, как в иномарке средней руки, а посреди передней панели наличествовал даже экран – выпуклый, как кинескоп советского телевизора, и обрамленный россыпями кнопок. Интересно.

– Ключ зажигания в замке. Он биометрический, то есть настроен на вас. Соответственно, завести машину и даже попасть внутрь никто посторонний не сможет. Управление как на обычной машине, коробка – автомат с электромеханической трансмиссией, понижайки нет, потому что привод непосредственно от тяговых электромоторов на каждое колесо. Так что берет нормально с самого низа. Вот здесь, посередине, большой тумблер – видите? Положение вверх – внедорожный режим, все системы стабилизации отключаются, подвеска поднимается, давление в шинах падает. Положение вниз –

шоссейный режим, ну это понятно. Свет, стеклоочистители и прочее – как на любом другом автомобиле. Пока нет неясностей, товарищ подполковник? Тогда сюда мы ещё вернемся, а сейчас повернитесь к задней части машины. Если вам неудобно держать устройство связи в руке, то можете взять шлёмофон, он автоматически подключится… Вот он, на соседнем сиденье.

Я натянул на голову обычную гарнитуру, которую он назвал “шлёмофоном” (так и сказал), и, действительно, почувствовал себя удобнее. Без обеих рук тут было не развернуться. Протиснувшись в узкий проход между сидений, я отодвинул плотную шторку и оказался в заднем отсеке.

– Тут у нас десантное отделение. Оборудовано спальным местом (я присел на короткий, но удобного вида лежак), и рабочим местом (железный стол напротив лежанки). В углу – фильтровентиляционная установка, запас пресной воды и НЗ, а также снаряжение – потом посмотрите. Сбоку – отсек санузла и душ. При необходимости автономный режим сохраняется до трех суток, в том числе – в условиях радиационного или химического загрязнения внешней среды. Впрочем, надеюсь, до этого не дойдет. Теперь, товарищ подполковник, попрошу вас вернуться на место механика-водителя. Слева, в вещевом ящике, футляр…

Я откинул крышку бардачка и вынул тяжелую металлическую коробку. Внутри, на обитой тканью подложке, матово поблескивал пистолет необычного вида – короткий, но с непропорционально длинной рукоятью и выпирающим горбом под стволом. Гарнитура продолжала вещать:

– Это самозарядный пистолет Сердюкова модернизированный. Возьмите, только осторожно, и ни на что не нажимайте. Магазин увеличенной емкости на 24 патрона. Вместо пороха используется особый заряд, поэтому прицельная дальность стрельбы увеличена до семидесяти метров. Патроны тупоконечные, поэтому останавливающее действие выстрела примерно такое же, как у обычного ПМ, только стреляет очередями. Далее, сбоку рукоятка предохранителя, видите? Вверх – остановка затвора, среднее положение – режим автоматической стрельбы, а нижнее – это выстрел гранатометным боеприпасом, который располагается вот в этой подствольной обойме. Всего там три ракеты с осколочно-термобарической боевой частью. Соответственно, соблюдайте технику безопасности. В закрытых помещениях не применять, минимальная дистанция стрельбы – не менее двадцати метров из укрытия. Носимый боезапас – ещё девять ракет и девяносто шесть патронов, вот, видите обоймы? И кобура рядом – наденьте и постарайтесь держать оружие при себе постоянно. По данному разделу вопросы есть?

Я только удивленно покачал головой, но майор понял.

– Тогда самое важное. Вот этот экран в центре, и кнопочные выключатели вокруг – это система навигации и боевого управления. В настоящий момент большая часть функций заблокирована. Это сделано для того, чтобы система не обменивалась сигналами со спутниками и стационарными устройствами связи. По ним вас может обнаружить вероятный противник, а это нежелательно. Поэтому система навигации работает в ограниченном режиме. На экране вы будете видеть ваше текущее положение на карте, а также азимут и расстояние до объекта, который сопровождаете. Координаты слежения мы сможем передавать вам раз в сутки, чаще не выйдет. Тип связи, который мы используем для передачи данных, трудно запеленговать, но всё же он позволяет вычислить местонахождение обоих абонентов с точностью до нескольких километров. На том же принципе, кстати, работает и ваше устройство связи, по которому мы общаемся. Пока мы находимся в Подмосковье, где много источников радиосигнала, это не страшно, но, когда вы окажетесь вдали от крупных городов, периодичность сеансов связи придется сократить. Так что координаты, которые мы будем вам посылать, будут меняться скачкообразно, раз в день. Будьте готовы к тому, что объект может внезапно оказаться ближе или дальше, чем вы рассчитывали.

Напоследок – инструкция по сопровождению объекта. По нашим предположениям, он будет перемещаться прямолинейно и быстро – намного быстрее, чем любое наземное транспортное средство, вроде вашего. Но в то же время, объект обязательно будет делать длительные остановки, которые дадут вам возможность его догнать. Это при том, что большая часть пути будет проходить вдали от дорог общего пользования, так что скорость вашего движения будет ограничена. Генеральное направление движения объекта – на северо-восток до шестьдесят пятой – шестьдесят восьмой параллели, далее строго на восток. Это, повторю, предположения разведки, данные будут уточняться…

Я, наконец, не выдержал:

– Но ведь шестьдесят восьмая параллель – это за полярным кругом? Кому взбрело в голову тащить какую-то девушку на Крайний Север? Кто эти злоумышленники – Чилингаров с Конюховым, что ли?

– Не могу знать, – сухо ответил Пушков, – все вопросы прошу адресовать вашему руководству.

– Каком руководству?

– Вашему командиру, вы же офицер… Я могу продолжать инструктаж?

– Продолжайте…

– Спасибо. Собственно, мы уже почти закончили. Осталось рассказать про ваше средство связи.

Я снова достал коробочку-телефон.

– Как вы видите, здесь только одна кнопка, и сверху – переверните – верньер регулировки громкости вызова. Кстати, выверните его потише, пожалуйста… Кнопка – это вызов командования. Пользоваться ей устав внутренней службы разрешает только в экстренных случаях, которые угрожают выполнению задания. Как поняли?

Я снова кивнул.

– Если непосредственный командир недоступен, а обстановка позволяет, то ответит оператор – то есть я, или дежурный офицер смены. Я сказал про обстановку – она не должна быть демаскирующей, то есть вы должны находиться рядом с другими источниками радиосигналов. Например, в крупном городе, или, в вашем случае, на береговой линии (а там-то какие сигналы? – подумал я, но промолчал). Во всех остальных случаях вызовы инициируются централизованно, то есть нами, а не вами. Прошу вас обратить на это особое внимание.

– Понял я, понял.

– Теперь заводите двигатель и двигайтесь через лес по направлению к трассе А-107, по которой вы сюда приехали. Навигатор подскажет. Двери гаража открыты, но, насколько мне видно, занесены снегом снаружи – просто подтолкните их бампером, они откроются. Товарищ подполковник, меня тут ещё просят передать, что в машину положили сумку с вашей формой. Говорят, не забудьте переодеться перед встречей… И ещё просьбочка от меня уже будет. Там, вместе с вашими приказами, есть лист проведения инструктажа и требование-накладная на выдачу технических средств – вот этой вот машины и прочего. Заполните, пожалуйста, хорошо? А то когда вы ещё в нашу бухгалтерию попадете, правда?..

Хорошо, что он напомнил про эти бумажки. Да уж, канцелярии развели порядком. В стопке были: приказ безымянного и.о. верховного главнокомандующего о присвоении мне звания, даже не подписанный, а проштампованный совершенно неразборчивым факсимиле (исполняющий обязанности верховного главнокомандующего? Как это?), бордовая книжечка удостоверения с двуглавым орлом (заглянув внутрь, я обнаружил в ней свою фотографию в парадной подполковничьей форме с погонами и аксельбантами, и даже

неидентифицируемыми значками на груди. Никаких признаков подделки на изображении я обнаружить не сумел). Также обнаружились: подписка о неразглашении информации, составляющей государственную тайну (три страницы мелким текстом с примечаниями, проглядев которые, я уяснил, что вплоть до особого распоряжения мне вообще запрещается о чём-либо говорить, и вообще вступать в любые сношения с нормальным миром. Интересно, а как я должен буду объясняться на этом паровозном заводе, жестами, что ли?), доверенность на получение “опытного образца изделия шифр Прибой-бис”, лист проведенного инструктажа и накладная на машину и другое имущество, вверяемое мне для выполнения задания (там было штук двадцать строчек, но мне уже стало лень читать, и я подмахнул всё не глядя).

Кажется, оставаться здесь дальше не имело смысла. Как бы ни был непонятен предстоящий путь, сворачивать с него, очевидно, было глупо – ведь он должен был привести меня к Наде. Пора было двигаться вперед.

Я раскачал изнутри ворота, которые действительно застряли в наметенном снегу, сел в вездеход, завёл двигатель и, двигаясь неуверенными поначалу рывками, уперся мордой машины в створки. Они натужно поддались, я почти выкатился наружу, и в этом момент по моим ушам ударил тяжелый до звона грохот, а машина, как дурная, совершила невероятный скачок вперед, в кусты, где и замерла как вкопанная, запутавшись в ветвях. Если бы я забыл пристегнуться, то тут бы все и закончилось, а так я благополучно избежал встречи собственного носа с рулем. Заснеженный лес озарился красным маревом, а в заднем зеркале я с замирающим сердцем увидел неторопливо поднимающийся к небу фонтан из комьев грязи вперемешку с кирпичами и гнилыми досками. Это был взрыв, и этим взрывом только что явно и несомненно хотели убить меня. Больше некого. Я резко нажал на газ, машина взревела, и, разбрасывая колесами сугробы, боком вломилась в окружающий ельник. Скорость постепенно нарастала, автомобиль, продирающийся в сторону шоссе, кидало из стороны в сторону, но он двигался всё увереннее, и вот уже за деревьями замелькали огоньки машин на шоссе. И тут в лучах фар, усиливаемых отблесками пожара, я увидел мешковатую фигуру в бабьем платке и заплатанной шубе, ловкими скачками удирающую между стволов в сторону от дороги. Это же она, эта сволочь, взорвала меня, – осознал я, – подложила что-то под ворота гаража и теперь пытается убежать, надо догнать… Но тут уже далеко позади, за забором, взревели сирены, преследуемая фигура отпрыгнула далеко вбок и пропала в мечущихся тенях

деревьев, а машина вылетела на трассу, опасно крутанула задом и понеслась направо – туда, куда мне и было надо. Мотор ревел как бешенный, а скорость нарастала еле-еле, и тогда я вспомнил про переключатель, скинул его вниз, и снова едва удержался в кресле – с таким бешенным неистовством мой экипаж рванул вперед. Меня носило из стороны в сторону по полосам, встречные машины испуганно разлетались по обочинам, и не знаю уж, сколько ещё я проехал бы до неизбежного столкновения, если не взял себя в руки, и не сбросил газ. Уже в который раз за этот безумный день мне стало страшно – и не только за себя. Если они (да кто эти они?) готовы были просто так убить меня, еще ничем не успевшего навредить им, то что же они сделали с моей беззащитной Надей?..

16 марта

Дневник,

мне не разрешили пользоваться Интернетом, поэтому дальше буду всё записывать в эту тетрадку, которую нашла в тумбочке рядом с кроватью. Когда-нибудь потом, когда меня вернут домой, объединю эти записи. Писать от руки непривычно и долго, пальцы сразу начинают болеть, но, с другой стороны, так даже интереснее. Времени у меня навалом. Можно выводить красивым почерком буквы и представлять, что ты настоящая принцесса в темнице у дракона, которой от горя ничего не остается, кроме как изливать душу своему единственному бумажному собеседнику. Ну вот, я опять развоображалась (тут хочется поставить смайлик, но я не знаю, насколько это уместно при письме на бумаге, так что воздержусь). Какая темница, какой дракон – да тут лучшее место на свете! Нигде больше и никогда в своей жизни я не видела такой красоты и уюта, как здесь. Но я опять забегаю вперед, а ведь решила всё писать постепенно.

Как ты помнишь, Дневник, после Нашей Встречи в Кремле (так и напишу с заглавных букв, потому что, согласись, это было по-настоящему важное событие), у меня выдалась бессонная ночь. Так что проснулась я уже за полдень, и ужасно испугалась, что не успела сдать номер и выехать до двенадцати. Расстроилась, конечно, что придется платить за лишний день. Не успела я умыться и одеться, как раздался стук в дверь. Я подумала, что это пришла горничная выгонять меня, но открыв, увидела молодого симпатичного парня спортивного вида, в сером костюме и с огромным букетом роз в руках. Сначала я решила, что ошиблись номером, и даже успела об этом пожалеть, но потом признала в неожиданном госте вчерашнего весельчака, который развлекал нас у подъезда Боровицкой башни, чтобы мы не мерзли. Он зачем-то протянул мне удостоверение с красной обложкой с гербом, вслед за ним – цветы, улыбнулся и поздоровался:

“Доброе утро, Надежда Сергеевна. С праздником вас! Хорошо отдохнули? Меня зовут Саша, я сотрудник Администрации Президента”.

“Спасибо… То есть здравствуйте, тогда и вы называйте меня просто Надей” – ответила я, а сама подумала: как он узнал, что я только что проснулась? У нормальных-то людей уже давно день, а не утро.

“Нет-нет, нам не положено, – мне показалось, я его смутила. – Так что давайте я останусь Сашей, а вы всё-таки Надеждой Сергеевной, хорошо? Вы не возражаете, если я войду?”

“Да-да, конечно, – спохватилась я. – Только у меня тут беспорядок…”

Надо отдать Саше должное – он не стал разглядывать мою одежду, которую я вчера от усталости просто разбросала по стульям (слава Богу, хоть белья нигде на виду не валялось), а скромно сел на краешек кресла и снова улыбнулся мне.

“Меня, собственно, попросили проводить вас в нашу загородную резиденцию. Если вы не против… И вообще быть полностью в вашем распоряжении. Может быть, вы собирались сделать покупки в Москве, или навестить друзей? Это можно организовать, у меня машина с сопровождением, без пробок быстро управимся…”

“Подождите, подождите!.. – испугалась я. – Это что же, прямо сейчас ехать? Я не думала, что всё это всерьез и вообще так сразу. Мне собраться надо, из гостиницы выехать, позвонить, наконец, родителям, что я задержусь… Или мы вернёмся до вечера? Тогда ладно, потом соберусь…”

“А-а-а, я понял, вам не успели толком рассказать, что к чему. Ну тогда я сейчас всё-всё вам объясню и покажу. Вы не переживайте, пожалуйста, вернёмся, когда захотите. Только я не думаю, что вы быстро соберётесь обратно. Я готов с вами поспорить на что хотите, что резиденция Президента – это лучшее место на свете. Правда-правда, скоро сами увидите. Вы же гостья Владимира Владимировича, вас там ждут, готовятся, всё по лучшему разряду… Может быть вы думаете, что я не тот, за кого себя выдаю?”

На последнем вопросе он покраснел и насупился. Я замотала головой (стыдно-то как, может, я обидела его, а этот Саша такой милый), но он ещё раз чуть ли ни силком всучил мне свою красную книжечку, заставил посмотреть все печати, и только после этого успокоился и снова повеселел.

“Вы не беспокойтесь, пожалуйста, Надежда Сергеевна, все ваши вещи соберут и перевезут, за номер заплатят, в общем, вы можете ни о чём не думать. Поедемте прямо сейчас, а? Нас ждут уже”.

Но я всё-таки упёрлась и заставила его подождать, пока скидывала в рюкзак свои тряпки и мелочи, а потом ещё заперлась в туалете чуть ли не на полчаса, чтобы переодеться в приличное и накраситься. Так-то я обычно без этого обхожусь, но не могла же я ехать к ТАКИМ людям заспанной замарашкой! Так что пришлось Саше подождать. Зато, когда я вышла и объявила, что готова, он осмотрел меня с искренним одобрением, а потом вдруг опять смутился:

“Ой, виноват, не сообразил сразу. Вы же, наверное, кушать

хотите? Не успели ещё позавтракать? Ничего, у нас в машине бутерброды будут и чай, а приедем как раз к обеду, там уже по-человечески накормят…"

"Да пойдемте же, Саша, не надо так убиваться. Я, когда в походе, могу не есть по два дня, а завтракаю вообще редко, так что я привычная".

"Да мы тоже, бывало, в полевых выходах по нескольку дней без довольствия, так что я вам верю. Но, поскольку я теперь несу за вас ответственность, то категорически настаиваю на том, что питаться всё-таки лучше регулярно…"

Беседуя таким манером, мы спустились в холл гостиницы, где совершенно неожиданно охранник, дремавший в кресле, подскочил, чтобы открыть нам тяжелую дверь. "До свидания, – говорит, – приезжайте к нам еще". И девушки за стойкой тоже дружно встали и помахали нам руками. Я подумала, что всё это лишнее и вообще непривычно, но ладно уж, всё равно приятно. На улице нас ждала огромная длинная машина (я в них не очень разбираюсь, но явно что-то не наше и вообще роскошное), а перед ней, как вчера – полицейский автомобиль с мигалками. Да ещё сзади черный джип, тоже с синим фонариком. Ах, нет, джипа было два – я заметила, что сразу за нами из гостиницы быстро вышли несколько людей, и часть из них тут же расселась по этим двум машинам, а другие встали рядом с нами и стали ждать, пока Саша откроет мне дверцу и пустит в салон. Вот это да!

Внутри меня ждало здоровенное мягкое кресло, обитое теплой пушистой тканью. Оно оказалось настолько уютным, что я, смущённо взглянув на Сашу, не удержалась, сбросила сапожки и залезла на сиденье с ногами. Саша, втиснувшийся вслед за мной, уселся в такое же, только кожаное кресло напротив и одобрительно кивнул мне.

"Чувствуйте себя как дома, Надежда Сергеевна, располагайтесь. Сейчас я вас всё-таки угощу чем-нибудь… Ехать-то нам недалеко, но меня не простят, если я вас оставлю голодной!"

С этими словами он принялся нажимать на кнопки, спрятанные между светлыми панелями салона, и тут же откуда-то передо мной возник столик, а широкий подлокотник кресла мелодично звякнул открывающейся крышкой. Внутри, подсвеченные нежным золотистым светом, оказались два фарфоровых блюда: одно было сервировано маленькими бутербродами, больше похожими на крошечные торты – такие они были сложные, а на втором были красиво выложены персики, виноград и еще что-то совсем экзотическое, я такого никогда не видела. Между блюд красовался кувшин с каким-то морсом и два высоких бокала.

“Вы пока кушайте, а я…” – начал Саша, но я прервала его: “Вы тоже угощайтесь!” – “Спасибо, я-то как раз не откажусь”, – он дождался, пока я первая отщипну виноградину, и разом проглотил разом два бутерброда. “Так вот, пока у нас есть несколько минут, я хотел бы ознакомить вас с некоторой информацией особой важности. Вы не против? Только мне придется на некоторое время перейти на официальный язык, не пугайтесь”.

Я промычала с набитым ртом – дескать, хорошо-хорошо, конечно. Я только сейчас заметила, что мы уже едем – в затемненном окошке со страшной скоростью проносились дома и улицы, но казалась, что машина застыла на месте – не было ни шума, ни малейшей тряски. Саша сказал:

“Надежда Сергеевна, как вам уже говорили, вас пригласили к нам не только, так сказать, на экскурсию, но и для того, чтобы вы могли принять участие в общей работе. Поэтому я должен поставить вас в известность, что среди тех вещей, которые вы увидите и узнаете в ближайшие дни и даже часы, могут оказаться сведения, составляющие высшую государственную тайну Российской Федерации. Поэтому… – он залез рукой под пиджак и, снова покраснев, вытащил оттуда листок бумаги, – я попрошу вас первым делом подписать документик о неразглашении… Никто, конечно, ни капли не сомневается в вашей ответственности, но вы уж извините, таков порядок”.

Я посмотрела на протянутую им страницу – это был такой же, как и вчера, гербовый бланк, в который было вписано от руки мое имя, а остальное было отпечатано… нет, не на принтере даже, а на старой литерной машинке, что ли? Я видела такую у папы. Там было так: обязуюсь не разглашать сведения, доведённые мне по допуску А плюс плюс. И всё, а какие сведения, не указано. Все подписала, конечно – тайна есть тайна. Саша забрал листок, не нашел, куда его спрятать, и убрал обратно за пазуху. Я хихикнула, но тут же спохватилась и снова приняла самый серьезный вид.

“Спасибо. Теперь позвольте вам вручить именное средство связи” – Саша полез в другой карман, вынул изящный телефон и протянул мне. Я присмотрелась и увидела, что это был не совсем телефон – у него не было никакого экрана. Вместо него была серебристая панель, украшенная красивыми муаровыми узорами, а посреди нее – единственная кнопка. Сзади на «телефоне» было выгравировано каллиграфическим шрифтом «Надежда 009». Ух ты, стильная штука!

“Какой тяжелый”, – удивленно охнула я.

“Ну что вы, Надежда Сергеевна. На подводных лодках такая аппаратура может занимать целый отсек. А это гражданский вариант, упрощённый, поэтому такой маленький. Это так

называемое устройство дальней связи, обеспечивает передачу информации на любых расстояниях и в любых экранированных помещениях – будь вы под землей, под водой, или просто в защищенном бункере" – тут он отвлёкся, и начал пространно рассказывать про какие-то дециклометровые диапазоны, скорость передачи данных, амплитудное моделирование и ещё что-то, что я пропустила мимо ушей. Я, к счастью, прирождённый гуманитарий, и ничего не понимаю в физике – в школе сдала на пять, только выучив наизусть учебник, который на следующий день полностью испарился из моей головы. Я сейчас могу вспомнить только, что вообще-то сама по себе эта штука не может ни с чем связываться, потому что для этого нужны какие-то невообразимо огромные антенны, которые невозможно впихнуть в такую маленькую коробочку. Но зато она дотягивается до ближайшей такой здоровой антенны, которые предусмотрительно закопаны по всей стране. Надо же, что люди придумают!

Саша заметил, что я потеряла нить, и виновато произнес:

"Простите, увлёкся. Я вообще-то связист по первой специальности, мне всё это близко… Но важно вот что. Видите кнопку? В любой ситуации, в любых обстоятельствах, где бы вы не находились – я имею в виду, на территории нашей страны, нажав её, вы сразу попадаете к Самому. Он приказал так настроить. Ну, или если Владимир Владимирович совсем занят – выступает, например, и не может ответить, то вызов принимает референт, то есть Антон Эдуардович. А вот смотрите, это прилагается к устройству. Наденьте, пожалуйста».

Он снова залез в карман, достал бархатный футляр и улыбаясь, откинул крышечку. Внутри было кольцо из светлого металла – белого золота, наверное, украшенное небольшим, изысканно бледным голубоватым сапфиром. Ничего себе! Я надела колечко (подошло на левый безымянный палец, как влитое) и залюбовалась – как раз в тон моим глазам, а металл хорошо сочетается со светлой кожей. "Что это за сплав такой?" – спросила я.

"Оружейный палладий. Это, собственно, не украшение… Точнее, не только украшение. Это внешний датчик устройства связи. Если кольцо окажется на расстоянии более двух метров от основного модуля, то мы поймём, что что-то случилось, и сразу же увидим, где вы находитесь. И придём на помощь. Так что держите телефон при себе постоянно, и далеко его не убирайте, а то поднимите тревогу у нас", – пояснил он с улыбкой.

"Спасибо, – поблагодарила я за подарок. – Ой, а как с него домой позвонить? Я же забыла родителей предупредить, и ещё мне в университет надо сообщить, что я пропущу занятия…"

“Вы не сердитесь на нас, но мы уже всё сообщили – и родителям, и в университет, так что не переживайте, прошу вас. А позвонить с этого конкретного устройства больше никуда нельзя, только одному абоненту, как я сказал. Но мы скоро приедем, и я вам покажу, к кому вы сможете обратиться, если вам потребуется позвонить, или, скажем, посмотреть электронную почту. Мы все по долгу службы обычными сотовыми телефонами не пользуемся – вопрос безопасности. Так что я попрошу и вас сдать ваш старый телефон в камеру хранения. Можете оставить прямо в машине, не волнуйтесь, не потеряется. За этим проследят”.

“Да? – протянула я с сомнением. – Но вы точно с родителями говорили, они же с ума сойдут, если я пропаду?”

“Я даю вам слово офицера, что ваши матушка и папа полностью в курсе вашего положения, знают, где вы находитесь, и не ждут вас в ближайшее время. Да что я говорю – вы же сами сможете с ними связаться, как только мы прибудем на место, я же обещал. Вот, кстати, здесь нам надо будет сделать пересадку”.

Я огляделась и поняла, что наш экипаж уже не движется, а стоит на одной из старых московских улочек, среди голых кустов и прогуливающихся по тротуарам старушек с детьми. В этот момент, мягко качнувшись, лимузин скользнул через ворота во двор, улица осталась позади, и мы остановились окончательно. “Приехали, Надежда Сергеевна” – пригласил меня Саша, распахнув дверь.

Я торопливо натянула обувь и вышла наружу. Мы находились в маленьком, ни примечательном, дворике – таких полно и в моем городе, здесь даже были детские качели и засыпанная снегом песочница, приютившаяся у стены. На песочнице сидела и сонно смотрела на нас лохматая рыжая дворняга. Закрывшиеся за нами ворота ни за что бы не привлекли мое внимание (во время своих коротких прогулок в последние два дня я много раз видела такие же, закрывающие подворотни между жилыми домами), если бы не красные жестяные звёзды, украшавшие створки посередине. Саша кивнул на жёлтый двухэтажный дом с замазанными мелом окнами, около которого мы остановились:

“А вот и вход в наше подземное царство. Добро пожаловать!”

Мы прошли несколько метров, отделявших машину от железной двери в здание (мой проводник снова по-джентельменски предусмотрительно потянул за ручку), и оказались в небольшой прихожей. Там стоял стол с телефоном, а рядом с ним, вытянувшись, отдавал нам честь солдат в зелёной форме и фуражке. “Здравия желаю…” – небрежно поприветствовал его Саша, а затем повел меня за собой вглубь коридора, который,

завернув за угол, упёрся в решётчатую дверь лифта. Выглядели все эти казематы, честно говоря, холодно и неуютно – особенно по сравнению с недавней роскошью нашего средства передвижения. Пропустив меня в лифт, Саша весело сказал: "Не обращайте внимания на скудный интерьер, Надежда Сергеевна. Руководство предпочитает классический стиль, так что здесь всё специально оставлено так, как было задумано строителями еще восемьдесят лет назад. Хотя всю отделку, конечно, поменяли на итальянскую, у нас тут правительственное учреждение всё-таки, а не полустанок под Тамбовом. До сих пор с подрядчиком за переработку судимся…". Я снова хихикнула.

В лифте было всего три кнопки. На верхней было написано: «Почтамт», на средней «4. Загорск – Алачково», на нижней – «2. Электросталь – Усово». Тщательно защелкнув все запоры на двери, Саша нажал на нижнюю кнопку. Кабина, вздрагивая, неторопливо двинулась вниз. "Да, Надежда Сергеевна, – заметил Саша, – я, конечно, тоже люблю винтаж, но если честно, то этому лифту уже давно пора на свалку истории". Мне было не по себе, несмотря на его шутки.

"Скажите, а что это был за дворик, в который мы заехали? Там на самом деле играют дети?"

"Нет, что вы, это для виду. Если хотите знать, это вообще не двор и не дом, а маска-сооружение противоатомной защиты. Сплошной куб из железобетона, там даже никаких комнат нет, только вот этот короткий коридорчик, по которому мы прошли, и каптёрка охраны. Таких домиков по всей Москве десятка три-четыре наберется, я и то не про все знаю. А снаружи ни за что не скажешь, что они какие-то особенные, да?"

Тут кабина остановилась (меня здорово тряхнуло и, чтобы не упасть, я даже схватилась за Сашин рукав), и мы вышли в очередной коридор самого обычного вида – как в какой-нибудь организации или общежитии: на полу потёртый линолеум, стены окрашены охряной краской, а сверху, между сплошных труб и проводов, жужжат люминесцентные лампы. В коридоре было множество деревянных дверей без табличек, но все закрытые, а сам проход через каждые несколько метров делал резкие изгибы. С некоторых пор я побаиваюсь закрытых пространств, а здесь, вдобавок, было как-то особенно жутко: откуда-то из-за стен раздавался низкий тревожный гул, а ещё доносилось эхом звонкое щелканье капель воды. Наверное, у меня был совсем испуганный вид, потому что Саша сочувственно пробормотал: "И не говорите, сюда ремонт ещё не добрался, безобразие. Но тут нам надо пройти совсем чуть-чуть, а потом, уверяю вас, архитектура будет совсем другая. Не бойтесь, я вас тут одну не оставлю и в обиду не дам!"

Наконец, ужасный коридор закончился, и мы очутились вроде бы на станции метро – но как же она была непохожа на те подземные дворцы, что я видела раньше! Во-первых, она была не прямая, а изогнутая, и узкая, не шире пары метров, платформа плавно терялась за изгибом тоннеля. Во-вторых, не было никаких украшений, люстр и мрамора – все те же окрашенные грязно-желтой краской стены – лишь сбоку от нас располагался декоративный стенд из фанеры. Там висели серп, молот и красный флаг со звездой, да ещё какие-то плакаты с фигурами в военной форме и, почему-то, огнетушитель (это я уже увидела позже, когда мы сели в поезд). Сама платформа была уложена бурым кафелем, сколотым в некоторых местах – как, пардон, в туалете моей бывшей школы. Ну и затем, сам тоннель показался мне уже и теснее обычного метрополитеновского – возможно, из-за того, что весь он до потолка был занят поездом, состоявшим всего из двух вагонов. На первом, обычного синего цвета, не было вообще никаких окон, кроме стёкол в кабине машиниста, а на борту написано непонятное "ЛМ" и какие-то цифры, – этот вагон заметно шумел и периодически издавал неприятный высокий писк. Зато второй был длинным, серебристым, почти фантастического вида, с гербовыми шторками на окнах (это в метро-то – шторки!), и приветливо распахнутой дверью, за которой виднелась красная ковровая дорожка. У двери вагона стоял настоящий усатый проводник в фуражке и кителе и важно смотрел на нас, приговаривая:

"Добро пожаловать, гости дорогие, прошу подниматься на борт, отправление через две минуты… У меня уже и самовар закипел, буду вас угощать, чем Господь послал. Время в пути – тридцать минут, домчим с ветерком, как у Боженьки на крылышках" (он так и сказал, вот не вру!)

"Здравия желаю, Федор Михайлович, здоровы вы балагурить, – усмехнулся Саша. – Лучше познакомьтесь с нашей новой сотрудницей, Надеждой Сергеевной".

Проводник ласково мне кивнул: "Вас не беспокоить, в номере будете? Или в салон всё подавать?" Саша почему-то покраснел от этих слов и замахал рукой: "Тьфу на вас, Федор Михайлович, как вы только подумать могли! В салон, непременно в салон! Надежда Сергеевна здесь по приглашению Владимира Владимировича". Проводник сокрушенно поднял брови: "Вы, товарищ майор, не знаю уж что решили, а я только подумал, что товарищ Надежда Сергеевна наша, может быть, устала с дороги, отдохнуть хочет. Ну, в салон, так в салон, там веселее, да и путь недальний".

Саша на это только хмыкнул и провел меня через небольшой тамбур, украшенный зеркалами в рамах черного дерева. Хотя я уже

насмотрелась на всякие роскошества, но внутреннее убранство поезда сверкало таким богатством, что у меня даже заболели глаза – видимо, после мрачного подземелья, в котором мы только что были. Наверное, так и выглядят залы в усадьбах современных богачей, где мне, слава Богу, пока что не доводилось бывать: всё в бежево-коричневых тонах, полосы золоченой тисненой кожи между окнами перемежаются вышитыми тканевыми вставками, потолок – огромное овальное зеркало в окружении карнизов, с бронзовой люстрой посередине, а пол, кажется – из мрамора! У стен стояли два пухлых кресла и диван с золотыми узорами, а напротив них – камин, и, не поверишь – даже маленький рояль в углу!

“Это и есть салон, в который не хотел нас пускать строжайший Федор Михайлович, – сообщил Саша. – Там, за дверью, малая зала, две каюты… то есть купе первого класса – с ванными, гардеробами, кабинетами и спальнями, и ещё небольшая комната для совещаний. Хотите посмотреть?”

Я очень хотела, но тут появился проводник и чуть ни силком усадил меня в кресло, – да ещё и задвинул столиком, на который принялся немедленно выставлять всякие яства. Тут всё было куда как обильнее, чем «скромные» блюда, которыми меня уже накормили в лимузине. Я только мотала головой, пыталась объяснить ему, что я не голодна, но настойчивый Федор Михайлович, не слушая меня, заявил, что с самого утра был занят подготовкой “праздничного обеда по случаю 8 Марта”, и все подносил тарелочки и вазочки, в которых я смогла опознать только копченую свиную шею, белую икру (на льду!) и, кажется, ломтики обжаренных баклажанов, украшенные многослойными цветочками из паштета. Все остальное я раньше даже в интернете не видела. Саша довольно усмехался, глядя на попытки Федора Михайловича меня накормить. В конце концов пришлось сдаться.

В окошко я заметила, что наш поезд уже начал движение, и тут же разогнался до невероятной скорости. Как только мы покинули станцию, за стеклом стало темно, хоть глаз выколи, и сквозь яркое отражение салонного убранства были видны лишь бесконечные серые полосы пролетающих мимо кабелей. На удивление, не было слышно никакого шума, обычного для метро. Если бы не частые и глухие перестукивания колес на стрелках, я бы подумала, что вагон стоит на месте, а вокруг него мягко проносится темный ветер тоннеля. Пока я усиленно делала вид, что завтракаю, Саша рассказывал:

“На таком поезде можно уехать куда угодно по всей стране – в городе под землей, а дальше, конечно, по обычным рельсам. Если надо ехать далеко, то мы цепляем еще один вагон с

аккумуляторами, ну и вагон с охраной, конечно. Но здесь нам охрана не нужна, в этих перегонах, сами понимаете, случайных людей не бывает. Да и вообще ими в мирное время редко пользуются, а военного, слава Богу, пока не предвидится. Положа руку на сердце, Надежда Сергеевна, мы бы быстрее добрались на машине, но Владимир Владимирович почему-то попросил везти вас именно этим маршрутом, велел показать наше хозяйство".

Услышав про В.В., я снова занервничала и отложила в сторону бутерброд с крабом:

"Скажите, Саша, а для чего я всё-таки ему… ну, в смысле вам – понадобилась? Он сказал, что хочет дать мне какое-то поручение, но ведь для этого стольких людей пришлось от дела отрывать. Вот вы сами меня встречать поехали, и поезд этот надо было организовать, и машины, и вообще… Нет, вы не думайте, пожалуйста, я очень рада, но ведь это дорого всё, наверное, и я из-за этого боюсь, что на мне лежит очень-очень большая ответственность".

«Надежда Сергеевна, у меня нет информации по вашим поручениям. Совсем скоро вам обо всём расскажут. Но вы не переживайте, пожалуйста. Я не думаю, что вам предстоят какие-то непосильные задачи. Владимир Владимирович прекрасно разбирается в людях и в распределении ответственности. Он никогда не попросит вас о чём-то, если вы на самом деле не способны это выполнить. По себе знаю. Да и вообще, может быть, вы ему просто понравились… А что вы на меня так смотрите? У него часто бывает – увидит человечка на какой-нибудь встрече с ветеранами, говорит – вот, какой интересный товарищ, давайте с ним пообщаемся получше, узнаем, чем живет, что думает… И идет к нему пить чай, например. Охране, конечно, сплошная морока, но что поделаешь – хочет быть с народом. А с вами, полагаю, он вчера просто не успел договорить, вот и пригласил к себе. А остальное сами у него спросите, верно?

А что касается, как вы говорите, сложности или там дороговизны – так это всё ерунда, забудьте. Ничего это ни для кого не стоит, а мне так и вообще отдых. Вместо того, чтобы по клиентам бегать, я лучше с вами, такой вот симпатичной, в мягком вагоне прокачусь (я покраснела). Это же не какое-то экстраординарное мероприятие, тут целая процедура работает, огромная человеческая машина, и работает безукоризненно – каждый делает свой маленький и относительно несложный кусочек работы, а результат вот как вас впечатлил, да? Это и есть искусство лидера – так разделять все обязанности, чтобы каждый отдельный работник делал простые, понятные, и даже, я бы сказал, приятные самому себе вещи и получал бы за это, между

прочим, приличествующую своему месту зарплату. А все вместе, получалось бы, делали большое и великое дело. Вот Владимир Владимирович такой, он умеет всё это распределять. И люди, которые при нем, тоже умеют. И ниже, их подчиненные – все самые лучшие. Вот смотрите, у нас в администрации президента три тысячи сто человек, да в управлении делами пятьсот, и еще в службе охраны более семиста, и в гуспе (он так и сказал, не поняла, что это) двести с лишним, да ещё и кру (?), всего, получается, пять тысяч человек на Него непосредственно работают и обеспечивают его повседневную деятельность. И ведь это только по штатному расписанию, а есть еще всякие подведомственные ФГУПы, ГУПы (это я поняла уже), хозяйства, на уровне Москвы – штук десять всяких управлений, даже институты есть, а ещё – между нами говоря, разные юридические лица, которые специально решают особые задачи. Итого получается уже не пять тысяч человек, а пятьдесят. И все эти люди работают на то, чтобы любые решения Президента, даже самые маленькие и повседневные, сразу же, без сложностей и проволочек, воплощались в жизнь. Чтобы он не думал, как что-то организовать, а просто говорил – вот это надо сделать, в эту сторону надо двигаться. А мы делаем в самом лучшем виде и моментально. А вы его гостья, значит – всё это и для вас. Как вы думаете, Надежда Сергеевна, сложно ли полусотне тысяч человек всем вместе сделать так, чтобы вы попали из одного конца города в другой?.. Да нет, конечно, для такой могучей и дружной оравы народу это просто пустяки, движение одного мизинчика. Так что я прошу вас не бояться и относиться ко всему этому как к интересному приключению. Договорились? А вот смотрите, мы наружу выехали, солнышко светит…”

Действительно, поезд выскочил из темноты, и за стеклом мелькали серебрящиеся в дневных лучах деревья. Саша пояснил:

“Это Сосновка, природоохранная зона. Здесь никого нет, поэтому мы иногда срезаем поверху для скорости. Если бы было надо, то до самой резиденции добрались под землей, такой путь тоже есть. Сейчас снова в тоннель уйдём, потом еще чуть-чуть буквально – и мы дома”.

Лес мы проскочили в пару минут, а потом снова стало темно. Своей речью Саша меня успокоил, но всё равно было немножечко тревожно, как перед экзаменом, даже если всё-всё выучила. Или перед свиданием (было у меня пару раз такое, я всё-таки уже большая девочка). Я молчала, уставившись в слепое окно – собиралась с духом и готовилась к предстоящей встрече.

Тем временем тоннель посветлел, стены раздались в стороны, образовав широкий зал, и поезд стал сбрасывать скорость. Я

посмотрела на Сашу: “Приехали?” Он кивнул: “Да, давайте будем выходить потихоньку”. Мне стало совсем страшно. Проводник ждал нас у двери. Он спустил вниз небольшую лесенку с поручнями и учтиво снял свою фуражку, прощаясь со мной. Милый дед, подумала я, стараясь хоть как-то отвлечься, и спустилась на перрон станции. Хотя правильнее было бы назвать её вокзалом, а перрона, как такового, не было: мы очутились на гладком гранитном полу, в котором были прорезаны углубления с лежащими в них рельсами – никаких шпал не было. Зал, в котором мы оказались, был затейливо украшен инкрустациями из цветного камня: на стенах и даже потолке были изображены рабочие, смеющиеся доярки с вёслами, самолеты на фоне голубого неба, оставляющие за собой вереницы белых парашютистов и другие картины в духе соцреализма (тут я снова вспомнила уроки искусствоведения). Вокзал был огромный – в нем поместилось бы ещё с десяток таких поездов, как наш, но совершенно пустой – только у стены стоял короткий состав, похожий больше не на поезд, а на растолстевший красный трамвай (ну или, если угодно, на маленькую электричку). Людей видно не было.

Саша подал мне руку, чтобы я не грохнулась с лесенки (у меня так дрожали ноги, что его поддержка оказалась кстати), и повёл за собой к широкой арке выхода. Мы молча поднялись наверх на мягко шелестящем эскалаторе (путь занял ужасно много времени), и оказались в небольшом вестибюле с единственной дверью наружу. “Ну, Надежда Сергеевна, приготовьтесь, – сказал мой спутник, толкая створку наружу, – теперь у вас начинается совершенно другая жизнь!”

* * *

Как бы тебе описать, Дневник, то место, где я теперь очутилась? В первые дни больше всего это напоминало мне луна-парк, в который водил меня папа в детстве – даже не по виду, а по ощущению. Огромный сад с множеством дорожек и площадей, частью оживленных (особенно вечерами), а частью совершенно пустых, ведущих тебя к затерянным на берегах прудов маленьким беседкам. Сейчас ещё зима и холодно, лес засыпан чистым белым снегом, но по парку раскиданы открытые павильоны с зимними садами, которые не замерзают и такие же зеленые, как летом, потому что их обдувают специальным тёплым воздухом. Работают фонтаны, обалдеть можно! Рядом Москва-Река (я часто хожу на набережную), но не чувствуется ни мороза, ни сырости – деревья защищают от ветра и влажности. Тропинки и сады повсюду украшены светящимися гирляндами, фонарики спрятаны и в зарослях, из-за чего в ночное время их вид делается

загадочным и волшебным. Есть здесь и ухоженные лужайки, и участки совсем дикого леса, и даже горы с настоящими, хоть и невысокими скалами. Можно в любом месте взять велосипед или смешную электрическую тележку и поездить на ней, можно покататься на лыжах или на коньках по льду озера – всё, как я люблю. В некоторых местах играет тихая музыка, и вообще атмосфера самая праздничная. Людей днём встретишь редко, но к вечеру появляется много народу, неторопливо бродящего между ресторанами (они, конечно же, тоже тут есть!) В основном, люди в возрасте, ходят супружескими парами, что очень мило, но есть и молодежь, хотя я тут, кажется, самая маленькая. Все, встречаясь, здороваются и улыбаются, даже если видят друг друга в первый раз в жизни. Со мной, например, с самого начала все очень ласковы и вежливы, хотя, конечно, поначалу никто не знал, кто я такая. За всё время я только один раз встретила тут недовольное, сердитое лицо – это был какой-то порученец, который, как я поняла, только что получил нагоняй от помощников Президента, – он быстро сел в свой лимузин и укатил к воротам. Все остальные люди неизменно спокойны и приветливы.

Вообще тут целый городок. Сразу после прибытия меня сфотографировали каким-то прибором и сказали, что мне присвоен спецдопуск по высшей категории, поэтому я могу ходить где угодно (насчет остальных не знаю, но, если честно, я ни разу не видела, чтобы кого-то куда-то не пускали). Если вдруг дверь, в которую я хочу зайти, заперта, то, стоит только подойти поближе, как раздается тихий писк, и дверь раскрывается сама собой. Мне объяснили, что все двери снабжены особыми датчиками, которые умеют распознавать входящего, поэтому и не нужно никаких ключей или пропусков. И вот я, со своим любопытным носом, потратила первые несколько дней на то, чтобы всё хорошенько осмотреть и со всеми познакомиться.

Самый главный дом, стоящий посреди леса – это усадьба XIX века, в которой, собственно, и находится рабочая резиденция Президента. Там он принимает всякие делегации, ну и вообще, работает в кабинете. Но живёт он не там, а в жилом корпусе, тоже старинном и очень красивом – и снаружи, и внутри (хотя, по сравнению с прочими роскошествами, нужно признать, что домашние интерьеры В.В. очень скромны). Кроме этого, на территории множество зданий, настолько искусно спрятанных в ландшафте парка, что можно пройти мимо и не заметить. Например, есть церковь – небольшая, но строгая и величественная, – туда я тоже зашла, побеседовала с батюшкой. Есть, как я уже писала, несколько ресторанов и кафе, и даже супермаркет есть, и в нем всё-всё бесплатно, представляешь? В

ресторанах все очень тихо и прилично, в основном люди, кто здесь работает, ходят в них обедать и ужинать, чтобы не тратить время на готовку (я, конечно, хожу именно за этим). Что ещё? Зал приемов, два больших гостевых дома и несколько маленьких (в одном таком – крошечном, только со спальней, холлом, и малюсенькой кухней – живу я), есть большой спортивный центр, есть всякие службы – гаражи, охрана, прачечная, и даже ангар с вертолётами! Есть и просто несколько жилых домов, там живут обычные люди, сотрудники и обслуживающий персонал президента. Вообще сюда редко кто приезжает из внешнего мира – только раз-два в день иностранные гости, или официальные лица из других городов, а так почти все люди, которые вместе с Президентом управляют страной и вершат её судьбу, живут и постоянно находятся прямо здесь. Вместе с ними их секретари, администрация и прочие – всего, как мне кажется, несколько сотен человек, и это не считая военных и прислугу – но размеры резиденции настолько огромны, что вся эта толпа людей совершенно незаметна, и территория кажется пустой, как городские скверы раним утром.

Интересно, что лесные дорожки иногда выводят к совсем необычным, на фоне других, строениям. Однажды я наткнулась на угрюмое трехэтажное здание, сложенное из обычных панельных плит – примерно, как девятиэтажки на окраине нашего города. Оно было бы очень похоже на институт, в котором подрабатывает мой папа, когда не преподает, если бы не огромная, больше самого здания, тарелка космической антенны, возвышающаяся над крышей. Удивительно, как строители умудрились спрятать это сооружение за деревьями так, что его совсем не видно. Вокруг не было ни души, но, когда я подошла ближе, дверь на входе поспешно пискнула и открылась, как и любая другая, и внутри оказался солдат, который вежливо спросил меня, чем он может помочь. Я спросила его, что это за здание, а он в ответ помялся и сказал, что, если я пожелаю, он лучше пригласит дежурного офицера и тот мне объяснит. Я смутилась и ушла, извинившись, чтобы не мешать людям работать. Пошла обратно кружной дорогой, но вышла на большую пустую проплешину посреди леса, утыканную какими-то столбиками с натянутой между ними проволокой – их было так много, что край этого странного поля терялся на фоне дальней кромки леса. Пришлось возвращаться и искать обходной путь. В другой раз на просеке я наткнулась на железную дорогу с древними, рассохшимися шпалами и заржавленными рельсами, по которым явно никто не ездит уже много лет. От нечего делать, я прошлась вдоль неё туда-обратно, но куда она ведёт, так и не выяснила: с одной стороны, у границы нашей территории, рельсы

оказались перегорожены воротами, украшенными неизменными жестяными звездами и спиралями колючей проволоки (совершенно диссонирующий по сравнению с остальной красотой элемент декора), а с другого конца, прямо у реки, упирались в холм с массивным затвором, закрывающим, видимо, вход под землю. А на следующий день я наблюдала картину уже совсем неподобающую: в углу резиденции, под высоким забором, приткнулись несколько дощатых развалюх-сараев, а рядом с ними какие-то опухшие слесари в заляпанных ватниках копались под капотом старых "Жигулей". В отличие от всех остальных местных обитателей, эти люди даже не удостоили меня взглядом, так что я поспешила удалиться. В общем, много тут было интересного, и даже странного, хотя конечно, намного приятнее было не пробираться по зарослям в поисках местных секретов (очень они мне нужны, подумаешь), а гулять по центральным аллеям, наслаждаясь красотой, чистым воздухом, и явственным ощущением приближающегося праздника, которое постоянно окрашивает атмосферу этого фантастического места.

Весь этот "городок", о котором я пишу, называется "Дача номер два". По соседству есть ещё дача номер три, туда можно спокойно пройти через постоянно распахнутую калитку, и там живет наш сосед – Игорь Иванович. Когда меня ему представляли, сказали, что он главный по снабжению горюче-смазочными материалами. У него довольно свирепая и некрасивая внешность, но, когда мы познакомились поближе, он оказался очень уютным, домашним и вообще, как мне показалось, хорошим человеком. Сразу же, спросив разрешения, начал называть меня на "ты" и "Наденькой", и звал пить компот. Смешно, что у нас тут есть его тезка – вице-премьер, который тоже живет по соседству, на "даче номер четыре". Чрезвычайно приятный и интеллигентный человек (думаю, как и все здесь), и тоже просил без разрешения заходить в гости. Правда, его дача заметно меньше, чем две других. Самое забавное, что меня познакомили и с третьим Игорем Ивановичем – я не очень поняла, кто он такой (кажется, он и вовсе не из России, а живёт за границей), но он тоже частый гость Президента и вообще какой-то важный человек.

Ты спросишь, где же находится "дача номер один"? Она в другом месте, в нескольких километрах отсюда, и там я не была. В той резиденции находится Дмитрий Анатольевич, тот самый (с ним меня тоже познакомили, потом расскажу, если останутся силы). Он один из тех немногих, чей кортеж регулярно заезжает на территорию снаружи – почти каждый день. Как я поняла, вот эти основные люди, которым меня представили в самые первые дни моего пребывания здесь, да еще пять-шесть человек, с которыми я

познакомилась позже, и есть ближний круг Президента, который фактически управляет нашим народом. Конечно, есть ещё и правительство, и парламент с думой, и губернаторы, но вся стратегия рождается именно здесь, на “даче номер два”. Я считаю, это правильно, потому что если решения принимаются одновременно сотнями людей, то они и не исполнятся никогда. Надо дать людям направление, а уже потом они сами примут все необходимые законы (конечно, если ты ведешь их верным путем, и они с тобой согласны). Но если честно, я не очень сильна во всех этих политических дебрях и, мне кажется, опять тяну время, боясь писать о главном.

17 марта, утро

Ладно, теперь, не отвлекаясь, о самом важном (виновата сама: вчера до того расписалась, что начала отваливаться рука. Ну, зато я перечитала всё то, что получилось, и осталась довольна: писать в тетради получается намного аккуратнее, я бы сказала, художественнее, чем если, торопясь, набирать на залипающей экранной клавиатуре моего дешевого планшета. Это потому, что сначала обдумываешь предложение, а потом уже записываешь его на бумаге целиком, а в интернет-дневнике тарабанишь слова как в голову приходит, не думая. Поэтому выходит коряво. Да что я за дурочка, опять не про то пишу!)

Конечно же, я нахожусь здесь не просто так, а по приглашению хозяина этой прекрасной резиденции, и, разумеется, встречалась с ним самим – трижды с момента своего приезда.

Первый раз это произошло сразу после прибытия – ты помнишь, что я разнервничалась, как девчонка, и от смущения даже толком не могла говорить, только кивала (фу, стыдно). Когда Саша вывел меня из вестибюля, рядом с нами тут же притормозил длинный автомобиль, и из него вышел ко мне сам В.В. Не знаю, было ли это так подстроено, или случайно получилось, но думаю, что вряд ли машину специально держали в кустах, чтобы так эффектно передо мной появиться – слишком большая честь для меня. Как бы то ни было, первый наш разговор состоялся прямо на улице, под ярким весенним солнцем. Точнее, разговором это назвать сложно – говорил он, а я не знала, куда себя девать. Поэтому я плохо помню, о чем шла речь дословно, напишу в общих чертах. Он сказал, что рад, что я приехала, и что он очень извиняется за то, что не сможет в ближайшее время часто видеться со мной. Приближаются выборы, и поэтому у всех много работы, а он сам постоянно должен быть в разных городах и встречаться с избирателями. Сказал, что обязательно постарается выкроить время, чтобы поподробнее поговорить со мной или даже пообедать, а пока предложил развлекаться и чувствовать себя как дома. Пообещал, что мной будут заниматься и во всём помогать, если что-то потребуется, а если я захочу, то могу сходить на те самые курсы для активистов, которые действительно проходили в это время в Доме приемов (я потом сходила, посидела там часа четыре – на удивление, оказалась скука страшная, лекции под запись. Нехорошо, конечно, но больше я туда не пошла, поленилась). В общем, ничего особенного не сказал, я уже начинала успокаиваться и почти собралась с духом, чтобы расспросить его поподробнее, чего он от меня ждёт и что надо

будет делать, но, вот же кулёма такая, так и не решилась это сделать. К счастью, В.В., кажется, сам понял, что я переживаю. На прощанье он подошел ко мне поближе и сказал, заговорщицки понизив голос (это я помню слово в слово): «Очень прошу вас остаться здесь на пару дней, и не уезжать домой до следующей нашей встречи. Через два дня у нас будет время чтобы узнать друг друга получше. Вы обещаете, что дождетесь?» – и эти его слова, конечно, сразу же вселили в меня радостную и спокойную уверенность. Какая разница, что я должна сделать, если этого от меня хочет сам Президент? Главное, что я ему зачем-то нужна, значит, все будет в порядке!

Второй разговор был уже долгим, настоящим. Он сдержал свое слово и вскоре пригласил меня на поздний обед на веранде над берегом озера (я писала, кажется, что тут умеют делать открытые веранды, на которых совсем не холодно зимой, потому что воздух внутри подогревается особым образом). На улице стемнело, и помещение было освещено неяркими лампами, а вдоль дорожек вокруг замерзшей воды сверкали разноцветные фонари – очень красиво.

Когда меня привели в бунгало, В.В. уже сидел за столом рядом с камином, и, растерянно задрав брови (это выглядело трогательно и немного комично), разглядывал какую-то книжку, которую он брезгливо держал двумя пальцами на отлете. На обложке книги были аляповато изображены два робота с безумно ухмыляющимися мордами, а название гласило: «Новая Надежда». Я хихикнула, увидев своё имя в таком двусмысленном контексте. В.В. услышал мой смех, обернулся и смущенно бросил книжку на стол.

“Вы только полюбуйтесь, Надя, что делают эти, с позволения сказать, люди! – сердито заявил он. – На каждом углу кричат, что в стране нет свободы слова и власть зажимает свободомыслие, а сами преспокойно издают вот такую бульварную дрянь, в которой обливают помоями государственных чиновников. Без всякой цензуры – что внешней, что внутренней. Представьте, пишут, что президент растлевает маленьких девочек и чуть ли не пожирает их под устричным соусом! И это, простите, просвещенная оппозиция? Это мыслители нашего времени?..”

Я вежливо хихикнула ещё раз и протянула руку, чтобы рассмотреть книгу получше. Однако В.В. нахмурился и мягко отвёл мою ладонь в сторону.

“Простите, Наденька, но вам, с вашей юной неокрепшей психикой, такое читать преждевременно” – он поднялся и швырнул злосчастную книжку в огонь камина. Мне стало немного обидно оттого, что он считает меня маленькой, и я промолчала. С другой

стороны следовало признать, что его прикосновение к моей руке было очень приятным и волнующим.

В.В. некоторое время смотрел, как огонь морщит и корёжит глянцевую обложку. Убедившись, что пламя окончательно стёрло буквы дурацкого названия, он вернулся на свое место и побарабанил пальцами по столу. Я открыла было рот, чтобы поздороваться и поговорить, для затравки, о погоде, но мой собеседник, видно, никак не мог отделаться от одолевающих его мыслей. Опередив меня, он заговорил:

“Вы, наверное, тоже считаете, что право на свободу слова – это фундамент современного цивилизованного общества. Такой инструмент поддержания социальной справедливости: если вам что-то не нравится, вы вольны орать об этом во весь голос, и даже будете иметь успокоительную иллюзию того, что вас слышат. Ради Бога, ваше право закреплено в Конституции, но скажите на милость, что взамен? Какая обязанность соответствует вашему праву молоть любую чушь? А? Что скажете?”

“Владимир Владимирович, – испуганно пролепетала я, – вы, наверное, меня с кем-то перепутали. Честное слово, я вовсе не думаю, что можно оскорблять людей… да ещё таких, как вы… и вообще, надо следить за тем, что говоришь! Право же не означает ничьей безнаказанности!”

“Верно. Виноват, Надя, очень уж надоедливы эти либеральные крикуны. Они все вместе, разумеется, не стоят и одного волоса на вашей голове, наполненной правильными мыслями. Но послушайте… Вот они говорят: хотим больше прав, дайте правá. Ладно, отвечаем, дадим. А они говорят: а теперь дайте справедливое общество. А что это такое, спрашиваем? А в ответ невнятное мявканье. Типа, чтобы всё по-честному и никому не было завидно. Но это же субъективные категории, Надя – завидно, обидно… Что за детство!”

Он жестом подозвал улыбчивую девушку в фартучке (я оглядела её с некоторой ревностью) и вполголоса попросить налить еще сока. Пока В.В. отвлёкся, я попыталась незаметно присмотреться к меню, но не успела ничего выбрать: официантка вернулась с графином, В.В. отхлебнул из бокала и продолжил:

“А между тем, основы устройства самого справедливого общества очень легко формализовать на ясном, почти математическом языке. Есть тут у нас один э-э-э-… внештатный советник, бородатый такой. Цены бы ему не было, если бы не пристрастие к бутылке. Но голова у него пока работает как надо. Так вот, он сформулировал очень просто: справедливое государство есть такое, в котором наилучшим образом

соблюдается баланс прав и обязанностей. То есть права и обязанности должны быть сопоставимы качественно и количественно, понимаете? Если от человека требовать ровно столько, сколько ему давать, не больше, но и не меньше, то он будет абсолютно удовлетворен своей ролью в обществе и в жизни в целом – особенно если будет видеть, что и со всеми остальными поступают ровно так же. Вам не скучно следить за моими рассуждениями?"

"Что вы, что вы! – откликнулась я горячо. – Очень интересно. К тому же, мне и впрямь важно понять, как вы сами ко всему этому относитесь".

Признаться, Дневник, я немножко слукавила. Во-первых, проголодалась, а рыться в меню и заказывать блюда на фоне такого глубокомысленного разговора мне казалось невежливым. Во-вторых, в открытом бунгало, несмотря на все эти штучки с теплым воздухом, было все же зябко, и я уже начала жалеть, что натянула коротенькое платьице с колготками, а не что-то более серьезное. Сам В.В., кстати говоря, предусмотрительно надел солидный мохнатый свитер с высоким горлом, и явно не мерз – наоборот, его щеки горели от румянца. И вообще я бы предпочла поболтать не о политике, а о нем самом – как он живет, что думает… Но постепенно его речь, которая становилась все более эмоциональной (видно было, что человек говорит о наболевшем), увлекла меня всерьез. Более того, далее он принялся рассказывать такие удивительные вещи (погоди, Дневник, дойду и до них), которые поразили меня до глубины души. Так что я сегодня, наверное, до кровати не доберусь – буду записывать всё-всё аккуратненько, слово в слово, как было сказано.

"Хорошо. Редко, знаете ли, удается выговориться, особенно с таким приятным собеседником… то есть собеседницей. Скажу без ложного пафоса, что искренне считаю демократию самым прогрессивным и правильным государственным устройством – без всяких лукавых оговорочек в духе Черчилля. Право на управление своей жизнью посредством демократии – священное право народа, и никто и никогда не посмеет на него покушаться. Но что взамен? Какова должна быть обязанность, уравновешивающая это фундаментальное право?"

Я пожала плачами:

"Может быть, обязанность уважать и поддерживать государство, которое они сами создали?"

"Почти! Вы молодец, Надя, мы мыслим с вами в унисон. Чувствую, мы сработаемся…"

Я вспыхнула от этой неожиданной похвалы и опустила глаза. А он все рассказывал:

“Вы историк – верно? – и знаете, откуда растут корни современной демократии. Так?”

“Из Древней Греции” – прилежно, как школьница, ответила я.

“Да. В античных полисах свободные граждане (их, правда, там было немного) имели все права, какие только можно. Особенно по сравнению с… негражданами? Плебеями?”

“Метэками” – подсказала я.

“Да, метеками. И рабами. И женщинами, если не ошибаюсь. Неважно. Но взамен они имели одну главную обязанность. Отдать жизнь за полис. Взять копье и щит и сложить голову в бою с варварами. Право в обмен на жизнь – вот элементарная и пугающе понятная формула справедливого демократического общества. Вы задумывались об этом?”

“Я, Владимир Владимирович, даже сдавала реферат как раз вот по этой теме. На отлично”.

“Не сомневаюсь…”

“Только вот… – я не к месту решила блеснуть эрудицией, – потом же в Европе придумали способ куда гуманнее – право в обмен на имущество… Отсюда весь парламентаризм – собирались лендлорды в палате и решали, на какую войну королю дать золота, а на какую нет”.

“Вы это серьезно, насчет процветания гуманизма в средневековой Европе? – смешно наморщил нос В.В. – Это печальная девальвация идеи, Надя. Вы чувствуете принципиальную мировоззренческую разницу между правом за жизнь и правом за деньги? Как же у них всё на Западе приземленно и меркантильно… Нет уж, хоть это и избитый штамп, но наша Россия – это все-таки Третий Рим, наследница античности. И нам тут нужны настоящие, полновесные, истинные права, а не те, что можно купить за бумажки…”

Честно говоря, я была ошеломлена категоричностью его слов. Право за жизнь? Что он имеет в виду? Не может же быть мой В.В. действительно тем кровожадным тираном, каким рисуют его всякие недоумки… Внезапно он отвлекся и сменил тему:

“Да что же нам ничего не несут, заснули на кухне, что ли? Пока ждал вас, сделал заказ за обоих – вы не против? Любите дальневосточные продукты? Нам должны в первую перемену приготовить гребешков и икру-пятиминутку, у нас тут есть специальный пруд с морской водой, доставляют в танкере из Японского моря…”

“Мне нравится всё то, что любите вы… Но я не очень поняла, мы все, и я в том числе – обязаны государству жизнью?”

“Ох, ну что вы, Надя, – рассмеялся он. Его настроение улучшалось с каждой минутой. – Я, верно, напугал вас всем этим

мрачным средневековьем. Государство, конечно, не должно требовать от своих граждан отдать свою жизнь буквально. Но если ты хочешь быть настоящим гражданином в настоящем справедливом обществе – а мы к нему стремимся, то ты должен понимать, что патриотизм – это не пустой звук. Патриотизм и есть та основополагающая обязанность, из которой вырастают все права. Будь частью государства, его полезной клеткой, а не паразитическим или, хуже того, раковым образованием, и тогда – только тогда! – будешь иметь все права, и самое главное – управлять своей страной. А не хочешь… Ну что же. Никто, как в древних демократических Афинах, остракизму тебя за это подвергать не будет – приличные же все люди. Живи на здоровье и в свое удовольствие. Но и прав у тебя – в рамках государственных отношений, конечно, – будет ровно столько, сколько ты готов принять на себя обязанностей. Справедливо?"

"Не могу даже выразить, насколько вы правы…"

"Хорошо. Думаю, теперь вы лучше понимаете нашу внутреннюю политику и следствия из нее. И будете благоразумно пропускать мимо ушей все эти истерические вопли про отсутствие свободы слова… Всё у нас с этим так, как и должно быть. А теперь давайте, наконец, закусим, не стесняйтесь".

Некоторое время мы молчали, наслаждаясь свежими дарами моря. Точнее, дарами подмосковного пруда – но мне сравнивать было сложно, потому что восточнее Старого Оскола, где живет моя бабушка, я никогда не забиралась, и тихоокеанских деликатесов не едала. Подкрепившись, В.В. устремил свой взор в огонь камина и задумчиво произнес:

"Вообще, считаю глубоко абсурдным разделение личности и государства. У нас же как считается? Что государство – это некий инородный монстр, клещ – вы уж простите меня за такое неаппетитное сравнение, – который оседлал белокожее народное тело и алчно тянет из него все соки. Да ещё и заставляет топтаться в направлении пропасти из-за своих оторванных от реальности имперских амбиций. Правильно? Но вы, полагаю, легко обнаружите здесь логическое противоречие: государство – это кто такие, разве не народ? Мы с вами, Надя – не народ? А кто мы – инопланетяне, что ли? Агенты влияния мировой закулисы? Что за чушь!"

Он сокрушенно махнул рукой и перевел взгляд на меня. Я немедля придала лицу нужное выражение – умное и одухотворенное, впитывая его слова:

"Нет, государство вырастает из масс, как бы тривиально это ни звучало. Действительно, бюрократия, выходя из народа, обособляется от него, получает привилегированное положение, и

только в этом суть всех разногласий. Значит, наша задача – уравновесить бюрократию с остальным населением, или, если угодно, сделать так, чтобы все граждане страны, как один, принимали участие в управлении государством, сами стали бюрократами – в хорошем смысле этого слова. Вся власть народу – вот главная мечта… Если каждый человек будет иметь полномочия в государстве, то он, фактически, получит осязаемое право на свой законный кусочек государства, а там, глядишь, и до ответственности за него недалеко… Не подумайте, Надя, что мы тут с вами занимаемся пропагандой анархизма, нет, речь идет о совсем другой, можно сказать, технологической возможности".

"А кстати, – вдруг спросил он. – вы сами-то, если не секрет, этатист или либерал?"

"Даже не знаю, – растерялась я, – мне как-то не приходило раньше в голову их противопоставлять".

Он задумчиво посмотрел на меня, а потом глаза его заблестели:

"В самом деле?.. А знаете, Надя, вы ужасно правы… Может быть, мы с вами так и поступим – сделать всё одновременно? Благо ресурсов достаточно. Хотя нет, лучше развести по зонам… в качестве эксперимента, а?"

Я недоумевающе глядела на него, и он махнул рукой.

"Простите, но вы, наверное и представить не можете, насколько захватывающую идею только что предложили. Но об этом потом. В любом случае, вы молодец… А пока вам лучше подумать о другой нашей стратегии, в реализации которой вы, вероятно, примите самое деятельное участие…

"Дело в том, что мы действительно и буквально рассчитываем соединить отдельные личности в единый государственный организм. Не пугайтесь, сейчас поясню. Наши замечательные ученые – генетики, социологи, – утверждают, что процесс эволюции общества принципиально повторяет те же самые этапы, что и любые другие биологические системы. Это неудивительно, если помнить о том, что человек и человечество являются всего лишь частью общего явления жизни на Земле. Подобно клеткам, собирающимся в единое многоклеточное существо, человек в будущем тоже диалектически преодолеет извечную дихотомию эгоизма и альтруизма, и приобретет новую идентичность в составе общего коллектива. То есть государства – а в предельном случае, всего планетарного сообщества. И это будущее не за горами. Открою вам тайну (хотя, наверное, вы и так уже узнали много необычного), что уже сейчас нашими специалистами разработан опытный образец изделия, которое называется объединенный нейрофизиологический интерфейс. Или,

сокращенно, ОНФ. Это реальный прибор, к которому дистанционно, как по беспроводной сети, могут подключиться несколько человек и напрямую обмениваться информацией – минуя вербальный уровень. Этот ОНФ – очень интересная штука. Во-первых, чувствительность биосенсоров нейроинтерфейса настроена таким образом, чтобы получать информацию только от верхних слоев коры головного мозга. Таким образом, в общий доступ попадает только сознательная часть мышления, а память, рефлексы и прочее остаются закрытыми от других участников сети. Это гарантирует приватность личных воспоминаний. Во-вторых, человек, подключаясь к ОНФ, начинает идентифицировать себя как сразу всю совокупность присутствующих в нем сознаний – это принципиально важный психологический эффект, происходящий от того, что люди мгновенно узнают и понимают мировоззрение, потребности и чувства друг друга – то, о чем обычно или не говорят вслух, или вообще не могут выразить словами. В-третьих, подключаясь, человек не теряет индивидуальности – он всегда помнит, кто он, что происходит, и в любой момент может отключится небольшим усилием воли. Наконец, по словам наших испытателей, при присоединении к сети возникает сильнейшее чувство причастности к коллективу. Субъективно человек ощущает себя даже не частью общего, а самим этим единым, целым, могущественным и многоликим существом. Это дает чувство абсолютной защищенности, собственной силы и уверенности. Ученые говорят, что это можно сравнить с эффектом некоторых опиоидных препаратов, только без эйфории и потери критического восприятия действительности. Говорят даже… вы уж извините меня за такие подробности (Владимир Владимирович с сомнением посмотрел на меня, взирающую на него широко открытыми от удивления глазами), что это чувство немного похоже на связь двух людей во время, хм, соития, когда они становятся, фактически, одним существом – только безо всякого эротизма, конечно. И еще очень важно, что нейроинтерфейс не требует никаких инвазивных процедур – чтобы пользоваться им, достаточно всего лишь надеть приемо-передающее устройство, которое сейчас выглядит как большой и довольно неудобный шлем, но уже практически готов компактный вариант, который может быть помещен на ушную клипсу, или, скажем, спрятан в головной убор.

“Кажется, вы находитесь в некотором недоумении, Надя, но прошу, не считайте нас сторонниками бесчеловечных экспериментов. Никто не собирается загонять людей в ОНФ насильно. Есть проект по распространению сети на территории страны, подобно обычному интернету, с предложением

подключаться всем желающим – сначала для развлечения, а затем и для решения совместных задач. Мы проводили исследования – группа испытателей, имитирующая обычную офисную деятельность, при подключении к интерфейсу решала задачи в десятки раз быстрее по сравнению с контрольной группой. Вы представляете, какой это инструмент для развития бизнеса? И для самих людей – находясь в ОНФ, всю рутинную дневную работу можно сделать за полчаса, не тратя время на лишнюю коммуникацию, а остальное время посвятить себе и близким. Это инструмент для педагогов, врачей, психологов, средство решения семейных проблем, и прочее, и прочее… Наши консультанты даже рекомендуют брать небольшую плату за подключение для новых пользователей ОНФ – дескать, это повысит маркетинговую привлекательность продукта. Не знаю, оправдано ли это…

”Вы даже не представляете, Наденька, какие пока малоизученные, но уже ошеломляющие возможности таит ОНФ. Например, однажды во время эксперимента произошел несчастный случай, и один из участников пережил клиническую смерть. Вы догадываетесь, что произошло? Когда его реанимировали, оказалось, что его сознание оставалось в интерфейсе, он осознавал серьезность ситуации, но был уверен, что сможет пребывать в этом состоянии столько, сколько будет нужным. И другие участники ОНФ пришли ему на помощь! Они, не колеблясь, решили оставаться вместе до тех пор, пока будет необходимость поддерживать товарища – или, как признались потом, вечно, чтобы не дать ему погибнуть. Это же путь к бессмертию! Когда все это выяснилось, наш доброволец – тот, который перенес всё это на себе, генерал-майор ВКС, между прочим, – тут же получил звание Героя России и степень доктора наук за свое открытие. Или, только представьте себе, какие возможности открываются для инвалидов, людей, которые ограничены в своих возможностях. Теперь они смогут вести не просто полноценную жизнь, а такую, которая им и не снилась…

“Наиболее примечательно то, что когда множество людей соединяют сознания, они отбрасывают все спорные и ненужные ценности – в общем мировоззрении остается лишь то, с чем согласны все члены интерфейса. И знаете, это оказался очень простой, и знакомый каждому с детства набор правил поведения в социуме – не убей, не возжелай, не плюй в колодец… И так далее. Вероятно, эти нормы присутствуют в каждом человеке с рождения, наподобие пресловутого кантовского эталона. Могу привести такой пример: на одном из этапов эксперимента, под тщательным контролем специалистов, конечно, к общему нейроинтерфейсу был подключен психически больной человек –

серийный преступник с доказанными девиациями моральных установок. И что же? Он не стал полноценным членом ОНФ, но и не чувствовал себя инородным существом. По его словам, он воспринимал происходящее совершенно нейтрально, но при этом, как минимум, получил понимание того, почему люди придерживаются совершенно других ценностей. И даже начал находить их интересными. Так что это ещё и способ лечить таких людей – в перспективе".

У меня, наверное, был вид, как у воспитанницы детсада после нечаянного просмотра кинофильма за авторством Пьера Пазолини. С другой стороны, как бы ни ошеломительно и пугающе всё это звучало, дух захватывало от раскрывшихся перспектив. Подумать только, вся эта совершенно непредставимая мне ранее технологическая революция происходит не где-нибудь, а в моей стране! Да это же настоящее фантастическое будущее, и я нахожусь прямо в его центре, рядом с его великим архитектором! Но В.В. снова понял мой взгляд неверно:

"Надя, пожалуйста, не смотрите на меня как на вивисектора. Десять раз этот проект проходил экспертизу, и десять раз его отвергали с негодованием – до тех пор, пока не была убедительно доказано, что, по сути, никакого вмешательства в психику людей не происходит. Человек спокойно входит в ОНФ и отключается от него, не испытывая никаких последствий или зависимости. Это как мобильная связь, только разговариваешь не ртом и ушами, а, можно сказать, сердцем… А возможности для людей просто потрясающие. И возможности для нашего государства огромные. Пусть люди потихоньку вступают в ОНФ, пользуются им сначала только для своей выгоды, но уверен, что общее количество вовлеченных неизбежно будет расти, а значит, рано или поздно исполнится моя мечта, и весь народ сможет думать и действовать как единый сверхразумный организм. Кстати говоря, нет никакой уверенности в том, что объединив свои побуждения и мысли, люди выберут для страны такой же путь, каким видится он мне. Это неважно, главное – пропадет неравенство, несчастье, недовольство, и каждый будет чувствовать себя наполненным общим смыслом жизни. Да еще и получит бессмертие в придачу. И разумеется, государство, в котором граждане действуют как единое целое, станет самым совершенным и непобедимым. Разве это не прекрасно? Как вы думаете?"

Я думала только то, что все это звучит слишком масштабно, чтобы быть правдой. Но ведь он не шутит? Заметно было, что он снова говорит взволнованно, но уже не от раздражения, а от того, что тема разговора для него важна и интересна. От так увлекся, что очень по-человечески капнул соусом с вилки на свой свитер, и

даже не заметил этого. Неужели всё это происходит на самом деле, промелькнула у меня мысль, и я действительно стану свидетелем всех этих великих событий в жизни моей страны? И наблюдать их буду прямо изнутри, или, точнее, с самой вершины событий? Но зачем всё-таки ему понадобилась именно я? Мне кажется, Президент угадал мои мысли:

“Я, собственно, хотел предложить вам, Надя, вместе со мной включиться в работу по реализации этих и других инициатив. В ближайшие несколько лет… или даже больше, мне понадобятся помощники для запуска этих программ – мы называем их «решительным прорывом». Название так себе, конечно, и отдает излишним пафосом, но это неважно. Уверен, здесь должны работать люди молодые, такие как вы – чтобы не боялись техники, имели свежий взгляд, желательно – в меру либеральный и гуманистический, и вовремя тормозили нас, старую гвардию, когда у нас начнет кружиться голова от чрезмерного укрепления государства. И людей таких надо готовить и вовлекать с самого начала. Конкретно, в течение буквально двух-трех месяцев мы запускаем два пилотных проекта – по предварительным испытаниям темы «ОНФ», в форме опытной эксплуатации с привлечением к этому широких слоев населения, а также по созданию ценностно-ориентированного общества в ряде выбранных субъектов федерации. Здесь нужно немедленно внести коррективы, чтобы учесть ваше оригинальное предложение… Думаю, ОНФ будем тестировать в России, а вашу идею – в Новой России. Там люди дисциплинированные, быстрее адаптируются. Так что, вы согласны?”

Конечно, конечно, мой милый Дневник, я была согласна, и поблагодарила за возможность быть и трудиться рядом с Ним (хотя я до сих пор не знаю, что за идею ему якобы подала, и что это за загадочная Новая Россия, о которой он всё время упоминает). Но как представила, что буду видеть его каждую неделю (наверное), сразу стало тепло в груди. Думаю, так и бывает, когда жизнь удалась. И ещё – я уже ни капли не боялась того, что могу не справиться. Всё это оказалось так интересно, что я готова была прямо там, в ресторане, погрузиться в работу с головой.

“Владимир Владимирович, я с вами, – горячо сказала я. – Я, наверное, пока не могу охватить умом всю широту ваших замыслов, но я всегда мечтала жить на переломе истории. Увидеть своими глазами, как великие эпохи сменяют друг друга, а мир сотрясается и рождается заново. То, о чём вы говорите… Если я сама могу что-то сделать для этого… Это самое прекрасное, что может случиться с человеком. Я очень люблю свою обычную

жизнь, и благодарна своим родителям и друзьям за то, что они сделали меня такой. Но в последние дни я словно в сказке. Прошу вас, возьмите меня с собой, в это чудесное будущее. Я сделаю всё, что вы захотите, всё, что смогу и что не смогу – тоже сделаю!"

Он только смотрел на меня, улыбаясь. Я тихо добавила, опустив голову:

"Я хотела бы, что бы вы… стали моим Учителем".

А в ответ услышала только одно слово:

"Безусловно".

Ура!!!

* * *

Но третья наша встреча стала самой волнующей. В этот раз мы не говорили о политике (ну, почти), зато я узнала кое-что о нём, как Человеке. А дело было так.

Почему-то все здесь стараются меня накормить – начиная от Саши и Федора Михайловича в том поезде, и заканчивая обоими Игорями Ивановичами. Это, конечно, приятно, потому что еда тут очень вкусная. Но в результате уже через несколько дней пришлось признать, что если так будет продолжаться и дальше, то я перестану влезать в зеркало. А значит, надо, наконец, заняться собой. Я попросила у горничной (у меня есть горничная, обалдеть) найти мне какой-нибудь костюм для занятий, и мне тут же принесли настоящий полный комплект Олимпийской сборной (обалдеть второй раз). И вот, как-то утром, хорошенько выспавшись, я вышла в парк на маршрут. Минут пятнадцать бежала спокойно, ни о чем не думала, но тут с соседней дорожки выбежал, в таком же, как у меня костюме, сам В.В.! Кратко поздоровался и невозмутимо побежал рядом. Тропинки тут широкие, так что некоторое время мы двигались плечом к плечу, на одном уровне. Потом он, сощурившись, посмотрел на меня и стал ускоряться. Конечно, я не могла себе позволить отстать, и поначалу, казалось, без труда обогнала его, но не тут-то было – легкая пробежка превратилась в настоящую гонку! Почти всё время он давал мне лидировать, но от волнения и от того, что он совсем близко ко мне, я не могла нормально контролировать дыхание, и через жалкие пару километров начала сдуваться. А потом – вот незадача! – поскользнулась на повороте тропинки, машинально схватилась за рукав его куртки и, в конечном итоге, сама позорно плюхнулась в сугроб, да еще и его повалила. Я смогла только руками всплеснуть от такой неловкости!

В.В., не смутившись, легко поднялся и засмеялся:

"Ну вы, Надя, молодец, загоняли меня! Вы не ушиблись?" – он подал мне руку и помог встать. – "Давайте всё же отдохнем – вон

скамейка неподалеку”.

Я немножко боялась простудиться, потому что была вся мокрая после бега, но оказалось, что за лавочкой спрятались кондиционеры (такие же, как в открытых летних садах), и там очень комфортная температура. Не знаю уж, как я там его “загоняла” – дышал он ровно и размерено, только разрумянился, да на по вискам блестела испарина. Он достал из куртки белоснежный платок, поднес ко лбу, чтобы вытереть капли, но вдруг, спохватившись, предложил его мне. Я с благодарностью промокнула разгоряченное лицо и уже хотела, как бы случайно, умыкнуть платок к себе в карман (на память хотела, глупая), но устыдилась и вернула вещь хозяину, который без всякой брезгливости вытерся сам и спрятал кусок ткани обратно в карман. Я подумала и провернула тот же фокус: достала из рюкзачка бутылку с водой, открутила крышку и даже поднесла к губам, но в последний момент передумала, хитро глянула на него, и протянула воду ему. В.В., не моргнув глазом, отхлебнул сразу половину, а когда отдал бутылку назад, я тоже сделала глоток. (Ну да, ребячество с моей стороны, но ведь ему явно понравилось, и, вдобавок, теперь мы стали как будто ещё немного ближе).

Мы сидели совсем рядом, его плечо даже касалось моего, и я чувствовала идущее от него тепло. Я уже совсем не боялась и не переживала, когда с ним говорила – ну, что я что-то не то скажу или не так выгляжу. Оказываемся, с ним можно было просто болтать, как со старым знакомым.

“Вот скажите, Надя, – забыл вас спросить об этом в прошлый раз, – вы что больше всего на свете любите?”

“В смысле, из еды?”

“Нет, вообще в жизни”.

Я чуть было не ляпнула: “Вас”, но, согласись, дневник, это было бы чересчур. Я подумала, и ответила, тоже вполне честно:

“Людей. Они такие интересные… И детей. Наверное, не очень хорошо так сравнивать, но вот говорят, что милыми бывают разные зверушки – котята, щенки, а ведь дети милее в сто раз. Такие смешные и добрые. А я знаю, что в каждом взрослом человеке тоже сидит ребенок, из которого он вырос. Ведь все же помнят, как они были маленькими, играли в куклы и любили маму. Вот этих детей в людях я и люблю. А интересные потому, что я знаю, как с ними управляться, еще в детстве научилась. Бывает человек злой или недовольный, а я умею ему такие слова сказать, чтобы ему сразу полегчало. Конечно, встречаются и совсем нехорошие, но очень редко, и я просто стараюсь с ними не разговаривать, а сразу… ну, неважно”.

“Да, удивительно, что мы так похожи. Признаюсь, мне очень

близко то, что вы говорите. Вы не поверите, но ещё в детстве пришлось часто сталкиваться с несправедливостью, злобой, а то и откровенной глупостью. А уж после… можете представить сами. И тем не менее, пока удается сохранить доверие к людям. До сих пор отказываюсь относиться к ним плохо – то есть считать их изначально подозрительными, понимаете? Уже потом, в студенчестве… Вы же знаете, юристы народ такой – им все надо формализовать, на каждый случай придумать правило. И тогда мне в голову пришел принцип «презумпции доброжелательности». То есть пока человек не сделал что-то плохое, он априори считается его хорошим, и ему можно полностью доверять. Это очень бережет психику – согласитесь, гораздо приятнее считать всех вокруг приличными людьми, чем постоянно изводить себя ожиданием гадостей от них. Правда, у этого есть и обратная сторона – больше всего в жизни ненавижу измены и предательства. Но, к счастью, редко приходится с этим сталкиваться".

Я совсем осмелела и тоже спросила:

"А вы? Что вы больше всего любите?"

"Вы, Надя, будете смеяться, и не поверите".

"И всё же?"

"Ну, на самом деле ничего необычного для человека в моем положении. Люблю Россию. Это не фальшивое признание и не показное. Просто действительно очень хорошая здесь природа, и погода, как ни странно, и люди опять же. Чувствую здесь себя дома, спокойно и уютно. Вот и всё, ничего патетического в этом нет".

Потом он продолжил:

"Но зато в этом есть нечто личное. Не хочу вас смущать, но мне всегда казалось, что Россия похожа на юную девушку, такую, как вы. Помните, тогда, во время нашей первой встречи, мы говорили о том, что вы похожи на русскую красавицу… то есть, не похожи, разумеется, а она и есть. Это не просто слова. Конечно, у России довольно тяжелое прошлое, в отличие от вашего, но в душе она – не старуха, а как раз такая молодая, цветущая молодая женщина, добрая и улыбчивая. Она тот самый ребенок, о котором вы рассказывали, который, несмотря ни на что, прячется внутри взрослого, замученного жизненными трудностями, и оттого невеселого государства. Хотите, смейтесь, но, когда говорят о любви к России, другие могут воображать себе что угодно, а мне представляется именно вот эта тайная красавица. И кажется, уж простите за нескромность, что пока получается добиваться её взаимности – по крайней мере, если судить по прошлым электоральным результатам… Да, для меня стало большим

удивлением, что многие наши люди относятся ко мне с той же обоюдной искренностью, какая может быть только с всепрощающей, настоящей, простой русской женщиной. Это очень поддерживает в трудные минуты".

"У вас часто бывают сложности, да?" – сочувственно спросила я.

"Да нет, не сказал бы. В основном всё довольно спокойно. Между нами говоря, президентом быть не очень сложно, не думайте, будто это что-то особенное. Обычная работа с людьми, только ездить много приходится… Главная проблема в том, что все слишком уж ко мне торжественно относятся, придумали на мою голову прямо какого-то божьего помазанника. И смех, и грех. Но тут уж сам виноват, перестарался… От этого иногда бывает немного одиноко".

Отличный момент, подумала я, и спросила:

"Но у вас же есть… ну, семья?"

Он хитро усмехнулся:

"В смысле – жена? Нет, пришлось развестись, вы же знаете… Есть, конечно, дочки, но они уже не хотят, чтобы им помогали строить жизнь, совсем самостоятельные. Так что видимся нечасто. А у вас, Надя? Знаю, что вы не замужем, но уже собираетесь, полагаю?"

Я помялась и ответила:

"Ну как вам сказать… У меня есть жених, Максим. Точнее, это он думает, что жених, а я пока не решила".

"Расскажите, какой он? Не слишком это бесцеремонно спрашивать?"

"Да нет, конечно, что там скрывать. Он славный. Добрый, сильный – ну это понятно, зачем бы мне другой. Но страшный зануда! Сам пытает меня, чтобы я с нашими отношениями определилась, а сам даже предложения не сделал, представляете?"

"Да уж. Интересно было бы с ним познакомиться… Возможно, удалось бы ему объяснить, что в таких делах тянуть нельзя. Если любишь – беги в ЗАГС сразу, иначе через несколько лет станет неинтересно, и, скорее всего, так и останетесь порознь. А вот жениться на пике чувств – это особое удовольствие, поверьте. Тут крайне важны решительность и уверенность… Мне кажется, если он упустит шанс с такой девушкой, как вы, то будет рвать волосы на голове до конца жизни. Как думаете, послушает?"

"Нет-нет, он никого не слушает, и вообще, не надо вам с ним знакомиться! Он, видите ли, вас не любит, дурачок такой" – воскликнула я, слегка испугавшись, что В.В. и впрямь пойдет увещевать Макса скорее брать меня замуж.

"Даже так? Но ведь мы даже не знакомы. Почему?"

“Говорит, что вы, простите, царь, авторитарный правитель. И что работать, как бы, должна система, а не ручное управление. Ну и так далее. Ой, я вас не обидела? Я-то сама так не…”

“Да что же это такое, опять за хека три рубля! Глупость же несусветная, сколько можно всем повторять… Извините, Надя, надоело сотый раз всё это объяснять. Вы уж поставьте ему мозги на место, прошу вас”.

“Хорошо, Владимир Владимирович, я постараюсь…”

“А вы можете обращаться ко мне не так официально? Просто «Владимир», на худой конец? Кстати, если уж мы заговорили о дочерях, то младшая из них, если не ошибаюсь, уже старше вас. Будет не слишком большой фамильярностью обращаться к вам на «ты», как считаете?”

“Конечно! Только позвольте мне все же называть вас как раньше, по имени-отчеству. Мне так будет привычнее”.

“Ну, как хотите, мне это всё равно…”

Я помолчала и добавила:

“А знаете, я бы не отказалась быть вашей дочерью. Мне кажется, они счастливые”.

«Ну уж нет! В таком случае было бы неправильно вас… то есть, тебя, хвалить и делать комплименты – это отрицательно сказывается на воспитании. А, честно говоря, всё время хочется это делать”.

Я удивленно посмотрела на него:

“Вы шутите, наверное. Я-то самая обычная, а вы – Лидер нации. Это, скорее, мне всё время хочется говорить о том, какой вы замечательный”.

“Вот этого попрошу тебя не делать никогда и ни в коем случае. А то получится, как в басне, где кукушка хвалит петуха, а он… ну и так далее”.

Он поднялся со скамейки и встал передо мной – широкий, спокойный, уверенный, и ещё раз внимательно посмотрел на меня. Я, подняв голову, поймала его взгляд. Он сказал:

“У тебя замечательно счастливые глаза, Надежда. Никогда в жизни не встречал девушку с такими глазами. Счастье женщины – это то единственное, что по-настоящему важно мужчине, даже власть с этим не сравнится…” – И добавил весело: “Так что ты поменьше ходи тут с таким довольным видом, у нас мужиков много, вмиг под венец потянут! Шучу…”

Потом стал прощаться:

“Теперь мне надо идти. Жаль, что не получается беседовать с тобой чаще, но гарантирую, мы скоро увидимся”.

“А когда?” – не утерпела я, и тут же смутилась от того, что навязываюсь. Но мне было мало короткой беседы, я хотела ещё. –

“Ой, не обращайте на меня внимания. Вы же так заняты…”

“Через несколько дней нас с коллегами ждет большое путешествие – своеобразная инспекция по регионам. Будет замечательно, если ты согласишься составить компанию в этой поездке. Надеюсь, ты не откажешь в этой просьбе, правда?” – Он смотрел мне в прямо глаза своим мягким, слегка насмешливым взглядом, ни капли, конечно, не сомневаясь, что я буду счастлива сделать всё, что он пожелает. Я тоже поднялась, и он положил мне руку на плечо: “Все будет хорошо и очень интересно, Надя. Мне кажется, что нам обоим очень повезло, что именно тебя в тот день попросили принести чаю… Не прощаюсь. До встречи”.

И пошел, быстро, но не торопясь. Обернулся, помахал рукой, обернулся снова, и уже затем скрылся за поворотом тропинки.

Ох, мамочки мои, да я же влюблена по уши!

20 марта

Проснулся я поздно, и в оконце кунга над лежанкой уже светило яркое белое небо. На часах было двенадцать, а снаружи раздавался невнятный шум. Кряхтя, я согнул на кровати затекшее тело, приподнялся и выглянул в окно. Перед тем, как вырубиться, я приткнул машину прямо на обочине у покосившегося заводского забора, так что теперь хорошо видел, как через проходную, буквально в нескольких метрах от меня, потоком валили люди. Выходя из узких дверей, они старались как можно скорее перебежать дорогу и втиснуться в три потрепанных автобуса, которые явно были не способны вместить всех желающих. Автобусы были грязно-желтые, разваливающиеся, дребезжащие, как будто внутри них кто-то колотил по ящикам с пивными бутылками – с улиц моего города такие чудовища безвозвратно исчезли ещё лет десять назад. Бока этих скрипучих одров, как и ворота проходной, были горделиво украшены эмблемой предприятия – звездой на колесиках, оснащенной непристойно торчащей паровозной трубой. А может быть, пушкой, не разберешь. Бренчание автобусов и бодрая ругань людей, штурмующих их двери, по всей видимости, и создавали разбудивший меня гул. Куда и зачем они все так торопятся, подумал я, но тут же вспомнил свою мать, всю жизнь проработавшую экономистом на таком же заводе, и догадался, что настало обеденное время, а следовательно, автобусы забирают людей, чтобы отвезти их домой – в поселок, который я проскочил на рассвете. Как его – Мантурово, что ли?

Это было весьма некстати. Если сейчас все уедут, то, боюсь, найти этого чертового лейтенанта… или прапорщика?.. Слизнякова будет крайне затруднительно. Дрыхнуть надо меньше, вот что!

Всю ночь я несся, как угорелый, по разношерстным шоссе, которые становились всё более убогими и безлюдными по мере удаления от Москвы. Сначала меня гнало желание оказаться как можно дальше от места, где меня пытались взорвать, но чем больше я успокаивался, тем сильнее захватывало меня чувство дороги. Я люблю находиться в пути, и люблю управлять автомобилем – могу ехать часами и сутками, не в силах оторваться от руля, даже оставшись совсем без сил. Скорость машины опьяняла: я вжимал педаль газа до предела, проносясь через поселки и деревни, разбрызгивая фонтаны снежных луж, обгоняя по встречке, подрезая редкие грузовики и резко, до нуля, тормозя в поворотах – оказалось, что этот высокий и довольно

неуклюжий болид отлично чувствует себя на прямой, но на малейшем изгибе трассы норовит завалиться на бок. Кажется, своими маневрами я никого не убил, но вслед мне часто доставалось рассерженное мигание фар. Плевать… Чем сильнее сгущалась ночь, чем дальше я забирался вглубь затерянных российских сёл и провинций, тем реже попадались другие водители, ближе к утру оставив меня, наконец, в полном одиночестве под поздно взошедшей луной. Рёв мотора разрезал безмолвие засыпанных снегом полей и перелесков, мощные прожекторы пробивали темноту дороги, освещая лишь поземку, нервно перебегающую полотно асфальта. Мне казалось, что я и моя машина – единственные выжившие обитатели этих забытых богом и человеком мест на много километров вокруг.

Оказалось, что в кабине есть магнитола, и кто-то забыл в ней диск со старым британским альбомом, который раньше мне довелось слышать лишь вполуха. Эту короткую, в несколько песен, запись я прослушал, наверное, раз десять, и в конце концов, даже начал разбирать слова, примеряя их к истории, в которую умудрился влипнуть: “The Head of State has called for me by name, but I don’t have time for him. It’s gonna be a glorious day… I think my luck could change[1]” – выпевал небрежный фальцет. Может, это как раз про меня и Надю? Или совсем наоборот?

Как бы то ни было, короткий кусок московской автострады сменился узким шоссе, протянувшимся через три области – отличных друг от друга, как мне показалось, только особым узором колдобин и выбоин. Шоссе перешло в совсем уже щербатую районную трассу, на протяжении сотни километров которой мне встретилась лишь пара темных, словно вымерших, деревень, а уже от трассы нырнула в темноту дорожка из рассыпающихся аэродромных плит с торчащей во все стороны арматурой. Она и привела меня в городок, больше похожий на деревню – из-за обилия одноэтажных деревянных домиков и заснеженных огородов, выстроившихся вдоль щебенчатых улиц. Я было подумал, что добрался до места, но ошибся. Это пока ещё было село с названием просто Мантурово, в то время как мне нужно было Мантурово-Верхнее – об этом напомнил навигатор. До этого второго нужно было проехать ещё добрых пятнадцать верст по той же бесконечной и безжизненной бетонке, и когда я, чертыхаясь и обруливая выпирающие края плит, проделал этот путь, то оказался в совсем уже крошечном поселении. Оно состояло из десятка хрущевских девятиэтажек, окруживших подобие центральной площади с местными достопримечательностями: единственным магазином, облупленным зданием администрации, детским садом (всё того

же неуютного, панельного вида) – и новехоньким православным храмом, собранным из свежеструганного бруса. Несмотря на весь мой скепсис относительно культовых сооружений и их обитателей, я вынужден был признать, что церковь выглядела единственным жизнерадостным элементом в этом беспросветно унылом архитектурном ландшафте, особенно невеселом в серых утренних сумерках. Однако и это был ещё не конец пути. От поселка до промзоны вела трехкилометровая дорога – неожиданно приличная, гладкая, широченная, как взлётно-посадочная полоса, – но местами сплошь заваленная глубокими снежными сугробами, нанесёнными ветром с окрестных полей. В этих торосах была пробита извилистая колея, которую огромные колеса моего вездехода преодолевали без труда и даже с некоторой лихостью, но вот простым местным автомобилистам, подозреваю, зимой приходилось несладко. Да и летом, вероятно, тоже. Странно, в каких, казалось бы, неприспособленных для жизни местах умудряются существовать люди – и, наверное, быть счастливыми при этом. Иначе зачем бы они стали здесь селиться?

Неудивительно, что после такой долгой ночи я уснул, как убитый. Лежанка кровати оказалась жёсткой и узкой, но мне, непривередливому в вопросах личного комфорта, удалось на редкость неплохо отдохнуть. И вот, проспал!

Как бы то ни было, кортеж заводских автобусов уже всё равно отчаливал от остановки, поднимая в воздух тучу зимней пыли. Но поторопиться было нелишним, и я стал готовиться к выходу в открытое пространство промзоны номер два городка Мантурово-Верхнее. Всухую и наскоро перекусил запасами из немудрёного офицерского пайка, запил водой – кипятить чай было некогда. Умылся и даже исхитрился принять короткий душ в крохотном отсеке умывальника. К счастью, люди, готовившие для меня машину, предусмотрели всё, что возможно, с истинно военной пунктуальностью: проведя ревизию ящиков, прикрученных к полу и стенам будки-кузова, я обнаружил полный комплект одежды своего размера, включая сменное белье. Там было пальто, больше походившее на шинель, шапка, фасоном напоминавшая фуражку, костюм – такой же, как обычный деловой, но военного темно-зеленого оттенка, высокие зимние туфли из коричневой кожи. Натянув всё это на себя, я покрутился у отражения в полированной металлической поверхности шкафа, и остался доволен: вид у меня был, несомненно, значительный и служивый, хоть и без каких-либо знаков различия. Особенно меня порадовало то, что, сбривая бороду, я оставил усы – тогда мне показалось, что они делают меня похожим на молодого Фредди Меркьюри, зато в сочетании с моим теперешним строгим видом,

растительность, наоборот, придавала мне солидности, делая старше лет на десять. Это было очень кстати, потому что моя собственная потертая кожаная косуха и берцы вряд ли вызвали у суровых пролетариев паровозоремонтного завода должное доверие к моей персоне. Пистолет я засунул в кобуру под мышкой – на всякий случай. Короче говоря, я по-прежнему не представлял, какие испытания меня ожидают, но, без всяких сомнений, ощущал себя вполне к ним готовым.

От вереницы автобусов с рабочими уже и след простыл, и проходная встретила меня тишиной и неприветливым запустением. Бесформенная бабушка-вахтер, облаченная в линялую форму хаки, одиноко смотрела телевизор в наушниках, и не обратила на моё появление никакого внимания. Пришлось постучать по толстому зеленому стеклу её каморки, чтобы она подняла голову и одарила меня равнодушным, невыразительным взглядом. Я сказал, что мне нужен капитан Слизняков, и спросил, где я могу его найти. Старуха пожевала губами и молча подтолкнула ко мне засаленный телефонный справочник, кивнув на аппарат в углу – дескать, сам ищи, не мешай, – а затем снова уткнулась в мельтешащий телеэкран (я не без удивления заметил, что вахтершу увлекло не какое-то содержательное зрелище, а рябь помех, рассматриваемая, видимо, по привычке). Ну ладно: нахмурив лоб, я принялся штудировать слипшиеся страницы с напечатанными на машинке фамилиями и номерами. Искомая строчка обнаружилась на третьей странице, и конечно, я напутал с фамилией: не Слизняков, а просто-напросто Слизень В.Р., мл.-лейт., зав. отд. сбыта. Сняв тяжеленную железную трубку с рычага телефона, намертво прибитого к стене, я набрал четырехзначный номер и стал слушать гудки. Сначала долго никто не отвечал, и я уже думал, что придется дожидаться окончания обеда или искать этого Слизеня где-то ещё, как вдруг гудки оборвались и голос, шамкающий и одновременно окающий на гласных, раздраженно ответил:

– Заведующий у аппарата. Поесть не дадут – перерыв у меня, не видите, что ли? Перезвоните!

Он явно намеревался бросить трубку, но я успел остановить его за миг до этого. Собравшись с духом, я тихим, но угрожающим голосом сказал:

– Подполковник федеральной службы безопасности Борщёв на проводе. Вы – лейтенант Слизень?

В трубке повисла растерянная тишина, а затем раздалось робкое:

– Э-э, да… то есть так точно… то есть никак нет! В смысле, младший лейтенант Слизень! А не лейтенант Слизень!

– Не имеет значения. Я нахожусь на КПП завода. Почему вы ещё не здесь для передачи спецгруза? Жду немедленно.

Не ожидая никакой реакции, я повесил трубку и потянулся утереть пот со лба – но вовремя остановился, увидев круглые глаза бабки, только что осознавшей, какую птицу она оскорбила, безмолвно послав меня куда подальше. Я часто испытываю проблемы в коммуникации с людьми при исполнении, особенно отягощенных синдромом вахтера, – но, кажется, эту репризу я отыграл отменно. Посмотрим, удастся ли мне столь же умело вытащить и остальной спектакль.

Не прошло и двух минут, как через двери проходной влетел, пыхтя и отдуваясь, чрезвычайно полный пожилой человек в потрепанном коричневом костюме. Он так торопился, что забыл надеть шубу, но всё равно его лысина нездорово блестела от жара. Подбежав ко мне, Слизень (а это, без всяких сомнений, был он) протянул было для приветствия руку, но тут же спохватился и неловко вытянулся по стойке смирно, безуспешно пытаясь спрятать живот:

– Младший лейтенант Слизень, Всеволод Рудольфович. Служу здесь по снабжению. Добро пожаловать к нам в Мантурово, товарищ подполковник!

Я несколько смягчился, и даже сам протянул ему руку:

– Борщёв Максим Анатольевич, подполковник госбезопасности. Прибыл к вам из Москвы по сами знаете каком делу. Где груз?

– Максим Анатольевич, дорогой, что же вы нас не предупредили? Мы бы подготовились, организовали встречу по-человечески, а то ждали вас только послезавтра, как в письме… А приборчик ваш – не имею права выносить без накладной, так что извольте за мной проследовать на склад…

Вот как, подумал я, а вслух недовольно пробурчал:

– Ну что ж, давайте тогда работать, да побыстрее. Пройдемте.

Толстяк кинулся открывать мне дверь, чуть не кланяясь. Не знаю, как в этой сцене смотрелся я, а он точно переигрывал: никого он не боялся – ни бога, ни чёрта, ни московских ревизоров, – или за кого он там меня принял…

Территория промзоны гармонично вписывалась в уже знакомые мне пейзажи рабочего местечка Мантурово. За забором раскинулась необъятная, покрытая растрескавшимся бугристым бетоном площадь, по которой тут и там были разбросаны редкие одно– и двухэтажные корпуса. Как минимум, половина из них безрадостно смотрела на меня выбитыми окнами и вообще имела вид заброшенный и нежилой. В углу забора приткнулась котельная с цифрами «1934» на низкой закопченной трубе,

плюющаяся жидким паром сквозь щели в темных кирпичах и раскинувшая по всему заводу щупальца труб с обвисшими лохмотьями стекловаты. В другом углу виднелась пожарная часть с башенкой каланчи, рядом с которой неровной шеренгой стояла побитая жизнью и ржавчиной военная техника: транспортеры без гусениц, древние танки с поникшими пушками и оторванными люками, и даже, кажется, стратегический ракетоносец с несчетным количеством огромных спущенных колес вдоль бортов. Архитектурной доминантой на всем этом постапокалиптическом пространстве (впрочем, не обладавшем даже мизерной эстетикой декаданса и больше всего напоминавшем свалку металлолома и отходов строительного производства) было чудовищных размеров сооружение, растянувшееся у дальнего забора, и вздымавшее свои сплошные, без окон стены, на высоту двадцатиэтажного дома. К этому, по-видимому, ангару или цеху, подходила железная дорога, исчезая в распахнутых настежь исполинских воротах. Оттуда доносился страшный грохот, но что происходило в недрах ангара, видно не было, потому что проем ворот был затянут вырывающимися изнутри клубами дыма.

– Что это у вас? – показал я на здание.

– А, это? Это наша гордость! Боевые ракетные железнодорожные комплексы – слышали? Вот, возрождаем тему. Пока в инициативном порядке, потому что наверху, – он смешно подмигнул и ткнул пальцем в небо, – до поры притормозили. Но ничего, мы и сами справимся… А шум, потому что ребята котел рихтуют, наверное…

– А где все остальные? Почему нет никого? – я обвел широким жестом безлюдную площадь.

– Так сейчас всех соберём! Всех-всех позовём, кого надо…

Произнося эти слова, он подвел меня к широким дверям длинного кишкообразного строения, имевшего вид бетонного цилиндра, наполовину закопанного в землю. У входа была прилеплена красная лаковая табличка с надписью «Арсенал». Слизень достал пучок ключей, отпер амбарный замок и, распахнув дверь, впустил меня внутрь. Вглубь вёл полутемный коридор, с двух сторон уставленный складскими стеллажами с пыльными дощатыми ящиками – вид у них был таким, словно они простояли нетронутыми на своих местах, по крайней мере, лет тридцать. Мой провожатый протиснулся между мной и полками, оказавшись впереди, и вприпрыжку подскочил к дверце с надписью «Материально ответственный», видневшейся в конце прохода. Я последовал за ним.

Это был кабинет, просторный, но пыльный, заставленный шкафами со стопками расползающихся бумажных папок. Бумаги

были навалены и на шкафах, и на письменном столе, оставляя лишь небольшое свободное пространство, на котором красовалась дымящаяся кастрюлька с борщом и гранёная стопка – пустая. Бутылки, правда, видно не было. Всеволод Рудольфович всплеснул руками:

– Ох, виноват, товарищ подполковник, не ждали мы вас, не успели подготовиться… Вот, трапезничал чем бог послал, – он ловко закрыл кастрюлю крышкой и убрал на подоконник, а стопку воровато спрятал в карман брюк. – Вы сами-то успели пообедать с дороги?

– Давайте приступим к делу, – строго ответил я, брезгливым выражением лица демонстрируя, что рюмка и её исчезновение не прошли для меня незамеченными. – Где блок?

– Минуточку, минуточку… – он схватил трубку телефона, покрутил диск и пробормотал в микрофон: – Корней Петрович, зайди.

Потом искательно посмотрел на меня и попросил:

– Документики ваши позвольте, а?..

Я протянул ему доверенность и офицерские корочки. Внимательно все изучив, Слизень вернул мне документы и вдруг вздохнул:

– Да, все правильно. Сейчас будем принимать или отдохнете, может, сначала?

– Давайте-давайте, чего ещё ждать.

Вздохнув еще раз, Всеволод Рудольфович подошёл к сейфу, загремел ключами и извлек на свет зеленый металлический футляр с переносной ручкой, напоминавший миниатюрный снарядный ящик. Рядом легли акт и накладная. Поколдовав с защёлками, Слизень откинул крышку футляра и показал мне содержимое:

– Вот он, – с затаенной гордостью произнес он. – Так-то успели всё досрочно сделать, хоть и времени вы дали совсем ничего. Ну, слава богу, справились… Проверять будете? – он искоса взглянул на меня.

Внутри кейса, плотно занимая весь его объём, уместился серый ящик с прорезями вентиляционных отверстий и какими-то разъёмами. Что бы я в этом понимал.

– Не помешало бы, – я сделал паузу. – Но нет времени.

– Вот и отличненько, – обрадовался Слизень. – Что там проверять, у нас всё как в аптеке!.. Сейчас актик вот подпишем…

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел высокий седой старик в железных очках. Оценив обстановку, он повернулся ко мне и представился скрипучим голосом:

– Пуцько́ Корней Петрович, зам. директора по ОКР и

производству. Майор инженерной службы. Уполномочен вас принять и подписать акт.

Я тоже назвался и поинтересовался:

– А где сам директор? Почему здесь его нет? – Мужчины переглянулись и синхронно развели руками. Тонкий и толстый, подумал я.

– Так это… на больничном, второй месяц уже лечится, – неодобрительно пояснил Корней Петрович. – Так что я за него, выполняю все функции. Вы не переживайте, вот у меня и приказ есть, – он полез за пазуху, но я его остановил жестом:

– Я понял. Подписывайте, – я кивнул на акт, – у меня мало времени.

На самом деле я никуда не торопился, поскольку не представлял, куда и за каким чёртом мне нужно будет двигаться дальше. Но мне было неуютно в этом замшелом индустриальном царстве, хотелось на волю и морозного воздуха. Корней Петрович достал из кармана пиджака металлическую авторучку.

– Вообще-то, товарищ подполковник, – строго произнес он, – нехорошо получается. Мы вам целую программу запланировали. Испытаний прибора. Чтобы вы на нас тут посмотрели и потом в Москве объективную картину обрисовали. О наших возможностях и перспективах. Теперь, придется, конечно, в сокращённом варианте, однако если дела вам позволяют, я просил бы вас задержаться.

– В самом деле, Максим Анатольевич, – проблеял Слизень, – оставайтесь, посмотрите всё. Старались же люди, стол вот уже приготовили… – он осекся под взглядом Пуцькá, но закончил: – Часика полтора-два, не больше, а? Успеете к вечеру ещё в Кострому вернуться, обещаю! Мы вам водителя дадим, если захотите…

Внезапно я подумал, что неплохо бы пообедать. Непонятно, когда в следующий раз выдастся такая возможность. Поэтому, сделав вид, что мучительно размышляю, я заявил:

– Ладно уговорили. Только недолго!

Всеволод Рудольфович облегченно хлопнул в ладоши и снова схватил телефон:

– Тетя Петя! Боевая готовность пять минут, ждите гостей!

* * *

Три часа спустя (солнце уже покраснело и исчезло из узенького окошка в деревянной стене напротив) я сидел, подперев голову, за широким столом из струганных досок, и слушал, как Пуцько и Слизень тонкими, не лишенными мелодичности голосами, выводит в терцию: «Нееее для меня-а-

аа… Приде-о-от вясна!..» Стол был заставлен бутылками и тарелками с нарезанными помидорами, шашлыком с лучком, солеными огурцами и прочей непритязательной снедью. Мои визави – все трое, вместе с присоединившейся бухгалтершей Петунией Львовной, – только что вернулись из парилки и поэтому сидели красные, горячие, обмотанные влажными простынями. Оказалось, что на заводе есть своя баня, прилепившаяся к стене котельной – на удивление чистенькая и уютная, особенно по контрасту со всем окружающим бардаком. Именно в неё меня и привели, чтобы продемонстрировать «северное гостеприимство», как выразился Корней Петрович. Петуния Львовна, сочная дама хорошо за сорок, со следами былой красоты и необъятными бедрами, отчасти даже добавлявшими ей шарма, организовала роскошный стол, богатство которого определялось, в основном, разнообразием спиртного. Когда я начал отнекиваться, у хозяев стал такой разочарованный и растерянный вид, что от первого стакана отказаться стало невозможно, а потом уже и незачем. Сейчас бухгалтерша не участвовала в музыкальных занятиях мужчин: она сосредоточенно промакивала вышитым платочком потекшую после сауны тушь, умудряясь при этом откровенно строить мне глазки. Чемоданчик с устройством мирно лежал рядом со мной на лавке.

Корней Петрович внезапно оборвал песню и припал к кружке с пивом. Всеволод Рудольфович закурил папиросу и мечтательно заявил:

– А хорошо сидим, правда, товарищи? Красота же. Как вам у нас, Максим Анатольевич?

– Здесь вполне, – сказал я ему, – но вот вначале показалось пустовато. Люди, конечно, у вас замечательные, но на предприятии всё же чувствуется некоторый упадок…

– Нет-нет-нет, – тут же загорячился толстяк, – позвольте не согласиться! Сейчас у нас такой подъем, о котором раньше и мечтать не приходилось! Я на завод ещё совсем сопляком пришел, с самых низов начинал, помощником сантехника в управлении. И чего же? Два годика проработал нормально, как сыр в масле катался, а как из армии вернулся – всё, закончился СССР, и сладкая жизнь тоже закончилась. Решили вдруг начальнички демократические, что армия нам не нужна, ну и завод тоже не нужен. Да как так-то?! У нас тут в поселке четыре тысячи работяг, с детками, с женами, с родителями, всего тыщ пятнадцать будет. На нашем заводе тыща триста, да на Первой Промзоне две семьсот, и это сейчас, а в советское время ещё больше было. Ну вот, завод не нужен, город не нужен, что делать прикажете? Так и перебивались подстаканниками, да ещё титанами поездными –

как ни крути, тема-то железнодорожная… Помню, съездил вот Корней Петрович в главк, выбил заказ от РЖД на партию педальных унитазов в пассажирские вагоны. Вот счастья было – полные штаны. А при новом президенте – ого-го! Живем, как цари. Во-первых, есть госзаказ. Не густо, но хошь – ни хошь, а зарплату получаем, семьи уже от голода не сохнут. Грибы в лесу теперь для удовольствия собираем, а не в запас. У нас вот даже обычный разнорабочий уже шесть пятьсот получает, да плюс тринадцата зарплата, да с каждым годом всё лучше. Потом, раньше закрытый город был, а теперь свобода. Хошь в Кострому езжай, да хоть в Ярославль или там, в Крым – в первом отделе отметку получил, и всё. А батя вот мой, например, как сюда попал по распределению в сорок третьем, так и сидел инженером безвыездно до девяностых… Так что другая жизнь у нас таперича пошла, Максим Анатольевич, совсем другая. И дайте нам время – мы наш завод любимый с колен поднимем и в передовики производства выведем!

Завершив свою речь, Слизень с чувством хлопнул рюмку и впился в скользкий помидор, тут же брызнувший рассолом в сторону Корня Петровича. Тот, поглощенный спором, даже не заметил этого. Всю дорогу он внимательно слушал своего коллегу, неодобрительно качая головой, и теперь решил исполнить оппонирующую партию. Подчеркнуто артикулируя слова, он заговорил:

– Неправильно ты говоришь, Сева, не соглашусь с тобой. Это правда, сейчас лучше, чем при гондонах этих либеральных. Но ты молодой, и прошлого не помнишь. А я тут с семьдесят пятого тружусь, и вот, что я тебе скажу. Раньше был план, понял? А что такое план по сравнению с твоим сраным госзаказом? Это значит, что на пять лет вперед ты знаешь, что будешь делать, допустим, десять изделий в год, и ни шагу в сторону. Больше нельзя, но и меньше нельзя. И деньги тебе по расчету – и тоже на пять лет вперед. Ясно, сколько, когда и у кого получишь. И жизнь была спокойная, красивая – не то, что сейчас. Эх, помню, году эдак в восемьдесят четвертом завершаем мы квартал. Все сдали, акты о военной приемке подписаны – тут прилетает куратор из Москвы, говорит – шабаш, стоп, некуда отгружать, вот письмо из министерства средней промышленности. А мы ему – а нам хуйли делать? Вся площадка забита этими дурами на хранении, освобождать надо, а то новые ставить некуда. А он – ебитесь как хотите и с кем хотите, а приказ есть приказ. Ну, мы посоветовались с товарищами, тягачи загрузили – и за десять километров на Первую промзону, да на утилизацию по хозрасчету. Сидим и трясемся – отгрузки же в войска не было не

было, значит, и денег не дадут? Дали, как миленькие. Потому что план есть план. Потом, кстати, мы уже по накатанной повторяли – только изделие из цеха выходит, мы его цап на транспортер – и на Первую. Хороший там директор был, с пониманием, царствие ему небесное, хоть и партийный.

Ну а сейчас что же? Сегодня есть заказ, завтра хрен пойми что. Баргузины эти идиотские сказали собирать, через три года отменили, дали вот заказ товарища подполковника, – он показал на меня вилкой с наколотым грибком. – Хорошо, конечно, что подкармливают, но это же пенсия, а не работа – просто денег кидают, потому что понимают, что от вторых девяностых народ вспухнет и из кадки полезет. Хотя я вам так скажу – хер там плавал, никто даже не пикнет. Говно у нас народец. Это вы не подумайте, я и про себя тоже… А что, скажете, не говно? Ты меня не успокаивай, Всеволод, дай скажу! Я тебя не перебивал!

Он с горечью отхлебнул из кружки и сказал уже спокойнее:

– Вот вы, Максим Анатольевич, правильно заметили, что убогость у нас и застой. Времени сколько?.. – он поднес пустое запястье к носу и чертыхнулся: – Где часы-то? Да хрен с ним, рабочее время, явно же, а народ весь домой сбежал. На обед три автобуса уехало, а обратно сколько вернулись? Потому что нет работы, один онанизм на пустом месте. Перекладываем деталь с верстака на полку и обратно. А почему, я вас спрашиваю? Потому что руководитель наш политический, не побоюсь этого слова (тут он все-таки понизил голос и огляделся) – он кто? Он пожилой же человек! Он на перспективу уже не смотрит. Думает, вот ещё пару лет продержаться с нормальной жизнью, а потом бог даст ещё пару, а что-либо всерьёз делать – да на хера? Если так все уверены, что теперь жить лучше – вот, как наш Всеволод, – то зачем стараться, и без этого поддержка есть, правильно? Ты же, Петька, тоже думаешь, что при нынешнем президенте всё шоколадно?

Петька-Петуния испуганно прижала руку к дебелому бюсту и с опаской посмотрела в мою сторону. Пуцько, видимо и сам понял, что заехал не в ту сторону, потому что закашлялся и скомкано закончил:

– То есть я что хочу сказать? Что теперь у нас всё реформы да реформы, которые непонятно к чему приведут.

– Да… – невпопад сник Всеволод Рудольфович, – тридцать лет на заводе пиздячить – это тебе не поварихе под колпак присунуть.

Эта загадочная фраза странным образом вдохновила Корнея Петровича на новую сентенцию:

– То есть нет! Я же не это совсем хотел… Я так считаю – вот

Владимир Владимирович у нас с большой буквы человек, истинный лидер. Но вот прижал он всяких пиздюков вонючих этих, либерастов, журнашлюшек этих, олигарщину, всех победил. Зачищено поле для деятельности, делай, всё что душа просит… Народ поддержит! И мы, каждый, поддержим ведь, так? Так ёб вашу мать, давайте уже дело делать, а не суходрочкой вот этой заниматься: сёдня есть заказ, а завтра штаны спустили и обосрались по жидкому! Вся полнота власти у тебя в руках, все рычаги – так возьми и ебни так хуем по столу, чтобы в стране жизня нормальная началась! Нет, все медлит, ждёт чего-то…

– Не доживем до счастья, видать, – плаксиво подстроился Слизень.

Корней Петрович горестно махнул рукой и промочил водкой осипшее от долгих речей горло:

– А всё же раньше план был и о людях думали. Да и хуй стоял.

Бухгалтерша расхохоталась:

– Ох, да ты-то не прибедняйся, Корнюша! – она хлопнула деда по плечу. Тот польщенно ухмыльнулся.

– Чего вы тут муть тоскливую развели, мужчинки? Веселья хочется! Эх, молодёжь что ли вам позвать?..

Слизень оживился:

– Да-да, Максим Анатольевич, молодёжь у нас золотая! Сейчас сами увидите. Давай, Петя, приглашай.

Тетка в очередной раз игриво посмотрела на меня, вытащила позолоченный сотовый телефон чрезвычайно дорогого вида, и радостно заголосила в него (пришлось перекрикивать Корнея Петровича и Всеволода Рудольфовича, которые уже затянули следующую песню – на этот раз про дом с резным палисадом):

– Алё, красавица! Ну ты чё, освободилась там у себя? Давай солнце мое, лети птичкой, заждались тебя! – она закончила разговор и сообщила нам: – Сейчас прибежит. Я ж всё знаю, что вам, кобелинам, надо, она у меня с обеда заряжена, скучает у себя в лаборатории.

Не успели старшие товарищи допеть про Вологду – они уже подустали и начали путаться в словах, с жаром перебивая друг друга и выясняя, чей вариант правильней, – как дверь с улицы распахнулась, и в клубах белого пара впорхнула щуплая, совсем молоденькая рыжеволосая девица с маленьким хитрым личиком. Вид четырех полуголых людей её ни капли не смутил: она быстро скинула куртку, сумочку зашвырнула на скамейку подальше от себя, с ходу плюхнулась на колени заулыбавшемуся Слизеню и, как само собой разумеющееся, тут же храбро опрокинула в рот поднесенный им стакан с вермутом. Зеленые глаза её тут же

повлажнели, а сама она с интересом уставилась на меня:

– Здравствуйте, я Надя, стажер из лаборатории! – я так вздрогнул, что чуть не свалился с лавки. Как, и она тоже?!

Она заметила лежащий рядом со мной футляр и добавила:

– Вот, как раз эту штуку мы для вас делали, и я тоже. А вы кто?

– Надежда! – строго одернула её бухгалтерша, – не тараторь. Это Максим Анатольич, большой человек из Москвы. Приехал к нам в гости за этой вашей пакостью, – она тоже кивнула на прибор и обратилась уже ко мне: – Вы, товарищ подполковник, не смотрите, что Надька такая пизденка лядащая. Она у нас, конечно, рахитичная как смерть, но баба огонь, такое вытворяет!

Произнося эти слова, Петуния Львовна отечески улыбалась и похлопывала свою протеже по коленке. На мой взгляд, озвученная ей характеристика ввергла бы в шок любого человека, тем более женщину, но девушка совсем не смутилась, а радостно закивала головой:

– Вы такой представительный, – громко заявила она мне, – надолго к нам пожаловали? Хочу познакомиться с вами получше, не возражаете?

Я только изумленно прокашлялся, не зная, как себя вести. К счастью, бойкая Надя потеряла ко мне интерес и обратилась к Пуцьку:

– Корней Петрович, поухаживайте за дамой, плесните ещё бокальчик… – она пьянела на глазах. Мужчины казались совершенно растаявшими, а от враждебной атмосферы, протянувшейся между ними несколько минут назад, не осталось и следа.

– Ну что, с девочками да в парилочку? – похабно подмигнул мне Слизень. – По-взрослому, чтоб душа дышала?

Снова вздрогнув от такой развязности, я отказался:

– Нет, душно что-то. Пойду прогуляюсь…

– А, ну так сортир направо, не промахнетесь… Вы, когда вернётесь, не стесняйтесь, заходите, мы греться пойдем.

Натянув брюки и пальто, и лишь чудом не запутавшись в них, я вышел из комнаты. Я чувствовал себя здорово пьяным, но ноги пока держали. На улице было морозно; солнце уже совсем ушло за забор, и его отблески были видны лишь на далёких стенах чудовищного ангара. Дневной шум стих, и на завод опустилось безмолвие. Мимо прошла толстая кошка, покосилась на меня недобрым глазом и сгинула в вечерней темноте.

– Эй, гражданин начальник, – раздался за спиной скрипучий голос, – табаку не будет?

Позади меня стоял, покачиваясь, дворник или сторож с

длиннейшей сизой бородой и ржавым ломом в руках. Он мрачно смотрел на меня, подозрительно щуря кустистые брови. Даже несмотря на выпитое мной самим, я не мог не почувствовать густейший запах сивухи, исходивший от этого персонажа.

– Нет, уважаемый, не курю, – ответил я.

Дворник сплюнул себе на валенок и почесал бороду:

– А это… Надолго вы там? Мне территорию закрывать положено.

Я посмотрел на ярко освещенное окно бани, из-за приоткрытой форточки которого доносились взвизгивания и гогот, и пожал плечами.

– Подозреваю, теперь уже надолго.

Я пробыл на улице минут десять, не больше, но за это время мирные посиделки технической интеллигенции и приглашенных лиц перешли в стадию совершеннейшего безобразия. По полу тут и там валялись детали дамского туалета, а вся компания дружно перебралась в парную. Дверь за собой они закрыть не удосужились, поэтому картина вакханалии, которую они там устроили, открылась мне во всей своей неприкрытой красе. Всеволод Рудольфович по-собачьи стоял на полке, хрюкая и дрыгая толстым задом, покрытым синими прожилками. Из-под его брюха выглядывала зажмуренная мордочка лаборантки Нади с закушенными губами. Под каждым тычком Слизеня эта любвеобильная особа коротко пищала, как резиновая утка, зажатая в кулаке, а её тощие ноги, высовывающиеся между жирными ляжками завхоза, бились по доскам. Одна из пяток при этом дружески постукивала по виску Петунию Львовну. Та же не обращала на эти удары ни малейшего внимания, поскольку самозабвенно отдавалась не менее увлекательному занятию: сидя на корточках, она зарылась лицом в пах Корнея Петровича. Последний, в свою очередь, покровительственно придерживал бухгалтершу за пергидрольный затылок, блаженно задрав в потолок очки, На мягкой пояснице труженицы балансового учёта расплывалась синяя татуировка, сделанная, по-видимому, старательным, но абсолютно бездарным в художественном смысле мастером: голая баба, сладострастно обнимающая обоими руками здоровенный скрипичный ключ, а выше была еще одна: кудлатый черный человек с дьявольскими рожками, клыками и остроконечными ушами. Разврат происходил в относительной тишине, нарушаемой лишь пыхтением, взаимным шлёпаньем по голому, да глухими взвизгами девушки. Смотреть на это было стыдно, а оторваться – сложно, и для того, чтобы преодолеть этот диссонанс, мне пришлось немедля выпить полную рюмку водки.

Дальнейший балаган проще было классифицировать как

беспорядочный свальный грех. Надю не выпускали из парилки – она все время была занята то с одним, то с другим, а то и с обоими вместе, а алкоголь ей доставляли прямо на полку. Я угрюмо наливал себе стопку за стопкой, а Петуния, лишившись кавалеров, похотливой змеей вилась вокруг меня, то завлекая будто бы ненароком выпавшей грудью, то задевая тяжелым бедром. К сожалению, все её прелести я уже имел возможность в подробностях рассмотреть через открытую дверь, поэтому упрямо демонстрировал к ним равнодушие. Отчаявшись, толстуха пристроилась рядом, обняла за плечи сдобной рукой и стала жарко нашептывать мне в ухо всякую чушь про задор молодости и прекрасных принцев, отхлёбывая шампанское прямо из горлышка бутылки. Я не мешал ей, отпихивая лишь тогда, когда она совсем уже неприлично начинала заваливаться на меня своими килограммами. Признаться честно, худенькие плечи рыжей Нади, пьяный смех которой непрерывно доносился до моих ушей, вызывали несколько большее волнение, чем неопрятные телеса бухгалтерши, но, несмотря на неоднократные приглашения присоединиться к честной компании, я держался как скала. Не для того я ввязался во всю эту тревожную историю, чтобы блядствовать с девками сомнительных моральных качеств. И вообще, та, другая Надя, всё равно красивее – уговаривал себя я, и пока не без успеха.

Как и следовало ожидать, надолго старичья не хватило. Оргия быстро угасла, сменившись коллективным расслабленным отупением. Утомившийся Всеволод Рудольфович мирно спал, расстелив щеки на блюде с растаявшим заливным. Петуния Львовна, осознав безосновательность своих претензий, отстала от меня, и теперь тоже храпела, задрав подбородок и вывесив напоказ вымя с бесформенными бурыми сосками. Девушка Надя забралась с ногами в кресло у стола и копалась в своём телефоне. Её волосы слиплись, а бледное веснушчатое тело блестело от пота. Из старшего поколения какую-никакую ясность сознания сохранил только Корней Петрович. Вяло отмахивая стаканом, от втолковывал мне:

– Да куда ты щас поедешь?.. Ночь на дворе, оставайся до утра отдохнуть, у нас гостевая есть. Давай, не глупи…

– Он не проедет, – сказала Надя. – Тут пишут, что занос на трассе, дорога перекрыта. Так что без вариантов.

– Во, Надька дело говорит, хоть и дура. Ой, Надюш, прости… Петька!!! – гаркнул он вдруг, ткнув ладонью в лицо дамы – та повалилась на бок, не просыпаясь. – Нет, эта жопа уже никуда не пойдет… Надька! Ну-ка, проводи гостя в наши апра… апара… да тьфу бля, в номер для гостей!

Какого черта, подумал я. Никуда тащиться категорически не хотелось, и ещё меньше хотелось сейчас возвращаться в остывшую машину. Всё равно ведь с места я сегодня не сдвинусь, потому что садиться за руль – что? Правильно! – надо трезвым.

– Да, Надежда, – промямлил я, – вы уж проводите меня, пожалуйста. Что-то я притомился у вас.

– Заметно, – подтвердила девушка, нехотя поднимаясь. Она повернулась к нам спиной и беззастенчиво наклонилась, собирая разбросанные вещи.

– Во дает, – восхищенно пробормотал Пуцько и, наконец, тоже вырубился.

Собравшись и слегка приведя себя в порядок, Надя без капли смущения засунула себе в сумку одну из нетронутых бутылок со стола, а затем спокойно взяла меня под руку.

– Пойдем, – позвала она, – хреновину свою не забудь, за которой приехал.

Вдохнув ночной весенний воздух, я почувствовал себя лучше – не могу сказать, что в голове прояснилось, но, по крайней мере, застилающая ум алкогольная муть приобрела свежий привкус оптимизма. Надя вела меня вглубь завода, обходя какие-то будки, глубокие лужи и груды кирпичного боя. Наконец, показался качающийся на ветру фонарь, а за ним – небольшое двухэтажное строение с железной лестницей, поднимающейся наверх, и опоясывающей стены галереей – впрочем, совершенно лишенной изящества. Под лестницей мигала тусклая уличная лампа, еле освещающая вход на первый этаж.

– Пришли, – сказала моя спутница. – Щас не шуми.

Она потянула дверцу, и мы оказались в небольшой каморке, по-видимому, выполняющей функцию вахтерской. На стуле, прислонив косматую голову к стене, тяжело спал тот самый сторож, безуспешно просивший у меня закурить. Под ножками стула валялась пустая чекушка, а за спиной деда висела утыканная гвоздиками доска с ключами. Надя, осторожно вытянувшись и привстав на мыски, сняла один из них и жестом поманила меня обратно. Мы снова очутились на улице, обошли дом сбоку и поднялись на верхний этаж с единственной дверью.

– Всё, – сказала девушка, протягивая мне ключ, – вот тут наши гостевые хоромы. Пока, что ли?

– Спокойной ночи, – совершив некоторое нравственное усилие, я заставил себя попрощаться и взялся за ручку двери. Девушка, однако, не уходила, странно глядя на меня и неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Слушай, – сказала она, – пусти меня в туалет, а? Старые козлы напустили полную задницу, сейчас по ногам побежит.

Пустишь?

В несчетный раз за вечер подивившись, как легко детская непосредственность в общении уживается с абсолютно недетскими манерами поведения, я пожал плечами и распахнул дверь:

– Да без проблем…

Комната была обставлена крайне скудно – впрочем, каких удобств я мог ожидать на этой паровозной промзоне? Выцветшие занавески, окно с голубенькими шторами, стол, стул, шкаф, неширокая кровать, да ещё дверь санузла – такая тонкая, что я отчётливо слышал, как покряхтывает запершаяся там Надя. Я совершенно валился с ног, поэтому бросил тяжелый кейс на стол и, не раздеваясь, рухнул в постель. Прикрыл глаза на секунду, а открыв их снова, обнаружил рядом с собой Надю, сидящую на краю кровати и осторожно толкающую меня в бок. Свет был потушен, и на фоне окна, освещенного снаружи фонарем, я видел только её силуэт с растрепанными химическими кудряшками. Пьяно покачиваясь, она проникновенным шепотом врала обычную бабскую чушь:

– Ты не бойся, я сейчас уйду. Не думай, я не такая… Просто тут скучно до чёртиков, заняться нечем совсем. Я же универ закончила в Костроме, думала – физиком буду, а попала сюда. А тут вот эти козлы придумали меня подкладывать под каждую приезжую сволочь, да и сами вызывают через день. Ну я и рада, у них же денег до фига, они ж разворовали тут всё, вот и покупают мне, что захочу. И сами вокруг меня пляшут – “Надюша, Надюша”, вот я и ведусь, как идиотка. Даже однажды подрались из-за меня, придурки. Ничего, что я всё это тебе рассказываю? Поговорить тут тоже не с кем. А ты завтра уедешь, и всё забудешь, да?

Я промолчал – мне было всё равно и страшно хотелось спать. Девушка наклонилась ко мне:

– Слушай, а можно я у тебя останусь? До посёлка переть три километра по лесу, а тут я тихонечко посижу и мешать не буду. Можно, а?

И конечно, сразу же стала мешать. Не дождавшись моего ответа, плюхнулась боком ко мне, обняла ногами и потянулась к ширинке. Я вяло отпихнул её руку.

– Нет.

– Ну ты чего? Как тебя звать-то? Максим? Ты давай, Максим, расслабься, я сама всё сделаю… Да что я, не нравлюсь разве?!

– Нравишься, нравишься… Просто есть другая – там, откуда я приехал. Тоже Надя, между прочим…

– Пф-ф, ну так вообрази, что я – это она, и поехали. Так даже

проще будет. И ты что, думаешь, тут все остальные паиньки? У этих старых алкоголиков уже и внуки есть, не то, что жёны!

– Ну нет, вы настолько разные, что и вообразить невозможно. Я сказал, отстань!

Но у меня не было сил толком сопротивляться. Узкая девичья рука уже очутилась в ширинке моих брюк, и избавиться от неё не было решительно никакой возможности. Поэтому я поступил самым естественным образом, разом устранив нравственные противоречия: закрыл глаза и немедленно заснул.

21 марта

Проснулся я затемно, испытывая непреодолимое желание сходить в туалет. Голова была такая ватная и тяжелая, что мне никак не удавалось понять, где я и что вокруг происходит. Разлепив глаза, я обнаружил перед собой только бесформенное темное пятно на ярком фоне, и долго не мог сообразить, что вижу. С горечью во рту я подумал, что мешать водку с портвейном было абсолютно недальновидным решением. И это крохотное воспоминание о том, что я вчера пил, неожиданно послужило центром для кристаллизации других мыслей. Осознание реальности постепенно возвращалось ко мне. Взгляд, наконец, сфокусировался, а невнятный силуэт, который маячил в поле зрения, вдруг сложился в субтильную женскую фигурку, осторожно позвякивающую непонятными предметами на столе. Я вспомнил, что именно там оставил доверенное мне устройство, а значит, происходило явно что-то незапланированное и даже опасное.

– Ты что, охренела?! – изумленно прохрипел я, обращаясь к фигуре.

Надя (а это, конечно, была она) тихо взвизгнула, подпрыгнула на месте и обернулась. В руке у нее помаргивало лампочкой устройство, похожее на паяльник с длинным хоботом. Крышка футляра была открыта, и мне это совсем не понравилось. Увидев мои расширившиеся от удивления глаза, девушка, и не теряя не секунды, рванулась к выходу.

– Стоять!!! – заорал я, шаря под одеждой в поисках кобуры. К счастью, оружие было на месте. Ухватив тяжелую рубленную рукоять и нащупывая предохранитель, я бросился в погоню. Вылетев за дверь, я в два скачка настиг воровку у самого края гремучей лестницы. Она панически обернулась, и я уже приготовился схватить её за одежду, но тут раздался хлопок, и Надя будто сама прыгнула мне навстречу, сбив с ног и повиснув на железных перилах.

– Да здравствует Северное Сопротивление!.. – тонко пискнула она, закрыла глаза и свалилась в обмороке на решетчатый пол галереи. Я заозирался вокруг, пытаясь понять, что происходит, как вдруг грохнул второй выстрел, и пуля ударила в стену совсем рядом с моей непутевой головой. Как последний кретин, я ещё и приподнялся, чтобы посмотреть, откуда стреляют – это было крайне неосмотрительно, но мне повезло: в лунном свете я успел заметить, как за угол сарая, расположенного в полусотне метров, ловко метнулась фигура с развевающейся бородой и двустволкой

в руках. Да это же дворник-сторож! – ужаснулся я. Допился до белочки, старый алкаш!

Из-за сарая снова высунулось дуло ружья, но я уже пришел в себя и вспомнил, что тоже вооружен – выхватил пистолет и, наскоро прицелившись, нажал на спусковой крючок. Я намеревался дать очередь поверху, чтобы он не высовывался и дал мне дождаться помощи (должен же, наконец, кто-нибудь явиться и скрутить сумасшедшего), но эффект, произведенный выстрелом, многократно превзошел мои ожидания. Немаленький сарай мгновенно рухнул, провалившись внутрь себя, а в следующую секунду с грохотом разлетелся в стороны, со страшной силой разбрасывая в стороны бешено вертящиеся доски и обломки кирпичей. Меня отбросило назад, к ощутимо качнувшейся стене домика, послужившего мне ночным приютом (в последний раз, полагаю), в то время как отовсюду вокруг с веселым звоном вылетели стекла. Слегка очухавшись, я озадаченно посмотрел на пистолет и выругался, не слыша себя: торопясь, я случайно передвинул предохранитель дальше, чем надо. Вот это да, правильно меня ругали в школе за невнимательность: осталось только и впрямь подорвать этой штукой самого себя… А что там наша врунишка Надя?

С опаской поглядывая на груду пылающего мусора на месте сарая – маловероятно, конечно, что там мог кто-то уцелеть, но я слышал, что сильно пьяные люди могут демонстрировать чудеса живучести, – я на четвереньках подполз к девушке. Она лежала ничком, её спина блестела от крови, но осмотрев повреждения, я понял, что всё не так страшно. Надя получила пулю навылет в ягодицу, и была вполне жива, просто без сознания. Вряд ли от травмы или кровопотери, скорее, от шока: ощупав пострадавшее место, я убедился, что рана уже почти не кровоточит. Значит, скоро придет в себя.

Мои перепуганные стрельбой и взрывами инстинкты истерически требовали что-то делать, срочно действовать, бежать в любую сторону, только подальше отсюда, но из-за похмельной мути в голове я никак не мог собраться с мыслями. Единственное, на чём я смог уверенно сосредоточиться, так это на том, что по-прежнему хочу в туалет. Потом мне в голову пришло, что неплохо бы перевязать Надю, а значит, нужна какая-то тряпка, а значит, нужно идти обратно в комнату. Так я и поступил.

Нехорошо, конечно, – но вместо того, чтобы немедленно вернуться и заняться перевязкой раненного человека, я устремился прямиком в сортир. Это меня и спасло.

Не успел я расстегнуть штаны, как в комнату ударили выстрелы, с потолка посыпались куски штукатурки, и жалобно

задребезжали остатки стекол. Теперь я уже был учёный: не кинулся, сломя голову, наружу, а рухнул на пол и осторожно высунул один глаз из-за косяка. В комнате стало очень светло: яркий свет лился и из разбитого окна, и из здоровенных дыр, возникших в стене напротив выхода. Стреляли с той стороны. Снаружи взревел голос, до невозможности усиленный мегафоном:

– НАДЕЖДА, СУКИНА ДОЧЬ!!! БЫСТРО ВЫЛЕЗАЙ, ШАЛАВА!!! МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ТЫ ТАМ!!!

Три мысли посетили меня одновременно. Первая, что сторож, или кто он там, действовал явно не в одиночку, и не по своей инициативе. Тут целая облава. Вторая, что им, оказывается нужен не я, а маленькая потаскушка Надя. Это было удивительно – почему-то до этого я был уверен, что настоящей целью бородатого киллера был я сам. Третья – что отсюда нужно срочно убираться.

В окно продолжала литься громогласная брань:

– И ёбыря своего выводи!!! Эй, ёбырь, выходи, не ссы! Отпиздим и отпустим, бля буду!!!

Ну, хватит. Я подполз к столу и стащил вниз футляр. Не знаю, что там пыталась делать с ним Надя, но прибор выглядел совершенно нетронутым; пули, к счастью, тоже пощадили его. Я захлопнул крышку и отбросил кейс к двери. Потом, разобравшись с предохранителем, вскинул руку над столом и дал длинную очередь в окно. Громкоговоритель удивленно замолчал. Я подумал, перевел рычажок ниже, и, зажмурившись, выпустил в окно и ракету – на всякий случай. Там немедленно ужасающе грохнуло, вспыхнуло, а дом опасно накренился, совсем уже, кажется, собираясь развалиться. Потом снизу снова грянули выстрелы, но уже редкие и не такие дружные. Плевать на них – я уже был у двери. Подхватив чемоданчик, выскочил наружу и побежал в сторону лестницы. На секунду притормозил у девушки, все так же безжизненно лежавшей на мерзлом полу. Что делать с ней? Перевязку явно придется отложить, но имел ли я право оставить её здесь, в окружении недоброжелателей, сошедших с ума людей с оружием?

А, да пошло оно всё – тоже мне, право-лево, человека надо спасать, а там разберемся. Пистолет пришлось сунуть в карман; закинув тело Нади на плечо и придерживая за ноги, я подхватил свободной рукой чемодан, скатился по лестнице и огляделся в поисках пути отхода – или, если угодно, бегства. Площадь завода теперь была совсем уже неотличима от декорации из какой-нибудь урбанистической антиутопии, рисующей дымящиеся остатки цивилизации после ядерной бомбежки: вся она была залита холодным светом из прожекторов, закрепленных на высокой крыше главного цеха, а в контрастных тенях,

оставлявших в окружающем пейзаже только два цвета – белый и черный, метались клубы дыма над тлеющими развалинами. Вдали прыгали и вопили – то ли от ярости, то ли от страха, – какие-то расхристанные фигуры, и вторил им дуэтом многоголосый собачий лай. Трещали то ли моторы, то ли выстрелы, а где-то позади неуверенно вякал, не сдаваясь, мегафон. Во всем этом бедламе было не так просто сориентироваться и понять, в какой стороне находятся ворота проходной. С трудом разобравшись, что к чему, я выбрал кратчайшее направление и со всех ног я бросился к забору. По счастью, в последнее время я не пренебрегал силовыми упражнениями, и легкое Надино тельце не было серьёзной помехой для бега. Больше мешал чемодан, ударяясь о колени и не давая отмахивать рукой. Дважды мне повстречались бегущие наперерез фигуры, и я настороженно останавливался, пытаясь достать пистолет – но, к моему немалому удовлетворению, они сами в панике шарахались в стороны, едва завидя меня. То ли никто не понимал, что происходит, то ли никому не было до меня дела. А может быть, наоборот, все слишком хорошо осознавали, что меня лучше не пытаться остановить.

Двери проходной, конечно же, были заперты. Кроме того, мне крайне не понравилось, что из-за закрытых ворот, с улицы, доносятся резкие выкрики, а в щелях забора отсвечивают синим всполохи полицейских маячков. Поразмыслив, я решил воспользоваться остатками преимущества неожиданности, которые у меня оставалось, и сменить тактику с бегства на нападение – вряд ли поджидавшие меня служаки ждали, что я начну ломиться к ним прямо сквозь ограду. Не отпуская Надю, я отпрыгнул на пару шагов назад, опустил чемодан, прицелился, и последней ракетой разнес вдребезги участок забора рядом с КПП – надеясь, что мой бронированный вездеход, стоявший где-то рядом, обойдется без серьезных повреждений. Так и вышло: машина была на месте, засыпанная пыльным мусором, но целёхонькая, и, схватив всю свою поклажу, я ринулся в пролом. Краем глаза успел заметить мигалки двух патрульных машин, съехавших в кювет, и, не обращая на них внимания, распахнул дверцу кабины, швырнул туда Надю и забрался сам. Стало чуточку спокойнее, но надо было немедля уносить ноги с этого проклятого завода. Перебравшись через тело девушки на водительское место, я запустил двигатель и тут же рванул вперед, уносясь от завода и от посёлка, не зная даже, есть ли в той стороне дорога. Мне повезло: через несколько сотен метров я вылетел на перекресток, наугад свернул направо и помчался по очередному шоссе, тонкой линией уходящему вдоль пустынной

холмистой равнины.

Крутя руль, я раздраженно размышлял о том, что вот уже второй раз за сутки улепетываю от пальбы и шума, и всё это, в самом деле, начинает здорово надоедать. Ведь я не какой-нибудь там идиотский Джеймс Бонд без страха и упрека, а, надо признать, в высшей степени мирный и благонадежный гражданин, который в обычных обстоятельствах и мухи не обидит… И всё же теперь ясно, что раз меня дважды пытались убить, то всё серьезно, кому-то я наступаю на больную мозоль, а Наде – той, моей Наде, а не этой, конечно… действительно угрожает опасность. Хотя и эта-то, вторая, чудом жива осталась. Я покосился на измазанное лицо подпрыгивающей на соседнем кресле девушки. Надо же её перевязать, совсем забыл…

Взлетев на небольшую возвышенность, я остановил машину и внимательно осмотрел окрестности. Не знаю, сколько я успел проехать, но погони, кажется, не было. Наступало утро, и выползающее из-за горизонта клюквенное северное солнце освещало совершенно безлюдную местность, волнистую от невысоких холмов, переходивших в мелкие балки. На заснеженных просторах не было видно ни единого деревца, только кое-где на пологих склонах темнели заросли кустов. Всё было спокойно.

Однако именно это мирное, и, на первый взгляд, безопасное место преподало мне новый урок того, что расслабляться без особой на то необходимости не следует никогда. Я ещё не подозревал об этом, но очередная угроза надвигалась на меня со всей возможной поспешностью.

«Никуда не уходи» – пробормотал я в сторону неподвижной девушки и вылез наружу. Помощь помощью, но надо же, наконец, сходить в туалет! Я пристроился за колесом машины, и только-только начал чувствовать облегчение, как на дороге, петляющей вниз и вверх по полям, возникла быстро приближающаяся блестящая точка. Её скорость была такой, словно ко мне неслась гоночная машина, и я даже не успел толком разнервничаться, как на обочине, резко взвизгнув тормозами, замер длинный, приземистый автомобиль с мелькающей полосой огней и бело-синей эмблемой «ДПС». Этого ещё не хватало!

Из машины, не торопясь и придерживая рукой норовящую свалиться фуражку, выбрался тучный гаишник. Подошёл поближе, осмотрел мой вездеход и отдельно – меня, торопливо застегивающего пуговицы. Коротко приложил руку к голове:

– Лейтенант Шмаров, отдельный батальон ГИБДД Межевского района. Это ваша машина?

– Моя, – признался я.

– Интере-е-е-есный агрегат, – протянул полицейский и пошёл вдоль кузова. – А в салоне у нас что?

Не прося разрешения, он с неожиданной лёгкостью вскочил на подножку и заглянул в кабину. Его толстое лицо изменилось и посуровело.

– Это кто там у вас?

– Знакомая.

– Почему в крови?

– Рожает? – не придумав ничего умнее, предположил я.

Полицейский спрыгнул на землю и быстро выхватил из кобуры пистолет:

– Руки на борт, без разговоров! – он держал меня на мушке, не приближаясь. – Где документы на машину?

– В кабине.

Он, не отводя от меня глаз, подергал ручку. Она не поддалась.

– Почему заперто?

– Потому что заблокировано. Только я могу открыть.

Лейтенант задумался.

– Хорошо, открывай. Только не дури!

Я медленно двинулся навстречу. Полицейский сделал шаг назад, но по-прежнему стоял у борта, настороженно поводя стволом. Мне оставалось пройти ещё буквально полметра, как вдруг дверца машины звонко щелкнула замком и с силой вылетела наружу, приложив замешкавшегося лейтенанта прямо в лоб всей своей бронированной тяжестью. Он отлетел в сторону, я остолбенел, а из кабины донесся страдальческий девичий голос:

– Ты издеваешься надо мной, что ли?! Забирайся внутрь, живо!

Я мигом оказался на своем сиденье. Бледная Надя, скорчившаяся от боли на соседнем месте, охала и приговаривала: «Давай, давай, не тормози, гони!»

Я врубил газ, машина вильнула, а Надю выбросило из кресла и она, издавая стоны и матерные проклятия, улетела назад, в кузов. По окнам и обшивке застучали выстрелы, но тут же смолкли, так что я не успел толком испугаться. Впрочем, радоваться было рано: в заднее зеркало я видел, что экипаж служителей правопорядка, ни на секунду не задержавшись, чтобы помочь раненному товарищу, ринулся за мной. Я все время наращивал скорость, благо дорога была прямой, но полицейский автомобиль был заметно быстрее и отрыв неумолимо сокращался. Я мельком задался вопросом, откуда у заштатных провинциальных ментов такая мощная машина, и с какой стати они принялись, не разбирая, палить мне в зад, но ответ был, увы,

очевиден – никакие это были не полицейские, а всё те же неведомые солдаты разворачивающейся вокруг меня секретной войны. Стремительно приблизившись, патрульный болид притерся к моей корме, и вдруг засверкал вспышками уже не одиночных выстрелов, а очередей. Тяжелые пули били в металл гулко и страшно, но это было всё ещё безопасно: по колесам они то ли не попадали, то ли не могли их пробить. Увидев, что выстрелы не наносят мне никакого вреда, преследователи немного отстали и стали, видимо, готовить более действенные каверзы. Возможно, вызывали подмогу. В общем, ситуация нравилась мне с каждой секундой все меньше и требовала немедленного решения.

Я выхватил из кармана трубку «телефона», что есть сил зажал пальцем кнопку, и заорал:

– Игорь Иваныч!!! Сделайте что-нибудь, ради Аллаха!..

– Не суетись под клиентом, – спокойно отозвалась трубка. – Помощь близко.

В ту же секунду из-за близкого холма стремительно выскользнула поджарая черная туша вертолёта. В следующий миг она уже промелькнула надо мной, пройдя так низко, что заставила тяжелую машину присесть и завилять хвостом. Посмотрев назад, я увидел, что догонявшие меня лже-полицейские занервничали: их автомобиль пошел юзом и стал быстро отставать. Это была ошибка, оказавшаяся для них фатальной: убедившись, что я не нахожусь на линии огня, вертолёт сделал широкий вираж, легко задрав лопасти в почти вертикальный сверкающий диск, выровнялся и пошел прямо над дорогой, уверенно преследуя свою цель. Потом в зеркалах взметнулась огромная туча снежной пыли, а ударная волна чуть не было не отправила меня в кювет, и я понял, что погоня закончена. Проехав еще немного, я затормозил и вылез из машины.

Как выяснилось, расслабляться было рано: битва продолжалась. В пологой долине, лежавшей передо мной, разворачивалось настоящая драма. Разбросанные в стороны останки полицейской машины дымились у обочины, а вбок от них, прямо по снежному полю, невообразимыми скачками и неимоверно быстро, двигалась черная фигурка человека. Вертолёт кружил неподалеку, подбираясь на новый заход. Вот он двинулся вперед, но тут преследуемый человек упал на спину, вскинул руку, и от нее протянулась длинная дымная полоса. Сверкнуло пламя, вертолет бессильно завертелся на месте, разбрасывая ошметки винтов, и тяжело рухнул вниз. Земля содрогнулась. Прыткий человек поднялся на ноги и медленно

повернулся ко мне. «Беги, дурак!» – запоздало скомандовал я себе, но оказался вновь спасен своими таинственными доброжелателями: за спиной незнакомца, хищно свистя, поднялся силуэт второго вертолёта. Немедленно крутанувшись на звук, человек попытался снова поднять руку, но было поздно: к нему уже неслись ракеты, залпом спущенные с обоих коротких крыльев. Теперь всё было точно кончено: на месте прыткого человека осталась только угольно-черная воронка с дымящимися кустами вокруг. Вертолёт без остановки пролетел мимо меня и скрылся за изгибами рельефа. Стало тихо.

Впрочем, тишину нарушала отчаянная ругань, доносившаяся из оставленной в кабине трубки. Вздыхая и нервно подрагивая от пережитого, я вернулся на место.

– …дебил, блядь! – надрывался громкоговоритель, – кто тебя просил высовываться, когда там бой! Немедленно вернись в транспортер, мать твою за ногу!!!

– На связи, – хрипло сообщил я.

– Ну слава первомаю!!! Ты что, охуел под снаряды лезть?! Забыл, зачем тебя послали, и какая на тебе ответственность?

– Это вы там у себя… охренели совсем! Вы обещали, что путь будет безопасным. А меня только что уже в третий раз пытались угробить! Что у вас вообще происходит, к чёртовой матери?

– Ты заткнись и делай, что тебе большой дядя говорит, а не страдай хуйней и не пляши под пулями! Ты меня утомляешь, Максим, мне очень не нравится, как ты себя ведешь! А меня, ёб твою мать, лучше не злить!!! Ты привел хвост на нашу московскую базу, пришлось зачищать там всё! Ты разнес к хуям стратегическое оборонное предприятие, мне теперь жопу придется рвать, чтобы там все замять! Зачем ты притащил с собой эту блядищу??? Кто она такая? Тебе что, старой потсакушки мало, пиздострадалец ты штопанный?!

– Да идите вы в жопу!!! – взорвался я. – Если вы хотите, чтобы я с вами сотрудничал и выполнял ваши безумные поручения, то потрудитесь хотя бы выбирать выражения!

Трубка изумленно замолчала. Я подумал и произнес уже тише:

– И объясните наконец, что случилось с Надей, и где она на самом деле!

Подумал ещё и добавил:

– Сами вы там все блядищи и пиздострадальцы.

На этих словах Игорь Иванович неестественно заржал:

– Это ты точно подметил! Ну ладно, ладно, поругались и будет… Мир?

Я кивнул в пространство.

– Вот и лады. Ты хочешь знать, как оно всё на самом деле… Это понятно. Хорошо, но не сегодня. Сейчас нет времени – тебе надо сваливать отсюда как можно скорее. Но потом объясню. Слово офицера. Веришь?

– Допустим.

– А теперь сам объясни, что это за баба? Так достаточно вежливо спросил? Где ты ее подцепил? Развлечься захотелось? Бля, опять не удержался, прости. Но ты понимаешь, что тут посторонним не место?

– Я не знаю, кто она. С завода. Она делала этот прибор, который я у них взял. И люди с завода после этого пытались её пристрелить. Они сначала вовсе не на меня там охотились, а на неё. В процессе выяснения отношений её ранили, и мне пришлось ее тащить. Вот и всё. Очнется – буду думать, где высадить.

– Вот как? Интересно… Ладно, тогда придержи её пока, присмотрись, а я попробую у себя тут выяснить, что к чему. Враг моего врага – мой друг, а кокнуть её мы с тобой всегда успеем, правильно? Шучу, шучу… Только смотри, чтобы она со всякими левыми мудаками не болтала!

Я поморщился. Голос продолжал:

– Ранение тяжелое? Поройся в аптечке у себя. Там у нас, типа, чудеса фармацевтической науки, на ноги поднимут хоть паралитика, хоть сифилитика… Ты куда это опять собрался?

Я действительно открыл дверь, намереваясь спрыгнуть на землю.

– Там вертолёт ваш упал. Надо пойти, посмотреть, может, кто живой остался…

Игорь Иванович устало вздохнул:

– Слушай, ты же сосунок совсем, молодой в смысле. Значит, в тимуровцы тебя не принимали, так? Тогда объясни на милость, откуда в тебе это собачье благородство?.. Не переживай, никого там не осталось, ни живых, ни мертвых. Если хочешь знать, там вообще людей не было.

Я удивленно поднял брови. Однако.

– Ладно, Максим, трогай с богом. Курс на Ухту, там поселок Сосногорск, в нём воинская часть, где тебя снарядят по-новому. Дальше дороги почти нет, потребуется другой транспорт. Затем направление на Нарьян-Мар… Сейчас они вроде там, но завтра будет видно получше. И поторопись: твоя Соловьёва пока жива, но время уходит… Отбой.

Это прозвучало излишне зловеще, но в главном он был прав: медлить нельзя. Однако сначала надо было всё-таки выяснить, что там с моей спутницей. Поэтому я отъехал совсем недалеко: свернул на проселок и загнал машину в ложбинку, чтобы её не

было видно с дороги. Перелез назад.

Девушка съёжилась на полу между лежанкой и столом, неловко вытянув раненную ногу и тяжело дыша. Услышав меня, она с трудом повернула ко мне грязное, ещё более бледное, чем раньше, лицо со спутанными кудрями и жалобно произнесла тоненьким голосом:

– Я умру?

Я хмыкнул:

– Даже не надейся. У тебя задница ранена, а там, насколько мне известно, никаких важных органов нет. К тому же, насколько я мог заметить, эта часть тела у тебя ко всему привычная…

– Фу, грубиян… – она сморщилась. – А где мы?

– А хрен его знает. Где-то в полях. Слушай, мне надо тебя раздеть, чтобы перевязать, ты уж извини…

– Ну, может быть, ты хотя бы этим соблазнишься, – вымученно ухмыльнулась она. – А может, ты вообще импотент? Хотя нет, я вчера вроде проверила…

Покраснев, я молча помог ей подняться. Усадив боком на краешек кровати, стал осторожно стягивать мокрую, в бурых пятнах одежду. Девушка только ойкала, но терпела. Раздев, обхватил её за талию и с трудом втиснул в узкую дверь душевой кабинки. Включил воду тонкой струйкой и стал аккуратно оттирать испачканные ноги и спину, стараясь не слишком пялиться на крохотную грудь и прочие худосочные девичьи прелести. Смыл пыль с волос и лица, после чего Надя порозовела, и стала вновь похожа на человека, причем даже симпатичного – умирать она явно больше не собиралась. Завершив туалет, я завернул её в простыню и перенес ее на кровать. Её раны, очищенные от запекшейся крови, уже не выглядели угрожающе, и стало ясно, что всё будет в порядке. Заживет, как на суке, подумал я с некоторым сарказмом – но нужны какие-нибудь антибиотики и бинты. Вспомнив совет Игоря Ивановича, я порылся в вещевых ящиках и обнаружил обещанную аптечку со средствами, кажется, на все случаи жизни – при том, что добрая половина из них мне была незнакома. Взяв мазь и бинты, я наложил, как мог, повязку, закрепил её пластырем, а для надежности перехватил бинтом через бедра. Перевернул на бок и дал несколько таблеток, приподняв голову, чтобы она смогла их запить. Наконец, укрыл одеялом.

– Все, жить будешь. Давай отдыхай и набирайся сил, а к вечеру я тебя снова перевяжу.

– Без тебя справлюсь. Не маленькая уже.

– Это я заметил… Слушай, чем ты им так насолила, что они пытались тебя убить?

– Жопой слишком много вертела. Вот и получила. Все, отстань от меня, я спать хочу.

– Ну и фиг с тобой, дрыхни на здоровье…

Пожав плечами, я вернулся в кабину. На экране навигатора светилась карта страны с мерцающими точками моего маршрута на ближайшие часы и, вероятно, дни. Одна, похожая на миниатюрную стилизованную фигурку танка, изображала меня; другая – зеленая, спокойная – была совсем близко, но я, но я знал, что эта близость обманчива: до места назначения были многие сотни километров, пролегающие по безлюдным и опасным местам. Третья, красная и пульсирующая, забралась так далеко на север, что я даже боялся себе представить путь, который придется преодолеть, чтобы её догнать. Как это странно: неужели моя Надя сейчас там, в далёком заполярье? Как её туда занесло? Что с ней происходит?

19 марта, перед рассветом

Сейчас глубокая ночь, или, может, уже утро, не знаю: окно плотно занавешено, и я нахожусь в темноте. Мои друзья – только узкое пятно света от лампы и ты, мой Дневник. Я до сих пор ощущаю внутри этот резкий пряный вкус, и кажется, это сводит меня с ума – я никак не могу собрать вместе разбегающиеся мысли и чувства. Одно мне совершенно ясно: детство закончилось именно сегодня, всего жалкий час назад. Маленькая девочка Надя исчезла, растворилась в уютных воспоминаниях, и теперь я оказалась в совсем другом мире, тревожном и непредсказуемом. Очень хочу верить, что не буду существовать в нем одна, что опора, поддерживающая меня, никуда не пропадёт. Надеюсь, надеюсь, что поступаю правильно, что и в новой жизни смогу оставаться столь же чистой и праведной, какой была всегда.

Страшнее всего то, что теперь я не знаю – кто Он для меня на самом деле. Человек ли он, которому можно доверить себя? Готова ли я, потеряв голову, полностью отдать ему всё свое существование и все мои надежды?

Ты, Дневник, снова поможешь мне разобраться в себе и происходящем. Я пишу, и только тем отвлекаюсь от непрекращающейся нервной дрожи, эмоции сменяются словами и послушно ложатся завитушками букв на бумагу. Я сейчас всё тебе расскажу, а ты сам суди, счастлива ли я или несчастна, готова ли я к новым испытаниям или хочу убежать от них на край света? Пожалуйста, помоги мне разобраться!..

С чего бы начать?

Наверное, с того, что накануне Дмитрий Анатольевич собрал всех в зале и объявил, что сразу же после окончания выборов, вечером, состоится поздравительный бал-прием с фуршетом. Конечно, все обрадовались, и я тоже, потому что ни у кого не было никаких сомнений в том, что поздравлять мы будем, как и прежде, Владимира Владимировича. После того, как все похлопали и разошлись, меня поймал Антон Эдуардович и сказал, что пришлет ко мне портного для обмерки, потому что на бале нужно быть в вечернем туалете, а у меня его, естественно, нет. Да и не было никогда, что уж там.

Президентский портной – старенький дедушка в круглых очках – поймал меня сразу после того, как я вернулась с обеда. Он степенно поздоровался и стал снимать с меня мерки: в груди, в бедрах, по росту и так далее. Я, признаться, раньше никогда не одевалась в настоящем ателье, но моя мама хорошо шьет, и почти всё время в школе я ходила в сшитых ею платьях. Так что эти

процедуры были мне прекрасно знакомы. Портной оказался очень милым и разговорчивым, он стал меня расспрашивать, какое платье я хочу. Я сказала, что мне не очень нравятся мои чересчур крупные формы, и что им недостает женственности, поэтому я хотела бы, чтобы в наряде я выглядела, насколько получится, стройной и изящной. Портной на это сокрушённо заметил:

“Вы, дорогая моя, сейчас передо мной, старым человеком, рисуетесь, и откровенно зря. Во-первых, я уже не в том возрасте, чтобы искренне восторгаться вашей внешностью, а вместе с тем должен вам заметить, что нынешние каноны настоящей женской красоты изрядно измельчали. Это крайне прискорбно, милая вы моя. Я вам таки, глядя в глаза, заявляю, что правильная леди должна быть немножко в теле, да не так как вы – юная и спортивная, а достойно, по-женски. Посмотрите на полотна ваших художников прошлого века, посмотрите на Мэрилин Монро, в конце концов – не вполне идеал, но близко к нему. К тому же, деточка моя, вы же не для себя наряжаетесь – в зеркало смотреть, а для мужчин вокруг, полагаю? И верно будет сказать, для какого-то определенного мужчины, уж избави Бог меня слышать, для какого. Так вот будьте уверены, я-то знаю, что понравится вашему интересанту. Уж послушайте мудрого человека, я одену вас так, что все ваши округлости, простите за фривольность, засияют ярче брильянтов!”

Смешной дедушка. И ведь не наврал! Платье было готово уже на следующий день, за несколько часов до приема, и, Дневник, оно было ужасно восхитительным! Впрочем, до того, как я его примерила, я потратила несколько часов на всю другую, не менее важную, красоту: сходила в массажный салон, в спа-центр, на маникюр и даже педикюр, а потом безумно долго просидела в парикмахерской, где мне делали потрясающую прическу и наводили макияж. И это здесь, на даче, не выходя за забор! Слава Богу, что тут всё есть – если бы мне пришлось для этого куда-то ехать, я бы точно растрясла всё по дороге, и, конечно, к вечеру не была бы такой красивой.

Когда я надела платье, даже старый портной, помогавший мне с застежками и заколками, потрясенно зацокал языком – видно, сам удивившись тому чуду, которое вышло из его рук. Для того, чтобы нарядиться, служители принесли в мою комнату несколько больших зеркал, и теперь я могла с удовольствием осмотреть себя со всех сторон. Платье оказалось фантастическое, да и сама я, признаюсь, тоже получилась совсем ничего!

Ой, да что я вру! Как раз наоборот: наряд из лавандового, переливающегося мятными вставками шёлка как раз был очень простым, узким, с лишь слегка расходящейся юбкой, и при этом без

излишеств и всяких бантиков с рюшечками, которые я терпеть не могу. Но мой мастер был абсолютно прав: фасон платья был таким, что делал меня саму совершенно неотразимой! Вот, что значит – шить по меркам, а не покупать в магазине.

Например, я раньше, ещё со времен старших классов, переживала по поводу своей дурацкой, какой-то бабской, груди (из-за нее, несносной, пришлось расстаться с моей любимой легкой атлетикой), и слишком выпирающей попы. На мой взгляд, они совершенно не к лицу тому хрупкому и воздушному созданию, которым девушкам положено быть в моем-то возрасте – или, если уж на то пошло, каким мне нравится втайне себя воображать. Так вот, волшебное платье бережно стянуло, приподняло эти раздражающие меня изгибы, интригующе запрятало их в ткань, очертило талию, и обратило мою коренастую фигуру такой царевной-лебедью, о которой раньше я и мечтать не могла! Это, восхищенно подумала я, и есть филигранное искусство мастера-портного: превратить ординарную, на первый взгляд, девушку в ослепительный идеал всего лишь посредством правильно скроенного куска ткани.

А, впрочем, для кого я умничаю: ничего я тогда не думала, а только взвизгнула от счастья! И дело, конечно, было не только в платье. У меня никогда раньше не было такой классной прически: мои непослушные пшеничные волосы (эх, да что там лукавить – читай: обычные бесцветно-русые) забрали вверх, заплетя затейливым узлом на затылке, а по бокам оставили трогательные детские прядки, бросающие удивительно нежные тени на изыскано бледные щеки. Умело наложив краски, оттенили и сгустили брови, сделав их еще более пушистыми, а глаза под ними теперь спрятали свой легкомысленный светло-серый оттенок, приобретя волнующий темный блеск. Зато губы тронули помадой лишь чуть-чуть, не нарушив их свежести. Прелесть, что за красавица вышла!

Со страшным сожалением, но наотрез, пришлось отказаться от предложенных туфель на шпильке. Да, они были чудесными, и так чарующе приподнимали ступни над землей, что даже мои крепкие лодыжки в них выглядели не грубыми, а заманчиво тонкими и обольстительными. Но я сразу сообразила, что на таких ходулях буду возвышаться над всеми гостями, как воспитательница над дошколятами, и что кого-нибудь из мужчин, возможно, это заденет. Разумеется, у искусника-портного тут же нашлась более гармоничная обувь на замену – на этот раз невысокая, открытая, но тоже очень приятная и удобная. А те шикарные туфли, скажу по секрету, я тоже попросила мне оставить – в другой раз покрасуюсь, было бы перед кем!

В восторге я кинулась старику на шею, а он в ответ

рассыпался витиеватыми комплиментами. Потом, хитро улыбаясь, достал из сумки старинный бархатный футляр. Открыл его, и я онемела: в нем был прекрасный брильянтовый, с голубоватыми камнями, набор. Он прекрасно подошел к тому кольцу, которое когда-то дал мне Саша, и которое я, не снимая, ношу на безымянном пальце левой руки. Серьги и ожерелье отлично сочетались с платьем, а небольшая диадема органично дополнила прическу. Правда, Дневник, очень здорово всё получилось! Я и не думала, что когда-нибудь смогу выглядеть так, как настоящая принцесса или даже королева, и ощущала себя в полном ажуре перед балом.

Правда, радость моя была недолгой. Когда я оказалась в большом зале, постепенно заполнявшемся приглашенными людьми, то с огорчением обнаружила множество красивейших женщин, одетых настолько богаче меня, что на их фоне я невольно выглядела лишь смазливой провинциальной девчонкой. Не понимаю, до этого они все прятались, что ли? Почти две недели я здесь, и ни разу не видела ни одной из этих великосветских мегер (прости, Дневник, что я их так обзываю, ничего про них не зная. Но клянусь, взгляды, которыми они обшаривали мое лицо и наряд, тоже теплотой и лаской совсем не лучились). Кроме того, я была одна, и никто не обращал на меня особенного внимания – в лучшем случае здоровались и проходили мимо, спеша присоединиться к своим настоящим приятелям. Время близилось к началу мероприятия, и зал был почти полон. Между гостями сновали официанты с подносами, полными бокалов с шампанским, их разбирали, но никто пока не пил – все ждали девяти часов, когда, я знала, закончится голосование на самом западе нашей страны, и можно будет начинать празднование. Из-за этого атмосфера была похожа на встречу Нового года, когда все с нетерпением ждут боя курантов.

Мне стало скучно и немного обидно из-за того, что никто со мной не общается, и я сама подошла к кучке немного знакомых мне мужчин во фраках, которые что-то тихо обсуждали между собой. Они, взглянув на меня, заулыбались (ну наконец-то!) и, расступились, впустив в свою компанию. Один из них сказал, продолжая, видимо, начатую ранее фразу:

“… а между тем говорят, что усатый до тридцати дожимает”.

“Да пусть он жмет, сколько его ослы дают, хоть тридцать, хоть пятьдесят, – ответил ему второй, – кому какая разница…”

“Это точно, – заметил первый и обратился ко мне: – А вы, уважаемая Надежда Сергеевна, как полагаете: народ сам за земляничника голосует, или это происки наймитов госдепа?”

Я, как дурочка, только пожала плечами, не поняв ни слова из того, что он сказал. Открыла было рот, чтобы ответить хоть что-нибудь, но в этот момент, к счастью, огромные часы на стене зала сверкнули стрелками, показав девять часов. И в ту же секунду на сцену лихо взлетел Дмитрий Анатольевич с микрофоном в руках. Он весело закричал:

“Дамы и господа! Дорогие гости!! Поприветствуем! Избранного президента-а-а! Российско-о-ой! Федераци-и-ы-ы!!! Урра-а-а!”

Все захлопали, зашумели, и вот открылась дверь, и на сцену вышел Он – прямой, основательный, неторопливый, глядя поверх голов со значительной полуулыбкой. Д.А. попытался сунуть ему микрофон, но В.В. небрежным жестом отстранил его, и премьер торопливо скатился по лестнице в толпу. Владимир Владимирович слегка поднял руку, и в зале воцарилась звенящая тишина. В этом безмолвии, медленно проведя взором по каждому из присутствующих и не задержавшись ни на ком в отдельности, он негромко произнёс:

“Друзья. Сегодня знаменательный день, но не спешите с личными поздравлениями. Нет, будет гораздо более справедливым поблагодарить и поздравить всех вас – тех, кто последние месяцы не спал, был оторван от бизнеса, не видел семей, разъезжая по стране и работая с населением. И вот, мы победили. Вы – победили! Нам еще предстоит дождаться официального подсчета голосов от Эллы Александровны, – он показал рукой в зал, где ему ответила глубоким реверансом пышная блондинка в страусовой шляпе с воланами, – но согласно подтверждённым независимым данным, нашу линию поддержало более семидесяти шести процентов населения! Ура, друзья!”

Все зашумели, зарукоплескали, но легкий жест снова заставил всех умолкнуть.

“Хочу, чтобы это был ваш день, ваш праздник. Вы – мои соратники и опора, мы одна команда. Отдыхайте, веселитесь, радуйтесь! Да здравствует победа!!!”.

Теперь овации было уже не остановить. Я хлопала, кричала, и чокалась вместе со всеми, радуясь, что наш великий Лидер снова с нами, как минимум – на следующие шесть лет, и значит, всё будет прекрасно, жизнь продолжается!

Президент, закончив свою короткую речь, спустился в зал, тут же собрав вокруг себя множество смеющихся людей. Мне снова стало грустно: это был их праздник, но не мой – я не могла похвастаться тем, что хотя бы одним пальчиком приблизила их победу. Но мне очень хотелось побыть с Владимиром Владимировичем в миг его триумфа, и, решительно поставив

пустой бокал на поднос пробегавшего официанта, я двинулась прямо в окружившую В.В., стараясь подобраться поближе.

В конце концов я оказалась совсем рядом. В.В. был очень возбуждён: его глаза сияли беспокойным огнем, он кивал направо и налево окружающим его людям, звонко хлопал их по плечам и жал протянутые руки. Он что-то с жаром доказывал то одному своему собеседнику, то другому, и, очевидно, непрерывно шутил, потому что собравшиеся поминутно разражались смехом. В общем шуме я не могла разобрать слов, ухватила только обрывок фразы, которую он прокричал в лицо какому-то незнакомому мне застенчивому гражданину: "…нет, Виктор Леонтьевич, это еще не конец, это самое начало! Предстоит еще изрядно потрудиться, надо теперь оправдать это доверие!.."

Я почувствовала дежавю: снова я стояла в нарядном зале в окружении чужих людей, и пыталась привлечь Его внимание. Но, если две недели назад, в ту памятную встречу в Кремле, мне было довольно и того, что я нахожусь с ним в одном пространстве и вижу его, то сейчас я хотела большего. Я дождалась, пока он отвлечется от своих собеседников, чтобы промочить горло соком, и несмело окликнула:

"Владимир Владимирович!.."

Он скользнул взглядом назад, но не увидел меня среди многих лиц, а, может быть, и не узнал, и снова вернулся к другим. Сердце у меня окончательно упало. От разочарования я готова была разреветься, и, уже не веря в себя, отчаянно позвала изо всех сил:

"Владимир Владимирович!!!"

Слава Богу, теперь он заметил меня, и сразу так широко улыбнулся, что у меня отлегло от сердца.

"Боже мой, Надя?.. Тебя не узнать! Всё думал, что это за чудо такое прекрасное у нас в гостях, надо бы познакомиться…"

Я пролепетала дрожащими губами:

"Поздравляю Вас, Владимир Владимирович!.."

Он слегка нахмурился, хотя губы продолжали улыбаться:

"Что ты так официально? У тебя что-то случилось?"

"Нет, просто я испугалась, что вы меня забыли… То есть, не узнали, кто я, – тут я спохватилась, что несу чушь. В самом деле, как он мог меня забыть – не прошло и трёх дней с нашей последней встречи. – Ой, не слушайте меня, я просто боялась, что мне не удастся вас лично поздравить с вашей превосходной победой".

"Перестань, – засмеялся он, – не заставляй чувствовать себя виноватым!"

Окружающие люди напирали со всех сторон – каждый хотел прикоснуться к Нему, признаться ему в любви и преданности, получить несколько одобрительных слов в ответ. В определённый

момент нас стиснули так, что я практически прижалась к нему.

“Послушай, Надя, – прокричал он мне на ухо. – В этом обществе, как видишь, приватность не в чести совершенно. Невозможно говорить! Будь другом, погуляй тут пока сама, пообщайся с людьми, будь хозяйкой вечера! А когда товарищи меня отпустят, – он повел рукой вокруг, – мы сможем пообщпться. Надеюсь, народная любовь слишком долго не продлится…”

Он огляделся и выхватил из толпы чей-то рукав:

“Вот, Дмитрий Анатольевич как раз бездельничает, он тебя развлечет…” – он подмигнул мне, и его тут же снова затянуло сборище людей.

Д.А. солидно кивнул – дескать, не беспокойтесь, все организуем на высшем уровне, – взял меня под руку и ловко вывел меня из толпы. Придержал официанта, протянул мне бокал и взял себе. Восхищенно пробежался глазами по моему наряду и воскликнул:

“Вы, Наденька, сегодня ещё более обворожительны, чем всегда! Хотя раньше мне казалось, что это невозможно…”

Неторопливо дефилирующая мимо нас и явно подслушивающая полная белокурая дама в роскошном красном платье неодобрительно нахмурилась сквозь усыпанную алмазами вуаль. Д.А. столкнулся с ее взглядом, несколько смутился и потянул меня за собой:

“Давайте пройдемся. Вы видели наши висячие сады? Это прямо здесь, в галерее. Хотите посмотреть?”

Я кивнула, мне было неважно, на что смотреть и куда идти. Удивительно, но ещё пять минут назад я готова была заплакать от горя и обиды, а сейчас была совершенно счастлива и готова на что угодно!

Мой спутник вел меня за собой, непрерывно болтая:

“Кстати, Наденька, а что мешает нам перейти на “ты”? Я, как бы, молод душой, ты и подавно, так что давай считать, что мы просто школьные друзья из разных классов, лады?”

Я засмеялась и снова кивнула – называть маленького смешливого премьера Митей, как он сам предложил шутя, казалось самым простым и логичным.

Мы прошли через стеклянные двери в торце зала, и я восхищенно ахнула. В мягком свете передо мной предстало узкое ущелье, вертикально уходящее вниз. Его стены были затянуты непрерывным ковром разнообразных экзотических растений, сверкающих яркими пятнами цветов, а на противоположной от нас стороне шумел водопад. Он поднимал облака брызг, расцвеченных радугами, и разбивался о землю совсем глубоко, там, куда не доставал взгляд. По кругу ущелья шла резная деревянная галерея с несколькими выходами, через один из которых мы и

появились на краю этой красоты. Ниже спирально спускалась вдоль стен каменная тропинка, доходившая, по-видимому, до самого низа. В воздухе раздавалось эхом пение птиц. Митя с гордостью обвёл широким жестом это райское место:

“Вот, Надюша, зацени наш эко-проект. Ну, то есть, не только наш, а совместно с правительством Московской области. Была старая ненужная шахта для бункера, а теперь тут заказник краснокнижных растений. Ничего так получилось, как думаешь?”

Я не успела ответить. Раздался сигнал вызова, и Митя, извинившись, вынул из кармана большой плоский телефон (вот ведь жук, – подумала я с усмешкой, – у меня-то самой телефон отобрали, а сами пользуются) и заговорил:

“Да, Антоша… Да, да… Да, здесь… Что, уже идет? Понял, тогда мне тут делать нечего”.

Он смущенно и почему-то сочувственно, как мне показалось, посмотрел на меня:

“Это, Надюш… У меня тут делишки нарисовались, ты не скучай, ладно? Постой тут, я скоро вернусь. Ну или… Короче, подожди немного. Давай я твою посуду заодно отнесу, раз ты допила” – он выхватил пустой бокал из моих пальцев и быстро исчез за дверью. Я растеряно глядела ему вслед. Что теперь делать, чем заняться?

Ладно, решила последовать его совету. Стояла, слушала легкое журчание воды, вдыхала запахи цветов. Думала о хорошем. Например, о том, что скажу В.В., когда увижу. Ничего не придумала, представляешь?

И тут раздались шаги, и на галерею вошел – ну конечно, Он. Оказывается, в глубине души я так ждала его, что совсем не удивилась, а просто потянулась навстречу ему сразу всем своим существом. Сперва мне показалось, что он всё так же возбужден, но взгляд его стал уже не насмешливо-веселым, а сосредоточенным, словно бы опустошенным. Приблизившись ко мне, он тронул меня за руку:

“Пойдем, Надя, – ласково произнес он, – теперь нас никто не потревожит”.

Не отрывая глаз от его затылка, я послушно проследовала за ним через галерею (из дверей зала, мимо которых мы прошли, по-прежнему раздавались радостные крики и музыка) и оказалась в тихом коридоре со старинными картинами, между которых сияли мягким светом бронзовые бра. Пройдя несколько шагов, мы очутились в небольшом уютном зале с зажжённым камином. Владимир Владимирович пропустил меня внутрь и усадил в глубокое кресло, однако же сам не сел, а, затворив двери, принялся расхаживать туда-сюда, пытаясь, видимо, унять охватившее его

волнение. Наконец, он остановился передо мной и сказал, пристально глядя мне в глаза:

“Сегодня мой день. И сейчас нужно сказать тебе то, что никто и никогда до этого дня не слышал. И не услышит больше”.

Я вся подалась к нему, ожидая продолжения. Его взгляд горел:

“Ты помнишь мой рассказ про юную красу-Россию? Сегодня она снова доказала мне свою любовь. Ах, если бы у меня только получилось любить в ответ не её, не эту волшебную страну… не абстрактное геополитическое пространство с миллионами совершенно незнакомых мне людей, а живую, осязаемую, зримую Россию! Клянусь: всё бы отдал, всю свою власть за то, чтобы она стала настоящей прекрасной женщиной – такой, как ты! – и добился бы её заново. Понимаешь ли ты меня?”

Он подошел совсем близко, так, что я могла бы дотронуться до него, если бы пожелала, и я на самом деле желала, хотела погладить его и сказать, как важно мне всё, что он говорит. Но странная робость овладела мной: я не только не смогла, при всем внутреннем стремлении, протянуть к нему хотя бы руку, но и вовсе беспомощно вжалась в спинку кресла, словно бы под воздействием странной невидимой силы.

Его ярко-голубые глаза сверкали нестерпимым блеском, проникая в самые потаенные глубины моей души. На лице плясали отблески камина, отчего мне казалось, что и весь лик его излучает свет – но не красный, пламенный, а бело-синий – такой же, как тот, что лился из глаз. Голос его становился всё насыщенней и жарче:

“И когда появилась ты… стало очевидно, что моя Россия – это ты, Надежда. Ты именно такая, какой представлялась в моих нерассказанных снах: молодая, здоровая, весёлая, с невыразимо прекрасными северными глазами и длинной русой косой, – он коснулся моей головы, выдернул заколку, и волосы тяжело рассыпались по плечам. – Именно тебя мне пришлось так долго ждать и искать, и вот – ты сама нашла меня и пришла ко мне!”

Упругая сила между нами не отпускала меня, не давала шевелиться – как бы я не хотела броситься ему навстречу. Да, Дневник, у меня не было никаких сомнений в том, что произойдет дальше, я знала, что должна принадлежать ему, и молила Бога только о том, чтобы время ускорилось, и я смогла бы, наконец, оказаться в его объятиях. Но я, бессильная, ничего не могла – более того, я осознала, что это неведомое поле, которое отталкивало нас, будто одинаковые полюса магнитов, исходит от него самого – вместе с голубым сиянием, которое всё набирало силу, и стало уже совершенно ясно различимым. Светились зрачки, горело лицо, холодная синяя полоса света спускалась от расстегнутого

воротника сорочки вниз, пробиваясь сквозь белую ткань и растекаясь глубоким пятном внизу живота. Это было жутко, но я, парализованная, не могла оторвать глаз от этого гипнотически пугающего волшебного пламени. Оно становилось всё ярче, свет пульсировал в такт его голосу, с особой силой и нажимом гремевшему словами:

“И вот сегодня – в этот незабываемый день, когда вся прекрасная Россия, вся, – от мала до велика, в едином покорном и радостном порыве согласилась быть со мной – Ты, моя великая Любовь, тоже станешь моей!”

И вот, внезапно – я как будто очутилась в безвоздушном пространстве, безжалостно бросившем меня вперед навстречу своей засасывающей пустоте. Я качнулась вперед с кресла, не удержалась на ногах и рухнула на колени прямо перед Ним. Руки снова слушались меня, и я вытянулась к нему всем телом, отчаянно пытаясь дотронуться до влекущего меня света и распутывая скрывающую его ткань одежды. Миг – и сияние вырвалась наружу, тяжело качаясь перед моим лицом огромным продолговатым облаком пронзительного чистого света. Это был Его чудовищный жезл, его властный скипетр, и я поняла, что это – средоточие и источник Его безграничной силы, стержневой столб, на котором держится вся жизнь, все надежды и все стремления подданных его необъятной страны. К этой Вертикали Власти тянулась и не могла прикоснуться вся Его Россия, это был инструмент повеления, любви и покорности. И вот мне, обычной девушке Наде – единственной! – выпала честь приблизиться к Нему и обладать Им!

Не в силах удержаться и бороться с охватившем меня жаром, я кивнула головой, и тут же оказалась крепко насаженной на этот огненный стержень. Не было никакого ощущения грязи, никакой скучной тошноты, о которых рассказывали мои незадачливые подружки во главе с Элькой, видимо, так и не сумевшие познать такого рода счастье. Напротив, несмотря на то что Его движения пронзали меня до самого сердца, никогда ранее я не чувствовала такой невероятной полноты жизни, опьянения чистой беспримесной силой, скользящей внутри меня. Я как будто жадно и глубоко глотала горячий морской воздух, обжигающий горло и наполнявший всё мое существо бесконечным сладким восторгом – и, сколько бы я не вдыхала, мне было мало. Милый, милый!

Я видела себя будто со стороны: юный прекрасный цветок, обрамленный фатой шелкового платья, – широко открытый своему Властителю, любимый Им, преданно смотрящий в Его глаза. Я чувствовала на затылке ласковую силу горячих ладоней, уверенно

направляющих мое тело навстречу его порывам, – и с благодарностью принимала Его в себя, отпуская лишь на короткий миг – чтобы в следующую секунду схватить ещё крепче. Да, сейчас я была именно той, кого он так хотел: я с восхищением чувствовала себя не простой маленькой девчушкой, а одновременно миллионами российских женщин, мужчин, детей, стариков – живых, одухотворенных сущностей, самозабвенно, в едином стремлении отдающих свою беззаветную любовь Ему – своему Правителю, крепко и властно возвышающемуся над ними. И Он немедленно ответил взаимностью всем своим возлюбленным: его бурлящая сила упруго и решительно ринулась вглубь меня, излившись огненной свинцовой тяжестью в самом центре груди. Теперь стыдно сказать об этом, Дневник, но в тот момент я почувствовала себя бесконечно, бестрепетно счастливой, какой, наверное, была только самая первая женщина на Земле, познавшая своего первого и Единственного мужчину.

Некоторое время между нами стояла тишина. Магическое сияние притихло, превратилось в мирное уютное тепло камина. Владимир Владимирович тяжело опустился рядом со мной на пол, и бережно вытер платком (не тем ли самым?) мои глаза и губы. Произнёс, как бы через силу:

“Ты умница и красавица. Теперь нет никаких сомнений, ты – именно та. И даже лучше. Скажи, хочешь ли ты стать моей Надеждой?”

“Да…” – еле выдохнула я онемевшими губами.

“Хочешь ли ты стать моей Невестой – сейчас и навсегда?”

Я смогла только робко кивнуть – у меня совсем не было сил и перехватило горло. Всё, на что я была способна тогда – это просто смотреть на него, расплывающегося в пелене невесть откуда взявшихся слез.

“Надя, – серьёзно сказал он, – ты будешь самой счастливой царицей в мире – и во всей истории. Очень скоро мы будем вместе, почасту и надолго. Но сегодня… моя обязанность – уделить внимание и другим людям. Ты понимаешь меня во всём, ты не будешь расстраиваться, если сейчас придется на время расстаться. Ты же у нас молодец, верно?”

“Конечно”, – прошептала я, по-прежнему пытаясь справиться с дыханием – оно подводило меня, совсем как в тот раз, когда я по детской глупости хвастливо отправилась бежать полный марафон. – “А когда…?»

“Завтра. Уже завтра, обещаю. Спокойной ночи, Наденька”.

Подошел к двери, но всё же обернулся еще раз:

“Сегодня и впрямь Знаменательный День. Вся страна осталась со мной ещё – на годы… И самая прекрасная женщина в мире тоже

стала моей – навечно”.

И вышел, оставив меня в одиночестве.

Не могу сказать, Дневник, сколько времени я провела там одна. Меня никто не тревожил. Сидела без мыслей, без особых эмоций – с застывшей улыбкой смотрела на огонь и слушала потрескивание углей. Это не была апатия или разочарование – нет, нет, мне было спокойно и хорошо, но какая-то часть моего сердца – та, в которую пришелся основной укол его Силы, словно бы замерзла и потеряла чувствительность.

Потом встала, привела себя в порядок, кое-как заплела волосы. Платье измялось, конечно, ну и ладно – попрошу потом выгладить, а сейчас в полутьме, надеюсь, никто не заметит… Прошла через коридор, через сад, через по-прежнему полный и пьяно беснующийся зал, не обращая внимания на приветственно окликающие меня лица, вышла на морозный воздух парковых тропинок, и, наконец, очутилась у себя, в тесной уютной берлоге.

Ты спросишь, отчего я грущу?

Не знаю, Дневник. Сама не могу ничего понять. Подумай только – ещё две недели назад я была обычным человечком с неопределенной судьбой, одной из многих девчонок, неотличимых от меня, а сегодня я – избранница самого Президента, а кроме того, – и я знаю это точно! – самого доброго, благородного, великодушного мужчины из всех живущих. Могла ли я мечтать об этой невероятной удаче? Но, знаешь, сейчас, когда радостное спокойствие от его близости растаяло, я понимаю, что с самого начала – с того момента, когда я перешагнула порог каминного зала, – где-то там, под кожей моего живота, непрерывно звенела непонятная, но тревожно натянутая струна опасности, и только любовная эйфория не давала её холоду добраться до сердца. Я испугана, Дневник, испугана тем, что выбранный мной путь ведет к неизвестности и, возможно, разрушению… Скажи на милость, почему он так быстро ушёл от меня? И объясни, пожалуйста, – что это было за ужасное мертвенное сияние, испускаемое им – а я ведь уверена, что оно мне не почудилось? Может быть, Он служит не Богу – а Дьяволу? Может быть, он и есть – Дьявол?

Боже, что за ерунда приходит в голову таким наивным дурочкам, как я. Все чушь, чушь. Не понимаю, почему мне везде мерещится плохое. Значит, я сама – плохая? Может быть, все мои переживания связаны с тем, что я поступила неправильно, отдав ему себя по первому требованию? Может быть, мне предназначен другой – тот, из прошлой жизни? Бред. Как раз наоборот, я не испытываю ни малейших сомнений, тому ли я дала возможность насладиться собой. Кому, если не Ему?.. Спрашиваю себя: люблю ли я Его? Несомненно. Разве сама я не испытывала от всего

происходящего жаркого удовольствия, удовлетворения от того, что по-настоящему, по-взрослому, получаю его, и, как оказалось, навсегда? Всё так, всё так. И всё же…

Нет, Дневник. Не могу я больше думать об этом, хватит! Попробую заснуть.

Всё, пока.

19 марта, позже в тот же день

Доброй ночи, Дневничок!

Устала безумно, но не могу не поделиться с тобой событиями прошедшего дня. Столько всего случилось, в моей новой жизни всё больше сюрпризов и чудес, не всегда приятных, но уж точно не скучных!

Поспать мне толком не дали – как ты помнишь, из-за моих детских переживаний удалось заснуть только под утро, а уже через пару часов – ещё не было и девяти, раздался противный писк, который меня и разбудил. Сначала я не могла понять, откуда идет звук, но, немного придя в себя после прерванного сна (а снилось что-то замечательно интересное, хоть и, кажется, тревожное), обнаружила, что пищит тот самый «телефон», выданный мне Сашей под роспись. Дальняя связь, вспомнила я! Неужели меня вызывают с самого края земли?

Нет, оказалось гораздо проще и лучше. Это, оказывается, он мне звонил, мой В.В. (ох, как страшно его так называть) собственной персоной. Услышав голос, приветствующий меня, я сначала перепугалась по привычке, потому что не знала, как с ним говорить после произошедшего, но к счастью, ему и не требовалось, чтобы я поддерживала беседу. Вот всё, что он сказал:

“Просыпайся, Надежда. Жаль тебя будить, но нас ждут дела. Собирайся, и через четверть часа выходи на главную площадь у рабочей резиденции. Возьми с собой самые необходимые вещи на пару дней, но сильно не нагружайся – что надо, тебе дадут в пути. Отправляемся в большое турне, обещаю, что скучать не придется!”

Я на это успела только промямлить “Здравствуйте…”, и вообще была немного сердитая, оттого что не выспалась, но тут он добавил с нежностью:

“Давай, моя маленькая, поднимай свою прекрасную попку с кроватки, и бегом к нам скорее. Очень жду. Не прощаюсь”.

Это было так смешно и неожиданно – слышать про «попку» от Великого и Ужасного Президента России, что я сразу же рассмеялась и перестала кукситься. Что я как малышка, в самом деле? Меня ждут приключения, да еще и с самым дорогим человеком!

Так что на месте сбора я оказалась чуть ли не раньше всех. На площади стояли автомобили – уже знакомый мне длиннющий лимузин, и скромно-строгий черный микроавтобус за ним. Рядом с машинами стояли люди, человек восемь (позже подошли ещё несколько), все мои знакомые. Вид у них был походный – свитера,

куртки, а в руках небольшие рюкзачки или спортивные сумки. Короче, весенняя смена отправляется в туристический лагерь, так мне подумалось. Здорово, люблю путешествовать!

Вскоре подошел и В.В. – подтянутый, загорелый, красивый, такой замечательный! За ним семенил пухлый Антон Эдуардович, неся в руках сразу два походных чемоданчика. Я все ещё немножко смущалась, и не знала, как себя вести, и как на него смотреть, но Он меня мигом расслабил: подошел ко мне самой первой и приветствовал при всех, потрепав по плечу и тепло улыбаясь. И только потом поздоровался с остальными за руку, надо же! Вернулся ко мне, извинился – сказал, что хочет по пути в аэропорт провести рабочее совещание, поэтому он с «товарищами» поедет в автобусе, а меня посадит в лимузин, там удобнее. А чтобы в дороге мне не было скучно, отрядил Митю составить мне компанию. Я, конечно, снова расстроилась от того, что поеду не с ним, ну ладно уж, виду не показала. Наверняка у них там какие-то свои скучные секреты не для моих ушей. Работа есть работа, что ж неясного.

Тем временем все расселись по своим местам (мы с Митей развалились на шикарных креслах напротив друг друга), и машины плавно тронулись с места. Мягко проплыли мимо ворот, свернули направо, проскочили еще несколько развилок, и вот уже, быстро разогнавшись, вылетели на прямую широкую трассу. Я обратила внимание, что нас никто не сопровождает – в смысле, никакого эскорта с мигалками, а между тем, за окнами лимузина проносились самые обычные машины, как будто мы ехали по относительно свободной, но всё же оживлённой городской улице. Я спросила об этом Митю, хихикнувшего в ответ:

“Ну ты скажешь тоже, без сопровождения… куда нам. Враг, так сказать, не дремлет. Только здесь охраны как бы дофига и больше, просто ты не в курсе. Ты думаешь, это просто грузовички?” – он кивнул на ползущие в соседнем ряду фуры. Я только пожала плечами.

“Нет, дорогая моя, никакие это не фургоны, а самые настоящие мобильные пусковые установки ракет средней дальности. То есть, тьфу, по ДРСМД они у нас как «Искандеры» проходят… То есть даже не искандеры, а вообще мы их не светим, и всё. А дорога эта – вовсе и дорога никакая, а, если хочешь знать, оборудованный позиционный район ракетных войск стратегического назначения. Продолжение темы «Курьер», слышала? Впрочем, об этом в женских журналах не пишут, откуда бы тебе знать… Гениальное изобретение отечественных конструкторов. Время подлета к местам дислокации европейской ПРО – семь минут или типа того…

“Короче, тут прямо рядом, за этим забором – видишь зеленую стенку? – обычная платная дорога, северный объезд Одинцово называется, еще Лужок строил. Так мы свой позиционный район аккурат рядышком прокинули, так что со спутника выглядит, как одна и та же трасса, а не две. Так что тут случайных машин нет. Вот эти, – он снова показал в окно на снующие грузовики и автобусы, – и есть наша с тобой охрана, сечёшь?”

“А куда они все едут?” – спросила я.

“А никуда. Арендовали два склада у знакомых – в Лесном городке у нас база хранения и обслуживания, а Одинцово казармы. Вот они и ползают потихоньку туда-сюда на круглосуточном дежурстве – от одной точки до другой, там обшивку цветную на фуре перевернут для видимости, и обратно. Ну, а гражданское назначение этого сооружения – нас возить до Внуково, если надо добраться быстро и не палиться под камерами на общих дорогах. Да и вообще, чего кольцевую перекрывать, москвичей заставлять в пробках стоять – тут и скорее выходит, и проще без базара. Хитро́ придумано, а?” – с гордостью закончил Митя.

Да уж, покачала я головой.

“А куда мы едем? Нет, я понимаю, что в аэропорт, а потом? Владимир Владимирович говорил мне про эту вашу Новую Россию, но я так и не поняла толком, что это. Это реальное место? Или просто метафорическое название?”

“Ну уж нет, – самодовольно ухмыльнулся сой собеседник. – Новая Россия – это что угодно, но не сраная метафора. Как ты думаешь, сколько народу живет в стране?”

“Сто сорок шесть миллионов, если с Крымом” – заученно сказала я.

“Ага, – ухмыльнулся Митя, – а двести девять не хочешь? Вот это и есть, так сказать, цвет нации – Новая Россия. Это буквально целое государство в государстве, только скрытое от лишних глаз”.

“А зачем его скрывать?”

“Как бы тебе объяснить… Ну вот представь, есть у тебя самая обычная страна. Просто Россия, в которой мы с тобой живем, например. И вот в этой стране куча всяких проблем, о которых тебе постоянно приходиться греть голову. Во-первых, все жрать хотят – и желательно, побольше и повкуснее. Во-вторых, снаружи постоянно всякие пидоры (прости, Дневник, именно так он и сказал) лезут и наглеют, высматривают и вынюхивают. И вроде бы, порешать всю эту хреновню совсем несложно, если по понятиям – были бы деньги и желание. И того, и другого у нас с тобой хоть жопой жуй… так? Но получается, что у нас со всех сторон связаны руки всякими законами, декларациями о правах,

неприкосновенностью личности и собственности и прочей либеральной лабудой. И просто так взять всё это говно на лопату и сдвинуть в сторонку нельзя, потому что демократия, гражданское общество и свободная пресса, чёрт бы их всех побрал. А ещё мировое сообщество, у которого главная функция – гневно тыкать в тебя пальцем. Они там спят и видят, чтобы мы сами подставились, и можно было с чистой совестью обозвать нас неумытыми тоталитарными азиатами. А после такого ни один приличный человек рядом с тобой на одном саммите голосовать не сядет. Уж поверь мне, я-то знаю…

“И под этим прессом ты не можешь просто взять и приказать своим, чтобы все встали, как суслики, по стойке смирно, и побежали работать: нет, надо сначала переделать кучу никому не нужной формалистики – законопроект в парламент внести, с нужными людями перетереть, чтобы сразу через три чтения провели, бюджетную статью подобрать, какой-нибудь комитет сраный назначить для контроля исполнения, ну и так далее. И ещё всем вокруг пояснять приходится, что ты делаешь, и почему это правильно, а то вонять начнут. Короче, геморрой и снизу, и сверху, поняла?

“А теперь представь, что у тебя есть, кроме этой страны, где сплошной напряг по всем фронтам, ещё одна. Настоящая страна с населением, заводами разными, нефтянкой и всем прочим, но без всего этого украшательства в виде парламента, местного самоуправления и исполнения бюджетного законодательства. Представила? В одном кармане – одна Россия, а во втором – такая же, только совсем другая, в которой все решения компетентного профессионального правительства не саботируются сотнями крупных и мелких групп интересов, а немедленно, прямо вот тут же и на этом самом месте, претворяются в жизнь. В таких условиях экономика и социалка растут как на дрожжах, так что остается прилично для того, чтобы из одного кармана в другой переложить, и первую, старую Россию, кормить и поддерживать на уровне.

“А почему там все быстрее и проще? Потому что не надо заморачиваться с формальными процедурами. Надо тебе сотню миллионов тонн нефти продать каким-нибудь туркам по демпингу – взял да продал, без всякой таможни и бюджетного правила. Вот караван с танкерами, а вот кэш, сделка в тот же день, все довольны. Или наоборот, захотел ты дивизию ПВО где надо поставить, стоимостью так в полтриллиона деревянных – никаких проблем. Никакого гособоронзаказа, фиктивных обоснований и изменений в план-графике закупок. Позвонил один Сережа другому, съездили на шашлычок – и через полгода дивизия

на месте, военный городок построен, офицерские жены счастливы до мокрых подштанников. Вот так-то.

“Знаешь, один мой знакомый кандидат технических наук потратил полночи и пол-литра, чтобы мне втолковать, почему такие схемы так быстро и хорошо работают. Говорит, на их очкастом языке это называется «снижение энергетического барьера». Это, как бы тебе сказать… ну вот смотри, деревья у обочины стоят, под ветром колышутся. Если такое дерево срубить и в костер положить, то сгорит за милую душу. Но пока не подожгли, оно и не горит, хотя вокруг него кислорода ровно столько же, как и вокруг поленьев в костре. А пожара не происходит, потому что между кислородом и деревом энергетический барьер, и, чтобы они в огонь соединились, надо сначала спичку поджечь.

“В экономике тоже так. Допустим, я министерство обороны, и у меня реально куча денег на закрытых статьях. Только эти деньги мне нафиг не нужны – это ж не мои собственные деньги, а государственные, водки я на них в магазине купить не могу, и даже печку ими топить не получается, потому что это и не бумажки вовсе, а просто единички и нолики на серверах в казначействе. Так вот, деньги мне не нужны, а нужны мне, например, танки – чтобы боевую задачу выполнить, за которую орден дадут и в звании повысят. А ты, Надя – завод, который эти танки делает, и которыми у него все стоянки забиты, так, что уже не влезает ничего. Заводу эта техника тоже на хер не сдалась, правильно? Что ты будешь, на ней на дачу ездить? Нет, а вот деньги бы тебе совсем не помешали, чтобы рабочим по копейке выплатить, да и себе годовой бонус выписать и с секретаршей в Ниццу рвануть. Ой, ну то есть тебе, конечно, не надо с секретаршей, но ты поняла. И вот казалось бы, что проще? У вас товар, у нас купец, как говорится, производим короткий change, все довольны. Так нет же! С военно-промышленной комиссией согласуй, у депутатов денег попроси, конкурс организуй (хотя какой к черту конкурс, для кого, если эти танки одно предприятие в стране собирает), и вот вся эта муть может длиться годами, и именно она и есть этот самый энергетический барьер. Я тебя не запутал еще?”

“Нет, ты всё понятно говоришь”.

“Ну так вот, а у себя в Новой России мы этот энергетический барьер отменили полностью. Никакой волокиты. Все работает как часы… И поэтому бабосики, в полном соответствии с классической термодинамикой, перетекают потихоньку туда. С верхнего энергетического уровня на нижний. Здорово меня подковали в этом вопросе, да? И бюджет поэтому в Новой России такой, что бедной старушке Российской Федерации и в лучшие годы

не снилось. И дивиденды с этого бюджета мы аккуратненько здесь размещаем, в нашей многострадальной отечественной экономике. Поэтому страна и живет неплохо, а иначе бы загнулась наглухо.

“Ты только вот что, с Володей эту тему в таких терминах не обсуждай, пожалуйста. Это я с тобой, так, по-простому, чтобы яснее было, а у него отношение другое к этому вопросу, я бы сказал, мессианское. Он думает, что Новая Россия – это государство будущего, зародыш будущей евразийской цивилизации. Но вообще там такие успехи, что с ним сложно спорить. Так что мы ещё и всему миру когда-нибудь нашу Новую Россию предъявим, и мир ох… то есть ахнет, можешь быть уверена.”

“Мить, я так и не поняла – а где эта чудесная страна? Где она на самом деле находится?”

“Ну… В основном, на севере, и немножко на Урале ещё. Слышала такое слово – моногорода? Вот это они и есть. Только это не те помойки. которые показывают в новостях. Где типа дети голодают, оставшись без работы, потому что продукция советского примусного завода, единственного на сто километров вокруг, теперь никому нахуй не нужна. Ой, Надь, прости. Нет, это только ширма. Прикрытие. Ах, Надюша, что это за дивная страна – наша Новая Россия. Белокаменные дома, чистые сады, стеклянные оранжереи, фонтаны… И люди – не эти замученные и бесцельные, как москвичи, а настоящие, здоровые, уверенные и в себе, и в смысле собственной жизни. И главное – оказывают нам полное доверие и поддержку. Ну, скоро сама все увидишь. А вот мы, кажется, уже и подъезжаем…”

Действительно, машина сошла с трассы, нырнула в долгий тоннель, и вдруг выскочила на широкое бетонное поле. Увидев силуэты самолетов, я догадалась, что мы прибыли на аэродром. Не снижая скорости, лимузин пронесся по бесконечной взлетной полосе и остановился возле огромной крылатой машины необычного и угрожающего вида: ее крылья были агрессивно растопырены в стороны, а заостренный нос угрюмо опущен вниз, к земле, будто демонстрируя мрачную решимость. Микроавтобус, всю дорогу следовавший за нами, как приклеенный, замер неподалеку. От самолета, пригибаясь, подбежал к нашему автомобилю человек в лётной форме, и распахнул дверь. В салон сразу же ворвался свистящий рёв авиационных двигателей.

“Здравствуйте, Надежда Сергеевна! Здравия желаю, Дмитрий Анатольевич! – закричал встречающий. – Прошу на борт!”

Я с радостью узнала в нём старого знакомого. “Привет, Саша!” – замахала я в ответ. Он широко улыбнулся, козырнул, и сделал нетерпеливый приглашающий жест в сторону самолета. От микроавтобуса под его брюхо уже спешили фигуры,

придерживая на ходу головные уборы и сжимая в руках узелки с пожитками. Я тоже решила не отставать и мигом выбралась на оглушающее рокочущее лётное поле. Нетерпеливо посмотрела на замешкавшегося Митю, но он только махнул мне вслед рукой.

“Мой борт следующий! – крикнул он. – Нам с Володей нельзя вместе быть рядом! Безопасность!”

Я быстренько сообразила, почему его не позвали на «совещание» в автобусе с В.В., наскоро кивнула и побежала вместе со всеми к металлической лесенке, ведущей в недра фюзеляжа.

Насмотревшись на всякую роскошь за последние дни, я ожидала оказаться в очередном богато изукрашенном салоне с какими-нибудь кожаными диванами, и чуть ли не фонтанами с пальмами. В реальности все оказалось намного грубее и, можно сказать, по-мужски. Тесное и тёмное помещение (не более десяти шагов в длину, и пяти-шести в ширину) со скучными серыми стенами и одиноким ртутным светильником на потолке было плотно уставлено массивными креслами с непропорционально огромными подголовниками, обитыми чем-то вроде брезента и обмотанными вдоль и поперек множеством ремней. Стены этого пассажирского отделения были совершенно голыми, без иллюминаторов; единственным элементом комфорта, который мне удалось разглядеть, оказалась крохотная кабинка туалета, приткнувшаяся у переборки. Когда я не без труда поднялась по шаткой лестнице и протиснулась в узкий проход между креслами, все хорошие места уже были заняты. Свободным оставалось только сидение в последнем ряду около самого В.В., да спереди, где развалился тучный Игорь Иванович. Пока я прикидывала, будет ли вежливым плюхнуться рядом с В.В., тот вдруг сам повернулся ко мне и приглашающе похлопал по вожделенному месту. Всё устроилось самым отличным образом!

“Давай помогу пристегнуться, – предложил мой замечательный сосед. – Это катапультное кресло, тут сложно…”

Он принялся застёгивать пряжки, замысловатым образом продевая ремни между моих ног и рук. Я чуть вздрагивала от каждого его прикосновения, и он это понял по-своему:

“Ты почему такая напряженная?” – спросил он заботливо. Ну уж нет, признаться в том, что дрожу от его близости, я пока была не готова:

“Боюсь летать, – почти не лукавя, ответила я. – Высоты боюсь”.

“Глупышка, – улыбнулся он. – Это же самая надёжная машина на свете, наш «Серый лебедь». В гражданской модификации, конечно. Да и лететь-то тут всего ничего”.

Он внимательно меня осмотрел и остался доволен

результатом:

“Вот, смотри, это высотный шлем – он у тебя под сиденьем. Попробуй примерить. Да, так, волосы аккуратнее… Да, хорошо. Теперь снимай. Он тебе не понадобится, но если вдруг загорятся вон те красные лампы, – он показал на плафоны впереди, – то быстренько надевай. У нас, кстати, один парашют на два кресла, так что все время будем вместе, не переживай”.

Вот уж не знаю, напугал он меня больше этими словами или успокоил. Мужчины становятся такими мальчишками, стоит им завести речь об их механических игрушках. Тем временем ожил громкоговоритель, притаившийся под потолком:

“Добрый день, уважаемые члены правительства и администрации Президента, а также почетные гости. Говорит командир корабля, Пушков Александр (это же мой Саша, вспомнила я). Рад приветствовать вас на борту нашего самолета Ту-160МК. Расчетное время прибытия на базу Северодвинск-Восточный – одиннадцать часов ровно. Погода в месте назначения хорошая, ясно, солнечно, минус восемнадцать градусов по Цельсию. Так, что ещё… Ах, да. Обязан вас предупредить: во время перехода звукового барьера – минуты через три после отрыва от земли – возможны неприятные ощущения в виде закладывания ушей. Конфеты для рассасывания в кармане кресла перед вами. Желаю приятного полета!”

Динамик с треском отключился, а шум двигателей, несколько притихший после того, как закрылись двери салона, стал нарастать, достигнув нестерпимой мощи. Самолет дернулся и затрясся, готовясь к взлету, а я сунула в рот конфету и воровато осмотрелась по сторонам. Никто на меня не глядел, и тогда я осторожно, как бы нечаянно, положила голову на плечо В.В. и прикрыла глаза. Он молча погладил меня по пушистым волосам сухой горячей ладонью. Господи, как же приятно!

Похоже, я тут же заснула, потому что совершенно пропустила всю дорогу. Никакого «звукового барьера» я не видела. К счастью, я могу заснуть при любом шуме и в любой обстановке, если захочу, а тут ещё наложилась практически бессонная ночь. В общем, когда я снова открыла веки, полёт закончился: в салоне была тишина, а сам самолет неподвижно стоял на месте.

“Просыпайся, красавица, – тихонько произнёс самый главный голос на свете, – мы в Северодвинске”.

Я посмотрела на него снизу и перепугалась: оказывается, во сне я так завалилась на бок, что почти лежала у него на коленях, а он, получается, весь путь провел в довольно неудобной скошенной позе, стараясь не тревожить меня. Я пискнула извинения и вскочила с места в проход. Владимир Владимирович тоже поднялся

и с наслаждением расправил затекшие плечи:

“Ну что ж, пойдем посмотрим, что там снаружи…”

Все остальные уже выгрузились на поле и ждали нас у трапа, ежась от холода. Рядом с прибывшими переминалась с ноги на ногу делегация местных жителей в каракулевых пальто и шапках пирожками, в руках они сжимали поникшие от мороза букеты цветов. От трапа к стоящему неподалеку автобусу была расстелена ковровая дорожка, на которой дисциплинировано замер ансамбль артистов с хлебом-солью, облаченных в яркие народные одежды. Увидев меня, спускающуюся по ступенькам, застоявшиеся музыканты оживились и громко ударили в бубны с аккордеонами, а коренастые танцовщицы подпрыгнули и крутанули широченными красными юбками. Гармонист, надрываясь на ветру, прокричал частушку:

Отморожу я залупу,
Вы меня утешьте!
Греет веселей тулупа
Родины Надежда!

Я от неожиданности застыла прямо на лестнице, и, только услышав за спиной скептическое хмыканье, поняла, что таким оригинальным образом собравшиеся приветствуют вовсе не меня, а В.В. Это он – надежда Родины, ну конечно.

Плясуны в кокошниках, увидев рядом с суровым президентом девушку, для ушей которой их песня явно не предназначалась, потухли на глазах: бешено вертящиеся вокруг мускулистых голеней подолы опали на землю, а гармошка солиста издала неприличный звук и замолкла. В наступившем безмолвии было прекрасно слышно, как одно высокое лицо из встречающих явственно протянуло на ухо другому: “Экий, братец, конфуз…” – и от того, что это стало слышно всем вокруг, смутилось еще больше. Саша, стоявший неподалёку от меня, отчетливо хрюкнул. Пауза неприлично затягивалась, и В.В., оценив обстановку, предпочел взять ситуацию в свои руки. Он широким шагом подошел к, видимо, главному из встречающих лиц (лысому бородатому мужчине, мнущему в руках свой меховой пирожок), поздоровался с ним, и осведомился:

“Это что за народное творчество, Игорь Анатольевич? Мы, конечно, ценим родную речь, но среди нас гостья, постеснялись бы…”

“Владимир Владимирович, вы уж нас простите, это архангелогородские припевы… – сконфуженно заметил мужчина. – Ребята полгода репетировали, специальную комиссию в

Институте этнографии собрали, чтобы аутентичность композиции сохранить. Местные поморы издревле в такой стилистике свои сказания сочиняли, вот мы и захотели продемонстрировать вам наш народный колорит".

Президент вздохнул:

"Спасибо, товарищи. Колорит замечательный. Не зря готовились. Давайте теперь пройдем в тепло, а то мы с коллегами, – он обернулся на меня и подмигнул, – и впрямь что-нибудь отморозим".

Чиновники услужливо захохотали, и все потянулись к автобусу – включая незадачливых исполнителей. Прямо в здании аэровокзала В.В. затеял короткое, часа на полтора, совещание с местной администрацией. Я не пошла: засела вместе с Сашей в крохотном кафе, налопалась пирожных, поболтала со своим знакомцем о том о сём. Потом нас позвали обратно к выходу: заседание кончилось (его участники – кроме московских, конечно – отдувались и тайком вытирали вспотевшие лбы), и все уже рассаживались по машинам, чтобы ехать дальше. Наконец-то это был всем кортежам кортеж – машин двадцать, все лаково-хромовые, с сиренами, с огнями, и даже, зачем-то, с бронетранспортером. Он прицепился к нам сзади, и из-за этого всем остальным пришлось ехать очень медленно. Зато я смогла рассмотреть здешние красоты – обычно из этих проносящихся стрелой лимузинов ничего толком не разглядишь. И снова я оказалась не в одном автомобиле с Президентом, но мне уже было грех жаловаться: и так-то столько получила за день! (это я о самолёте) Оказывается, уже прилетел Митя и мы сели вместе, как прежде; но, поскольку с нами там же сидели и ещё разные другие люди, я постеснялась болтать, и мне оставалось только таращиться в окно.

Миновав украшенные звездами (куда без них) ворота аэродрома, мы оказались на прямой, гладкой, совершенно пустой дороге, пролегающей среди низких холмов с редкими перелесками. Над дорогой тяжело нависало сизое небо, но местность не выглядела угрюмой: заснеженные покатые склоны тут и там оживлялись веселенькими домиками в виде настоящих маленьких замков с башенками и арками. Виды портили, пожалуй, только слишком высокие и массивные заборы вокруг участков. Проследив за моим взглядом, Митя тронул меня за плечо:

"Помнишь, я тебе говорил, что в закрытых городах люди живут совсем не так, как это принято показывать всем остальным? Ну вот, посмотри сама какие фазенды у местных. Так это ещё ерунда, погоди, пока мы до самого Северодвинска доедем…"

Действительно, застройка постепенно становилась более

частой. Среди коттеджных поселков стали появляться трёх– и четырёхэтажные городские дома, вполне обычные в плане архитектуры, но расцвеченные в совершенно неожиданные пестрые и сочные тона. Между домами раскинулись парки и аллеи, сейчас укрытые снегом и с голыми деревьями, но украшенные красивыми ледяными фигурами и гирляндами праздничных ламп. Тут и там виднелись параллелепипеды строений, словно бы выточенных целиком из зеркального стекла (Д.А. пояснил, что это школы и детские сады) и яркие вывески магазинов. Мы пересекли небольшую речушку по изящному вантовому мосту, потом еще одну, и в переднее окно открылся вид на компактный центр города, над которым возносилась на огромную, недосягаемую высоту блестящая стрела телевышки; а уже совсем близко, за береговой линией, виднелась бескрайняя ледяная пустыня с темными дорожками ледокольных путей (это все мне тоже стало понятно из Митиных комментариев, а то сама я в жизни не догадалась бы, что это море). Дорога вильнула вниз, и старый центр скрылся из виду, заслоненный домами: теперь, когда мы уже находились на обычных улицах, здания приобрели ампирную строгость, стали намного выше, украсились колоннами, декоративными статуями и мраморной отделкой. Было довольно безлюдно, по пути нам попалась только группа дошколят, топавшая по тротуару. Завидев нашу колонну, они повернулись к нам мордашками и радостно замахали красными флажками. Очень трогательно!

Я думала, что мы едем в какую-нибудь мэрию на очередной приём, но кортеж, петляя по улицам, проехал город без остановок и вновь вырулил на шоссе – такое же пустынное и гладкое, как предыдущее. Дорога нырнула между холмами и пошла вдоль побережья. Здесь оно делало резкий изгиб, образуя небольшую бухту, и стала видна длинная черная цепочка гигантских подводных лодок, притаившихся у пирса на противоположном берегу. Мы снова свернули, море осталось позади, а еще спустя пять минут мы пересекли проволочную изгородь и помчались (тормозивший нас бронетранспортер к этому времени безнадежно отстал) по обширному, совершенно пустому снежному полю. Дорога расширилась, образовав широкую площадку, вроде тех взлётных полос, на которых я уже дважды побывала за этот день. Я вообразила, что мы снова оказались в аэропорту, но вокруг, куда хватало глаз, не было видно ни самолётов, ни зданий. Долго-долго мы катились по этой белой пустыне. Наконец, машина остановилась, и Митя коротко скомандовал всем: «Выходим». Я не могла понять, куда мы забрались. Вокруг, куда не посмотри, не было ничего, за что мог зацепиться взор. Но здесь явно что-то происходило: как только я вылезла из машины, уши мне тут же

заложило от странного гула – такой иногда издает перекачанный мяч или надувной батут из тех, что ставят в детских парках, только звук, заполняющий простор лежащей перед нами равнины, был несравненно сильнее.

“Смотри!” – подтолкнул меня в спину Митя.

“Куда?” – спросила я, как дурочка. Я видела только пасмурное небо, да сугробы вокруг.

“Что, хороша маскировочка? – горделиво ухмыльнулся он. – Да вот же, смотри внимательнее, впереди и сверху”.

И тут я поняла. Что-то в моем сознании сдвинулось, картинка сложилась, и я обнаружила, что стою совсем рядом с колоссальным, совершенно неописуемых размеров сооружением. Оно было выкрашено в грязно-белый, с серыми разводами цвет, абсолютно сливающийся с облаками и заснеженной землей вокруг. Верхний край его терялся в недосягаемой высоте на фоне туч, а в длину сооружение было таким, что, казалось, тянется до самого горизонта. Шум, давящий мне на слух, явно исходил от этого фантастического объекта.

Не одна я была поражена открывшимся мне видом: все мои спутники почтительно замерли и молчали, будто подавленные размерами увиденного. Долгую созерцательную паузу прервал Саша.

“Ну что, Владимир Владимирович, может быть, зайдем внутрь, чтобы я всё показал? – нерешительно кашлянул он. – А то как бы…”

“…залупу не отморозить?” – невозмутимо откликнулся В.В. – “Зайдем, пожалуй”.

Как второклассник, честное слово! А еще президент…

Оказалось, что монолитность загадочного строения обманчива – стоило нам пройти несколько шагов и завернуть за угол, как обнаружилось множество толстенных труб, змеями опоясывающих высокие стены, каких-то выпирающих пристроек, и даже – вот уж удивительно – ряды огромных, в три человеческих роста, колес, на которых, похоже, держалась вся конструкция. Здесь монотонная окраска стены оказалась нарушена: поверхность прорезали огромные черные буквы, уходящие вдаль. Справившись с перспективой, я прочла: «ВЛАДИМИРСКИЙ ЦЕНТРАЛ». Я тут же открыла рот и завертела головой, ища Митю, но тот только замахал рукой – дескать, всё узнаешь в свое время.

Саша подвёл нас к лестнице, вроде эскалатора в метро, нажал на кнопку, и мы очутились в чреве загадочной махины. Там мы собрались в небольшом холле с металлическими стенами и выстроились полукругом напротив ожидающего Саши. Владимир Владимирович, одобрительно осмотревшись по сторонам,

предложил:

“Что ж, Александр Сергеевич, начинайте вашу лекцию. Мы все внимательно слушаем”.

“Уважаемые господа, – начал Саша и, спохватившись, поклонился в мою сторону, – и дамы. Мы с вами находимся на борту уникального летательного аппарата аэростатного типа. Фактически, это многокорпусный дирижабль увеличенной грузоподъемности, оборудованный в качестве центрального командного пункта верховного главнокомандующего – отсюда и название. Длина аппарата – семьсот метров, высота с гондолами – восемьдесят два метра, глубина крыла – сто тринадцать метров… Грузоподъемность – четыре тысячи метрических тонн, не считая горюче-смазочных материалов. Экипаж – сорок восемь человек штатной численности, включая обслуживающий и бытовой персонал…”

Ничего себе! – подумала я. Митя, державшийся рядом со мной, тоже восхищенно причмокивал губами. Саша тем временем продолжал закапываться в технические детали:

“Положительную подъемную силу дирижаблю сообщают четырнадцать тысяч эластичных металлизированных баллонов с гелием, находящихся в аэростатной части, располагающейся прямо над нами. Между гелиевыми баллонами располагаются воздушные расширительные танки, заполняемые, при необходимости, холодным забортным воздухом. Расширяясь, танки сжимают гелиевые баллоны, их объем уменьшается, удельная плотность аэростата увеличивается, и вся конструкция опускается вниз. Взлетаем аналогично в обратном порядке. Таким образом, балласт дирижаблю не требуется.

“Формально наш аппарат легче воздуха, но лишь слегка. Поэтому для увеличения подъемной силы, жесткая оболочка аэростата из углеволокна выполнена в форме аэродинамической поверхности наподобие самолетного крыла. Шестнадцать дефорсированных турбореактивных двигателей (таких же как на наших сверхтяжелых транспортных самолётах) установлены на поворотных турелях. При взлете они направляют тягу вертикально вниз, приподнимая аппарат над землей, а затем разворачиваются и придают ему поступательное движение вперёд, разгоняя до крейсерской скорости на уровне ста двадцати – ста сорока километров в час, тем самым обеспечивая дополнительную подъемную силу.

“Что касается оснащения, то полезная нагрузка распределена по семи подвесным гондолам, соединённым общей галереей. В одной из них находится специальное оборудование двенадцатого главного управления, там смотреть нечего, а вот оставшиеся пять –

пассажирские, туда мы с вами сейчас и отправимся".

Мы пошли по длинным коридорам, заглядывая в различные помещения. Саша считал нужным всё объяснять, вываливая на нас, экскурсантов, сотни подробностей. Я, лентяйка, в основном пропускала их мимо ушей. Достаточно было просто вертеть головой по сторонам – здесь всё было потрясающе красиво и современно!

В первой гондоле, куда привёл нас Саша, располагались покои В.В. – этот отсек мы прошли без задержки. Я успела только заметить, что у него там есть крохотная столовая с трогательной холостяцкой кухонькой (надеюсь, меня пустят туда что-нибудь приготовить, если ты понимаешь, о чем я). Затем по стеклянной галерее мы попали во вторую гондолу, где разместились рабочие кабинеты. Проход, в который выходили их украшенные двуглавыми орлами двери, с одного конца упирался в столовую – просторную, с панорамным окном во всю стену, за которым краснело ранним закатом небо, а с другой – залом для совещаний (как же без него), тоже огромным, но ещё и с большущей плазменной панелью, подвешенной над торцом стола. В третьем отсеке находились каюты для гостей, и отдельно – для экипажа. Саша всем показал, какая каюта кому из нас предназначается. Мне досталась самая большая – из двух светлых комнат, и, представь себе, с джакузи (это на дирижабле-то!) Больше всего мне понравилась четвертая гондола – там не было никаких рабочих или жилых помещений. Вместо них там был затейливо упрятан кусочек настоящего летнего сада – с фонтанами, тропинками и даже небольшим бассейном – в общем, всё как я люблю! Я пообещала себе во время полёта не вылезать из этого рая.

Потом были два технических отсека – один из них был занят тем самым «специальным оборудованием», а во втором был просто склад с едой, напитками и прочим, что нужно в дальней дороге, и их мы прошли быстрым шагом. В самой последней гондоле были Митины каюты. Он сказал мне, понизив голос, что при такой планировке требования безопасности в плане их совместного путешествия с В.В. соблюдены – потому что по документам воздушное судно, на котором мы находились, было целой эскадрильей из семи отдельных бортов.

Показав достопримечательности, Саша предложил всем идти отдыхать и наблюдать за взлётом – которым, оказывается, будет руководить он сам из пилотской кабины! Сказал, что пристёгиваться и оставаться на месте, как в обычном самолете, не надо – дескать, аппарат движется настолько плавно, что мы ничего не заметим. Все разошлись по своим «номерам», в смысле

каютам. Я тоже было пошла, но оставаться одной было скучно, спать тоже было рано (еще только начинало темнеть), и я решила пойти в галерею, из которой открывался прекрасный вид на небо и на землю, и оттуда посмотреть, как мы будем взлетать.

Зрелище было величественным и впечатляющим. Гул, раздававшийся снаружи аппарата, не проникал в его внутреннюю часть. В полнейшей тишине я наблюдала, как поверхность земли мягко качнулась и стала отдаляться от меня, быстро сливаясь в вечерних сумерках с сизым небом. Прошло несколько минут, пространство за стеклом заволокло струистой кашей облаков, и уже нельзя было различить, на какую высоту мы поднялись. Но затем обильный туман остался далеко внизу, а безлунный небосвод осветился светом тысяч холодных северных звезд.

Я постояла у окна ещё несколько минут, и почувствовала, что проголодалась. Саша предупредил всех, что сегодня общего ужина не будет, но на кухне при столовой дежурит повар, который даст перекусить всем желающим. Рассмотрев план, прикрепленный к стене, я сориентировалась, в какую сторону следует идти. Спустя несколько коридоров я все же запуталась, свернула не туда и вышла совсем не к столовой, а к залу заседаний. Свозь его неплотно прикрытую дверь доносилось неразборчивое бормотание. Мне стало любопытно, кто это там шепчется, и я заглянула внутрь.

За длинным столом для совещаний, спиной ко мне, сидел Игорь Иванович (который главный по нефти) и вполголоса, но яростно матерился в трубку телефона, прижатую к уху. Перед ним синел раскрытый ноутбук, и, подкравшись сзади, я увидела в нём фотографию…

Ах, Дневник, это был Макс!!! Откуда, почему?! Я изумленно вскрикнула, и Игорь Иванович тут же резким движением захлопнул крышку компьютера, оборвал связь и развернулся ко мне. Глаза его сверкали бешенством, совершенно невозможным для того добродушного человека, которым я его знала. Однако, увидев меня, он немедленно смягчил выражение лица и растерянно улыбнулся:

“А, Наденька, это ты… Извини, душенька, у меня тут кое-какие переговоры, отдохнуть спокойно не дадут. Работа, чёрт бы ее побрал… Может быть, мы с тобой пообщаемся чуть попозже, а? Погуляешь одна?”

Я пролепетала извинения и выскочила за дверь. Не разбирая дороги, прибежала обратно в стеклянную галерею и прижалась лбом к холодному окну, не зная, что думать и что делать. Стояла, ни жива ни мертва, и тут – как кстати! – раздались мягкие шаги, и в противоположном конце коридора появился В.В. Я в смятении

бросилась ему на грудь, и заговорила, путаясь в словах:

“Там… там… Игорь Иванович… он…”

“Так, – спокойно произнес он. – Знаю Игоря Ивановича. И что же он натворил?”

“Он разговаривает по телефону, а на экране у него Макс… Ну, Максим Борщёв, мой знакомый, я вам про него рассказывала! Почему он там, у него?!”

“А! – облегченно сказал В.В., – вот ты о чем. Не волнуйся. Нам как раз надо поговорить об этом”.

“О Максе?!”

“Да, именно о нём. Успокойся, Игорь Иванович выполняет моё поручение”.

“Какое поручение?”

“Видишь ли, в конце нашего путешествия – через несколько дней, или, скорее, недель, – будет большой праздник. Там, на Севере. В честь вступления в президентскую должность и одновременно нашей с тобой помолвки – ты не забыла? И есть предложение пригласить туда твоего друга – чтобы сделать тебе приятное. Сначала была идея сделать сюрприз, но думаю, лучше обсудить это с тобой заранее. Что ты думаешь?”

“Нет, нет, нет, Владимир Владимирович! Это совершенно невозможно! Ведь он же будет… будет… ну, ревновать меня! К вам!”

“Не думаю. Дело в том, что вместе с ним приглашена его девушка”.

“Что?! Какая девушка?” – я окончательно решила, что меня разыгрывают, но на душе стало ой как неспокойно.

“Да обычная девушка, рыженькая. Пойдем, покажу”.

Вцепившись в руку В.В., я проследовала за ним обратно к залу, из которого совсем недавно так панически бежала. Мой спутник подошёл ко дверям и негромко позвал:

“Игорёша, ты здесь? Поди сюда”.

Игорь Иванович мгновенно появился в дверях, увидел нас двоих и скис:

“Я готов всё объяснить…” – начал он, но В.В. нетерпеливо его прервал:

“Успеешь объясниться. Лучше покажи нам барышню, про которую рассказывал”.

“А! – просветлел И.И., – вы об этой… Секундочку”.

Он метнулся к столу и притащил свой ноутбук. Забарабанив по клавишам, нашёл искомое и повернул к нам экран:

“Вот она милая, туточки у меня. Смотрите, какая цаца”.

На меня бесшабашно смотрело личико ехидной остроносой дамочки с кокетливо прищуренными глазками и ртом до ушей.

Одета она была в песочную униформу с какими-то нашивками, а на голове был лихо напялен оранжевый берет с выбивающимися из-под него крашенными космами. В руках она держала трехцветный российский флаг, а вокруг толпились безликие молодые люди, облаченные все в ту же немаркую форму.

Я растеряно замерла, не зная, что сказать, и чувствуя себя полной дурой, да к тому же ещё и оскорбленной в лучших чувствах. В.В., увидев, что лишние свидетели мне сейчас ни к чему, осторожно взял меня за рукав двумя пальцами и отвёл обратно в эту чертову галерею. Там у нас произошел следующий разговор:

“Расстроилась?” – спросил он.

“Вот ещё, – соврала я. – С чего бы?”

Я вдруг сообразила, что сегодня 19 марта, и значит, прошло ровно две недели с тех пор, как я покинула родной дом. И тогда никаких девок рядом с Максом не наблюдалось. Вот гад! Я только за порог, а он сразу…

“А как её зовут? И где они познакомились?” – всхлипнула я.

“Представь себе, зовут её так же, как и тебя – Надей. Твой друг обладает завидным постоянством в своем выборе… А где они познакомились, сказать затрудняюсь. Может быть, Максим нам с тобой сам всё расскажет при встрече?”

“Но почему… Почему вы сразу не сказали, что он…” – у меня вновь, как вчера, свело горло и я не смогла закончить фразу.

“Надежда, прекрати. Все было сказано в то время, когда должно быть сказано”.

Я, сделав над собой усилие, заткнулась. Он покачал головой и сочувственно добавил:

“Неужели ты не веришь? Мне – и не веришь?”

“Верю” – прошептала я, внезапно успокоившись. Будто нажали на кнопку: нервная дрожь, сжимающая мою грудь, исчезла полностью, и осталось только чувство непереносимого стыда за свою глупую бабскую истерику, совершенно недостойную Его внимания. Не я ли ещё недавно закатывала глаза, не зная, как отвязаться от нелепых ухаживаний Макса? Не я ли пыталась его убедить, что любовь – наваждение и самообман? Надо радоваться, что всё разрешилось само собой, без тяжелых объяснений с этим несчастным дурачком!.. И вообще, мы ещё посмотрим, кто кого. Вокруг Макса, сколько его помню, вечно было этих дурочек несчастных, как за баней… котов, и он их вниманием отнюдь не пренебрегал. Хотя в тайне, я знаю, всё-таки надеется на мою взаимность. Так что идиотка я и ничего более.

“Вам – верю, – повторила я. – Всегда и во всём”.

Пожалуй, всё было сказано и услышано, и, чтобы не сморозить ещё какую-нибудь дурость, следовало по-тихому удалиться в свою

спальню. Но… Я не хотела расставаться с В.В. Мне казалось, что если он уйдет, то пучина истерики вновь захватит меня. А рядом с ним так спокойно, словно ничего больше на свете не имеет значения. Да так ведь оно и есть на самом деле.

Силясь придумать какой-нибудь повод, чтобы не отпускать его, я отвернулась к окну и ахнула от восхищения:

“Смотрите, какая красотища!”

Звезды померкли, а всё бескрайнее небесное пространство переливалось ледяным зеленым светом – очень похожим на тот, которым мой Возлюбленный обжег меня прошлой ночью. Я хотела сказать ему об этом сходстве, но он опередил меня:

“Да, это Север. Люблю его, это лучшее место нашей страны, её душа… Поэтому и решил позвать тебя с собой. Хотелось показать все эти чудеса… Впрочем, они не могут и близко сравниться с тобой”.

Мы помолчали, а я не знала, как бы мне подобраться к той теме, которая меня больше всего волновала. И спросила в результате опять совершенно не то, что собиралась:

“А куда мы летим?”

Лицо Владимира Владимировича утратило романтическое выражение и слегка поскучнело:

“Ну, как бы тебе сказать, это такая традиция. Ещё со времен чуть ли не Сталина. Или даже до него. Правитель России, взявший власть, должен совершить символическое путешествие через всю страну. А в конце – получить мандат доверия от населения в лице самых древних своих представителей”.

“Представителей? А кто они?”

“Чукчи. Не смейся… Это сильный, гордый и воинственный народ. И главное – они древнейшее племя из сохранившихся на территории современной России. Предки луораветла́нов – так они сами себя называют – жили на берегу Тихого океана ещё в каменном веке, одиннадцать тысяч лет назад, и значит, они по праву старшинства являются истинными хозяевами нашей страны. Ну, то есть, почетная роль у них такая. Они же малочисленная коренная группа, им приятно такое отношение с нашей стороны… Ты думаешь, зря, что ли, наш Ромашка у них там столько времени проторчал?”

Кто такая Ромашка, я не знала, но озвученное им звучало, согласись, несколько абсурдно (у меня даже промелькнула мысль, что он надо мной издевается). Однако В.В. говорил так серьезно, что я, подивившись, поверила. В конце концов, всё, что я увидела за последнее дни в этих высших сферах (в которых, получается, сама теперь вращаюсь), красноречиво доказывало, что тут возможно всякое.

“Но это просто традиция, своего рода ни к чему не обязывающий ритуал, – продолжал В.В. – Если уж на то пошло, то на Чукотку проще на самолете слетать, чем на этом надувном самоваре… Истинная цель нашей поездки в том, что по всему Северу, по всей Новой России мы запускаем сейчас первую очередь ОНФ. Помнишь, мы говорили об этом? И мы с тобой должны увидеть это историческое событие лично”.

Наконец он улыбнулся – я уже заждалась:

“И вообще, настало время хорошенько отдохнуть. В конце концов, имеет право некий уставший президент, только что с блеском завершивший эту безумную предвыборную гонку, отправится в воздушный круиз с некой прелестной особой? Как думаешь?”

Я думала, что это риторический вопрос, на который, как помнилось из школы, можно ответить лишь вежливым кивком. Я всё мялась, боясь говорить о том, чего мне хотелось больше всего на свете.

“Ну что, пойдём на боковую?” – спросил Владимир Владимирович.

“А вы… вы разве не будете сегодня… не хотите?..” – в конце концов сумела пролепетать я, кое как собравшись с силами. Он внимательно посмотрел на меня и, кажется, всё понял правильно:

“Нет, малыш, не сейчас. Ты слишком устала, на тебе лица нет, – ласково произнес он. – Боюсь, вместо любви мне будут лезть в голову мысли о том. что тебя надо уложить в кровать и укрыть одеялом. Завтра будет всё по-другому: никаких дел, будем отдыхать и заниматься любой ерундой, какой захочешь. Или не ерундой, а другими, более интересными вещами. А сейчас иди спать. Договорились?”

Было немного обидно, но я не перечила. Благодарно кивнула ему, он легко прикоснулся к моей щеке, пожелал спокойной ночи и удалился в сторону своего номера. То есть каюты.

Так прошел этот день, Дневник. Лечь спать, как ты видишь, у меня пока не получилось. Был ли этот день счастливым? Думаю, да, несмотря на потрясения. Да и на что жаловаться? – как обычно, все невзгоды я придумала себе сама. Даже вот пишу эти строки и не могу толком понять – из-за чего я так всполошилась? Ну Макс и Макс, что такого? У меня тут своя, новая и чудесная жизнь, а у него своя, и какая мне разница, что с ним происходит? Думаю, дело в том, что я просто никак не ожидала встретить тень этой далекой старой жизни здесь, на экране милейшего Игоря Ивановича. Вот и всё объяснение, ничего страшного не произошло.

Я только вот о чем думаю, Дневник. Каждый день со мной происходят неожиданности: меня кидает из горького

разочарования в отчаянное счастье, и я, честно говоря, начинаю уставать от этого. Почему мистический Автор, руководящий моей жизнью, не даст мне ни минутки покоя? Со мной и так за последние две недели случилось столько всего, что другим людям хватило бы и на десяток жизней, а ведь я – самый обычный слабый человек, и молю о том, чтобы мне позволили хотя бы пару дней пожить простой тихой жизнью. А он потирает потные ручки и мерзенько хихикает: нет, милая моя, ты у меня ещё напляшешься! Ах, о чём это я… Снова принялась нести детскую чушь. Прости меня, Дневник. Нет никакого безымянного Автора, каждый сам творец своей судьбы. Есть Бог, но он так далеко, что ему нет дела ни до меня, ни до моей грешной любви с земным властителем… Так что нечего ныть. Видно тут, в этом пугающем мире верховной силы и великих дел, всегда такая жизнь – прекрасная, непредсказуемая и волнующая. Надо привыкать.

Что же, спокойной ночи, Дневник, и до скорых встреч. Жаль, что ты всего лишь тетрадка, и я не могу тебя обнять так, как хотела бы прильнуть к… Ну, мы поняли друг друга.

23 марта

– Скажи, что такое «Северное сопротивление»? – оторвав взгляд от дороги, я взглянул на Надю.

Та, отвернувшись, смотрела в окно. В таком положении она провела последние несколько часов, непонятно что высматривая в безразличном пейзаже зимней тундры. Оказалось, это было её любимым занятием – сидеть боком на кресле, поджав ноги, и мечтательно таращиться в окошко, удостаивая меня редким вниманием лишь в тех случаях, когда ей требовалось принести что-нибудь пожевать или попить – сама она просто ленилась это делать, оправдываясь тем, что ранение мешает ей ходить. За рулем от неё не было никакого проку – водила она ужасно, поэтому после непродолжительных экспериментов, чуть не закончившихся в придорожных кустах, я махнул на неё рукой и предоставил её собственной совести. Из-за этого наше движение по дороге было не таким быстрым, как хотелось бы: несколько часов каждый день приходилось тратить на сон, причём, как только мы останавливались на привал, эгоистка Надя тут же оккупировала единственную нормальную кровать, предоставляя мне ютиться на полу.

Вот уже почти двое суток мы ползли по бесконечной дороге – и не дороге даже, а просто канаве зимника, пробитой в тяжелых сугробах грузовиками. Я радовался, что за всё время нам не встретилось ни одной живой души, ни единой машины – не представляю, как бы мы стали разъезжаться на этой чахлой колее, с трудом вмещающей в ширину даже наш небольшой вездеход. При всём желании я не смог бы отличить эти два пройденных дня друг от друга – так они были однообразны. С тех пор, как мы покинули последний человеческий форпост (это был покосившийся хутор с шашлычной и самодельной заправкой из сваленных во дворе бочек с топливом), окружающая местность не менялась совершенно: вокруг всё тянулась ровная, как стол, ледяная пустыня без единого намека на жизнь – кажется, совершенно невозможную в этих краях. Любопытно, чем эта безликая картина так привлекала мою спутницу?

Я уже думал, что мой вопрос, как и многие предыдущие, останется без ответа, но девушка вдруг обернулась и с некоторым интересом посмотрела на меня:

– А где ты это слышал?

– Ты сама сказала. До того, как вырубиться, когда тебя подстрелили.

– Не врешь? И вообще, это долгая история…

– Так мы вроде не торопимся никуда.

Она вновь надолго замолчала, словно раздумывая, стою ли я того, чтобы доверить мне тайну загадочного Северного сопротивления. Потом смилостивилась:

– Ну тогда слушай. Давным-давно, ещё до войны, появился в этих краях один человек, геолог. Звали его Иосиф Яковлевич Чмак. Не слышал? Эх ты… А Чмак этот, между прочим, в будущем стал известным философом и основоположником школы русского неолиберализма. Стыдно таких не знать. Ну ладно, это все было потом, в эмиграции, а тогда Иосиф Яковлевич был молодым начальником геологоразведочной партии. И влюбился он в прекрасную зырянскую принцессу Ульяну. Ну, то есть, это она по рождению была принцесса, а при большевизме так-то никаких принцев не стало, поэтому она работала обычной учетчицей шкурок на местной фактории. Так вот, втюрился он, значит, и пошел к её дяде, почетному оленеводу-ударнику Анастасию Антиповичу – просить руки племянницы, оставшейся на его попечении после того, как Ульяниного папашу раскулачили. Скупой и вредный дядюшка Анастасий отнёсся к романтическим порывам молодого геолога с пониманием, а потому заломил выкуп в сто оленьих голов и триста литров спирта. Иосиф Яковлевич подумал-подумал, сказал с горечью, что калым за невесту требовать – это не по-пролетарски, и отправился искать правды. Сначала он пришел к великому верхнему шаману Гурию и попросил его, как духовного авторитета, воздействовать на бессовестного дядю, чтобы тот закатал губу. Старец Гурий, большого жизненного опыта человек, попросил его подождать, выпил настойки из якутского лишайника, который он получал по культурному обмену от восточных коллег, и три часа провел в созерцании. После этого он сообщил Чмаку, что не в силах ему помочь: передовики животноводческого производства относятся к существам среднего мира, и, следовательно, находятся вне его зоны компетенции. Вот если бы абонентом был какой-нибудь там Изначальный Куль или Мать-Утка, то без проблем, договорился бы, а так извините. Иосиф Яковлевич расстроился, и пошел вверх по вертикали, то есть обратился к Первому секретарю. Тот выслушал, покивал сочувственно, но на просьбу прижучить Анастасия только развел руками: скотовод-передовик – персона всесоюзная, про него в газетах пишут, и клеймить его на районном партсобрании себе дороже. Но, сказал он, я этих мещанско-буржуазных замашек не одобряю, и вообще у меня этот олений стахановец в печенках сидит, а поэтому мы с тобой сейчас сядем и подпишем телеграмму самому товарищу Ягоде, о том, какие ненадёжные элементы у нас тут завелись, а уж там

разберутся. И подписали, хотя Чмаку и не по душе это было. Но он тогда был юным идеалистом и верил в справедливость социалистического общества. Ну вот, товарищ Ягода получил телеграмму, но совершенно не понял, о каких головах, литрах и Ульянах идет речь. Черканул сверху товарищу заместителю наркома, чтобы тот разобрался, да и позабыл в следующую минуту. А заместитель наркома человек был южный, стремительный, и разобрался быстро и решительно. И присел наш геолог на двенадцать лет без права переписки…

Я выслушал эту бредовую сагу с национально-большевистским уклоном не моргнув глазом. Надя помолчала, подумала, и печально закончила:

– А прекрасная зырянка Ульяна вышла за Первого секретаря. Потому что для того – что сто оленей, что три бочки спирта – тьфу!

– Так, – сказал я. – Все это очень трогательно. А при чем здесь Северное сопротивление?

– Что?.. Да не, ни причем. Это я так, вспомнила что-то…

Она поглядела на мое вытянувшееся лицо и противно захихикала:

– Ну ты и дурила! Думал, я тебе вот так просто всё расскажу?..

Я только осуждающе вздохнул и махнул на дурочку рукой, не рассчитывая на продолжение разговора. Но ошибся: видимо, в голове её шёл некий таинственный процесс, потому что пять минут спустя девушка вновь уставилась на меня:

– Слушай, так ты уверен, что они нас не подслушивают?

– Ну да. Я же объяснял тебе – они могут быть на связи только в определенное время, и то недолго. А почему ты сейчас об этом спрашиваешь?

– Ну хорошо. Давай поговорим. Вот ты мне скажи: ты этого вашего солнцеликого любишь?

– Президента, что ли? А за что его любить?

– Ой ли? А что же ты на президентском броневичке по стране колесишь? – с комичной подозрительностью сощурилась Надя.

– Тоже объяснял. Это вынужденное сотрудничество.

– Ну допустим. А почему ты его не любишь, ты знаешь?

– Конечно. Потому что он узурпировал власть и отогнал всех от неё. Окуклился там наедине с собой и со своим прошлым, узаконив целью своего существования сохранение статус-кво. А нас всех поставил в такое положение… Знаешь, в теории игр есть такое состояние, называется равновесие Нэша, или говорят – плохое равновесие. Это когда все недовольны сложившимися правилами игры, но если один из игроков самостоятельно

начинает эти расклады менять, то ему становится ещё хуже… Надо, чтобы правила все участники разом изменили, тогда общее положение станет намного лучше. Так вот и мы сейчас. Отдельно никто против власти не пойдет, сразу на днище окажешься, или что похуже. Надо, чтобы вся страна разом поднялась, только не будет этого никогда, пока он жив. Вот за эту всю безнадегу я его и не люблю!

– Теория игр… – передразнила Надя. – Мы тут не игрульками балуемся, вообще-то. Ты что, либераст?

– Сама ты либераст. А я за равенство и справедливость.

– Ого! Ты что, в натуре из тех идиотов, которые считают, что все рождаются равными? И мальчики, и девочки, и здоровые, и инвалиды, и бедные, и богатенькие?.. Все одинаковые? Ты ещё скажи, будто равенство и справедливость – это одно и то же…

– Конечно, – пожал я плечами. – Справедливость означает равенство усилий, которое прикладывает общество для удовлетворения потребностей каждого их своих членов.

– П-ф-ф!.. Сам придумал?

– Нет, – покачал я головой. – Это один философ придумал. Его, правда, потом почему-то записали в глашатаи русского национализма… как твоего Чмака.

– Вот именно.

Снова повисла пауза. Дорога стала совсем плохой, и машина двигалась тошнотворными рывками на снежных заносах.

– А вот теперь давай я скажу, почему его ненавижу, – с неожиданной яростью заговорила Надя. – Потому что он вертит на хую всю Россию. В прямом смысле. Хочет – в рот натягивает, с заглотом, а хочет – под хвост, понял?! Как меня те старые пидоры на заводе. И делает это постоянно, каждую минуту, вот прямо сейчас! Ты чувствуешь, как тебя имеют горячим президентским членом?..

Я промолчал, ошеломленный этой внезапной экспрессией. Девушка продолжала, всё более распаляясь:

– А я вот не люблю, когда меня хуем прямо из телевизора по губам шлепают! И по ушам! И поэтому наша цель, нашего Северного сопротивления, в которое я пришла еще сопливой шлюшкой – убить этого выродка, избавиться от него любой ценой! И ты давай выбирай – ты с нами, или дальше будешь петушком на подсосе у этих жирных властных клоунов! Только ты имей в виду, что если ты не с нами, тогда тебя я тоже прибью, ясно?!

– Ладно, ладно, не горячись, – примирительно сказал я. – Не надо меня прибивать, я хороший… А что за блок мы везем, ты знаешь? Раз ты сама его делала?

Надя бешено посмотрела на меня, но все же сочла нужным процедить в ответ:

– Точно не могу сказать. Вроде бы контроллер для чего-то слаботочного. Несложный.

– А что ты с ним сделала, пока он лежал на моем столе?

– Ничего я с ним не делала! Не успела! Я, дура, думала, что у меня ещё два дня, а тут ты нарисовался, как сорочье говно на голову. Пробралась к тебе, хотела сломать, но тут тебе, видите ли, в сортир приспичило! Не дрожи, всё в порядке с твоей железякой. Так что давай ее прямо здесь выкинем, пусть они там все без неё сдохнут…

– Нет, нельзя. Тогда я не доберусь до… ну, я тебе рассказывал, до кого.

– Слюнтяй. Дело на бабу променял. Эх, бы была у меня жопа здоровая, я бы тебе показала…

– Жопу?

– Браво. Апофеоз остроумия. Вполне на уровне твоего либерального интеллекта.

Я немного помолчал, не дождался продолжения и продолжил этот импровизированный допрос:

– А почему старые пидоры хотели тебя грохнуть?

– Почем я знаю?! Наверное, триппер из-за меня подхватили. Да шучу я, шучу! Видно пронюхали, что я чужая. А вообще, если хочешь знать, они в тебя целились, а я просто под раздачу попала.

– А меня-то за что?

– Понятия не имею. Может быть, тоже из-за триппера?

– Нет, они кричали «Надежда, сукина дочь, выходи». То есть тебя имели в виду.

– Я бы тебе сказала, кто тут из нас сукина дочь, и кого они имели, да только ты сам все видел и облизывался.

– Ну ты и дура. Ты хоть понимаешь, что до сих пор в опасности?

– А, плевать. Туда, значит, мне и дорога – не те завалили, так другие найдутся.

Я озадаченно хмыкнул, удивленный таким фатализмом.

– Ну уж нет, – заявил я. – Хватит нам стрельбы… Больше я этого не допущу.

Надя с интересом посмотрела на меня:

– Что, и с президентом поможешь разобраться?

– Посмотрим…

– Ну все с тобой ясно, слился, – с разочарованием протянула она. – Всё, я устала от тебя. Больше, надеюсь, у тебя вопросов нет?

– Есть один очень важный… – я смущенно ухмыльнулся. –

Слушай, у нас с тобой было что-то той ночью или нет?

– Алкоголик, – с отвращением констатировала Надя. – Нализался и всё забыл. Так я тебе и сказала! Я девушка порядочная и свою личную жизнь с посторонними мужчинами не обсуждаю. Даже с такими смазливыми идиотиками, как ты. Сиди теперь и мучайся догадками.

И снова отвернулась. Чёрт бы ее побрал!

На этот раз молчание продлилось недолго. Радостным голосом, словно бы и не было никакого выяснения отношений, Надя закричала:

– Смотри, смотри! Дома, люди! Ура, наконец-то я смогу свалить от тебя и получить квалифицированную медицинскую помощь!..

Честно говоря, домов, и тем более людей пока не видно не было, но вдали действительно обозначились темные полоски с поднимающимся над ними струйками дыма. Судя по карте, это и был Сосногорск – то ли город, то ли деревня.

Оказалось, город, но какой! Зимник, постепенно расширяясь и превращаясь в подобие нормальной дороги, спускался в пологую чашу, раскинувшуюся посреди равнины. Вся эта широкая округлая долина была, от края до края, забита крохотными деревянными домиками, серыми, с мутными окнами и обязательным печным дымком над скошенными шиферными крышами. Их были сотни, этих бревенчатых хижин, и лишь в центре города их однообразие разбавляли пять или шесть приземистых хрущевок, обтянутых толстыми поясами сейсмической защиты. Улицы были пусты, несколько встретившихся нам прохожих (почему-то сплошь женщин, медленно передвигавших обутые в квадратные охотничьи лыжи ноги) взирали на наш экипаж с недоумением. Повсюду шастали кудлатые псы – и грязный снег, зажатый между заборами домов, был обильно усыпан их пометками. Я с изумлением взирал на это доисторическое селение: никак не укладывалось в голове, что оно существует сейчас, в двадцать первом веке, а не проглядывает сквозь тьму времен из глубин эпохи крепостного права.

– Да уж, – с сожалением сказала Надя, – выходить тут, пожалуй, преждевременно. Придется тащиться за тобой туда, где летают самолеты. Ну или хотя бы поезда. Ты это – не вздумай меня тут бросать, понял? Ты вообще имеешь представление, за каким хреном мы сюда приехали?

Я не знал и вежливо попросил её заткнуться. Надо было понять, что делать дальше. Из всех полученных в прошлый раз инструкций я помнил только то, что мне нужно попасть в какую-то войсковую часть. Значит, надо искать место гнездования

солдатни.

Я остановил машину у очередного попавшегося нам местного обитателя – это была девочка-подросток в коричневом шерстяном платке, тащившая тяжеленный рюкзак на плечах, – и попытался выяснить у нее дорогу:

– Девушка, вы позволите подвезти ваш мешок? А взамен вы нам покажете, где тут военная часть…

Ничего не сказав в ответ, с испуганным проворством девчонка шмыгнула подальше от меня, через дорогу. Я растеряно посмотрел ей вслед.

– Ну ты и увалень, – прошипела Надя, – дай я с ней поговорю.

Она открыла дверь со своей стороны и слегка приспустилась на подножку.

– Эй, подруга, подожди. Меня Надя зовут, я из Костромы. А это Максим Анатольевич. Мы привезли почту для штаба, не можем найти дорогу. Не подскажешь?

– Нет, вы американские шпионы, – робко предположила девочка. – И мне надо вас сдать в комендатуру.

– Нифига себе. А как ты собираешься это сделать?

– Не знаю… Но вы, когда вас схватят, скажите, что я с вами о секретах не разговаривала, а сразу сказала вам сдаваться. Так положено.

– Кем положено?!

– Так учения же. По сценарию положено…

– А, поняла! Слышь, Максим, у нас в Мантурово тоже так раз-два в год бывало. Запустят каких-нибудь хорьков подставных, а их весь город ловит. Только ни разу никого не поймали, и каждый раз по этому поводу все начальство… Ну, хвост им накручивали. Нет, милая моя, мы, к сожалению, не шпионы. Так что продолжайте искать. Есть у тебя какой-нибудь документ? – обратилась она ко мне.

– Есть, – пробурчал я, доставая удостоверение. – Только в руки не давай…

– Вот, смотри, – протянула доказательство девочке Надя. – Теперь убедилась, что мы свои шпионы, а не американские?

– Ну-у… А вы мне что-нибудь дадите за то, что я вам дорогу покажу?

– Возможно. Максим, что у нас есть на мзду?

– Не знаю… Посмотри в ящиках, там печенье должно быть какое-нибудь, или шоколад…

– Пойдет тебе печенье с шоколадом? – заботливо спросила Надя девочку.

– Пойдет!

– Ну тогда забирайся сюда, мы тебя докинем до дома, а ты по

пути нам всё расскажешь. Что у тебя там такое тяжелое навалено?

– Так-то картошка из сельпо… Вы как маленькие прямо, а тоже ещё шпионы!

По дороге девочка разговорилась. Зовут ее Мария, а в школе называют Маша-с-Уралмаша, потому что её отец и впрямь там работает вахтовиком. На улицах никого нет, потому что шпионов ищут – кто на шахтах, а кто и в дружинниках. Женщины на улицах – это те, кто с маленькими детьми или на больничном, ходят по магазинам, какие ещё открыты. Сама Маша тоже на больничном – вот, смотрите, справка есть на случай, если остановят! – только она уже почти выздоровела и как раз ходила в фельдшерский пункт, чтобы выписку получить, а по дороге увидела, что картошку привезли, пришлось остаться. Тут лучше клювом не щелкать – северный завоз, ближе к весне с продуктами плохо, а что есть, доставляют редкими грузовиками. Поэтому если видишь, что товары привезли, лучше сразу купить побольше, иначе семье жрать нечего будет. Цены к концу зимы совершенно фашистские, но, бывает, дадут в долг. А собак так много потому, что была тут раньше, лет пять назад, огроменная стройка, что-то страшное строили, целое поле в котлован превратили, а потом доверху бетоном залили, а потом взяли и всё взорвали, а собаки, которые охраняли, по городу разбежались и расплодились, да так, что отстреливать приходится. А у вас там, в Костроме, как с картошкой?

Надя принялась было рассказывать старый анекдот насчёт того, что в Костроме с картошкой хорошо, а без картошки – плохо, но выяснилось, что мы уже подъехали к Машиному домишке – такому же, как и все остальные: из выцветших синих досок, с разъезжающимся заборчиком вокруг крохотного огорода, и с гордо торчащей посреди голых кустов будкой туалета.

– Ну теперя вам близко совсем, – деловито стала прощаться девчонка, – вниз до околицы, там вторая улочка налево и снова вверх, и направо. И там проходная, а дальше вам покажут. Ну, покедова…

Она исчезла вместе со своим пузырем-рюкзаком – как корова языком слизнула, а я медленно повел машину вдоль домов, пытаясь не сбиться с предложенного маршрута. Околица – это что? Окраина? Ограда? Свернул на перекрестке, потом ещё раз, и остановился в нерешительности. Улицы были неотличимы одна от другой, дома тянулись нескончаемой чередой, а узкая дорога между ними не давала возможности развернуться. Теперь при всём желании я бы даже не смог даже вернуться назад.

– Чёрт, – выругался я вполголоса, – заблудились…

– Не заблудились, а заблудился! – сердито начала Надя, но, к

счастью, закончить ей не дал вызов телефона. Скажите, как вовремя!

Я нажал на кнопку ответа и поднес динамик к уху.

– Пушков на проводе, – пропищала трубка, – здравия желаю. Долгонько добирались, товарищ подполковник.

– Без тебя знаю, – проворчал я. – То есть, без вас, господин майор. Командуйте, что делать, куда рулить…

– Рулить прямо и налево. Только сначала достаньте микронаушник – он в ящике перед пассажирским креслом, и засуньте-ка куда надо. А то нам тут лишние ушки ни к чему.

Я довольно грубо отпихнул Надины ноги, мешавшие мне пробраться к бардачку, порылся в нем, выудил маленькую розовую таблетку и вставил в ухо. Девушка следила за моими манипуляциями с демонстративным презрением.

– Секретничать собрались, ну и на здоровье, – протянула она. – Передай своим чекистам или кто у тебя там, что в я гробу их всех видала.

– Непременно передам, а пока помолчи, – одернул я её.

– Вы кончили? – поинтересовался Пушков у меня в ухе. – Давайте-ка не будем отвлекаться…

Следуя подсказкам, я быстро выбрался из лабиринта улочек и покатил по дорожке, выложенной из уже привычных аэродромных плит. Радовало, что она была вычищена от снега до самого бетона.

– За поворотом через триста метров шлагбаум, – прошелестел голос майора. – Часовым представьтесь по званию, и требуйте, чтобы вызвали дежурного офицера.

Шлагбаум – это было мягко сказано. По сравнению с неряшливым деревенским Сосногорском встретившая нас военная территория производила впечатление порядка, мощи и уверенности. Дорогу пересекали настоящие эшелонированные заграждения из колючей проволоки, словно сошедшие с фотографий первой мировой. Девственная демаркационная полоса перед ними была утыкана табличками с предупреждениями о наличествующих минах и злых собаках, а вглубь окружающих полей уходили ровные ряды сторожевых вышек, увенчанных фигурками солдат с пулеметами. Посреди всего этого милитаристского великолепия действительно спрятался узенький проход, перегороженный обманчиво декоративным полосатым шлагбаумом и окруженный людьми в форме. Его было непросто заметить на фоне огромной пушки, нагло доминирующей над стайкой противотанковых ежей и грозно уставившей свое непристойно зияющее дуло прямо мне в лицо. Заметив машину, солдаты нерешительно потоптались,

выкинули окурки и нехотя задрали автоматы, а пулеметчики на вышках вразнобой закрутили стволами своих установок. Видимо, нам тут были не рады.

Я предусмотрительно сбросил скорость и остановился метрах в пятидесяти от въезда. Подождал – не начнется ли стрельба (всякое бывало, а бронированный корпус кабины обещал хоть какую-то защиту), но пока всё было тихо. Никто не сдвинулся с места, но и оружия не опустил. Тогда я нашарил сзади свою шапку-фуражку, накинул полувоенное пальто, открыл дверь и медленно спустился на землю. Стараясь не совершать резких движений и заранее держа документы наготове, чтобы не лезть лишний раз в карман, я, не торопясь, подошел к солдату, стоявшему ближе всего.

– Подполковник ФСБ Борщёв, – сообщил я ему. – Прошу пригласить дежурного офицера.

– По какому вопросу? – с трудом разлепил губы часовой, не представившись. Присмотревшись, я с удивлением заметил, что его пошатывает, а на бледном лице залегли тяжелые круги. Надо было что-то ответить, но наушник молчал, и поэтому я сдержанно произнес:

– По служебной необходимости.

Солдат не отреагировал, неподвижно глядя на меня. Глаза его постепенно смыкались, но, моргнув, он встряхнулся и снова уставился на меня. Вероятно, это надо было расценивать в том смысле, что столь краткий ответ его не устроил. Я вздохнул:

– Я из Москвы. У меня секретный груз и инструкция вызвать на месте дежурного офицера. Большего сообщить не могу.

– Кто это там у вас в машине? – внезапно заинтересовался часовой (кажется, это все-таки был сержант).

– Там женщина, она со мной. Тоже выполняет задание. Так я могу увидеть старшего, или мы до вечера на холоде будем торчать?

– Женщина?.. – протянул сержант. – Женщина – это хорошо, женщин приказано пускать. Эй, там! Рядовой Шлёпа! – вяло заорал он себе за спину, – свяжись со штабом, скажи, тут гости пожаловали, пусть едут! А вы, – теперь он снова обращался ко мне, – стойте здесь. Надо осмотреть транспорт.

Он взял помощников, и они стали копаться в машине, под машиной, и даже сверху машины. Удивительно, как быстро они забыли про меня – теперь в меня никто не целился, пулемётчики на вышках равнодушно отвернулись в другую сторону, а солдаты у шлагбаума расслабились и снова закурили. Я немного переживал за Надю – как бы не ляпнула лишнего, но она, кажется, держалась молодцом – я заметил сквозь лобовое стекло, как она

уже заливисто смеется, болтая с одним из солдатиков, совершенно сомлевшим от неожиданного знакомства.

Осмотр затягивался, я начинал мерзнуть и от скуки направился к будке охранников. Близко меня не подпустили: помахали дулом перед носом, но, стоило сделать шаг назад, потеряли всякий интерес. На будке висели занятные плакаты. Помимо обычных картинок с уставными позами, были там и вовсе загадочные:

«Один гудок – в укрытие;

Два гудка – самостоятельная эвакуация;

Три гудка – лечь на землю, лицо вниз, голову закрыть руками».

И вот еще:

«Во время эксперимента смотреть в сторону полигона КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!!!»

Наконец раздалось жужжание мотора, взметнулась редкая снежная пыль, и у шлагбаума лихо притормозил зеленый уазик, привезший недоброго свиноподобного офицера. Небрежно кивнув часовым, он, переваливаясь, прошел за забор и приблизился ко мне.

– Я подполковник Хрущёв, второе управление, – нехотя процедил он.

– А я подполковник Борщёв, и у меня к вам поручение, – невольно хихикнул я, вновь протягивая руку с зажатым удостоверением.

– Прекращайте декламацию, – неожиданно включился Пушков, сидящий у меня в ухе. – Слушайте внимательно и повторяйте дословно. Скажите ему: “Тридцать три кандидата в думу баллотировались, баллотировались, да и довыбалотировались…”

Он что, смерти моей хочет? – ужаснулся я, будучи уверенным, что не пройду это логопедическое испытание. Но Пушков тут же испуганно зашептал:

– Нет, нет, стойте, молчите! Это я не с той бумажки прочитал, виноват. Вот правильный пароль: «Над всем Ямалом голубое небо». Ну, говорите же!

– Над всем Ямалом голубое небо, – послушно повторил я, чувствуя себя слабоумным. Однако эти слова, как ни странно, действительно возымели действие на офицера. Услышав их, он заметно смягчился.

– А, всё с вами ясно. Предупрежден о вашем прибытии, – кивнул подполковник. – Ну, тогда садитесь в мою машину. На чужом транспорте в зону нельзя.

– Со мной ещё один человек – наша сотрудница, – предупредил я.

– Ну, баба делу не помеха, верно? – ухмыльнулся Хрущёв. – Берите вашу… сотрудницу, не выкидывать же её на мороз.

Я не без труда извлек из вездехода капризничающую Надю и чемодан с осточертевшим блоком и перетащил их в подполковничий уазик. Внутри, за устрашающей полосой ограждений, оказалось на удивление тихо и пусто. Никто не маршировал на плацу под бодрые песни про Катюшу и крейсер «Варяг», не крутились космические локаторы, не вздымались из секретных шахт смертоносные ракеты. Вокруг было всё то же голое поле, и единственная странность была в том, что за забором вовсе не было снега: вокруг, куда хватало глаз, расстилалось ровное море подмерзшей бурой грязи. По ней тут и там были разбросаны широкие и низкие, выступающие всего на несколько метров вверх, трапециевидные курганы. Присмотревшись, я понял, что это какие-то строения, лишь слегка приподнимающие скошенную крышу над поверхностью земли, и оттого совершенно неразличимые. Впрочем, всё это к делу, очевидно, не относилось: путь наш лежал вглубь этой обширной территории.

Наш провожатый вёл молча, не отвлекаясь на разговоры с посторонними. Я тоже молчал, и только Надя издавала демонстративные страдальческие вздохи, жалуясь то ли на боль в простреленной ляжке, то ли на скуку. Так прошло минут десять или пятнадцать, как вдруг грязный ландшафт за окном огласился низким, на грани инфразвука, совершенно потусторонним звуком. У меня заложило уши, Надя испуганно затихла, а лицо подполковника мгновенно побелело. Он ударил по тормозам так резко, что машина запрыгала и чуть не опрокинулась. «Ложи-и-и-ись!!!» – заорал он изо всех сил и зайцем выскочил наружу. Мы рванулись за ним, но уже было поздно: все органы чувств оглушило ослепительным грохотом, и я почувствовал, что земля под ногами со страшной, неудержимой мощью движется вверх, словно я разгонялся в скоростном лифте, – а миг спустя с той же неумолимой силой проваливается вниз. Все втроем мы повалились в грязь, которая мгновенно растаяла и налилась лужами. Наступила тишина.

– Чёрт бы вас побрал, – плачущим тоном заявил толстый Хрущёв, с трудом поднимаясь на ноги и пытаясь оттереть ладонями землю с колен. – Как же вы, блядь, невовремя…

– Что это было? – спросил я, тоже вставая и ковыряясь мизинцем в ухе.

– А это вам знать не положено! – злобно ответил подполковник. – Быстро ступайте в машину, пока опять не началось.

Я двинулся было к автомобилю, чудом устоявшему на колесах, но был остановлен возмущенными воплями: Надя, ползая в грязи, требовала, чтобы я вернулся за ней и подал руку. Вздохнув, я подчинился. Хрущёв, скривившись, как от зубной боли, наблюдал за моей галантностью. Губы его шевелились от беззвучной ругани.

Остаток путешествия прошел без приключений. Вскоре мы оказались в скромном военном городке самого обычного вида: низкие казармы, столовая, офицерский клуб, всё по линейке, а снег, который снова появился, приведен к уставной кубической форме. Мы объехали жилую часть, не заезжая внутрь, и оказались на задворках – судя по всему, рядом с какими-то складами и мастерскими. Тут уазик остановился рядом с огромной кучей снега. Подполковник, кряхтя, выкарабкался из машины и нетерпеливо помахал мне рукой.

– Вы как, надолго к нам? – угрюмо спросил он. – Обедать, отдыхать будете, или сразу технику получать?

«Не задерживайтесь», – прошелестел воскресший Пушков.

– Лучше сразу, – сказал я. – Времени мало.

– Ну и слава богу. Вот ваш танк, – он указал на возвышающийся сугроб. – Специально ваши товарищи сказали не чистить, чтобы глаза не мозолил.

– А где дверь-то? – поинтересовался я, идя вдоль длинной – шагов в сорок – белой стены.

– Да тут, – Хрущёв взял воткнутую неподалеку лопату и с силой ударил по снегу где-то вверху – тот отозвался металлическим звоном. В несколько ленивых движений раскидав белую массу, он предъявил мне лестницу. – Вы сами-то знаете, как с этой штукой управляться? Нам же ничего не сказали, просто приказали – пусть тут стоит, и всё.

– Разберусь…

– Ну так давайте, действуйте, а то мне обедать пора.

Я позвал Надю и предложил ей выметаться из уазика. Забравшись по лесенке и кое-как разбросав снег, я обнаружил тяжелого вида люк. Потянул за ручку и оказался в кабине – очень похожей на ту, что была в предыдущем вездеходе, с тем лишь отличием, что минимализм интерьера подчеркивался отсутствием руля. Вместо него торчало две пары рычагов, как на допотопном советском экскаваторе, которым мне довелось управлять на шабашке во времена студенческих стройотрядов. Надя с шумом и пыхтением взбиралась по лестнице вслед за мной. Я протянул ей руку, чтобы помочь, но она отпихнула меня и, не переставая сердито пыхтеть, забралась в проем. Очутившись в кабине, она только неприязненно сморщила нос и принялась

дуть на замерзшие пальцы.

Снова вклинился Пушков:

– Это ваше новое транспортное средство. Дальше вообще никакой дороги нет, а этой машине все равно – снег, лес камни, болото… да хоть река. Она еще и амфибия в придачу. Не буду вас мучать техническими подробностями – мне кажется, вы от них уже утомились, скажу только, что это как состав из двух вагонов, только не на рельсах, а на гусеницах. На передней платформе рубка и двигатель – вы туда не лезьте, всё равно ничего не поймете, а на сочлененной второй – жилой модуль, там отдыхайте. Горючего хватит хоть до Охотского моря. Ну, заводите же…

Разобравшись, что к чему, я нажал на кнопку стартера и воздух вокруг стал заполняться нарастающим свистящим ревом разгоняющегося двигателя, звучавшим так, словно рядом собирался взлетать самолет.

– Ну, чего ждёшь-то, поехали? – нетерпеливо спросила Надя. Она высунулась в открытую дверь, чтобы помахать на прощание пухлому Хрущёву. Тот слонялся внизу, разговаривая с кем-то по телефону. Брови его были изумленно задраны вверх, и это не сулило ничего хорошего.

– Эй! – вдруг заорал он сквозь шум мотора. – А ну-ка, блядь, стоять! Вы, вообще, кто такие?! – и потянулся к кобуре.

– Ходу, – лениво скомандовала Надя, задраивая люк. Я дал газу, хотя не видел ни зги сквозь застилающий передние окна слой слежавшегося снега. Машина вздрогнула всей своей массой и сугроб вокруг нас вдруг разом рухнул вниз. Мы величаво выкатились со складского двора на всё то же опостылевшее безжизненное поле и, неторопливо набирая скорость, устремились вперед. Кажется, нас никто не преследовал: что происходило сзади, из кабины видно не было, а из-за рёва двигателя ещё и ничего не было слышно. Голос Пушкова с трудом прорывался сквозь шум в мое сознание:

– Ну, молодец, всё правильно сделал, товарищ Борщёв! Теперь счастливого пути и до новых встреч. Смотрите внимательнее на карты: ваш объект за сутки переместился на полторы тысячи километров восточнее, так что держите курс на порт Дудинку! Это на Таймыре!.. Да, забыл сказать, не надо всё время сидеть в кабине, тут автопилот! Ставьте направление и занимайтесь там чем хотите, только поглядывайте иногда… Все, отбой, не слышно ни-хе-ра!…

27 марта

Снова дорога – однообразный, нескончаемый путь в безбрежном ледяном безмолвии. Короткие северные дни сменяются длинными ночами – иногда расцвеченными лентами северного сияния, а иногда пугающими низким, затянутым черными тучами небом. А мы всё ползём и ползём по бесприютной тундре, мучительно медленно приближаясь к красной точке на экране навигатора. Вот уже третьи сутки она неподвижно мигает на одном и том же месте, и за эти дни мы прошли Воркуту, обогнули с севера чахлые Уральские горы, пересекли по льду Óбскую губу, которую в учебниках и картах, вопреки всем правилам русского языка почему-то называют Обскóй (к своему стыду, сам момент форсирования я проспал), и теперь уже были совсем недалеко от подножья плато Путорана. Всё это расстояние мы преодолели, практически не прикасаясь к рычагам, заменявшем в вездеходе руль. Всё, что встречалось на нашем пути – редкие перелески, кусты, заснеженные болота и озера, валуны – было ему нипочём, а то, что не получалось объехать поверху, машина сама, без моего участия, объезжала сбоку.

Никто нас не беспокоил, маршрут проходил подозрительно спокойно: мои неведомые гонители, впервые атаковавшие в подмосковном лесу и вновь показавшие зубы на шоссе у Мантурово, затаились или потеряли наш след. Не было ни атак черных вертолётов, ни догоняющих по целине танков, ни ядерных ударов – в глубине души я был готов даже к такому невероятному применению силы. Вообще, как и во все последние дни, на нашем пути не обнаружилось ни малейшего присутствия человека – лишь однажды мы пересекли глубокие рытвины, оставленные, судя по виду, каким-то чудовищным многогусеничным механизмом, проехавшим совсем недавно строго с юга на север – перпендикулярно движению нашего вездехода.

С развлечениями на борту этого бессмысленно огромного, неповоротливого транспорта оказалось туго. Тогда, после самого нашего бегства из Сосногорска, Надя сразу же заскучала.

– Ну что за жизнь, – стала она ныть чуть ли не через полчаса. – Ни музыки, ни мальчиков… – она с сомнением посмотрела на меня и горестно вздохнула. – Пойду что ли повешусь… то есть посплю, вечер уже. Где у них тут койки?

Я с некоторым опасением переключился на автопилот (оказалось нестрашно) и последовал вслед за девушкой в коридор, соединявший кабину с задним отсеком. Мне тоже стало

интересно посмотреть на здешнее убранство.

Сзади было потише, звук мотора уже не так рвал уши. Все было очень тесно, скромно и ожидаемо утилитарно. Жилая комната с четырьмя откидывающимися полками для лежания, как в настоящем поезде, кухня, туалет с душем и даже крохотной парной, кладовка с продуктами. Но капризная Надя осталась недовольна:

– Вот что за придурки… Не могли две нормальные комнаты сделать? Опять вместе с тобой придется спать. За что мне это наказание!..

Мне было всё равно – вместе, так вместе. Выяснилось, впрочем, что девушка совсем не стремится к одиночеству: на протяжении всего пути, стоило мне выйти в кабину или отправиться на кухню, она тут же собиралась вместе со мной. Чаще просто сидела рядом и молчала с независимым видом, иногда ругалась вполголоса, но бывало, что и начинала рассказывать разные истории из своей жизни, порой довольно необычные и интригующие. По вечерам, пока вездеход упрямо двигался по курсу, мы сидели с ней в своем единственном «купе», смотрели в темное окно или на огонек угольной печки-буржуйки, которую предусмотрительные конструкторы машины решили добавить к общему отоплению – видимо, для уюта, и разговаривали о всякой ерунде.

– Так страшно вокруг, – жаловалась Надя, – только снег, чернота, и минус тридцать за окном. И еще, поди, белые медведи. А если эта хрень на гусеницах сломается? Мы не замерзнем?

– Медведи живут не в тундре, а в океане, на льдах. Тут им жрать нечего.

– Как это нечего, а мы?

– Я боюсь, ты не слишком питательная, медведь будет недоволен. И вообще, с чего ты взяла, что у нас что-то сломается?

– Не знаю, просто жутко как-то… Как в детском лагере, когда тебе в темной спальне рассказывают разные истории. Ты бывал в лагере?

– Сто раз.

– И я тоже… Давай тогда страшилки рассказывать друг другу?

– Тебе же вроде и без того страшно?.. Да я ни одной и не помню, – признался я.

– Я тоже. Но у тебя же наверняка что-нибудь ужасающее в жизни случалось? Вот и расскажи из жизни.

– Хм… Даже не знаю. Ну вот, хочешь, я расскажу тебе про хорошую девочку Надю и короля подземного царства?

– Это про меня, что ли?

– Да нет, про другую.

– А! Про эту твою… тили-тили-тесто, жених и невеста… Ну давай, рассказывай, послушаем от нечего делать.

– Хм. Ну вот. Когда я был маленький – ну, как маленький, лет четырнадцать мне было, – родители часто отправляли нас в лагеря вместе. Чтобы мы присматривали друг за другом, и не творили всякой фигни. Но мы, естественно, вдвоем только ещё активнее… скажем так, искали приключений. Вот том лагере, например, в паре километров за территорией были развалины какого-то советского института. Сами здания стояли целые, но всё крапивой заросло по пояс, и ни души там не было. И все ребята тайком туда бегали, чтобы что-нибудь стащить – не ценное, а так, для интереса. В основном противогазы притаскивали, пробирки какие-то, иногда – сломанные приборы… Вот и мы с Надей договорились там полазить, посмотреть. Собрались вечером, после отбоя, днём никак не получалось. Фонари взяли, даже веревки раздобыли, котлет с ужина захватили, чтоб собак прикармливать, и пошли.

До места добрались быстро – никто нам не встретился, и луна была полная, дорогу хорошо освещала. Залезли через дырку в заборе, посмотрели один корпус – пусто совсем, ничего интересного, второй, третий – то же самое. Все разграблено до нас, полностью. Сначала довольно неуютно было, а потом уже присмотрелись, и стало скучно – время позднее, устали совсем, а так ничего и не нашли. И тут луна за тучу зашла, совсем стемнело, а мы в это время на крыше были, оттуда далеко видно. Надя говорит – вон, в углу, у забора, огонёк горит – вроде как в будке окно светится, но слабо-слабо. Пойдем, говорит, посмотрим… Я подумал, что это сторож, хотя наши, кто тут сто раз всё обошел, говорили, что никакой охраны нет и отродясь не было. Но на всякий случай пошли мы тихо, осторожно, подходим поближе, и видим, что никакая эта не будка, а маленькая дверь под козырьком в кустах, и от нее лестница уходит вниз, как в подвал. И там, в глубине, лампочка мигает. Про эту лестницу нам никто не рассказывал, Надя тут же загорелась – давай, говорит, спустимся, там ещё никого не было, значит, всё нетронутое осталось. Я её даже отговаривать не стал – самому интересно, хотя раз свет, значит и люди, а раз люди – значит, опасно. Но я уже тогда людей не очень боялся…

Чтобы соответствовать выбранному жанру «очень страшной истории», я сменил свой обычный небрежный быстрый тон на глухой, распевный:

– Мы-то сначала думали, что это подвал от корпуса, который уже снесли, или бомбоубежище. Но когда начали спускаться,

стало ясно, что там что-то совсем необычное. Сама лестница была самая простая, как в подъезде у дома – только замусоренная и без окон, и уходила страшно глубоко. Я принялся считать пролеты, дошел до сорока, потом сбился. Помню, подумал ещё: как же мы обратно подниматься будем… А Надя ничего такого, видимо, не думала, всё ей было нипочем: скакала вприпрыжку все ниже и ниже, даже пришлось её попугать немного, чтобы шла поосторожнее и шею не свернула на ступеньках. Не видно было ни черта, лампочки через два-три пролета светили, остальные перегорели давно. В конце концов дошли до самого низа, минут пятнадцать спускались, не меньше. Там коридор тоже с одинокой лампочкой, в конце – гермодверь, я такие раньше только в кино видел – толстая, высокая, ржавая насквозь, и распахнута настежь, на одной петле болтается. Тут Надя как заорёт: на пороге крыса сидит, тощая такая, и на нас нагло смотрит, совсем не боится. Я думаю, раз крыса, значит точно живые тут есть, иначе что бы она тут жрала? Кинул в неё камнем, она исчезла.

Зашли внутрь, там новая железная дверь, поменьше и с длинной ручкой, как весло. Но тоже незапертая: мы вдвоем эту рукоятку смогли приподнять, затвор лязгнул, и дверь приоткрылась. Грохоту было… там такое эхо, что мы чуть не оглохли. Даже испугались, что если нас ловить собираются, то теперь для этого самое время, после такого-то шума. Но, конечно, никого там не было. Ну, в смысле, это мы пока так думали…

Я сделал паузу, чтобы моя собеседница осознала весь ужасный смысл последней фразы, и отхлебнул чаю. Девушка молчала, но не похоже было, что моя история слишком её пугает. Пора было сгустить краски и подсыпать саспенса:

– Зашли мы за эту дверь, и оказались в крохотном тамбуре, вдвоем еле поместились: и спереди дверь, и сзади такая же. И та, что перед нами, уже заперта – ручка никак не поддается. Я думаю: ну и прекрасно, отличный повод повернуть назад и лица перед девчонкой не потерять, но тут она говорит: я читала, что это за штука, давай-ка закроем ту дверь, через которую зашли. И тянет её на себя. И мы оказываемся в полной темноте и духоте в этой малюсенькой конурке, где вдвоем не развернуться, и даже фонарь из кармана вытащить сложно, и начинаем там барахтаться. Надя мне шепчет: не пихайся, балбес, берись снова за ручку и тяни вверх. И действительно, получилось: как только первая дверь оказалась запертой, вторая сразу же открылась. Надя объяснила, что это такое специальное устройство, чтобы сразу обе двери не были насквозь открыты, как на подводных лодках. Мог бы и сам догадаться.

За этой второй дверью начался лабиринт из комнат – тесных

и высоких, как стаканы, и кучей проходов между ними. Все стены и пол в кафеле, старом, растрескавшемся, зачем-то ванна ржавая-прержавая стоит, над ней душ, с которого коричневые потеки, как сталактиты, свисают, брр… В углу унитаз, до краев чем-то черным залитый, вдоль потолка трубы – раздутые, со облезшей изоляцией, между ними лампы рабочие кое-где еще остались. И желтый мерцающий свет. И в этом свете заходим осторожно в очередную комнатку, а там тело поперек прохода!

Я специально не глядел в сторону девушки, но, конечно же, внимательно следил за ее реакцией – и не без удовлетворения заметил, как она вздрогнула и издала коротенький звук, похожий на мышиный писк. Надо было дожимать.

– Тут уже Надя перепугалась, аж на мне повисла, разве что не закричала. Мне самому нехорошо стало, но я присел и присмотрелся получше: нет, слава богу, не труп, просто валяется костюм вроде водолазного, с круглым шлемом, только зеленый и весь из резины. Очень старый, весь растрескался и к полу прикипел. Ладно, отдышались, и потащила меня Надя дальше. Прошли несколько комнат, там опять этот… кессон или пропускник, не знаю, как точно называется – с двумя дверьми напротив друг друга. А за ним – широкий, прямой коридор, уходящий в обе стороны, вроде бы даже чистый и почти без пыли. Но тоже темный – над дверью лампочка одна-одинешенька светит, а что в концах коридора – не видно. Двинулись налево, я только на краске рядом с выходом крестик нацарапал ножом, чтобы не пропустить, когда назад возвращаться будем. А Надя мне говорит: ты под землей крест лучше не рисуй, а то придёт на него кто не надо… Я только рукой махнул, не до суеверий. Коридор длинный, тянется и тянется, лампочки на потолке редкие, но кое-как дорогу освещают. Запустение и тишина полные, только вода капает вдали. По стенам коридора двери, только все запертые, и что там – неизвестно. Только одна поддалась, но за ней уже такая темень непроглядная была, что внутрь соваться побоялись – посветили снаружи фонариком, ничего не разглядели. Коридор повернул направо, потом ещё раз, и ещё, а мы идем и идем, и конца-края не видно. Тут Надя говорит: смотри – вот твой знак у двери, значит мы кругом прошли и к тому же месту вышли. Я ей отвечаю: ну и замечательно, давай отсюда убираться, и так уже насмотрелись по самое не могу. Она говорит, нет, подожди, пойдем ещё раз в ту дверь открытую сходим, посмотрим получше. Я её чуть не прибил за упрямство… но лучше бы всё же утащил назад – если бы знал тогда, что дальше будет.

Вернулись к этой двери. Зашли, светим-светим, ничего

понять не можем – нет стен вокруг, только совсем уж тут тоскливо и неуютно, и запах такой мерзкий… не знаю даже, как описать. Как от больной собаки. Потом присмотрелись и ахнули – там огромный такой зал, длинный и широкий, и стены у него на месте, только все черные и обгорелые, и потолок закопченный, с лохмотьями черной краски, и пол залит черной водой, всё черное, поэтому и света от фонарей не видно было. Тут я уже прямо говорю: всё, хорош, пойдем отсюда, и побыстрее, а эта егоза отвечает: нет, смотри – там ещё дверь в конце зала, пошли туда. И попрыгала по обломкам кирпичей, которые из воды торчали. Я, когда её догнал, она уже за дверью исчезла и вдруг как заорет! Я, как бешенный, внутрь, сердце колотится, а там такой же зал – весь выгоревший насквозь, только у стен какие-то шкафы оплавившиеся стоят, и вот Надя стоит у одного такого шкафа и трясётся вся. Я подбегаю прямо по колено в воде, а там, в шкафу – который не шкаф даже, а что-то вроде клетки – скелеты, только не человеческие, а кривые, с маленькими черепами, непропорциональные. И во всех шкафах такие же. Я потом в атласе такие видел – обезьяньи. Только на картинке они чистенькие и беленькие были, конечно, а там… Ну, сама понимаешь… Это жуть как мерзко.

Я Надю оттащил от шкафа, схватил, чтобы успокоить, а она, хоть и дрожит, вывернулась и снова говорит: смотри! – и на дальнюю стену фонарем показывает. Я думал, там опять какая-то гадость, но нет: просто здоровенный пролом в стене, прямо напротив той двери, в которую мы вошли. Надя выкрутилась из моих рук, и туда, но уже тихонечко, осторожно. Заглянула в дыру эту, и только присвистнула. Я подхожу, чтобы снова её назад тащить, а там…

Ну вот представь себе: здоровенная канава, метров пять шириной, далеко внизу в вода стоит и кучи мусора валяются (там же и железная дверь валялась, которая когда-то вместо пролома была), сверху и по бокам пустота, куда фонарики уже не достают, а спереди, через канаву – сплошная стена, плавно загибающаяся в стороны. Как будто мы стоим на внутренней поверхности шара, а перед нами ещё один шар – поменьше, конечно, но тоже огромный, подвешенный на железных растяжках вроде амортизаторов от мотоцикла, только во много раз больше. Представила? И от дыры, на краю которой мы стоим, до шара впереди проброшен металлический мостик – он когда-то, наверное, прямо стоял, но, когда стену ломали, рухнул вниз, а потом его снова на место вернули вкривь и вкось. А напротив нас, на другом конце мостика – снова дверь, и за ней уже совсем темно. Надя смотрит на меня: идем? Куда деваться, пошли и

туда. Только я её веревкой примотал к себе, чтобы не свалилась куда.

Мост вихляется, скрежещет оторванными железками, но держит. Сначала моя подружка прошла на веревочке, как более лёгкая, следом я.

Оказалось, что внутри шара относительный порядок: те же бесконечные коридоры, но все комнатки открыты, ничего не валяется, вещи кое-какие появились, мебель, книги, но всё ужасно старое, грязное. Надя залезла в один кабинет, там стол длинный, на столе – захватанный граненый стакан рядом с дисковым телефоном, на стене – портрет какого-то мужика высохшего, в очках и с орденами, вдоль стен – стеллажи, на них стопки папок, внутри – чертежи и ещё что-то техническое. На папках даты: 1977-й, 1983-й, самое позднее – 1992-й. В остальных комнатах – очень похоже, кроме одной: там пульт в виде стойки полукруглой, с циферблатами, клавишами, телефонными трубками, и шкафы электрические во всю стену – всё нетронутое, но мертвое, пыльное… Под ногами паркет скрипит растрескавшийся и с такими, знаешь, неаппетитными пятнами. И вот на фоне этого скрипа я начинаю слышать вдали вроде как поскуливание. Опять крысы, что ли? Спрашиваю Надю: ты слышишь? А она на меня смотрит, и даже в темноте видно, как бледнеет. Говорит: ну всё, я тут наигралась, пойдем наверх, и, желательно, поскорее. Завел, говорит, меня в эту хренову преисподнюю, давай теперь живо вытаскивай наружу. Это я её, значит, завел…

Пошли потихоньку назад к мостику. Идем, и как будто прямо на звуки: они всё громче становятся, тяжелее, уже скорее не скулёж, а мычание. Чем ближе к выходу, тем громче. Я оставил Надю подождать в коридоре, сам подошел к дыре – и понимаю, что гул этот не оттуда, а из бокового прохода, а за ним лестница на этаж ниже. Нет, не лестница – от неё только обрывок остался, вроде балкончика, а остальное вниз рухнуло, а там вроде как опять зал большой, и из него волнами эха доносится гомон. Как от хора голосов, только голоса эти не обычные, людские, а словно бы умалишенные медленно песню тянут. Дёрнул меня черт посветить туда фонарем, глянул я на этот зал и оторопел… А Надя увидела, как я воздух ртом хватаю, кинулась ко мне, в плечо вцепилась и тоже смотрит туда и как будто рот раскрыла и кричит, только беззвучно…

– Пиздец, – отчетливо выразилась другая Надя – здесь, со мной, у мирной и тихой печки.

– Да… Там в зале были люди, настоящие. Много. Голые, тощие, с желто-белой такой, лишайчатой кожей. И они работали,

что-то делали: раз за разом брали какие-то склянки, ритмично ставили их в коробки, отдавали коробки друг другу, как на конвейере. И пели – это, оказывается действительно песня была, только такая тягучая и тоскливая, что и не поймешь, на каком языке. А самое ужасное… Мы на них светим фонарями, а они на нас ноль внимания. Понимаешь, сами в полной темноте движутся, руками размахивают, а огней – не видят. А я присмотрелся – у них глаз нет ни у кого… Только провалы на черепе, где глазам положено быть.

– Все, кончай, – категорически заявила девушка.

– Да ладно тебе, дальше не страшно. Почти… Короче, Надя отошла от паралича этого, и бросилась к выходу – еле за руку схватить успел. И вовремя: она выскочила, как ошпаренная, на этот гребаный мост, а он возьми и рухни прямо в жижу с мусором внизу. Грохот был… непередаваемый. Она, натурально, и сама там исчезла, в этом провале, фонарь уронила, насилу я удержался на пороге и её вытащил. Она вся в слезах, еле стоит: что делать, куда бежать? А эти… внизу, тут они нас услышали, конечно. Сразу замерли все и лица свои безглазые к дыре, где мы застыли, обратили. А потом как давай бесноваться, прыгать, да высоко так – я гляжу, сейчас уже нас за ноги цеплять начнут, Надю беру в охапку и тащу назад по коридору – туда, откуда мы возвращались. Главное – подальше от этих… В конце снова дверь, за ней – лестница на этаж выше, целая, слава богу. Выскочили наверх, там опять этот… пропускник, потом ещё лесенка, по ней взлетели через люк – обычный, типа канализационного, и оказались на макушке этого шара, прямо на крыше. Там высоко потолок изогнутый нависает, весь в грязной паутине, а вбок ещё один мост уходит, вполне приличного вида, и в стену упирается, а в стене – очередная дверь железная. Мы к ней – заперто наглухо! А шар этот, с которого мы только что сбежали, уже от воя весь вибрирует, и этими голосами утробными и визгливыми вся камера гигантская наполнена, где шар висит. Ситуация безвыходная, короче.

Там бы нас и сожрали, наверное, но тут на потолке сферическом как вспыхнут прожектора! Глазам стало больно ужасно, я ослеп совсем после темноты, но заметил, что сверху туман белёсый с шипением вырывается, а дверь, в которую мы ломились, вдруг открылась, и оттуда, оттолкнув нас, побежали люди – нормальные, военные люди в противогазах. А потом я отрубился от этого газа, который они в камеру пустили…

– Ну, а дальше? Что с вами было? – прошептала Надя.

– Ну как что. Расстреляли, конечно, за проникновение на секретный объект. Ты думаешь, это я сейчас с тобой рядом сижу и

байки из ада рассказываю?

– О господи, блядь, – обессилено выругалась девушка. – Ты давай завязывай с этими шуточками!

– Не матерись, – назидательно сказал я. – Сама же просила пострашнее. Ничего особенного не было. Очнулись оба – и я, и Надежда, в военном помещении, типа, госпитале. Помурыжили нас пару часов вопросами, ругались друг на друга, что второй выход не нашли и не догадались завалить. Потом сдали на руки перепуганным родителям, которые примчались по звонку из города. Решили, что нам, соплякам, все равно никто не поверит, а лишний шум поднимать ни к чему. Да мы, собственно, никому ничего и не рассказывали… До сегодняшнего дня.

– Мда, – вздохнула Надя, уже успокоившись. – Красиво брешешь…

– Чем богаты, тем и рады, – парировал я.

– Ну а как же король? Где он?

– Какой король?

– Ну, ты говорил, что история про подземного короля. Тоже набрехал?

– Так это я так – для красного словца. Чтобы на сказку было похоже. Королей, слава Аллаху, нам там не повстречалось.

– Да, это был бы перебор…

Ненадолго воцарилась тишина. Вездеход спокойно пёр вперед, слегка покачиваясь на сугробах, в печке потрескивали угли, за окошком было черным-черно – небо сегодня было сплошь затянуто тучами. Я молчал, пытаясь засунуть обратно неосторожно разбуженные воспоминания, а Надя сосредоточенно смотрела в огонь, явно что-то обдумывая. Внезапно выяснилось, что пока я увлеченно распинался, она умудрилась втихушку переползти поближе ко мне с дальнего конца лежанки, и сейчас сидела почти вплотную – по-турецки, нагло упираясь в мой бок острой коленкой.

– А вот хочешь, я тебе расскажу сказку про самого что ни на есть всамделишного подземного царя? – прищурившись, сказала она.

– Давай, жги, – согласился я.

Надя подергала себя за оттопыренную губу, собираясь с мыслями, и приступила к рассказу:

– Я, если хочешь знать, с этим твоим президентом тоже однажды познакомилась… Ой, только не делай такое лицо. Конечно, вы знакомы – что я, дура совсем, что ли?.. Ну вот. И происходило это знакомство при самых хреновых для меня обстоятельствах.

А дело было давно. Лет десять назад или около того. Я тогда

совсем ещё ссыкуха была, но, это… уже бывалая. Я же говорила, что из детдомовских, а там обстановка специфическая. Есть такое слово смешное – дикоросы, это типа всякие ягоды и грибы, которые в лесу сами выросли, нас заведующая отправляла собирать их на продажу. Так вот я думаю, это мы и были – дикоросы, в смысле, что дикие и сами по себе, только ещё с указанием на то, что как бы русские, а не цыганята какие.

Так-то вот, детдом. Снаружи-то все в бантиках и флажках, девочки-припевочки, а внутри дружного коллектива, где никто не видит – трэш, угар и содомия. Особенно последнее. Добрые дяди и тети, кто не в курсе, к маленьким девочкам не лезли, издали умилялись, а те, кто в курсе – лезли ещё и как, прям с головой и руками залезали, не оттащишь. Ну, мне-то это нравилось всё, весело. И не мне одной, все, в общем, были довольны, потому как не забесплатно же… Но речь не об этом, а о том, что нас, интернатских, постоянно по всяким городским демонстрациям таскали – чтобы типа показать, какие мы откормленные и румяные. Ещё всех поголовно в православную школу записали – а я и не против была, мне-то до фени. И вот приехал этот ваш главнокомандующий… ну ладно, ладно, не ваш. Хоть мой. Приехал он, короче, в Кострому – как раз на Рождество, зимой. И сразу в церковь, при которой наша школа была, грехи отмаливать. Нас всех, кого нашли, сразу в платочки нарядили – и туда же, скорбных сироток изображать. Стали мы в линеечку, такие бедненькие все, глазки в пол. Поп тамошний что-то муторное тянул-тянул, а потом ему намекнули, чтобы закруглялся и высочайшее время на херню не тратил, так он оставшееся оттарабанил по-быстрому и закрылся. А сам президент подошел к нам знакомиться, конфет подарил. А я тебе честно скажу, что из всех интернатских шлюшек я самая чистенькая была, глазищи зеленые в пол-лица, веснушек по зимнему времени нет совсем, только кудряшки из-под платка спадают – у меня тогда волосы длинные были, не то что сейчас, вот он и клюнул… Подошел он ко мне, присмотрелся, спросил по имени, да как поцелует в лоб! Фу. Ну, то есть это сейчас фу, а тогда даже загордилась, что меня выделяют. Потом он куда-то свалил по своим государевым делам, а ко мне подходит хлыщ из его свиты – кругленький такой, мягкий, и мурлычет: девочка, завтра ёлка рождественская в Кремле, тебя сам Владимир Владимирович приглашает, поедешь? Еще бы не поехала! Рванула со свистом… Посадили меня следующим утром в самолет за бюджетный счет (а до этого полночи директриса наша мозг выносила, как себя там вести, о чем можно с приличной публикой говорить, а о чем рта своего непутевого не раскрывать), и вот я

уже на Красной площади, рядом с дедушкой Лениным. Там вообще детей до пса было, но сразу было понятно, что большие дядьки, которые там крутились, всё на меня посматривают и что-то замышляют. И точно: как торты с лимонадом кончились, повели меня к хозяевам – то есть персонально к ВВП, да ещё и с Медведом этим, премьером недоделанным. А хотя нет, он тогда вроде премьером ещё не стал – это было до того, как они поменялись в первый раз, значит. Короче, не помню ни хрена, кто из них был главней – маленькая была. Ну конечно, я чуть не обмочилась от гордости и счастья при виде обоих. А они меня внимательно так обнюхали, чуть ли не в зубы заглянули, и говорят ласково между собой:

«Вот, Митрий Анатольич, посмотрите, какие замечательные дети растут в нашей посконной глубинке!» – «Да, Владим Владимыч, дети прекрасные!» – «Надежда наша, Митрий Анатольич, находится в трудной жизненной ситуации, без родителей осталась, а смотрите-ка, какая красавица да умница выросла!» – «Да, Владим Владимыч, давайте поможем юной россиянке найти свой путь в жизни!» – «А давайте!» Вот прямо так и говорили по дебильному, как Штепсель и Тарапунька на конферансе.

И меня уже уговаривают: типа, мы школу для одарённых детей открываем, резерв будущей России, бла-бла-бла, не желаете ли пополнить почётную когорту обучаемых? Я отвечаю так вежливенько: а с каких это хлебов я тут стала самая одарённая? А они: даже не сомневайтесь, тут случайностей быть не может, наши лучшие эксперты провели игровое тестирование лидерского потенциала, и прочую муть. Пудрят мозги, короче, дурочке по полной. Ну я и развесила уши, говорю: так и быть, давайте эту вашу школу, согласная я. Правильный выбор, – одобряют, – вас сейчас отвезут в другой интернат – не такой, к которому вы привыкли, а хороший, а тем временем наши помощники все бумажки оформят по высшему разряду. На этом и распрощались.

Действительно, отвезли меня на роскошной машине в какое-то шикарное место – сильно врать про него не буду, потому как толком не разглядела. Посадили одну-одинёшеньку в маленький домик и няньку приставили, толстую и строгую. И вот мы с этой нянькой два дня там проторчали, никуда не выходили, так что красивую жизнь я только через окошко наблюдала. Но даже то, что я в щёлочку видела – это пиз.. парадиз полный. Не могу даже словами сказать, что там такого расчудесного было, но заявляю тебе со всей своей сволочной откровенностью, что если бы этот ваш солнцеликий меня туда ещё раз позвал, то всё простила и мухой бы понеслась, так там хорошо.

Ну вот, сидела я там, сидела, а на второе утро гляжу – тётка эта, надсмотрщица, печально так на меня смотрит и за завтраком все чайку подливает, хоть он у меня уже из ушей лезет. Потом-то я поняла, что эти суки туда подмешали какой-то наркоты, потому что накрыло меня по полной программе – так-то не сплю, но всё в тумане, ноги не ходят, а настроение просто отличное, типа пофиг всё, прорвёмся. Короче, чувствую, накрылась моя одаренная школа медным тазом, но как бы и хер с ней, и так зашибись на свете жить. Тетка видит, что я сомлела, позвонила своим – вошли два мужичка крепких, взяли меня под белы рученьки и повели, а я им улыбаюсь, как придурошная. Привезли куда-то, я не понимаю ничего, вроде опять в самолете сижу, и летим долго-долго… Тут уж я и засыпала, и снова просыпалась, так что эту часть я хреново помню, уж извини. Потом снова ехали в машине, и кажется – тошнило меня, потому что заехали в темень полную, и стали круги нарезать, а зачем – не знаю. Точнее сейчас-то понимаю, что это, наверное, спускались по тоннелю спиральному, кругами. Поэтому я и начала про подземного царя, что самое интересное в глубине происходило.

Очнулась в маленькой комнатке, на стуле, рядом тот, круглый, с которого моё знакомство с высокой властью началось в церкви. Это он мне тряпочку мокрую понюхать дал, чтобы я в себя пришла. «Ну что, – спрашивает, – очухалась? Сама идти сможешь?» Я по-прежнему нифига не понимаю, но киваю согласно. Он говорит: «Насчет этого, – показывает мне на руки, – не переживай, просто после препарата возможны конвульсивные реакции». Я гляжу – мамочки! – а у меня на запястьях наручники. Ладно, думаю, тут лучше не шутить, а молча делать, что скажут. Без смехуёчков целее будешь. Смирненько так говорю: я на всё готова, дяденька, вы только не убивайте. Он смеется: «Хорошая девочка. Вставай давай, и пошли».

Идем мы: он впереди, спокойно, не оборачиваясь; я за ним послушно, а там целый ряд… как бы сказать… комнат – дверь в дверь, одна за другой. Много-много комнат, и все пустые, но чистенькие, светлые, ровным голубым цветом покрашенные. Шли-шли, а они всё не кончаются и не кончаются. И вдруг выходим в комнату побольше, там стол, а за столом четверо: двое старых знакомых – президент с премьером, один какой-то старый, застывший, медный весь, и последний, точнее последняя – негритянка, в очках, с прической, и в модном брючном костюме, вся такая гламурная. Жуткая компания. И все они, то есть трое – орут чуть ли ни матом на бедного Димона, втирают ему про долг перед Родиной, национальную идентичность и традиционный культурный код. А тот сидит – еле отпирается, весь потный, и

дышит тяжело.

Мой кругляк меня рядом поставил, чтобы всем было видно, тогда ВВП говорит: «Димон, ну ты чего разнюнился как писюн кисейный, смотри, какую мы тебе щучку подобрали. Сам же хотел побыть за главного, а теперь заднего включил. Пять минут простого мужского удовольствия, и ты в дамках. Точнее – это вот она в дамках, а ты в кресле. Чё ты как баба в натуре?»

Древний и медный величественно выговаривает: «Дима, я уже говорил вам, что архетипические обряды, происходящие из тысячелетнего религиозного опыта, являют собой фундамент российской государственности. Сакральность власти, имманентная общественным отношениям, принятым в вашем исторически-сформированном этносе, должна быть подтверждена самым убедительным образом, тут недопустима малейшая фальшь или имитация… Церемонию следует завершить немедля».

Черная баба истерически повизгивает: «Димитри, ви не должен апеллировать к ценностям либеральный социум! Ви есть самым лучшим образом осведомлены, что вопрос много раз решать на совете по права человека Объединенных наций, и он согласован как имеющий значение для безопасность и политический баланс мировой системы! Как феминист, я сожалею о вовлечении ребенка в процедуру, но как человек, ответственный за судьбу человечества, я признаю, что её… sacrifice[2] приносит большой вклад в счастье и будущее цивилизации! Ви должен действовать сейчас, Димитри!..»

Этот слушает, как его кроют и всхлипывает, лицо совсем за красными ладонями спрятал. Я стою – ни жива, ни мертва, только думаю: лишь бы не грохнули, живой оставили, остальное все вытерплю, что бы этим извращенцам в голову ни взбрело. ВВП уже надоело увещевать, отвернулся он разочаровано, и в стенку глядит. Тогда дед этот, Чингачгук древний, поднялся и руку коричневую, сморщенную, на голову страдальца Дмитрия возложил. Говорит: «Я стал вождём своего славного народа, уже преодолев вековой рубеж, а вы, Дима, стоите на пороге власти над своим великим народом уже сейчас, в сорок три года. Вы юны, мой друг, и только поэтому имеете невероятный шанс изменить свой мир и свою страну. Зачем вы медлите? Мириады глаз наших предков смотрят здесь и сейчас на вас, недоумевая вашей нерешительности. Сделайте этот шаг, переступите глупый моральный камертон в своем сердце, дайте уму занять свое законное место. И уже тогда, немедленно, вы войдете в сонм гигантов истории, и они будут рукоплескать вам… Не мучайте себя сомнениями, просто вставайте и сделайте то, что должно сделать».

И тогда Димон разнесчастный плечи расправил и заявляет так решительно: «Хватит, замолкните все». Все тут же заткнулись послушно, и смотрят на него с лучезарной надеждой. А он ко мне, наконец, обернулся, рожу скривил в усмешке, и говорит: «И впрямь, что тянуть. Пошли, красавица». И толкает меня в следующую комнату, а она ширмой отделена. Там тахта, стул. Он меня на постель пихнул, а сам на стульчик присел и на меня таращится. Молча галстук развязал и на пол бросил. Потом ме-едленно пуговицу расстегнул на воротнике, вторую… У меня глаза как блюдца, слежу неотрывно за этими его манипуляциями, а сама себя успокаиваю: ну ладно, типа, ерунда, потрахает и отпустит, да же? И сама уже потянулась, чтобы с себя одёжку стянуть, да только неудобно, руки скованны, только туфли с пяток сбросить смогла. Он смотрел-смотрел, как я мучаюсь, а потом как затрясёт головой, и давай стонать: «Да что же я, сука, делаю! Пошли они все на… Решили повязать меня всей этой эзотерической хуйней, промыли мозги, бляди…» Попричитал так, а потом говорит:

«Нет, девочка, не бойся. Не такой я гондон, как ты подумала. Ты моя Надежда, а я – твоя, так что сиди тихо и делай, что я велю, и все будет тип-топ. А сделаем мы вот что…» – и стал смотреть на часы, прям носом в них уткнулся и ждёт. Минуты три прошло, я сижу как мышка и пукнуть боюсь, и тут он подмигивает и шепчет так заговорщицки: «А теперь давай кричи!» Я ему в ответ тихонько: «Как это – кричи?» А он: «А вот так!»

– А-А-А-А-АААААА!!! – оглушительно завопила Надя мне прямо в ухо. Я отшатнулся и от неожиданности свалился с лежанки на пол, ударив локоть. Девушка с сожалением посмотрела на освободившееся место рядом с собой, и вздохнула:

– Что, испугался? А я вообще обосралась там на хрен. Сама заорала, как оглашенная. Сидим с ним, голосим друг другу в лицо, и глазами ужасными смотрим, не мигая. А потом вообще бордель полнейший начался: через ширму влетает незнакомая блондинка, вся растрепанная, морда малиновая, растекшаяся, и ручки свои пухлые ломает: вы тут что, твари конченные, устроили! – и давай Диму этого трясти и физиономию ему когтищами карябать. Тот смотрит на неё сначала изумленно, а потом как залепит ей по мордасам, прям в челюсть! Ну, а в дальнейшем цирке мне уже выступать не пришлось: набежало куча народу, меня какие-то жлобы снова в охапку схватили и потащили прочь.

Я бестактно отвоевал свое место у рассказчицы и сел обратно. Вся эта история, при видимой невооруженным взглядом абсурдности, пробудила во мне тяжелые предчувствия

относительно судьбы той, другой Нади. Чёрт его знает, что взбредет в голову этим кровососам, съехавшим с катушек от нескончаемой власти, – и какие порочные демоны водятся в той реальности, куда уже давным-давно эмигрировали их мозги. Я поинтересовался:

– И что это было? К чему вся комедия с уговорами и расстегиванием пуговиц?

– А хрен его знает, – девушка передернулась. – Надеюсь, что никогда этого не выясню. На своей шкуре, я имею в виду. Но я вот думаю, что Медвед-то наш недолго в лавке за главного продержался. И не потому ли, что тогда со мной облажался?..

– У тебя мания величия. И что было дальше?

– Ну, для драматизма неплохо бы сказать, что меня выкинули голышом в тундру помирать, но нет. Отвели в кладовку, подержали там пару часов, а потом погрузили на вертолёт и доставили в славный город Анадырь. А там – аэропорт, обычный рейс до Москвы, полсуток в воздухе. Я там чуть не сдохла от скуки. Как прилетели, меня от трапа сразу шасть в сторонку, и уже на поезд до родного интерната, чтоб ему сгореть к ежовой матери. Но надо сказать, что так запросто я не отделалась. Всё время потом чувствовала, что меня в покое не оставляют – правда, скорее в хорошем смысле. В университет наш, хоть он и паршивый, я бы ни банана сама не поступила. А тут как по вазелинчику проскочила. И на завод этот сраный, кажется мне, я не просто так попала. А последние годы – тишина, забыли про меня, видимо. И вот тут – ты, привет из прошлого. Ты же с ними, да?

– Нет, – задумчиво произнес я, – я сам по себе. Надеюсь на это, по крайней мере…

Печка догорала. Окно посветлело: тучи разошлись, и в небе появилась ясная луна. Имело смысл поспать (а чем тут ещё заниматься?), но сначала следовало сходить в рубку и проверить курс. Все было в порядке: увалень-вездеход неторопливо взрывал снежный покров, твердо прокладывая колею к Норильску. Красная точка на карте мигала, казалось, совсем рядом: один дневной переход, да нет – несколько часов, и мы настигнем нашу неведомую добычу. Ага, мрачно подумал я, кто тут еще добыча, – и собирался вернуться назад, но посмотрел вперед и обмер.

Тундра кончилась. Прямо, насколько хватало глаз, в свете головных прожекторов простиралась идеально ровная, черная, зеркально-глянцевая поверхность. Далеко-далеко, километрах в десяти, виднелись огни города. Они отражались в этой бескрайней плоскости, и от этого удваивались и мерцали всеми цветами радуги. Я встревоженно присмотрелся к экрану

навигатора, и понял, в чём дело: черная полоса была Енисеем подо льдом, безумно широким в этом своем нижнем течении, а огни, без сомнения, принадлежали Дудинке – северному порту, вотчине загадочных полярных людей, называющих себя нганасаны и долганы (это внезапно всплыла информация из детской энциклопедии, обнаруженной и прочитанной в незапамятные времена в Надиной квартире). Вездеход, не останавливаясь, тащил нас к реке, и я, испугавшись, что мы сейчас всей своей гигантской тушей уйдем под лёд, потянулся к ручкам управления, чтобы затормозить это самоубийственное движение, но уже было поздно: машина, ухнув вниз с пологого берега, выкатилась на твердое, и, огласив окрестности пушечным треском, уверенно заскользила вперед. К моему неописуемому облегчению многометровый зимний покров сибирской реки с честью выдержал давление широких гусениц. Осторожно выдохнув, будто это могло на что-то повлиять, я повозился с кнопками, настраивая курс. В Дудинке нам делать было нечего – это ориентир мы должны были пройти стороной, чтобы утром выйти к Норильску. Я проложил маршрут параллельно железной дороге, соединяющей порт и город, но в пяти километрах южнее, чтобы не мозолить местным глаза. Можно было возвращаться.

В жилой комнатушке стало совсем сумрачно. Надя бездвижно сидела на кровати в той же позе, в которой я её оставил, грустно обхватив колени руками. Она повернула ко мне лицо, светившееся белым пятном в темноте, и тихо, без своей всегдашней развязности, спросила:

– Что это был за грохот? Так тряхнуло… я боялась, что мы в кого-то врезались.

– Это Енисей, – ответил я, – посмотри в окно, как красиво.

– Да, – согласилась она, едва взглянув на ночной вид реки, – это чудесно. А можно, я сегодня с тобой посплю? Так тоскливо одной…

Я скептически задрал было брови, но тут же мысленно дал себе оплеуху. Какую бы стерву и потаскушку не разыгрывала из себя моя оригинальная попутчица, нельзя было не признать, что жизнь, в которой ей приходится так себя вести, сладкой не назовешь. Ей явно частенько приходилось получать тумаки, и то, что это болезненно хрупкое создание не унывало под постоянными ударами судьбы, а принимало их с цинизмом и отчасти даже с бесшабашным ухарством, вдруг наполнило меня симпатией пополам с жалостью.

Надежда продолжала меня уговаривать:

– Обещаю, что буду вести себя хорошо. Вот, даже раздеваться не буду… Ну пожа-а-алуйста, а?

Ну конечно же. Конечно.

22 марта

Добрый вечер, Дневничок!

Уже второй день мы в Нарьян-Маре. Это крохотный городок далеко на Севере, и раньше, к моему стыду, я никогда о нём не слышала. Но он очень милый и домашний, хотя толком я ничего и не увидела – лишь то, что рассмотрела из окна автобуса, который забрал всех нас прямо от трапа нашего летучего корабля. В.В. сказал, что это столица целого необъятного Ненецкого округа, и вообще пункт крайне важный для всей страны – только отсюда, оказывается, можно попасть на огромный архипелаг Новая Земля, воспользовавшись специальной подводной переправой. Со всех остальных сторон эти богатые ресурсами и населением острова закрыты искусственно созданными заграждениями и атомными минными полями, потому что на них происходят какие-то совсем уж фантастические и секретные вещи (какие именно – он уточнять не стал, ну и не очень-то надо). По пути из аэропорта на дачу губернатора, который нас любезно приютил, я с удовольствием разглядывала из окна аккуратно высаженные аллеи из голубых елей, чистенькие невысокие домики из разноцветных кирпичей, старинную деревянную церковь на центральной улице – все очень опрятно, красиво, а местные жители – люди очень приветливые и вежливые, хоть их и немного. Экзотических ненцев, правда, мне тут не встретилось, хотя я была бы не против на них посмотреть. Сам губернатор, оказывается, москвич, и его помощники тоже – они очень хорошо нас встретили и тут же разместили со всеми удобствами. Даже В.В. остался доволен и не стал, по своему обыкновению, их ругать (он в каждом месте считает нужным показать, кто в доме хозяин – для профилактики, как он утверждает. Ну и правильно!)

Резиденция местных властей, в которую нас привезли, конечно, не дотягивает до той, подмосковной, где я прожила целую неделю. Но тут тоже очень даже ничего – особенно мне понравился спрятанный в хвойном лесу бассейн под открытым небом с теплой водой и выходом через галерею из сауны – я уже дважды там искупалась и осталась очень довольна. Только вот на морозе от теплой воды получается слишком много пара, и из-за него почти ничего не видно вокруг. Но так даже интересней – плаваешь, как будто в гейзере, я о таких читала. Из других развлечений – только зал-ресторан, где круглый день играет самый настоящий оркестр с хором. Ну и по мелочи: бильярдная (Митя полдня учил меня забивать шары, но я, видимо, безнадежна), кино, библиотека (я зашла туда, и местная служительница обрадовалась так, словно

ей явился сам В.В. – говорит, скучает тут целыми днями одна-одиношенька), и даже музей есть, с оригинальными работами мастеров Возрождения. Мне сказали, что это часть сокровищницы петербургского Эрмитажа, выездная экспозиция. Вот как!

Живем мы тут много свободнее, чем на дирижабле. Там у меня был номер типа гостиничного всего в две спаленки, а тут – целое крыло в двухэтажном особняке и куча обслуги. Всех нас расселили по таким роскошным домам – по двое-трое в каждом, в зависимости от того, сколько там апартаментов. И не знаю уж, случайность это или нет, Дневник, но моим соседом оказался… Ну ты догадался, да? Живем почти одной семьей – то есть, нет, ты не подумай, я имею в виду, под одной крышей, только на завтрак вместе ходим. Хотя… нет, не только. Терпела-терпела и не утерпела тебе рассказать все мои новости – очень уж хочется всё это описать поподробнее. Но не буду торопиться, и вместо этого начну с тех событий, которые произошли вчера утром.

Я немного проспала (потом станет понятно, почему), и поэтому на завтрак в ресторан шла одна. Когда я явилась, все уже собрались: и В.В., и Митя, и оба Игоря Иваныча, и ещё человек пятнадцать, причем некоторые даже незнакомые. Наша экспедиция постоянно пополняется – нас догоняют на обычных самолётах и присоединяются к нашему путешествию. Вот и в этот раз прибыли новенькие: один из них, суровый седовласый генерал при полном параде и с огромными звездами на погонах, отдувался перед президентом. Видно, что разговор у них был не из приятных – и без того хмурое, насупленное лицо военного шло красными пятнами, а на смуглых восточных скулах играли желваки. В.В. тоже выглядел не вполне привычным образом: он обычно такой обманчиво мягкий, немного даже округлый в щеках, но сейчас его черты заострились, тонкий нос стал еще более костистым, и весь он стал словно бы худее и выше ростом – вот что делает с людьми ярость, которая его, несомненно переполняла. Впрочем, эта злость, должна признать, в чем-то даже идёт ему – она делает его определенно моложе и заставляет прямо-таки лучиться энергией. Я подошла поближе, но не слишком, чтобы не подумали, что я подслушиваю (просто мне стало любопытно, что же так рассердило моего президента) Генерал протягивал в подрагивающей руке листок с чертежами, а В.В. тихо выговаривал ему, еле сдерживаясь от эмоций:

“Это что у вас здесь за лошади с хуями нарисованы, товарищ министр обороны? Что вы мне этот туалетный клочок подсовываете? Мне кажется, вы в недостаточной мере осознаете серьезность положения. Блок невозможно восстановить, и вы это прекрасно знаете. И вообще, что значит – утерян? Кем утерян?

Как можно потерять продукцию секретного назначения?”

“Владимир Владимирович, найдется же, – прогудел генерал, опустив глаза в пол, – все меры приняты…”

“Должен сообщить вам о неполном служебном соответствии. Имейте в виду, если до вечера местоположение устройства не будет установлено, то придется прибегнуть к помощи известных вам друзей (это слово он выделил зловещим свистом, а генерал, услышав его, отшатнулся и сбил задом чайник с кофейного столика). И они всю вашу пидорасню, и вас лично – да-да! – мигом поставят в позу пьющего жирафа. Даже не сомневайтесь.”

Бледный военный протестующе прохрипел:

“Владимир Владимирович, я не готов продолжать разговор в подобном тоне…”

Президент страшно округлил глаза, а потом глубоко вздохнул и сказал самым обычным, будничным тоном:

“Ты, Сергунь, башкой своей контуженной подумай сейчас внимательно, что сказал. Ты нарываешься на то, чтобы я сфинктер тебе натянул на эти вот твои интеллигентские растопырки? А то, видно, по-другому уже удовольствие не можешь получить? Хочешь, чтобы все узнали про ваши с Сердю́чиной мутки? Чтобы тебя тоже сырыми тряпками погнали хуем в окошке вертеть на вертолётном заводе? А? Молчишь?”

“Товарищ Президент… я всё понял. Разрешите выполнять задание?”

“Грузинский гусь тебе товарищ. Обдристался? Вали давай, стирай лампасы”.

Генерал понуро побрел к выходу из зала, а Владимир Владимирович заметил меня и радостно переменился в лице – как будто и не было тяжелого разговора только что:

“О! Надежда, мой компас неземной! Друзья, соратники мои, минуточку внимания!” – он подошел к столу и постучал вилкой по графину с вином.

Сидевшие за столом до этого тактично делали вид, что заняты своими тарелками и не слышат, как Президент распекает незадачливого министра. Теперь они резво повернулись и уставились на меня, радуясь, что гроза закончилась. Нетипичным, но ужасно весёлым развязным тоном Владимир Владимирович объявил:

“Сегодня у нас всех праздник! Вот она – наша героиня, Наденька Соловьёва. Ну-ка, иди сюда, девочка моя, не стой столбом, как молдаванка на Можайке”.

Я иронически подняла бровь – что это с ним? – но подошла и встала рядом. Он тут же приобнял меня за плечи.

“Надюш, мы посовещались в Совете Безопасности – вот прямо

тут, за завтраком, и решили удостоить тебя высокой государственной награды. Секретным Президентским указом. Даже медальку новую специально для тебя придумали. Называется «Надежда России». Класс, да? Типа, есть Герой России, а ты – Надежда России. Сам придумал. Одобряешь?"

"Но за что?" – пробормотала я, ошеломлённая этим напором.

"Ну как же. За особые заслуги, – он подмигнул, – перед высшим руководством страны. А ты как думала? Антон Эдуардович, давайте-ка сюда ваш орденок!"

Вечно недовольный А.Э. (мне показалось, что он тоже не одобряет манеру, выбранную президентом) достал из кармана сафьяновый футляр и с легким поклоном протянул его В.В. Тот немедля распахнул крышечку и предъявил мне блестящую звезду, усыпанную стеклянными блестками. Приглядевшись, я поняла, что это, скорее, брильянты – так необычно они сверкали в утреннем солнце, пробивавшемся через окна. Я хотела взять звезду из коробочки, но президент оттолкнул мои пальцы:

"Нет-нет, должно лично увенчать героическую грудь!.."

Он прицепил награду мне на блузку – нет, вопреки канонам сцены, не уколов булавкой, но по-хулигански, больно и неожиданно, ущипнув за сосок – я так и вскрикнула от неожиданности.

"Ну-у, Надежда, – приблизив губы, прошептал он мне (слава Богу, что не во всеуслышание), – ты что, кричать научилась? А то можно было подумать, ты вообще ничего не чувствуешь…"

Он смотрел на меня, хитро улыбаясь, а я чувствовала себя оскорбленной и оплеванной на виду у всех. Зачем он так при них? (Не переживай, Дневник, мой возлюбленный не сошел с ума. Позже все разъяснилось).

"Благодарю вас…" – я не нашла ничего лучше, как сделать малый книксен и сделать шаг назад.

Он отпустил меня кивком восвояси, я недоуменно отошла к столу и присела на стул между Митей и смутно знакомым печальным усачом, уныло ковыряющим омлет в своей тарелке. Увидев меня рядом, он тут же просипел:

"Считаем нужным заметить, что орден – это вам не барашки накашляли… Прошу вас, передайте нам вот тот куантро".

Я была на взводе, поэтому сердито ответила ему:

"Разве вы не знаете, что распивать ликеры по утрам – дурная привычка?"

"Нам ничего не известно об этом, – капризно заявил усатый, – но мы хотим куантро!"

Нервно вздохнув, я протянула ему бутылку. А Митя, дождавшись своей очереди, уважительно склонился к моему уху:

"Поздравляю, Надя, такая награда, такая честь.... Завидую

тебе. Хотел бы оказаться на твоем месте".

Сомневаюсь, подумала я. Знал бы ты, за что мне такая «честь» – убежал бы куда подальше. Хотя почему же, – тут же ядовито поправила я себя, – откуда мне знать, о чём мечтают люди? Может быть, ему бы как раз понравилось… Понравилось же мне, верно?

А дело тут вот в чем…

Уф, дневник, перехожу теперь к самому сокровенному. Так странно: всё время думаю об этом, то с радостью, то с волнением, но теперь, когда решилась написать – почему-то стало стыдно. Но это же никто не прочитает, верно? Надо написать для самой себя, чтобы понять, хорошо это, плохо ли, – или, может, вообще не стоит придавать произошедшему значения? (ага, как бы не так!) Постараюсь все изложить беспристрастно и, по возможности, скромно. А, впрочем, почему бы не наоборот – с чувствами и переживаниями? Ведь и того, и другого было полно… Всё, хватит увиливать и тянуть ежа за хобот – напишу, как получится.

Значит, так:

Накануне, пока мы ещё неторопливо плыли по воздуху, я стояла одна в своем любимом месте – стеклянном коридоре, и смотрела на закатные облака, между которыми, будто играя в догонялки, лавировали маленькие юркие самолётики. Они уже несколько часов сопровождали нас, то исчезая, то появляясь снова, но держались на почтительном расстоянии от нашей махины. Заглядевшись на это небесное представление, я не заметила, как в коридор своим обычным мягким шагом зашел Владимир Владимирович и встал совсем рядом со мной. Обнаружив внимательный взгляд, изучающий мой профиль, я, кажется, подпрыгнула от неожиданности, а затем с облегчением рассмеялась.

"Вот, – сказала я ему, – бездельничаю, ворон считаю".

"Это не вороны, – по-мальчишески педантично поправил он меня, – это наш эскорт, истребители сопровождения. Не знаю даже, зачем их заставили тут кружиться? Мне даже трудно представить, Надя, что может угрожать нам в безоблачном небе нашей с тобой страны".

Я догадалась, что он, должно быть, говорит это с иронией. На свете много глупых и злобных людей, и лишняя защита Лидеру нации никак не помешает.

"Все равно красиво, – мечтательно произнесла я. – Как будто почетный караул у воздушного дворца императора. Я смотрела такой мультик в детстве, японский. Так давно это было…"

"Твое детство? Да нет же, это было буквально вчера. Ты и сейчас иногда выглядишь сущей девочкой".

“Вот уж нетушки, – притворно обиделась я. – Надоело быть ребёнком. Сами знаете – всё у меня уже по-взрослому, так что не надо со мной нянчиться”.

“Как не знать, – улыбнулся он, – и что же, замуж тоже не страшно?”

“Ни капельки. А вам?” – парировала я.

“Ну, у меня ситуация диаметрально противоположная. Мне знаешь ли, не замуж выходить, а жениться, а это совсем другое дело…” – уморительно серьезным тоном пояснил В.В.

Я прыснула, не сдержавшись. Мне ужасно захотелось взять его за руку, или даже прижаться к нему сразу и целиком, чтобы он обнял меня и погладил по волосам, но всё же было страшно. И вот ведь удивительно: вроде бы уже всё между нами было, что может быть между мужчиной и женщиной: и любовь (у меня-то точно, хоть я и помалкиваю пока), и важные признания, и странная, чарующая, невозможная, но всё же случившаяся близость, но до сих пор я не чувствую себя рядом с ним свободно и спокойно. Он прав, тысячу раз прав: я – всего лишь маленькая глупенькая девочка, а он – небожитель, волшебный герой, мудрейший и величайший из людей (да хоть бы и не только из людей). Мы живем в разных мирах, и видим, боюсь, только отражения друг друга в той прозрачной стене, которая с самого рождения разделяет наши вселенные. Как здесь можно даже мечтать о равенстве? Вся моя судьба – и я к ней готова, полностью, до самой смерти – быть одним из тех существ, чьё назначение – просто самоотверженно дарить уют и покой этому непознаваемому Богу на Земле (да простят меня мои книжные наставники за сотворение кумира, но всё это так, именно так, я знаю). Но, всё-таки, может быть, он будет милостив, и мне снова достанется часть его чудесного Света?

Я разволновалась, а от своей нерешительности и неспособности первой прикоснуться к нему (формально моему жениху, как бы невероятно это не звучало!) – ещё и рассердилась. В то же время во мне зародилось и усиливалось с каждой секундой непонятное щемящее чувство: начинаясь в животе, под ложечкой, и отдаваясь тянущим рикошетом в груди, оно стекало вниз капризным покалыванием, словно бы настойчиво призывая моё внимание, а опускаясь еще дальше, заставляло невыносимо холодеть колени и ступни. Мне было неприятно от того, что предательски размякшее тело едва держится на ногах перед Ним, но был и привкус (о Боже, дневник!) мучительного удовольствия в этой охватившей меня бессильной слабости. В.В., видимо, понял, что со мной творится неладное:

“Вижу, ты всё-таки переживаешь. Но поверь, беспокоиться не о

чем – у нас будет самая красивая и необычная свадьба на свете. Такая же, как была у древних царей этой земли – только ещё лучше".

"Какая?" – прошептала я, не в силах оторваться от поглотившего меня сладко-болезненного ощущения. Если честно, мне было сейчас плевать на какую-то там свадьбу, лишь бы быть с Ним, но, кажется, его самого этот вопрос занимал всерьез.

"Помнишь, мой рассказ про старинный ритуал утверждения нового властителя – который происходит там, на востоке? Это очень красивое и величественное действие, и наше единение органично впишется в него."

Он понизил голос, и – как удивительно! – смущаясь, сказал:

"Знай, что для меня ты не только прекрасная Надежда, но и любимая Россия – так мне нравится тебя воспринимать… И в мечтах я вижу, что наш человеческий союз должен символизировать вечную любовь между тобой – Россией и мной, твоим земным почитателем".

"А вы больше любите меня или свою страну?" – решившись, задала я вопрос, который меня очень беспокоил.

Он усмехнулся:

"Только тебя. Ты же и есть она, разве сама не видишь? Ты же поняла, почувствовала это тогда, после инаугурации, верно?"

"Да" – покраснела я. Я вспомнила тот миг, когда перестала быть девочкой Надей и превратилась в женственную Россию. – "И это совсем не обидно, а очень почетно".

"Вот именно. Почетно, и в первую очередь для меня. Тебе же доводилось играть в театральном кружке?" – вдруг сменил он тему.

"Было дело, – улыбнулась я. – Правда, вечно на вторых ролях. А что?"

"Ритуал есть ритуал – его сила именно в том, что он должен быть выполнен дословно. В одной из его версий, которая зафиксирована в древних хрониках, подробно описано, как именно держава становится женой своего властителя. И если следовать ритуалу – а мы так и сделаем – то тебе придется вспомнить свое актерское мастерство и немножко поиграть в царевну-Россию".

"А что нужно делать?" – рассеяно спросила я, думая о другом. То пульсирующее, физическое волнение, которое охватило меня ранее, всё усиливалось, нарастало, и я, признаться, даже не очень понимала, о чём он говорит – так поглотили меня эти ощущения… и мысли, боюсь, совсем недостойные той целомудренной России, которую себя представлял Он.

"Все просто. Это похоже на сказку про спящую принцессу – тебе нужно будет лечь неподвижно в специальный хрустальный

сосуд, а потом по сценарию мне придется тебя разбудить. Сможешь так, не испугаешься?"

"Да, да, да", – я была согласна на что угодно, даже не особо вслушиваясь в его слова – сам его голос вызывал во мне оцепенение.

"Молодец!" – похвалил он. – "Скажи на милость, а что с тобой творится? Ты, кажется, вся дрожишь".

"Это от того, что вы здесь…" – пролепетала я, опустив глаза. – "А когда всё случится?"

"Что именно?"

"Ну, свадьба".

"Примерно через неделю. Думаю, к тому времени как раз долетим".

"Так долго… Я не доживу".

"Брось. Почему?"

Знаешь, дневник, я много раз читала во всяких журналах, что нельзя навязываться мужчинам и прямо говорить, что тебе от них нужно – это пугает и вообще… дескать, неприлично. Но мне уже было всё равно. Сжав свои чувства трясущимися коленками, я призналась:

"Потому что мне надо быть с вами прямо тут, сейчас. Я не могу больше терпеть…"

"Бедная, – пожалел он меня. – Всё понимаю. Мне тоже сложно – последние дни моя голова занята не государственными делами, которыми мне положено заниматься, а вовсе другими… Но, прости меня, тут есть одна непреодолимая физиологическая сложность".

"Да какая же?!"

"Ты девушка, – утвердительно произнес он. Я сначала не поняла, а потом сообразила и кивнула. – Моя Россия должна быть невинной до дня свадьбы, понимаешь?"

"Так что же, – сокрушенно сказала я, – тут ничего нельзя сделать?"

Он с явным сомнением оглядел меня, размышляя о чем-то, и вдруг, когда я уже начала впадать в отчаяние, решился:

"Есть одна возможность, – заговорщицки сказал он. – Но боюсь, она может тебе не понравиться".

"Мне нравится все, что вы делаете, – самоуверенно заявила я. – Говорите же скорее!"

Он глянул наружу, в вечернее небо.

"Сейчас уже темнеет, это хорошо… Вот что, иди к себе и готовься. Встретимся через несколько минут".

Он ободряюще сжал мою руку, и, не говоря больше ни слова, быстрым шагом ушел прочь. Странно, дневник: как только он исчез из моего вида, волнение тут же улеглось, мысли прояснились, и я стала задумываться о том, что же всё-таки со мной происходит,

и насколько это нормально. Но времени было мало, и я с немалым усилием отложила все размышления на потом. Он сказал готовиться – как, к чему? Ах, какая разница, надо поспешить.

Я вбежала к себе в комнату, и некоторое время не могла понять, за что хвататься. Сообразила, метнулась в душ, наскоро вымылась, слегка подкрасила глаза и собрала волосы в легкую небрежную прическу – руки меня не слушались, и на большее терпения не хватило. Что теперь? Не успела накинуть халат, как в дверь постучли – пришел Он. Чёрт бы меня побрал, непутеху – в этом халате, хоть он и красивый, шелковый, – я выглядела совсем неромантично, как будто из деревни вернулась. Но не держать же того, кого я столько ждала, на пороге?

Вошел В.В., и все эмоции, которые словно были замороженными, пока его не было рядом, вновь окатили меня обжигающим потоком. Это было так невыносимо, что я, обессилев, просто закрыла ладонями лицо и опустилась на кровать. Мой гость, без сомнений, прекрасно понимал, что со мной творится – поискав по сторонам, он нашел выключатель и погасил свет. Так мне действительно стало лучше: в комнате совсем стемнело, и лишь в окне вспыхивали привычные зарницы северного сияния. В их отблеске я увидела, как он мягко подошел и остановился напротив. Я заметила, что вокруг его фигуры уже возникла знакомая мне бледная аура, и это зрелище повергло меня в пьянящий трепет.

Ничего не бойся, – произнес он, и паузой принудил меня кивнуть в ответ, – твое молодое тело готово ко всему, что будет сделано. Легким и совершенно естественным движением он поднял меня в воздух и вновь опустил на постель, отвернув к окну – и потом, что бы не происходило, я не видела его лица. Ох, сказать откровенно дневник, я вообще почти всё время провела, уткнувшись в подушку и бессильно комкая пальцами ткань простыней. Лишь иногда, сумев поднять голову, я наблюдала разгоравшееся в комнате сияние – не понять, полярное ли небо демонстрировало свою мощь, или же это мой Господин излучал свою неземную любовь.

Мне нравилась та деловитость и собранность, с которой он обращался со мной: не было ни прелюдий, ни прочих телячьих пустяков – и это не давало мне времени на испуг; он ловко, не запутавшись, извлек меня из халатика и нежно подтолкнул вперед, заставив склониться. А я – я, дневник, вся-такая скромница и тихоня, словно уличная кошка, поспешила задрать задницу навстречу ему – вот стыдоба!.. Сначала я толком не понимала, что он делает – мне было щекотно и холодно, причем в совсем неожиданном месте – я, наивная, думала, что все самое интересное между мужчиной и женщиной должно происходить не

совсем там, где я ощущала скользящие движения его пальцев. Но потом… потом все выяснилось, разом и полностью.

Пришлось потерпеть, конечно. Слава Богу, я умею не замечать боль, отодвигать её в сторону, как будто она терзает не меня, а какую-то другую Надю – научилась ещё после того памятного падения с лошади, когда я полгода восстанавливалась, ежедневно мучая себя ужасными упражнениями. Какое счастье, что я так выносliва и, значит, подхожу Ему лучше всех – обещала не хвастаться перед тобой, но, боюсь, другая на моем месте не выдержала бы и нескольких секунд. Ещё тогда, в прошлый наш незабываемый раз я была поражена Его размерами – но если прежде я чувствовала лишь гладкое беспрепятственное скольжение, то сейчас всё было совсем не так, нет! Он словно бы с натягивал меня на себя, как чулок, с натугой заставляя части моего тела раздвигаться, расходиться в стороны, его могучая воля раздирала меня и снаружи, и одновременно изнутри. И знаешь, дневник, его движения не были бережными – он совершенно не жалел меня, свою партнершу, просто принимая как должное то, что принадлежит ему по праву хозяина. И это было… восхитительно?

Нравилась ли мне эта мука? Тогда – не знаю: у меня вообще не было никаких мыслей, всё, на чем я могла сосредоточиться, это: терпеть, терпеть, и ещё раз терпеть, не отодвигаться, не дергаться, не мешать – дать ему сполна закончить своё наслаждение. Я превратилась в бессловесный продырявленный комок плоти, неразумную самку, чье естественное, неоспоримое предназначение – быть живым станком для удовлетворения своего мужчины, то есть стоять, как овечка, спокойно, ну и покрепче сжимать… Надеюсь, ты понял.

Но сейчас, уже успокоившись, твердо скажу: да. Да, я была счастлива! Не было у меня никакой, упаси Боже, похоти, сладострастия, грязного изматывающего желания, но была Любовь, горячая, толкающаяся, распирающая меня всю изнутри – и непередаваемое, доступное, думаю, только самым влюбленным женщинам, ощущение своей слабости, природное признание великой силы мужчины, абсолютной – упоительно растворяющей личность – покорности, безусловной принадлежности недостижимо превосходящему тебя существу… Я не знаю, что может быть слаще и сильнее этих льющихся через край эмоций, и поэтому, когда всё закончилось, и его Сила перестала биться и тяжело выплескиваться в самых потаенных глубинах моего тела, я повернула к Нему заплаканное лицо (не могу понять, в какой момент и от чего я разревелась), и сказала:

“Я люблю Вас”.

И это были единственные слова, сказанные этой ночью. Да

ты, наверное, думаешь, что мои мучения быстренько закончились и Он удалился восвояси, оставив меня одну осознавать своё грехопадение? Как бы не так! Когда я вновь обрела, после всего пережитого, способность осознавать действительность, то было уже ранее утро, и голубой холодный свет, озарявший всё это время наше ложе, сменился рассветным… Вот, сколько времени прошло – и разрази меня Господь, если я хоть что-то помню толком, кроме того, о чём уже написала.

Так вот, Дневник, он не ответил мне – у него не было сил, он мог только лежать и тяжело дышать, отдыхая, а я, неловко извернувшись, подползла к нему (ноги совсем не слушались, а низ спины, казалось, был безжалостно разделен на две беспомощные половины, там всё нещадно саднило) и неверной рукой погладила его по щеке, стараясь вытереть выступивший после долгой работы пот – вот и всё, на что меня хватило. Я тяжко рухнула рядом, пристроив голову на его твердое плечо, и тут же заснула, не дождавшись никаких слов. Да и без них было всё ясно, и его тёплая близость, и даже понятное нам обоим молчание, было лучшим для меня признанием взаимности.

Не хочу останавливаться на этом, но… Хотя я уже всё рассказала тебе, но хочется вспоминать снова и снова. Выходит – теперь я совсем-совсем взрослая, а, Дневничок? Или нет, ещё не совсем – зависла где-то посередине между девочкой и женщиной? Тогда это не менее прекрасно – я ещё не знаю всего, меня ещё ждет разгадка самой главной тайны, и как же мне мечтается о том, чтобы это случилось поскорее! Ладно, если ему так важно, чтобы я сохранила эту смешную детскую стерильность до самой свадьбы, то так тому и быть. С теми фокусами, которым он меня научил, я точно не заскучаю. В любом случае, не думаю, что хотя бы одна девушка в мире, кроме меня, сможет быть так же счастлива – фигушки вам (ты умрешь от смеха, дневник, но, записывая эти слова, я показала кому-то неведомому язык), Ему нужна только я, и так будет навсегда, навсегда, НАВСЕГДА! Одуреть, Дневник – только сейчас, написав это, я наконец-то поверила, что буду Женой Президента!!!

Надо успокоиться. Собиралась же писать беспристрастно, вот глупая! Ну и ладно, пусть глупая, зато получила свой золотой шанс и бесконечное девичье счастье. И всё же, давай соберемся и вместе вспомним, что было дальше, утром?..

Ах, да. Мне показалось, что не успела я смежить веки, как В.В. осторожно разбудил меня, бережно убирая спутанные волосы с моих глаз. Солнце светило вовсю.

“Вставай, девочка, – произнес он ласково, – мы приземляемся в Нарьян-Маре. На берегу доспишь”.

Он уже был одет, а я – нет. Я села на кровати, завернувшись в одеяло, и сонно смотрела, как он пытается завязать шнурок на туфле – всё у него не получалось попасть кончиком в дырочку, а он теребил его, чертыхаясь, и ничего у него не выходило. Это было так трогательно, что я не выдержала, спустилась на пол и, неловко прикрываясь, помогла ему. Посмотрела снизу ему в глаза: они лучились добротой и благодарностью – то ли за эту маленькую услугу, то ли за всю прошедшую ночь. Тут он звонко шлепнул меня по голому (ну что ты будешь с ним делать!) и ушёл, а я кое-как собралась и отправилась в автобус, уже ждавший меня у трапа. Кажется, меня здорово шатало, и я надеюсь, что никто ничего не заметил. Ну, а дальше ты знаешь – и теперь, думаю, понятно, почему я проспала и вышла к завтраку позже всех.

И вот – представляешь? – после этой небывалой, волшебной, нежной (ну ладно, местами грубой, но все равно прекрасной) ночи, – эта безобразная, невозможная сцена за столом, с ужимками и оскорблениями – а как это ещё назвать? Я с ужасом думаю, что после того, что было сказано, ни у кого из присутствовавших не осталось никаких сомнений в характере моих отношений с Президентом, и о том, насколько далеко всё зашло. Он как будто окатил меня из ржавого ведра с ледяной водой – такое разочарование! Да тут ещё и незадачливый Митя прицепился – на моем месте он, видите ли, хочет оказаться! Совсем дурной, видать – не понимает, что несёт…

Слава богу, мое унижение продлилось недолго – стоило всем перестать обращать на нас внимание и заняться трапезой, и В.В. незаметно, как это он умеет, подошёл ко мне. Учтиво извинился (!) перед Митей за то, что забирает у него даму, и тихонько отвёл меня подальше от посторонних ушей. Серьезно, как обычно, глядя мне в глаза, он сказал:

“Спасибо, что так превосходно подыграла мне в этой маленькой интермедии. Теперь ты понимаешь, что в окружении политиков постоянно приходится кривляться – без этого никак”.

“Но почему? – обиженно спросила я. – Почему, когда вы со мной, вы говорите умно и красиво, так, что заслушаешься, а когда с ними, – я махнула рукой в сторону стола, – то вас не узнать…”

Он вздохнул:

“Не хочу приобрести сомнительную славу интеллектуала. Они же, – он повторил мой жест, – ничего не понимают, кроме грубости и угроз. Они не простят, если вместо грозного вожака перед ними вдруг окажется хлюпик-интеллигент. Стоит только дать слабину, потом вовек не отмоешься… Конечно, можно и без них обойтись, но они мои друзья, мы прикипели друг к другу, стали почти одним целым. И что поделать, если между нами ещё в

незапамятные петербургские времена сложилась такая вот перверсивная манера общения. Так что прости нас, придется тебе потерпеть".

"Это я умею…" – мечтательно промурлыкала я, сразу же оттаяв. Да что же меня сегодня всё время на кошек тянет?!

Сразу же простила его. Да и обижалась ли всерьез? Нос у меня не дорос обижаться на такого, как Президент – он мудрейший человек, и всегда делает только то, что следует делать. Он – Всегда – Прав. И всё тут. Поговорили и забыли, всё в порядке у нас. Чудесная, изумительная, потрясающая жизнь. И скоро свадьба – ах, свадьба, хоть и придется снова играть какую-то дурацкую роль, предписанную бессмысленным ритуалом – но так тому и быть. Стала Надеждой России – побуду и просто Россией. Так смешно, и в то же время волнительно. Скорее бы на восток, туда, где всё должно случиться.

Вот это то, что произошло вчера, а сегодня новых приключений, слава Богу, не было. Просто купалась и бродила по аллеям в усадьбе. Кажется, я получила тот отдых, о котором молила в прошлой записи. А вот уже меня зовут! Только что пришел А.Э. и говорит, что пора собираться и двигаться дальше. Так что я побежала, дневник. Следующая остановка – Норильск!

27 марта

Что тебе сказать про Норильск, Дневник? Он великолепен! Никогда раньше я не встречала такого зеленого, ухоженного, красивого города – и это ранней весной, в ненастное время ветренных холодов и промозглой распутицы! Правда, это не обычный город – весь он укрыт огромной стеклянной полусферой, под которой, как в оранжерее, стоит вечное лето. Можно ходить не то, что без шапки, а и вовсе в шортиках и топике – чем я и занимаюсь последние дни. Игорь Иванович провел мне маленькую экскурсию по городу (да и сам город невелик), и рассказал, что купол заложили еще до Войны, но достроить смогли только в шестидесятых, когда никель и платина – главные местные богатства, остро потребовались нашей нефтяной промышленности (они там используются как какие-то катализаторы, или что-то в этом роде). Замечательная идея! И очень полезная для людей – гораздо радостней и здоровей круглый год жить в свежем саду, чем в той вымороженной белой пустыне, которую я часто наблюдаю из окон нашего воздушного судна. Почему бы так не сделать везде, где плохая погода? Люди здесь, кстати, замечательные – вежливые, улыбчивые, почтительные к нам – свите Президента. Мне сказали, что они получают хорошие зарплаты и, в отличие от многих других обитателей Севера, живут и работают в этом заполярном раю постоянно, а не наездами-вахтами.

Что за чудная страна Новая Россия! Прав был Митя, когда раскрывал мне глаза на эту тайную сокровищницу нашего народа – здесь действительно за счастье родиться и прожить до старости. Тихий, коттеджный Северодвинск, веселый и просторный Нарьян-Мар, тропический Норильск – всё, что я вижу на своем пути, настолько отличается от моего родного, серого и провинциального городка, что гордость берёт за родное государство. Можем же сделать нормальную, правильную жизнь для людей, если захотим – да причём в каких сложных условиях! Теперь я понимаю: мощь, величие, стройная холодная красота Севера не сравнятся с чахлой болотистой камарильей той Средней Полосы, которую я, как и десятки миллионов моих соотечественников, всегда искренне, и всегда заблуждаясь, называла Россией. Нет, моя настоящая Россия именно здесь – под ярким бездонным небом Заполярья и Сибири, в суровейших краях, где смелые, умелые, удачливые Люди (именно так – с большой буквы) смогли обустроить сильное, справедливое, трудолюбивое общество. Только вот немного непонятно, почему мы вынуждены держать всё это в секрете от других, в том числе,

от своих же граждан. Уверена, что если бы они знали обо всех прелестях северного бытия, то с радостью бы пополнили ряды местных суровых аборигенов. Тогда улицы городов, в которых я побывала, пока что довольно пустынные, наполнились бы довольным шумом и детским смехом. Видно, пока не время – я помню, как В.В. чуть ли не в первую нашу с ним полноценную встречу рассказывал мне о причинах того, что все держится в тайне. Но что-то мне подсказывает, что уже вот-вот всё случится: Россию нашу – и Новую, и старую, явно ждут огромные, неописуемые потрясения, перерождение в обновленном качестве, превращение в государство будущего, необратимо обогнавшее всё остальное человечество. Я знаю, я чувствую, что всё произойдет скоро, и я это увижу – и виновником этой волшебной трансформации будет только Он – тот, на кого я молюсь все последние дни – наш Лидер и мой Возлюбленный (ну, может быть и я – простая девчонка – тоже немножко ему помогу).

Подготовка к Решительному Прорыву движется полным ходом. Сегодня, с самого утра, как раз исключительно этим и занимаемся. Приехала толпа народа с телевидения (нас по-прежнему в каждом пункте прибытия нагоняют новые люди, так что наш северный десант непрерывно растет) – все важные, в темных очках, обвешанные камерами, и с пятью грузовиками ящиков с оборудованием. Они мигом превратили актовый зал местного дома культуры в настоящую съемочную студию. Крохотное помещение, на стенах которого до сих пор висели вымпелы социалистических соревнований и картины с физкультурниками, неузнаваемо преобразилось: теперь вся задняя поверхность была затянута кислотно-зеленой пленкой, перед которой разместили длинный стол из стекла и стали. За ним должны были разместиться Президент и ведущие, а напротив расставили кучу камер, ламп и софитов, от которых в зале сразу же стало невыносимо жарко (чуть позже в стене быстренько пробили вытяжку с кондиционером, и стало полегче). В углу разместился режиссерский пульт, от которого во все стороны расползались черные змеи проводов. Мне все было страшно интересно – с детства мечтала о карьере телезвезды (может быть, теперь получится, когда передо мной все дороги открыты? Это было бы чудесно!), и я только и делала, что путалась под ногами у техников, и везде совала нос – но никто меня не ругал, а один раз даже попросили помочь и дали подержать какой-то кабель.

Наконец, появился В.В. и, ни на кого не глядя, сел за стол. Вокруг него захлопотали гримеры, и он вновь преобразился: стал величественным, собранным, горделивым – настоящий Президент!

(вот я дурочка опять – а так он не президент, что ли?) Но всё равно я была рада, что он выглядит так внушительно, и что именно таким его увидят поклонники.

Аудиторию для выступления в кадре должны были представлять два журналиста, они давно были на своих местах – невысокий крепыш с седоватым бобриком над недовольным личиком, весь в черном, и немолодая, рыжая, похожая на анимационную обезьянку Анфиску дама с карточкой столичного «Эха» на груди. Все наши тоже собрались поглазеть на съемку и встали полукругом подальше от стола, чтобы не залезть ненароком в кадр. Митя, оказавшийся рядом со мной, показал ладонью на журналистку и спросил через мою голову у Игоря Ивановича, стоявшего с другой стороны:

“Господи, а эту-то зачем? Приличных людей не нашлось?”

“Так плюрализм мнений, – спокойно ответил Игорь Иванович, – событие должно быть интерпретировано на основе различных общественно-политических точек зрения. В тэ-зэ же написано, вот, глянь”.

“Все равно! – капризно заявил Митя, – Не понимаю, нафига ты их кормишь, этих фрондёров штопанных? Ну никакой же пользы, срут только и разжигают, вот и всё их занятие”.

“Элементарно же, – пробасил И.И., – твои «Вести» президента хвалят. Мое «Эхо» президента ругает. А в результате все только и говорят о президенте, понял?”

“Ну нет, – упрямо продолжал настаивать его собеседник, – идеология у тебя там где? В гнезде?.. Нормальные медиа хоть так, хоть этак идеологию продвигают, а у этих твоих – сплошной нигилизм, и ничего боле”.

“Прости меня, Димон, – ухмыльнулся И.И., – но вся ваша нынешняя идеология – это просто братская могила иллюзий. Даже до говна компостного не дотягивает, на котором какие-то всходы взойти могут. Дорабатывать надо, и не напильником, а бульдозером с отбойным молотком, так всё плохо. Ебите минкульт, короче”.

Он вдруг вспомнил о моем существовании, и рассыпался в извинениях за грубые слова, причем назвал «душенькой» и «ласточкой». Смешной дядька!

Тут на нас зашикали помощники режиссера, и воцарилась мертвая тишина. Запись началась. Я не буду писать всё, что произносил Владимир Владимирович, но вот послушай, что мне запомнилось. Сначала он сказал, голосом торжественным и скорбным – таким, должно быть, дикторы прошлого объявляли народу о начавшейся войне:

“Уважаемые сограждане!

Грядут годы великих перемен, которые затронут существование каждого из нас – и из вас. Изменится уклад жизни, потребности, приоритеты ценностей, будет перестроен сам древний опорный фундамент нашей Родины. Настало время признать, что существующая система управления государством полностью исчерпала возможности по дальнейшему улучшению жизни. Псевдомонархический принцип вертикали власти, удерживаемой авторитетом единственного человека, безнадежно устарел, стал архаичным, контрконструктивным, тормозящим развитие экономики и саботирующим любые проявления гуманитарного прогресса. Основополагающие принципы централизации власти, бесспорно эффективные ещё полтора десятилетия назад, в сегодняшнем быстро меняющемся мире способны быть лишь питательной средой для коррупции и беззакония бюрократии. Неподъемным грузом они отягощают и без того неповоротливую и подслеповатую административную машину. Нужны экстренные меры, комплекс смелых реформ, которым суждено стать основой для самого решительного прорыва в истории России…

“Мы слишком долго рассчитывали только на правительство, возлагая на него безусловно все социальные, управленческие, инвестиционные и стимулирующие функции. Результатом этого стало то, что и федеральные, и региональные власти, и простой народ привыкли быть пассивными в строительстве общественной жизни, даже, не побоюсь этого слова – ленивыми, забыли о том, что всеобщее счастье зависит от усилий каждого. Поэтому единственной эффективной мерой, способной обеспечить движение в будущее, будет та, которая вновь – как уже бывало в прошлом, – заставит всех граждан мобилизоваться и непосредственно включиться в развитие страны. Единоличное государство более не в силах справляться с этими задачами, потребуются усилия всех без остатка…

“Сегодня администрацией президента и отдельными профильными органами исполнительной власти в Государственную думу внесен пакет законопроектов, направленных на усиление роли гражданского общества и местного самоуправления в решении основных экономических и социальных задач. Обращаюсь к наиболее либерально настроенной части: не спешите предаваться эйфории! Вам, наравне со всеми, предстоит познать все тяготы и невзгоды переходного периода…

“Конкуренция – вот единственная реальная основа справедливого благоденствия. Только она позволит очистить Россию и её народ от застойной косности, даст путь наверх лучшим, модернизирует социум. Наша задача – стимулировать

конкуренцию на всех уровнях: региональном, общественном, личном…

“Субъекты федерации станут конкурировать между собой за население, и в этой связи получат расширенные права. Все те налоги, что ранее уходили в государственный бюджет – на доходы физических лиц, на прибыль организаций, имущество и так далее – теперь будут оставаться на местах, разделяясь в равных долях между муниципальными и областными властями. Федеральные фонды будут наполняться исключительно за счет пошлин на внешнеторговые операции, НДС и дивидендов, выплачиваемых государственными корпорациями. Более того, регионы получат право формировать свою собственную систему сборов, определяя уровень нагрузки на жителей и бизнес, делая себя более или менее привлекательными для внутренних мигрантов. Далее, в самое ближайшее время будут возвращены свободные выборы губернаторов, представителей в Совет Федерации, мэров и депутатов городских и региональных советов – без какого-либо влияния центральных властей на эти процессы. Следует признать, что в последние годы органы местного самоуправления были если и не откровенно декоративными, то исполняли исключительно технические функции. Изначально федеративная Россия превратилась фактически в унитарное княжество – управляя всем, чем только можно, из столицы, и стягивая в неё все ресурсы, денежные средства, людей, оставляя регионам незавидную роль сырьевой базы. С этим покончено. Да, были опасения в том, что выборные правители на местах превратятся в развращенных царьков, бессовестных авторитарных ворюг, тратящих отпущенный им электоральный срок лишь на обогащение себя и своих семей – 90-е наглядно продемонстрировали, как это может быть. Но сейчас вы, граждане, уже поумнели, остепенились – так что настало время жить по-взрослому и самим вершить судьбу родных сел, городов, областей и республик…

“Чтобы местная и центральные власти не отрывались от реальности, не погружались в пучину мелочных конфликтов и удовлетворения своих личных желаний, будут заново созданы мощные надзорные инструменты гражданского общества. Суды и судьи отныне будут истинно отделенными от государства – их должности станут выборными, а неприкосновенность будет существенно ограничена. Местные власти смогут формировать какие угодно правоохранительные органы, но прокуратура и другие контролирующие структуры будут действовать только с федерального уровня, не допуская беспредела в отдаленных районах страны. А для того, чтобы и региональные, и федеральные правоохранители не зарывались, получит полнейшую поддержку

независимая пресса – для этого разработан ряд мер…

“Но новые права субъектов означают и иной уровень ответственности. Теперь каждый регион останется со своими проблемами один на один – федеральный центр будет лишь формировать общие для всех правила игры в виде законов, контролировать их соблюдение, осуществлять денежную эмиссию, обеспечивать обороноспособность страны и финансировать фундаментальные научные исследования – на остальное рассчитывать не следует. Если ваши местные власти окажутся неспособными сделать вверенный им регион привлекательным для проживания и развития, то будьте готовы к тому, что он полностью прекратит свое существование – никто не будет спасать никому не нужную пустую переферию. Так что думайте хорошо, кого вам выбирать – профессионалов своего дела или же аферистов популистского толка. Теперь всё только в ваших руках…

“Мы конституционно откажемся от иллюзорных принципов социального равенства. Равенство людей отныне означает только эквивалентность возможностей, данных каждому при рождении, открытость перед любым гражданином всех жизненных путей. Ввиду резко сокращающихся при новой фискальной системе доходов бюджета, мы больше не станем поддерживать всех, кто оказался в трудной ситуации – государственное вспоможение будет предусмотрено только для тех, кто стал инвалидом в детстве, и по объективным причинам не успел создать своим трудом достаточно ценностей для того, чтобы обеспечить свое будущее. Солидарные схемы социальной защиты, при которых все платят за всех, заменяются схемами индивидуальными, при которых каждый платит только за себя…

“Всё это – снижение страховых платежей, уменьшенная налоговая нагрузка, невмешательство государства в дела бизнеса и местного самоуправления, усиление процессов внутренней миграции, развитие ответственности и самосознания граждан, станет плодороднейшей почвой для роста экономики, ускоренного общественно-политического прогресса, улучшения благосостояния – то есть настоящего, решительного прорыва, которого так давно ждала наша Россия…

“Но тому из вас, кто не сможет приспособиться к новым условиям, окажется неконкурентоспособным в изменяющейся среде, будет непросто. В рамках заявленной линии мы не сможем более поддерживать слабейшие, необеспеченные слои населения, и до тех пор, пока не будет сформирована обновленная система социального обеспечения, основанная на принципах страхования и собственных накоплений, – а это займет значительное время, –

всем нам предстоит полагаться только на себя. Будучи Президентом Российской Федерации, только что получившим от вас мандат абсолютного доверия, и с благодарностью принимающим его, заявляю: будьте сильными, будьте терпеливыми, будьте трудолюбивыми – и наши начинания принесут невиданные доселе плоды. А слабейшие не оставят следа в истории, как ни прискорбно это звучит (говорю исключительно о судьбах государств). Только так, общностью свободных, целеустремленных личностей, мы сможем пройти нелегкий путь к счастливому будущему. Желаю нам всем удачи".

Признаться, Дневник, я не вполне поняла – ни тогда, когда слушала, открыв рот, ни сейчас, когда переписывала с диктофона (мне дал послушать А.Э.) – о чём это он, но, кажется, будут опять закручивать гайки. Что ж, В.В. видней, а народу действительно лучше сразу сказать, как есть, чтобы он знал, к чему готовиться.

"Спасибо, записали!" – закричал режиссер из-за своего пульта. – "С первого раза отлично получилось!"

Владимир Владимирович снисходительно кивнул. К нему вновь метнулись гримеры. Журналисты, воспользовавшись небольшим перерывом, строчили что-то в блокнотах. Потом опять включили микрофоны, вспыхнула надпись: «Тишина, запись!», и Президент, уже другим тоном, излучавшим уверенный оптимизм и даже некоторую бравурную развязность, заговорил:

"Дорогие друзья!

Последние несколько лет в жизни России были омрачены целой чередой испытаний – тут и происки двуличных западных партнеров, упрямо не желающих признавать за нашим народом стремление к воссоединению, и внезапно разразившийся финансовый кризис, больно ударивший по кошелькам граждан, и неблагоприятная конъюнктура на нефтяном рынке, и совершенно абсурдный, бессмысленный конфликт с братским народом – да всего и не перечислишь, путь нашей страны никогда не был прямым и гладким. Но мы с честью преодолели все выпавшие на нашу долю трудности, мы – вы! – настоящие молодцы…

"Считаю, что наш многострадальный народ заслужил право на отдых и награду. Хватит гнаться за химерами несбыточного будущего, пришло время сосредоточиться на построении счастливой жизни прямо здесь и сейчас. В этой связи нами предложен ряд мер по немедленному улучшению благосостояния населения, повышения уровня жизни, социальной справедливости, удовлетворения всеобщих здоровых потребностей…

"План включает несколько принципиальных моментов. Во-первых, будут резко увеличены социальные выплаты. Для того,

чтобы обеспечить приток необходимых для этого средств, будет произведен налоговый маневр – в виде увеличении ставки НДС. Это переложит основное бремя расходов на промышленно-сырьевой олигархат, который, скажем без обиняков, в последнее время несколько зажрался…

“Далее, мы обеспечим рост пенсий на уровне не менее одной тысячи рублей ежегодно. Это существенная прибавка, но она не потребует увеличения отчислений в социальные фонды, то есть простые работники не пострадают – для этого будут предложены альтернативные механизмы. Кроме этого, мы гарантируем сохранение плоской шкалы подоходного налога и снижение акцизной ставки на топливо до конца года – все это благоприятно отразится на доходах населения…

“В-третьих, работа по масштабным инфраструктурным проектам, финансируемым за счет государства, будет продолжена и усилена. Великолепные инженерные сооружения – Крымский мост, мост на Сахалин, скоростная железная дорога Москва-Казань, и многое другое, включая приближающийся Чемпионат мира по футболу и его стадионы – это только небольшая часть будущих высокотехнологичных и инвестиционно-ёмких начинаний. Одно из самых важных, которое хотелось бы анонсировать прямо сейчас – это создание национальной общественной сети передачи данных, своеобразного нового поколения Интернета, основанного на невиданных ранее физических принципах…

“Наконец, будут значительно увеличены вливания в оборонный и силовой сектор экономики. Это не только позволит повысить защищенность граждан, сделать их жизнь более безопасной и свободной от страхов за себя и своих близких, не только резко повысит наш престиж на международной арене и гордость за собственную страну, – но, самое главное, будет стимулировать развитие всего народного хозяйства. Финансирование военных заводов, находящихся в авангарде отечественной промышленности, учреждений правоохранительных органов, а также перспективных научных разработок даст существенное увеличение зарплат их работников и членов их семей, а также людей, занятых в смежных и обслуживающих областях и, таким образом, послужит толчком всей экономической системе за счет повышения потребительского спроса…

“Граждане России! На прошедших только что выборах вы вновь единодушно поддержали выбранный нами курс. Теперь вы видите, что не прогадали – весь комплекс предлагаемых мер обеспечит нашей замечательной стране не одно десятилетие устойчивого развития, постоянный рост доходов населения, укрепление справедливых социальных институтов. Я благодарен вам за

оказанное доверие, и, можете быть уверены в том, что всех нас – и вас, ждет прекрасное будущее! Вместе мы победим!”

Превосходная речь, короткая, и всё понятно – даже мне!

“Перфекто! – снова раздался голос режиссера. – Второй дубль, и сразу точно в дырочку!”

В.В. устало покивал, перемолвился словом-другим с подбежавшим Антоном Эдуардовичем, и собрался на выход. Тут к нему колобком подкатился чернявый журналист, тыча пальцем в листок с текстом:

“Владимир Владимирович, тут в сценарии что-то непонятно. Мы первую часть только на Новую Землю запускаем, а всё остальное – по всероссийской орбите, верно? Или наоборот? Никак не разберу…”

А.Э. притормозил хмуряка за плечо:

“Не бегите впереди паровоза – в эфир пока ничего не даём. Через полчаса на планерке отсмотрим, примем решение. Все ясно?”

Тот зачем-то принялся возражать:

“Но я…”

“Клюв от соловья! – холодно оборвал его противный А.Э. (терпеть не могу эту идиотскую присказку по понятным причинам). – Жопе слова не давали. Ожидайте!”

А меня за рукав потянул Саша:

“Я проголодался, а одному скучно. Пойдем, закинем угля?” (а я забыла тебе рассказать, что мы уже давно с ним на «ты» – он, бедняжка, специально бегал для этого спросить особого разрешения у В.В.)

Я и сама была не прочь перекусить – с самого утра на ногах и без макового зёрнышка во рту. Мы вышли в фойе бывшего актового зала, где уже были расставлены столики, а у прилавка с россыпями пирожков скучала пожилая буфетчица в переднике с кружавчиками. Саша усадил меня, а сам побежал за чаем и плюшками. Я же уставилась в телевизор, тихо работающий в углу помещения. Я здесь совсем отстала от новостей из внешнего мира, не знаю даже толком, что там происходит – и без того забот полно, так что было интересно посмотреть, как там у них дела. Как раз передавали информационный выпуск. Сначала я не могла понять, что там показывают – то ли митинг, то ли похороны, что-то странное, в общем, но потом я поняла, похолодев, что случилась страшная трагедия – в далеком сибирском городе произошел пожар, и погибло множество людей, и, кажется, даже детей! О Боже! И вдруг, на фоне всего этого ужаса появился Владимир Владимирович собственной персоной – там, в телевизоре он выступал перед сокрушенными людьми, и его лицо выражало скорбь и яростную горечь. Как это может быть? Я вскочила,

чтобы немедленно бежать обратно в зал и убедиться, что Президент там, но тут вернулся Саша, посмотрел на экран, потом на меня, и сочувственно покивал:

“Да. Огромная беда. Недоглядели…”

Я попыталась объяснить ему, что беда бедой, но почему президент там – или здесь??? – но от волнения могла только неразборчиво восклицать и размахивать руками. К счастью, Саша догадался сам:

“А, ты вот о чём… Не переживай, всё просто: двойники”.

“Двойники?!” – я вспомнила про не слишком, на первый взгляд, заметные, но периодически явственно проступающие перемены во внешности Владимира Владимировича и сразу же сложила для себя два и два.

“Ну да. А что такого? Бывает так, что дел очень много, и ему надо быть в разных местах. Или, допустим, он в отпуске. Тогда в ход вступают запасные”.

Я всё-таки твердо решила сходить обратно и собственными руками потрогать моего Владимира Владимировича, чего бы мне это не стоило, но тут он сам вошел к нам через открытую дверь. Рядом с ним шел благообразный, сильно в возрасте, офицер в форменном кителе – раньше я его не видела. Они о чём-то негромко беседовали и остановились совсем неподалеку от нас, так что я слышала каждое слово. Старик сказал:

“Значит, всех?”

“Да. Постарайтесь собрать всё, что можно, и вооружение тоже. Будет очень важно обозначить наше присутствие перед Друзьями”.

“Все транспорты уже загружены и ждут решения на взлет… Скажите, могу ли я сам присоединиться к вашей экспедиции?”

“Увы, нет, мой верный друг. Знаю, что вы ощущаете себя здесь, как в темнице, но, если вы покинете свой пост хотя бы на минуту, побережье окажется безнадежно оголенным. Весь Север держится только на вас”.

“Вы снова льстите мне, – печально заключил старик. – Что же, хорошо, я не подведу вас. Летите спокойно – ваша спина надежно прикрыта”.

“Спасибо вам, – с чувством поблагодарил его Владимир Владимирович, – очень скоро мы увидимся снова”.

Тут он заметил нас с Сашей и пригласил своего гостя подойти поближе:

“Вот, генерал, познакомьтесь. Это Надежда, моя, не побоюсь этого слова, избранница” – я встала и поклонилась. Старик почтительно склонился в ответ.

“Вы безупречно красивы и юны, – сделал он мне комплимент, –

приезжайте в наш город почаще, буду рад чести оказать вам прием".

"Это вряд ли, – засмеялся Владимир Владимирович, – у вас хорошо, но наша Надя, боюсь, слишком нежный цветок для вашего сурового климата. Что же, позвольте проводить вас до машины" – и на этом они удалились.

Я присела обратно и задумчиво произнесла:

"Какой интересный дед… И всё же, Саша, кто из них правильный, настоящий – вот этот, рядом с нами, или тот, в телевизоре?"

Саша посмотрел мне в глаза:

"Надя, ты же любишь его, я вижу… Неужели ты не видишь сама, кто из них твой единственный, а кто – ряженый клоун? Послушай своё сердце, мать".

И вот я сижу весь день и слушаю сердце, Дневник, и что-то оно не на месте. Снова боюсь быть обманутой. И может быть, именно поэтому вечером, когда Владимир Владимирович (хочется надеяться, что это был он, а не дублёр) зашел в мою комнату с явным намерением остаться, я, мучаясь и смущаясь, сослалась на женские проблемы и попросила дать мне передышку. Он только хмыкнул и, кажется, не особо расстроился. Так не хочется его обижать! Ах да, я же забыла сказать тебе – с той ночи на дирижабле он приходил ко мне уже дважды, и каждый раз всё было здорово, но знаешь, я думаю, что надо бы это дело притормозить. Вовсе не потому, что у меня после этого всё болит, и не потому, что мне не хочется – ещё как хочется, слов нет! – а потому, что он может привыкнуть, успокоиться, и уже не будет так стремиться ко мне. Понимаешь? Всё, решено – пусть проголодается посильнее. Надеюсь, что поступаю правильно. Так, дневник?

С Элькой бы посоветоваться – она в этих вопросах дока. Крутит своими воздыхателями, как хочет. Постой, это я что же – вознамерилась «крутить» самим Президентом? Вот смешная, как это можно вообще вообразить… Еще Элька говорит, что никогда, никогда не позволит ни одному парню приблизиться к себе с той стороны, которая сейчас у меня регулярно страдает – надеюсь, временно, до первой брачной ночи. Дескать, это так ужасно, что те желающие, которые к ней с этим подкатывали в постели, сразу же получали по… ну, скажем, по рукам, а заодно и от ворот поворот. Ха, приятно ощущать, что я уже опытнее моей непутевой подружки, и лучшее её знаю толк в таких вещах. Что бы она понимала, тоже мне! То есть, я имею в виду, она в этом самом ничего не понимает, а вот насчет моих сомнений послушать её было бы очень кстати. Не с Максом же советоваться, в самом деле!

Да, Макс… Интересно, что он сейчас поделывает? Сидит, наверное, у себя на работе, скучает, и совсем про меня не вспоминает. Впрочем, вру: работа у него интересная, не затоскуешь. К нему, ещё когда он был студентом, подошел один неприметный дяденька (мне Макс потом рассказывал, такие специально ходят по университетам, намечают кандидатов, долго наблюдают за ними), поговорил с ним о том о сём (простодушный Макс, конечно, не нашел ничего лучше, как вывалить на дядю все свои бунтарские соображения), а потом пригласил на встречу в жёлтый дом, который у нас в квартале от цирка, рядом с Парком Афганцев. Помню, Макс весь извёлся тогда, неделю бродил сам не свой и стонал: как же так, зачем я этой «кровавой гэбне» понадобился, за каким чёртом я наболтал лишнего, и кто мне будет передачи носить, когда меня закроют за экстремизм. Я его успокоила, что уж в плане передачек и свиданий он может смело на меня положиться, а вообще пусть не валяет дурака: никому он на фиг не сдался, пусть пойдет да честно скажет, что не прав, и всех дел. Но всё вышло еще лучше: оказалось, что на него действительно смотрели, оценивали его успехи в учебе, отмечали и физическую подготовку, и вот теперь зовут на работу – в какой-то аналитический центр «Э». Тут бы прыгать от радости, но Макс развел нытьё по новой: да я, дескать, не хочу иметь с палачами ничего общего, быть прихвостнем у лживого государства ниже моего достоинства, а сильный человек всегда свободен и не пачкает совесть сотрудничеством с опричниками… Ну, обычная же сопливая рефлексия. В.В., как всегда, прав – помойным веником надо эту заумь из себя выметать. Но тут Максу сообщили, что будет он работать по специальности – то есть с базами своими, битами-переменными, зарплату определили дай Бог каждому (скажу честно, Дневник, когда узнала, сколько, то даже дрогнула на мгновенье, мелькнула мысль набиться в офицерские жёны – шучу, конечно), ну и я ему мозги прочистила, сказала, что такой шанс один раз в жизни дается, и надо клювом не проквакать. Ну и Макс стал умничка, ещё бы. Может же вести себя, когда захочет, как разумный человек, а не как трепло гороховое. Теперь вот каких-то шпионов ловит, наверное, а там точно не заскучаешь. Хотя, должна признать, он ОЧЕНЬ не любит об этом говорить, так что даже я не вполне представляю, что у него там на самом деле на работе происходит.

И то, что он забыл меня – тоже неправда, не хочу в это верить. Только лучше бы отвык он от меня, не вспоминал вовсе – грустно это, но, Макс, теперь у нас совсем разные судьбы, и, боюсь, что мы больше можем и не встретиться. Ах, да – я же увижу его на свадьбе, В.В. говорил, что постарается его позвать. Значит,

Макс уже в пути?

(Интересно, что сказал бы мой Макс, узнав про все мои проделки здесь? Осудил бы? Надеюсь, порадовался за меня и за мое счастье. Ну уж нет, в страшном сне такое присниться – рассказать ему про мои упражнения с В.В. Это ведь только мы понимаем, насколько красива наша Любовь, а со стороны посмотреть – грязь и извращение… Не надо, не надо Максу об этом знать – он хоть и сам не ангел, но не пошляк. Я для него – вроде родной сестрички, и он бы здорово расстроился, узнав, что его маленькая недотрога На́дюшка задирает ножки по легкому щелчку пальцев своего повелителя. Фу, Дневник, звучит ужасно. Значит, я приняла верное решение, отшив – о Боже –самого Президента?!

Хотя… Откуда мне знать, что там у мужчин на уме, даже самых хороших? Возможно, бедный Макс и не отказался бы оказаться на месте В.В. – я имею в виду, не в президентском кресле, конечно, а… Раньше я и сама была, может быть, не против, будь он понастойчивей, а сейчас уж дудки, ушёл поезд, я принадлежу другому полностью и целиком).

За дверью моей комнаты шум и веселые крики – был банкет после записи, на который я не пошла, а сейчас, похоже, все пакуют вещи и собираются на улицу. Вот и мне стучат, что пора выходить. Мне пора двигаться дальше, не останавливаться на нудных и ненужных размышлениях – а там загадочная Чукотка, свадьба, и – прочь все сомнения! Здравствуй, счастье – прощай, Норильск!

28 марта, полдень

Норильск встретил нас горьким разочарованием, подкреплённым неприветливым видом. Разочарование заключалось в том, что мы снова безнадёжно отстали: за несколько часов, пока мы дрыхли, красная точка на карте перепрыгнула далеко влево, на восток. Более того, сейчас она болталась севернее береговой линии океана, и у меня появились обоснованные сомнения в том, что до нее теперь удастся добраться на нашей машине, какой бы амфибией она в теории ни значилась.

Вид самого города тоже не позволял надеяться, что наш визит будет отмечен приятными эстетическими переживаниями. Это было обширное промышленно-урбанистическое нагромождение построек, гармонично укладывающееся в один ряд с уже виденными нами Сосногорском и Верхним… или Нижним? – какая, к чёрту, разница! – Мантурово. Однако Норильск оказался не скромным рабочим поселком, а настоящим, неряшливо раскинувшимся между пологих холмов, городищем, составленных из двух неравных, резко различающихся половин. Левая, грязно-белая, была расчерчена ровными кварталами одинаковых многоэтажек, поднятых на сваях над вечной мерзлотой. Правая, чёрная, втиснувшаяся между двух исполинских карьеров и множества терриконов, состояла из закопчённых заводских корпусов, ощетинившихся трубами, и непрерывно заливавших жилые районы длинными струями жирного дыма. Роза ветров, бездушная сука – вспомнил я правильный термин из учебника, глядя на это экологическое безобразие.

Впрочем, создавалось впечатление, что за городом пытались следить: дома были окрашены свежей краской, которая за прошедшую суровую зиму вздулась пузырями и растрескалась, недавно положенный асфальт на дорогах уже полопался глубокими кратерами, деревянные двери и окна зданий разбухли и безжизненно покосились от наростов водяной изморози, а трубы и прочие коммуникации, поднятые из мерзлого грунта в небо и перепутавшиеся там с густой сеткой проводов, изогнулись горбами и спиралями. Было холодно, но снега среди домов видно не было. Острый пронзительный ветер мёл по улицам огромные тучи колючей пыли.

Была и ещё одна, не виданная мной ранее, достопримечательность: прямо на границе жилого и промышленного массивов, занимая площадь в несколько кварталов, расположилась огромная сферическая гора рыжего

мусора, поблёскивающая на неярком солнце. Сначала я подумал, что это еще один террикон, но гора была больше, много больше всех других куч из пустой породы, видневшихся неподалеку. Издали мы не смогли понять, что это такое, а потом въехали в город, и гора исчезла, заслоненная домами.

– Ну и чем мы займемся в этом чудесном местечке? – язвительно спросила Надя. – Ты здесь долго собрался околачиваться?

– Вряд ли, – ответил я. – Кстати, отсюда летают самолеты, и даже, кажется, уходят поезда, как ты хотела. Так что можем распрощаться.

– Вот как, – протянула она. – Хорошо, я подумаю.

Ожил экран на приборной панели. На этот раз мои высочайшие кураторы решили не разводить болтовню по телефону и ограничились текстовым сообщением. Вот, что они сочли нужным сообщить:

“Вы опоздали. Новая точка назначения не определена, предварительный анализ указывает на район Берингова пролива. Необходим более скоростной способ передвижения. Далее начинается скалистое плато, транспортер не пройдет. Обратитесь к начальнику базы снабжения в/ч 99415 ген.-лейт. Романопоклонскому. Адрес: ул. Нансена, д. 118. Используйте прикрытие. Действуйте по обстановке”.

Вот и весь сказ.

– Так, – заявила Надя, не преминувшая сунуть свой нос к экрану, – это я тебя прикрывать должна, что ли? Давай, поехали скорее к этому лейтенанту, может, он нам хоть пожрать чего-нибудь вкусного даст, а то от твоих сухих пайков меня уже пучит…

Я не разделял её шапкозакидательского настроя, но, поскольку никаких более рациональных предложений не поступило, я пожал плечами и надавил на гашетку газа.

Здесь улицы не были пустыми: люди перебегали от дома к дому, ища укрытия от ветра и едкого дыма. На нас никто не взирал с удивлением, как в маленьких деревнях – в городе было полно экипажей, выглядевших не менее причудливо, чем наш. Единственной реакцией, которую мы вызывали у местного населения, было громкое недовольство водителей других машин, оскорблённых тем, что наш вездеход занимал сразу две полосы движения. Зато самые страшные колдобины на разбитых улочках были нам нипочем.

Проехав центр города, выглядевший почти по-человечески, мы свернули на запад и поползли в направлении промзоны. Экран переключился в режим обычного городского навигатора,

показывая нам путь. Когда мы уже приблизились к границе жилой зоны и свернули на Вокзальную улицу, Надя вдруг вскрикнула и выдохнула, показывая направо:

– Смотри, смотри!

В первый момент я не заметил ничего необычного, но затем с изумлением обнаружил, что параллельно нам и с той же скоростью движется огромная машина, выглядящая в точности, как наша. Задрав брови и вглядевшись повнимательнее, я не без удивления понял, что это и есть наш вездеход, просто отражающийся в мутной стеклянной стене. Она выглядела настолько необычно, что я остановился, распахнул дверь и с интересом осмотрел открывшееся мне сооружение.

Это была поверхность, выстроенная из оплывших алюминиевых ферм, в пересечениях которых были закреплены исцарапанные панели из оргстекла. Всё это образовывало некое подобие гигантского парника. Границ стены не было видно: она протянулась, насколько хватало глаз, вдоль всей улицы, а верхняя ее часть терялась, закругляясь, в дымке – на высоте, по крайней мере, нескольких сотен метров. Что происходило за этим необъятным забором, разобрать было нельзя, поскольку вся его прозрачность была скрыта под толстым слоем налипшей грязи. Виднелись только какие-то бесформенные зеленые пятна, мерно колыхавшиеся внутри. Поразмыслив, я пришел к выводу, что масштабы этой конструкции вполне соответствуют размерам той кучи мусора, которую я заметил при подъезде к городу, а рыжий цвет ей придавали налет пыли и потеки ржавчины от железных заклепок.

– Что это? – обратился я к пробегавшей мимо женщине.

– Ботсад, – коротко ответила та, закрывая лицо вязаным шарфом.

– А как туда попасть и сколько стоит билет?

– Вы что, не местный? – раздраженно воскликнула она, взглянув на меня, как на идиота, и тут же бросилась прочь, спасаясь от пыльного ветра.

Надя тоже уже давно требовала изнутри кабины, чтобы я немедленно вернулся назад и перестал устраивать сквозняк. Ещё раз оглядев величественную в своей уродливости конструкцию, я последовал её просьбам. Многого я, конечно, насмотрелся за последние дни, но только что увиденное, пожалуй, могло претендовать на верхнюю позицию в моем личном рейтинге бессмысленного мегаломанского гигантизма.

Мы отвернули от странной стеклянной горы и поехали влево. За окном потянулись тоскливые виды городского кладбища, хилая ограда которого – вот сюрприз! – перешла в солидный

железобетонный забор, украшенный красными звездами самого что ни на есть военного исполнения. Кажется, мы прибыли на место.

Попасть внутрь оказалось делом непростым. У ворот части никого не было, проход в КПП был заперт наглухо, и на мой стук – сначала вежливый, затем кулаком, и уже после этого – ногой, никто не отозвался. Когда я уже отбил конечности и стал подумывать о том, чтобы протаранить ворота транспортером, тихонько пискнул магнитный замок, дверь щёлкнула и нехотя приоткрылась, впустив меня внутрь. Там тоже, казалось, не было ни души, будка часового за бронированным стеклом была пуста, высокие турникеты, доходившие до потолка, намертво заблокированы. Услышав шорох, я повернулся вбок и увидел за решетчатой оградой растрепанного солдатика, пугливо прячущегося у стены.

– Эй, уважаемый, – позвал я. – Я ищу генерал-лейтенанта Романопоклонского. Пропусти-ка меня внутрь по-быстрому.

Солдат молчал, выпучив на меня глаза. Не понимая, что происходит, я стал расхаживать по узкой полосе между входом и турникетами, пытаясь придумать тот аргумент, который позволил бы мне проникнуть мимо этого странного дурачка. К счастью, моё ожидание не продлилась долго: со звоном распахнулась внутренняя дверь, и в помещение решительно вошел статный старик, с необычным для кадровых военных тонким и аристократическим лицом. Облачён он был в генеральскую шинель, высокую папаху и брюки с лампасами. За ним следовала пара рослых младших офицеров, выглядевших, как братья-близнецы: широкоплечие, блондинистые, с массивными челюстями, одетые в нестроевые черные кители милитаристского покроя, делавшие их похожими на добрых фашистов с пропагандистского эсэсовского плаката. Их каменные лица ничего не выражали, но руки на всякий случай покоились на автоматах, болтающихся на груди.

– Здравия желаю, – величественно начал генерал, остановившись перед решеткой, – я – Сергей Куприянович Романопоклонский, генерал-лейтенант от стратегической артиллерии. А вы, рискну предположить, – подполковник Борщёв? Я предупреждён о вашем визите. Буду рад приветствовать вас в своих владениях.

Я только солидно кивнул, не придумав пока, как себя вести, – и что вообще мне здесь нужно. Старик посмотрел в окно и продолжил:

– Я вижу, вас сопровождает спутница. Это великолепно, к нам редко попадают настоящие люди с Большой Земли. Прошу вас

обоих оказать мне честь и присоединиться к скромному обеду. Заводите машину на территорию.

Затем он повернулся к съежившемуся солдатику:

– Рядовой Пипырченко, – брезгливо сказал он ему, – ты не трясись как сука в течке, а лети мигом к воротам и впусти гостей. Давай, живенько. – И добавил уже в мой адрес: – Прошу меня простить, я должен отдать некоторые распоряжения. Буду вас ждать через пятнадцать минут в клубе. Честь имею… Пипырченко!!! – внезапно рявкнул он вслед солдату. – Ворота запрешь и проводишь, понял?!

Изящным движением козырнув, он повернулся и мягкой походкой вышел наружу. Офицеры, за всё время встречи не проронившие не слова, перестали сверлить меня пустыми глазами, синхронно развернулись на каблуках и удалились вслед за своим предводителем. Озадаченный, я вернулся к Наде.

– Ты хотела пожрать, – сообщил ей я, – можешь плясать: нас пригласили на обед.

– Ой, – капризно сморщила нос она, – а в чем я пойду? Мне же нечего надеть, одни штаны с дыркой на заднице. То есть даже с двумя дырками.

– Ну, как-нибудь выкрутишься, – проявил я черствость по отношению к женским заботам, – поверь, все будут ужасно рады, если ты хотя бы причешешься.

Надя обижено фыркнула. Я, тем временем, уже заезжал в распахнувшиеся ворота. За ними было так же безлюдно, как и на проходной: создавалось впечатление, что кроме бравого генерала и его ближней свиты на территории части нет ни одного человека. Это было тем более странно, что военные, как известно, не переносят одиночества и всегда стараются собраться толпой побольше.

Малахольный Пипырченко провёл нас, озирающихся, через плац к неожиданно роскошному дому офицеров. Архитектура этого здания была бы более уместной скорее на центральных улицах, скажем, Петербурга, нежели в этой богом забытой глуши. В любом случае, за истекшую неделю, проведенную в путешествии по северным пустошам, мне не попадалось ничего более затейливого и гармоничного. Хорошо живут офицеры в дальнем Заполярье, подумал я.

Поднявшись по устланной коврами лестнице, наша маленькая процессия оказалась в небольшом зале со стенами, отделанной дубовой планкой, затейливыми свечными люстрами и щедро убранным столом из тонкого орехового дерева. Вокруг, как водится, были расставлены изящные стулья с гнутой спинкой. Все было на высшем уровне, и я внутренне присоединился к

переживаниям Нади: действительно, наш походный вид был здесь возмутительно неуместен. Я нерешительно присел на стул у конца стола, притихшая девушка примостилась по соседству. Солдат, провожавший нас, исчез, не посмев переступить порог. Не успели мы переглянуться между собой, как в зале появился генерал с двумя своими вассалами, по-прежнему вооруженными автоматами. Замахав руками на наши рефлекторные попытки встать при его появлении («Сидите, сидите!»), старик устроился в кресле у противоположного края стола, а офицеры образовали почетный караул за его спиной.

– Итак, – произнес генерал. – Прежде, чем приступить к трапезе и развлечениям, предлагаю завершить все разговоры о скучных делах. Могу ли я узнать, чем обязан удовольствию нашей встречи? Как я сообщил вам ранее, мои друзья сочли нужным предупредить о вашем приезде, но не раскрыли его цель.

Прямо скажем, я не очень силен во вранье (что полагаю своим недостатком), поэтому постарался ответить минимально информативно:

– Ну, во-первых, благодарим вас за готовность оказать содействие, генерал, – начал я покровительственным тоном. – Сами понимаете, всех подробностей я вам раскрыть не могу, но должен сказать, что вы чрезвычайно кстати оказались на нашем пути. Здесь, в Норильске, мы собирались встретиться с нашими коллегами с целью передачи им особо ценного груза. Но они поспешили и отправились на восток раньше, чем мы успели добраться сюда на своем тихоходном вездеходе – его выбор был обусловлен вопросами безопасности. Насколько мне известно, дальше начинаются горы, которые можно преодолеть только по воздуху. Мой руководитель заверил меня, что вы обеспечите нас соответствующим транспортом и координатами, чтобы мы могли соединиться с основной группой наших товарищей. Это так?

– Я понял, – старик наклонил голову, – вы догоняете Главнокомандующего. Он действительно вчера был здесь, я общался с ним. И вот результат, смотрите сами: здесь сейчас пусто, никого нет. Он всех забрал с собой – военнослужащих, самолеты, ракеты… На время, конечно. Сказал, что там, куда он направляется, без настоящего парада не обойтись.

– Главнокомандующего? – задумчиво протянул я. Все становилось на свои места. – Ну да, ну да… Скажите, а с ним была девушка по имени Надежда Соловьёва?

– Так точно. С товарищами, которых я принимал здесь, действительно была дама с таким именем. Очень приятная и учтивая. А почему вы спрашиваете? Она ваша знакомая?

– Нет, – поспешно сказал я, решив попробовать всё-таки

выехать на вранье: – но я полагаю, что именно она получательница моего груза, вот и спрашиваю, всё ли с ней в порядке, не отстала ли…

– Не волнуйтесь. Мне показалось, что у нее многообещающие отношения с… А впрочем, я не намерен обсуждать чужую личную жизнь.

– Вы знаете, куда они направляются дальше?

– Знаю. И скажу вам. И, разумеется, обеспечу транспортом. Мне будет приятно исполнить свой долг и помочь Родине… Но сначала я прошу вас остаться за этим столом и вкусить простой солдатской пищи. Я уже жаловался вам, что здесь редко доводится встречать интеллигентных собеседников. Особенно, если в их числе столь прекрасные барышни… – он галантно поклонился Наде, – которые, к сожалению, до сих пор не имели возможности представиться. Это так бестактно с нашей мужской стороны, не так ли, товарищ подполковник?

– Я Надя, – вежливо пропищала девушка.

– Удивительное совпадение, – усмехнулся Романопоклонский. – Возможно, вы оба сможете задержаться здесь на некоторое время?

Мы вновь переглянулись. Долгие визиты в мои планы не входили, а вот у гедонистки Нади зажглись глаза.

– Умоляю вас, – продолжал генерал, – не принимайте никаких решений, пока я не раскрою вам все перспективы нашего знакомства.

Он поднял руку, и тут же молодчики за его спиной молниеносными движениями лязгнули затворами и взяли нас на мушку. Мы замерли в недоумении.

– Вот так, – сказал наш неожиданный захватчик, – прошу вас сидеть смирно и ни о чём не беспокоиться. А мне следует объясниться.

– Товарищ генерал-лейтенант!.. – протестующе начал я, но тут же был прерван успокаивающим жестом:

– Отставить, подполковник. Называйте меня Вениамином Михайловичем. Я не люблю условностей, и поэтому расскажу вам о причинах своего вызывающего поведения открыто и без утайки. А дальше вам уже самим предстоит решать, как вы поступите. Посмотрите назад.

Он нажал на кнопку, прикрепленную к столешнице, и за моей спиной раздался скрежет какого-то механизма: изогнувшись всем телом, чтобы не вставать со стула и не усугублять наше незавидное положение (Наде оказалось достаточно просто повернуть голову), я увидел, как стена зала раздвигается, явив нашему взгляду еще одно помещение. Открывшаяся комната была

залита светом белых ламп; её стены были сплошь обиты темной кожей, а посреди стояло странное и угрожающее устройство, напоминающее одновременно гинекологическое кресло и слесарный верстак, сверкающее хромом и опутанное паутиной кожаных ремней. Рядом расположился стол, утыканный непристойно вздымающимися инструментами фаллической формы. Я не мог поверить глазам: дело принимало совершенно неожиданный поворот.

– Рядовой Пипырченко! – тем временем гаркнул генерал. Мы повернулись на его окрик; безответный солдат уже возник у плеча старика. – Вот что, милый: у господина подполковника в кармане пистолет. Достань-ка его, да побыстрей.

Трясущийся Пипырченко робко приблизился ко мне, провел рукой по кителю и вынул из кобуры оружие. Помялся и положил его в центре стола. Генерал согласно кивнул и продолжил:

– Я командую этой частью пятнадцать лет. Она крайне обширна и играет важнейшую роль в обороне Отечества, но, к сожалению, совершенно секретна и закрыта на вход и выход абсолютно для всех – кроме, разумеется, таких важных гостей как вы или сам Президент. Всё это время я не ступал за ворота, и не видел никаких людей, кроме зеленых – я имею в виду цвет формы – контрактников. Да, отсутствие приятных собеседников печалит меня, но главные тяготы нашей суровой службы связаны с категорической депривацией общения с прекрасным полом. Мы с сослуживцами организовали небольшой клуб, – он указал вглубь загадочного зала, – и с грехом пополам – буквально – выкручиваемся сами, но, признаюсь, эпизодические встречи с женщинами дарят нам настоящие праздники духа и тела, и воспоминания о них потом долго скрашивают пресные мужские развлечения зимними вечерами. Так что, прекрасная мадмуазель, я буду горд и счастлив, если вы согласитесь составить нам партию.

Я пока еще ничего толком не понимал, но Надя, кажется, лучше разобралась в происходящем: она задумчиво теребила пальцами губу, поглядывая то на меня, то на Вениамина Михайловича. Тот же, глядя на наше молчание, вздохнул и заговорил решительней:

– Ну вот что, дорогие мои. Я уважаю свободу выбора и воли, и поэтому передаю право определяться вам самим. Альтернативы следующие: юная леди может сейчас же пройти в комнату за вами, и там целиком сдаться на милость моих помощников, – он кивнул на застывших с автоматами наизготовку офицеров. – В таком случае я гарантирую полное содействие на вашей дальнейшей дистанции: покажу дорогу, дам самолёт и так далее.

Завтра будете на месте. Либо же, если вы откажетесь… Не знаю, как вас убедить не делать этого. Думаю, мы вас просто застрелим и дело с концом. Да, забыл добавить – девушка может быть абсолютно спокойна: обычно мы обходимся без серьезных травм. Я имею в виду, конечно, физические последствия. Ну же, что вы выбираете?

Я открыл было рот, чтобы послать его ко всем чертям, но Надя, опередив меня, вдруг произнесла:

– А я согласна.

С удивлением повернувшись к ней, я увидел, что её рот изгибается в загадочной улыбке, а глаза поблескивают хитрыми огоньками. Не отвечая на мой взгляд, она сочла нужным пояснить генералу:

– Сергей Куприянович, я искренне сочувствую вашим заботам. Так уж вышло, что я – горячая поклонница любви, и мне будет приятно – во всех отношениях – поделиться этой любовью с вами. И совсем даже несложно…

– Богиня! – восхищенно причмокнул губами генерал. Надя польщенно склонила голову.

– Прошу вас только об одном. Если завтра, как вы обещали, мне предстоит увидеть самого президента, то я хотела бы быть в форме. Скажите, ваши… друзья имеют хоть каплю снисхождения к слабым женщинам?

– Сомневаюсь. Но я могу попросить их не оставлять следов на вашем лице, чтобы вы были всё так же прекрасны.

– Благодарю вас, этого будет вполне достаточно… И еще одна просьба: дайте мне минутку времени, чтобы успокоить бедного Максима Анатольевича. Он чересчур волнуется за меня.

Она жестом остановила меня, уже готового вмешаться в этот шизофренический диалог, и зашептала в ухо:

– Дурень, не вмешивайся ни во что и не ссы. Пизда у меня крепкая и ко всему привычная, ничего со мной не случится. Ты хочешь, чтобы этот маразматик нас грохнул? К тому же, – тут она обиженно сощурила глаза, – от тебя, истукана, ничего не добьешься толком, завидуй теперь и смотри, чего ты себя лишил!

Я пытался было возражать, так же шепотом (наверное, со стороны мы смотрелись нелепо), но от волнения никак не мог найти нужных слов. Мои отчаянные потуги прервал гнусный Сергей Куприянович:

– Максим Анатольевич, я понимаю ваши сомнения в этичности происходящего, но позвольте уточнить: у меня сложилось впечатление, что вас с Надеждой не связывают личные отношения. Так ли это?

– Так, – ответила за меня девушка. Я, стиснув зубы, тоже

кивнул.

– Тогда почему же вы отказываете ей в праве решать самой? Мне кажется, она рада этому нечаянному приключению, и нам с вами остается лишь подчиниться её выбору. Вы согласны со мной?

– Не занимайтесь демагогией. Вы прекрасно понимаете, что она согласилась просто потому, что вы угрожаете ее убить.

– Ах, прекратите. Я прекрасно вижу, что решение нашей гостьи обусловлено не насилием, а желанием… Хотя одно другому не мешает, хе-хе. Надежда моя, произнесите ваше согласие ещё раз, громко и чётко, и покончим с этим.

– Я полностью готова.

– Ну что, убедились? На этом предлагаю считать наши разногласия исчерпанными. Надя, отпускаю вас с господами офицерами. Нет, постойте, невежливо лишать вас угощения. Впрочем, есть не советую, мало ли что, а вот выпить вина или даже более крепкого напитка – настоятельно рекомендую. Рядовой, наполнить бокал дамы!

Мои моральные страдания никого больше не интересовали. Криво ухмыляющийся солдат подскочил к Наде с бутылкой, она в ответ галантно улыбалась ему. Генерал отечески кивал, глядя на эту сцену. Лица его приспешников слегка оттаяли и очеловечились: кадыки их синхронно дёрнулись вслед за Надей, глотающей залпом коньяк. Они отставили свое оружие к стене, с двух сторон подошли к девушке, с притворным испугом осмотревшей снизу их крепкие фигуры, и увели её в помещение за моей спиной, цепко взяв за плечи. Сергей Куприянович вновь обратил внимание на мою персону:

– Не дуйтесь, товарищ подполковник. В жизни часто бывает, что кому-то приходится страдать, когда прочие получают наслаждение. При этом очевидно, что страдаете здесь только вы, а остальные радуются жизни полной грудью, как ваша чудесная спутница… Я полагаю, что она доставит нам немало приятных минут. Вам стоит гордиться её самоотверженностью. Садитесь поближе ко мне, будем смотреть вместе.

Я заставил себя разлепить губы:

– Нет уж. Я предпочитаю всего этого не видеть.

– Вы правы! Как же я сам не догадался! Действительно, ловить слухом происходящее – а здесь прекрасная акустика, – намного волнующе, чем довольствоваться банальными визуальными ощущениями. Знаете, я бы с удовольствием поменялся с вами местами, вы большой оригинал… Не хотите? Ну ладно.

Он выжидающе посмотрел на меня, но я по-прежнему молчал.

Генерал снова вздохнул:

– Мои воинские увечья не дают мне возможности непосредственно участвовать в действии – поначалу. Нужно время, чтобы укрепить дух и набраться сил. Поэтому прошу вас, прекратите смотреть на меня волком, и давайте просто поговорим, как нормальные люди. О чём-нибудь отвлеченном. Ну вот, например… Скажите, знакомы ли вы с произведениями маркиза де Сада?

Я покачал головой.

– Зря, замечу я вам. Его романы следует, без всяких сомнений, отнести к сокровищам мировой литературы, причем литературы нравственной, воспитывающей… Не верите? Я тоже не верил, пока не прочитал всё от корки до корки. Понимаете, дилетанты (я не имею в виду, конечно, вас) ориентируются исключительно на вдолбленный им в голову стереотип о том, что тексты уважаемого маркиза – одна сплошная порнография самого грязного и непотребного толка. Но это совершенно ошибочное мнение невежественных ханжей, никогда не прикасавшихся к книгам. Довольно редкие скабрёзные сцены у де Сада занимают от силы несколько страниц в каждом романе, а всё остальное повествовательное пространство заполнено долгими периодами – довольно остроумными, замечу – посвященными критике лживых нравственных шаблонов его эпохи. Очень занятно, и дает прекрасное представление о моральных, да и самых бытовых обстоятельствах того безвременья, которое предшествовало Великой революции. А всё сексуальное он, по моему глубокому убеждению, добавил просто для скандальности – чтобы охотнее раскупали тираж. Впрочем, сами почитаете и составите мнение, а я хотел сказать только одно: надеюсь, что наша с вами беседа будет напоминать по композиции произведения маркиза: разговор о серьезных вещах, для которого вторичным, но интригующим фоном выступит соло нашей милой Надежды под аккомпанемент бравых офицеров. Вам не кажется, что это будет прекрасная смысловая рифма?

Поскольку я снова предпочел промолчать, генерал скорбно нахмурил брови:

– Послушайте, ответьте мне что-нибудь, хотя бы из вежливости по отношению к хозяину дома. Я не требую от вас высокомудрых сентенций, но видно же, что вы же не тупой солдафон…

– Хорошо, – согласился я, – давайте поговорим. Только имейте в виду, что вы очень, очень, очень мне не нравитесь.

– Да бросьте, – ухмыльнулся Сергей Куприянович, – вы думаете, я безумный девиант. Насчет второго спорить не буду, но

вот с безумием вас разочарую. Сумасшедшие лишены способности к эмпатии и состраданию, а я как раз хотел развить эту тему. Только сначала умоляю: выпейте, закусите, что вы сидите, как на похоронах? Ах да, вам же не видно, а за вашей спиной скоро начнется самое интересное!

Сзади пока было спокойно. Там шелестела снимаемая одежда и раздавалось позвякивание пряжек. Мужской голос спросил что-то неразборчивое, Надя в ответ преувеличено громко рассмеялась. К этому времени моя злость на неё и волнение сменились бессильным отупением. Ну и чёрт с ней, подумал я. Я ей не папочка, чтобы заботиться о поведении, правильно?.. Это был, конечно, спасительный самообман, но всё же я почувствовал себя легче. Вдобавок к тому, и весьма, должен признать, кстати, рядом с моим локтем бесшумно образовался вездесущий Пипырченко. Он протянул мне высокую рюмку на серебряном подносе, и я, почти не колеблясь, опрокинул её в рот. Генерал сопроводил это действие обрадованным кивком.

– Так вот, что я вам хотел сказать о сострадании… Был такой мыслитель, Артур Шопенгауэр, незаслуженно забытый в нашей стране. Вина в том коммунистических псевдо-позитивистов, старательно вычищавших из общественного сознания любые ошметки классического немецкого идеализма, – которые по недоразумению перекочевали в это сознание вместе с сочинениями Маркса. Впрочем, обществу, как обычно, было наплевать, и, например, коллега Шопенгауэра по цеху Кант, несмотря на все старания этих философских лоботомистов, в народной памяти закрепился. Думаю, только потому что формально он наш соотечественник и всю жизнь проторчал в Калининграде, в отличии от чуждого нам буржуазного западника Артура. Так вот, основную заслугу Шопенгауэра я вижу в том, что он сумел нормальным человеческим языком интерпретировать совершенно нечитаемую заумь великого Канта, презентовав его, таким образом, простодушным обывателям. Если отбросить всякую метафизическую ерунду, от которой и так не оставили камня на камне гегельянцы…

Речь Вениамина Михайловича прервал тяжелый стальной лязг. Вторя ему, испуганно охнул девичий голос. Генерал, близоруко прищурившись, посмотрел мне за спину и непроизвольно потер руки. Устыдившись этой рефлекторной реакции, он кинул на меня виноватый взгляд и продолжил:

– …то останется следующее. Человеческое сообщество, согласно мизантропу Шопенгауэру, кошмарно атомизировано. Вообще нет никакого общества, а есть набор изолированных индивидуальностей, которые мало того, что фундаментально не

способны воспринимать друг друга – они даже не могут нормально осознать самих себя. Более того, это трагическое непонимание собственной природы, неумение ей управлять, мучительное одиночество, происходящее от невозможности единения с другими людьми, приносят бедному индивиду Шопенгауэра нескончаемые страдания. Единственная доступная радость в жизни – это горькое саморазрушение, облегчение, испытываемое разумом от того, что он сложил с себя ответственность за неподвластную ему собственную суть и оставил её биться в смертельном галопе. Понимаете? Мне кажется, декорации вокруг нас с вами, – он обвел рукою зал, особенно акцентировав внимание на происходящем за моим плечом, – служат прекрасной демонстрацией правоты этого тезиса. Если бы я хотел просто поиграть эрудицией перед вами, то ограничился бы этой ситуативной иллюстрацией. Но всё несколько сложнее…

Я почти не воспринимал его слова, тревожно прислушиваясь к звукам сзади. Там уже несколько минут раздавалось утробное вибрирующее мычание, периодически прерывающееся надсадным кашлем и всхлипами. Мужчины при этом разражались издевательским хохотом. Душат они её что ли, сволочи?.. Сергей Куприянович заметил, что я отвлекаюсь.

– Не надо переживать, – успокаивающе заметил он, – с вашей подругой, в конечном итоге, всё будет в порядке. Даю вам слово… ну пусть офицера, хоть я и генерал. И вот ещё: разумеется, как и любому человеку, достигшему высокого воинского звания, мне доводилось убивать людей. Но не в этой комнате, поверьте… Выпейте снова, умоляю вас.

Выполнив его просьбу, я, чтобы заглушить доносящиеся хрипы, непроизвольно включился в светский тон беседы:

– Я готов согласиться насчет одиночества, хотя мне кажется, что вы зря приплетаете сюда этого вашего философа. Все это до зевоты банально… И скажите на милость, почему это человек не способен понять себя или других? Например, я сейчас, к моему огорчению, слишком хорошо понимаю состояние несчастной Надежды, которую мучают по вашему приказу эти дегенераты. Хотя сам, как вы догадываетесь, не имел аналогичного опыта.

Сергей Куприянович уважительно прикрыл глаза:

– Вы зрите прямо в корень, дорогой друг. Я не ошибся в вас. Именно к этому я и подвожу, но вы опережаете мою мысль… Прошу простить меня, старого человека, за ещё одно необходимое отступление. Я хочу, чтобы вы лучше поняли мои мотивы, тогда, возможно, мы обретем друг в друге единомышленников.

Кто-то из насильников хищно зарычал, а девушка издала судорожный хлюпающий вздох и затихла. В воцарившемся безмолвии веско зазвучали слова генерала:

– Почему же человек не может осознать ни себя, ни окружающих? По Шопенгауэру, природу человека составляет некая субстанция, или, скорее, энергия, название которой на русский безграмотно перевели как «воля». Это движущая сила, устремление, активное и самостоятельное желание, заставляющее человека существовать, действовать, и, в конечном итоге, от этого страдать. Сам человек, представляющий собой видимую оболочку этой силы, а, фактически, полностью состоящий из нее, неспособен с ней отождествиться или даже каким-либо образом осознать её, поскольку воспринимает её не непосредственно, а через сознание и органы чувств. И человек всю жизнь считает себя могучей волей, хотя на самом деле является всего лишь жалким представлением.

– А вот теперь уже непонятно, – честно признался я. В голове слегка шумело от выпитого.

– Это просто, если использовать аналогию. Вот представьте себе, что вы смотрите телевизор. Вы отчетливо видите, что он квадратный, что сбоку у него разноцветные крутилки, а сверху топорщится антенна, что он издает звук, а на выпуклом экране мелькают световые пятна, воспринимаемые вами как какой-то сюжет. Иными словами, вам кажется, что вы смотрите телевизор и понимаете, что он вам показывает, но в действительности вы всего лишь смотрите на ящик с кинескопом и стенками из шпона. Иллюзию причастности к цельному изображению вам дают ваши органы чувств и нейрофизиологический интерпретатор сознания. Но для большинства людей совершенно невозможно понять не только природу телевизора, но и природу телевидения, его мотивы и побуждения, заставляющие раз за разом закладывать вам в мозг информационные картинки. Всё это пока довольно тривиально, не так ли?

Но теперь посмотрите внутренним взглядом на себя. Что вы видите? Свое тело, ощущение теплоты в членах… возможно, у вас болит голова или живот, или вы хотите выпить, и всё это вы постигаете посредством нервных окончаний. Вы чувствуете мельтешение мыслей и осознаете своё положение в пространстве и времени, но позвольте спросить, разве вы можете честно ответить на вопрос, какая сила привела вас сюда и заставляет слушать меня вместо того, чтобы сходить, скажем, в кино с любимой девушкой? Вы постфактум отдаете себе отчет о ваших действиях, но способны ли вы дать объяснения своим побуждениям и желаниям, предсказать их и управлять ими?

К некоторому моему удивлению, разглагольствования генерала смогли меня заинтересовать. Всерьез задумавшись, я откровенно признался себе, что не могу утвердительно ответить на поставленный вопрос. Генерал заметил это (он, казалось, замечал всё, что со мной происходит) и согласно покачал головой:

– Наконец, представьте, что вы смотрите на другого человека. Тут вы и вовсе видите только краешек его существа: внешность, голос, запах… Вы даже не можете почувствовать его изнутри, как себя самого, и, следовательно, составить представление о его сути. Все, что здесь можно предпринять, так это предположить, что он внутренне ощущает свою личность примерно так же, как и вы, и на основании этого пытаться осознать его проблемы, стремления и мотивы. И вот здесь-то кроется главная ошибка, всеобщее заблуждение…

– Нет-нет-нет-нет, не надо этого! – всполошено закричала вдруг Надя. – Это же… Мама-а!!.

– Я боюсь, нам придется ненадолго прерваться, – озабоченно заметил мой собеседник. – Потому что сейчас… В общем, рекомендую закрыть уши, – и сам прижал волосатые морщинистые ладони к седой голове.

Леденящий душу пронзительный вопль заполнил зал, и у меня промелькнула глупое сожаление о том, что я не последовал совету старой гниды. Я подпрыгнул на месте и с трудом сдержался от того, чтобы обернуться – но смотреть на то, что выделывают эти выродки с Надей, было бы вдвойне мучительней. Девушка зашлась совсем уже невыносимо, но её прервали звонкая оплеуха и грубый окрик: «Молчать, сука!!!» Вопли оборвались, сменившись бурными икающими рыданиями.

– Что там происходит? – прохрипел я. – Отвечайте, чёрт бы вас побрал!

– Ничего особенного, – пожевал губами генерал, – просто взяли калибр покрупнее. Ребята сегодня не в ударе, долго разминаются. Пипырченко, предложи товарищу подполковнику бурятские закуски, вот эти, справа… Впрочем, нас отвлекли, а сейчас мы можем продолжать.

Поверьте, беспокоясь о вашей подруге, вы делаете ту самую ошибку, о которой я говорил: пытаетесь судить о состоянии других на основании собственного опыта ощущений. Это драматическое, фатальное для людского общества заблуждение. Ибо воля – одна общая для всех, а вот представление у каждого своё. Именно принципиальная невозможность примерить чужое представление на свою волю и является первопричиной шопенгауэровской разобщенности, настоящим первородным

грехом человечества…

Глаза генерала увлажнились, он задумчиво перевел взгляд мне за спину. Оттуда уже не слышалось криков боли: доносилось только смирное страдальческое покряхтывание, сопровождаемое мокрыми шлепками тела о тело. Дрожание маслянисто поблескивающих старческих генеральских ноздрей раздражало, и я вернул его на землю:

– Так что же, одиночество непреодолимо?

Сергей Куприянович с сожалением переместил внимание на мою персону и не без труда собрался с мыслями:

– А вот это самый главный вопрос, к ответу на который я подводил вас всё это время. Великий дар Шопенгауэра человечеству заключается именно в том, что он указывает на выход из обрисованной им безотрадной пустоты. Но понять это может только читатель, способный видеть между строк. Да, представление у всех разное – в силу причин нравственного воспитания или даже чисто физиологических, но есть у него одна сторона, общая для всех без исключения. Какая, спросите вы? Страдание. Да-да, именно страдание. Боль страдания одинакова для всех. Эмоциональное и физическое состояние, в которое погружается страдающий человек, будет точно таким же, как у любого произвольного представителя людского рода. Поэтому, страдая вместе с другими, иными словами, со-страдая, вы имеете единственный шанс понять их, принять на себя их представление. Сострадание – вот единственный путь избавления от одиночества…

Прерывистые стоны девушки и хоровое мужское сопение, до этого звучавшие фоном, становились всё громче, и генерал был вынужден вновь остановить свою речь. Знаком он пригласил меня приложиться к рюмке и сам подал этому пример. Отдельные вскрики и ахи слились в протяжный горловой вой, завершившийся на невыносимо высокой ноте глухим ударом. Спустя несколько секунд в наступившей тишине зажурчала струя жидкости, и Надя вновь закашлялась. Сергей Куприянович поцокал языком и уселся в кресле поудобнее, закинув ногу за ногу.

– Теперь вы должны осознавать, друг мой, что я не безумец, которым вы представили меня в начале. Я – адепт сострадания, переживающий мучения вместе с такими же несчастными людьми, как я сам, познающий их через совместное страдание, находящий с ними единение и избавляющий от одиночества. Можно сказать, я проникаю в людей и ощупываю их изнутри, и позволяю делать с собой то же самое, становясь с ними на время одним и тем же существом – если вы понимаете, о чем я… Это

благое занятие, не так ли?

Я только покачал головой. Всё это софоложество было не более чем отвратительным резонерством маньяка, оправдывающего свои преступления. Я собирался сказать об этом, но генерал опередил меня:

– И я не один такой. Вот, например, Пипырченко, – он указал на затюканного человечка. – Посмотрите, как он мучается от одиночества и сочувствует бедной девушке. Что же ты, голубчик, развесил слюни? – заботливо обратился Сергей Куприянович к солдату. – Тоже хочешь? Ну так беги, наша гостья добра, и уж верно, не обидит тебя холодным отказом.

Пипырченко тут же боком, вприпрыжку, прошмыгнул мимо меня и скользнул в заднюю комнату. Вскоре он озабочено запыхтел, подбадриваемый одобрительными смешками старших товарищей. Надя, судя по звукам, ожила и что-то тоненько пролепетала, а мужчины, пользуясь тем, что их объект пыток был пока занят другим, звякали чем-то железным и вполголоса переговаривались.

Генерал молчал, во-видимому, полностью выговорившись и с заслуженной усталостью наслаждаясь видом на картину, разыгрываемую своими подчиненными. Я тоже хранил безмолвие. В тишине, нарушаемой лишь мышиными похрюкиваниями Пипырченко, прошло несколько минут. Наконец раздалось радостное блеяние, и спустя мгновение солдат уже вернулся к столу, придерживая штаны. Сергей Куприянович с сомнением посмотрел на его мокрые трясущиеся руки, слегка поморщился и предложил мне:

– Налейте-ка в этот раз себе сами. Думаю, это уже на посошок. Вести беседу с таким понимающим собеседником как вы – большое наслаждение, но моя воля уже пробудилась и толкает меня к свершениям. Пора отправляться к нашей сегодняшней героине, чтобы познать ее представление…

– Пипырченко! – громыхнул он уже другим, резким и властным голосом. – Проводишь Максима Анатольевича в покои для отдыха, а потом принесешь мне плетки номер четыре и семь к станку. Живо!

Он тяжело встал с кресла и кивнул мне:

– Возможно, мы больше не увидимся, но я буду вспоминать о вас. Честь имею.

Я с трудом поднялся и последовал за довольным солдатиком, всё так же малодушно боясь обернуться назад. Напоследок я услышал, как Сергей Куприянович укоризненно говорит Наде:

– Что же вы, милочка, не бреетесь? Это вредит чистоте вашей юности…

Просто пиздец, господа офицеры, по-другому не скажешь.

28 марта, поздно

Не думал, что умудрюсь заснуть после всего увиденного (скорее, услышанного), но алкоголь так незаметно и сильно сморил меня, что я провёл в отключке несколько часов. Разбудил меня всё тот же Пипырченко робким поскрёбыванием в дверь. Я подскочил, чувствуя себя необычно свежим, и открыл замок. Солдат молча протянул мой пистолет и кейс с оставленным в вездеходе блоком, после чего замер по стойке «смирно».

– Где девушка? – первым делом спросил я его. Тот замахал руками, всем своим видом показывая, что, дескать, все хорошо, не волнуйтесь, будет вам сейчас ваша девушка.

– Шагом марш! – приказал я и устремился вслед за резво побежавшим недотепой.

Солдат вывел меня из здания. На улице давно стемнело и повалил снег, настолько густой, что в пяти шагах от меня, казалось, ничего не было видно. Мой сопровождающий, оставляя глубокие следы валенками, подошел к стоящему неподалеку уазику и распахнул дверцу. Внутри сидела Надя. Она коротко затягивалась сигаретой, выпуская дым в открытое окно.

Смущаясь и стараясь не заглядывать ей в глаза, я тайком пробежался глазами по её лицу и телу: всё на месте, но вид изможденный, усталый, под глазами залегли темные круги, губы растрескались, а запястья, выглядывавшие из рукавов куртки, были густо исцарапаны и покрыты черными кровоподтёками. Не зная, с чего начать, я не нашел ничего лучше, как укоризненно заметить:

– Надя, ты что – куришь?..

Увидев меня, она слабо махнула ладонью и криво усмехнулась:

– Смешно. Что, не побрезгуешь сесть рядом?

– Глупая. Ты жива?

– Нет… эти животные меня порвали, как целку на выпускном, – пожаловалась она. –Кажется, у меня перелом шейки матки.

Я встревоженно задрал брови, но Надя расхохоталась:

– А-а, повелся! Ну какой у матки перелом, дурачок, надо же женскую анатомию хоть на школьном уровне знать. Там же всё тянется, что ни засунь. Эх ты, математик несчастный!

Впрочем, она тут же сникла и обессилено откинулась на спинку сиденья. Поморщилась:

– Да, отодрали меня знатно, еле до машины доползла, чуть не на руках несли… Как ты думаешь, до свадьбы заживет?

– Какой еще свадьбы?

– Нашей с тобой, конечно! После всего, что ты видел, боюсь, что ты уже не отвертишься.

– Я не смотрел, больно надо… – я никак не мог поймать её шутливый тон. Оказывается, судьба и здоровье этой маленькой блудницы, случайно набившейся в мои попутчицы, волновали меня гораздо больше, чем ещё несколько дней назад. – Ты точно в порядке? Выглядишь ты не очень-то.

– Фу, мог бы и не говорить такое девушке. Тебя бы трахали вчетвером полдня, я бы посмотрела, какой ты сам стал красивый.

– Слушай, ты прости, что я тебя отпустил с ними, мне надо было…

Надя внимательно посмотрела на меня и хмыкнула:

– Максим, ну ты в натуре какой-то дурак. Ты не представляешь, что это такое, когда… – она мечтательно закатила глаза. – Короче, ты все равно не поймешь, а вот я, может быть, не отказалась бы и повторить… когда всё заживет. И все, хватит меня жалеть. Я большая девочка и знаю, чего хочу.

Пристыженный, я отвернулся в окно.

Машина уже вовсю летела по занесённым дорогам, за рулем подпрыгивал и вертелся бесноватый Пипырченко. Не прошло и пяти минут, как метель за стеклом засияла под белым светом прожекторов. Мелькнули вышки и столбы, и мы оказались на военном аэродроме, уставленном гордыми силуэтами истребителей с раздвоенными килями. Водитель лихо затормозил у одного из них, и к автомобилю, придерживая капюшон лётной полковничей куртки, подбежал человек.

– Начальник части приказал дать вам самолет до Гудыма! – не тратя время на условности вроде представления, прокричал он сквозь рёв авиационных двигателей. – Вылезайте скорее!

Я, пригнувшись, выбрался наружу, и стал помогать Наде, которая с трудом цеплялась за мою руку. Очутившись рядом со мной, она тут же согнулась, спасаясь от злых снежных зарядов: её ощутимо шатало, а когда полковник жестом приказал нам следовать за ним, она повисла на моем плече и заковыляла, еле переставляя ноги. К счастью, путь до самолета был недолгим. Я затолкал девушку по лестнице под передней стойкой шасси, и, вскарабкавшись за ней, устроился в соседнем кресле: сидения здесь располагались бок о бок, как в обычном автомобиле. Футляр с устройством я пристроил в широкий карман за спинкой сидения. Я недоумевал, как мы полетим без лётчика на борту, но тут же получил инструктаж от нашего провожатого, уже поднявшегося по трапу и засунувшего голову в дыру в полу:

– Пристегнитесь, – заорал он. – Вот так и вот так! Наденьте

шлемы, после взлета сможете снять. На панели, ради бога, ничего не трогайте! Сам взлетит, сам приземлится, через шесть часов будете на месте!

– Что это – “Гудым”? – крикнул я в ответ, припомнив сказанное им странное слово.

– Часть одна на Чукотском полуострове, – неопределенно сказал военный. Мы с Надей многозначительно переглянулись, вспомнив её ночной рассказ – закончившийся тем, что она оказалась где-то в окрестностях чукотского Анадыря. – Все, поехали!

– Спасибо! – хором поблагодарили мы полковника и остались наедине. Люк внизу захлопнулся с мягким чмоканьем, отделив нас от внешнего мира, и в кабине сразу же стало тихо и спокойно – только мокрый снег таял на Надиных рыжих волосах. Я осторожно смахнул его вниз и помог девушке надеть шлем. Её лицо сразу же стало невидимым за черным выпуклым стеклом, и я почувствовал себя неуютно: неприятно, когда собеседник тебя видит, а ты его – нет. С неловкой поспешностью я натянул на голову свой колпак, и самолет, словно бы поняв, что пассажиры готовы к взлету, сразу же начал осторожное движение.

– Ты в этой каске похож на инопланетянина, – сообщила мне Надя по внутренней связи. – Значит, всё-таки снова туда, к нему, к этому упырю в пасть… Выкрутимся, как ты думаешь?

– А то, – самоуверенно заявил я. – До сих пор вроде неплохо справлялись.

– Ну да, и каждый раз – через жопу, – грустно прокомментировала девушка и тихонько добавила себе под нос, но так, чтобы я услышал: – Господи, а я-то на хрена сюда опять залезла? Собиралась же валить к едрёне фене с этих северов…

– Ты же хотела улететь на самолете, – успокоил её я, – знаешь, мечты сбываются.

Она не ответила. Самолет начал разбег – в шлемофоне я не слышал воя двигателей, но всем телом ощутил чудовищное ускорение, мигом выдавившее из меня, как из резиновой утки, весь воздух заодно с желанием говорить. Снег, до этого в беспорядке круживший перед прозрачной поверхностью кабины, мгновенно выстроился ровными полосами, с бешенной скоростью обтекающими стекло фонаря. Через мгновение машина резко задрала нос, оторвавшись от земли, совершила тошнотворный боковой вираж и свечкой устремилась навстречу черным тучам. Огни аэродрома остались в недосягаемой дали, а еще через несколько секунд жестокой болтанки, сопровождавшей этот безумный подъём, мы выскочили над горизонтом облаков и оказались в бескрайней вселенной, наполненной сверкающими

звездами. Успокоившись, самолет заложил плавный поворот, и звезды потускнели, скрывшись в неземном свете северного сияния. Ускорение, наконец, отпустило наши тела, и я смог перевести дух.

– Красота, а? – спросил я у Нади.

Она вновь промолчала, и я решил, что она спит – её так измотали, что немудрено было отключиться даже во время этого сверхзвукового взлёта.

Мне же спать не хотелось совершенно: пока моя боевая подруга отрабатывала за станком нашу свободу и, вероятно, жизнь, я бессовестно выспался в тихой комнате отдыха. Но было одно занятие, которому я собирался посвятить время полёта. Я вовсе не был уверен, что у меня получится на такой высоте, но почему бы не попробовать?

Стянув шлем и положив его на колени, я достал из кармана телефон – моё единственное средство связи со зловещим Игорем Ивановичем. Попробую вытрясти из него, наконец, душу и правду, и расставить всё по своим местам, – решил я и ткнул в кнопку вызова. Удивительно, но не прошло и полминуты, как трубка загудела:

– Максим, дружище, ты не охренел звонить в такую рань? Уважай мою старость, дай поспать человеку… – развязность голоса, которым это было сказано, не соответствовала общему укоризненному тону; мне показалось, что Игорь Иванович здорово пьян.

– Вы обещали, что всё расскажите. Куда я лечу, что я должен сделать, и зачем. И что там с Надей! – поспешно добавил я, едва не забыв самое главное.

– Ты летишь?.. Крылья, что ли, отрастил? У меня щас балкон отпадет от таких новостей.

– Не увиливайте, – строго сказал я, вспомнив любимые мной в детстве книжки про милицейских следователей.

– Ну ла-а-дно, ладно… – зевнул голос на том конце телефона. – Обещал, значит скажу. Я сегодня добр и великодушен… Давай ещё раз по порядку – что ты там хотел узнать?

– Первое – что такое «Гудым»? – от волнения я начал совсем не с того, с чего собирался.

– Местечко такое на краю земли. Буквально, мать его. Ракетная дырка в жопе мира. А что?

– Именно туда я лечу. Давайте поподробнее.

– Ишь ты, не подвел старый извращенец… Задница-то у тебя не болит после общения со старшим офицерским составом? Всё, шучу, шучу… Ну короче, раньше там была задрипанная позиция,

а сейчас что-то вроде потайной Лиги Наций. Этот Гудым как раз на границе с Аляской – и мы вроде у себя, и американцам недалеко. Вот там и встречаемся по особым поводам, если что перетереть надо между серьезными людьми.

– Надя сейчас рядом с президентом?

– Скорее это он с ней, она главный груз. А чё, раньше догадаться нельзя было?

– И они вместе направляются в Гудым?

– Ну ты прям гений дедукции. В смысле, индукции, или как её там…

– Зачем? Что там будет происходить?

– Это государственная тайна. Ой, ты ж вроде подписывал мне расписку в гараже, значит, имеешь право, хе-хе. Ладно уж, расскажу по секрету всему свету…

– Да хорош балагурить! – разозлился я. – Что вы хвостом вертите, как шалава на дискотеке? Сейчас вышвырну ваш блок «Прибой» с десяти километров, развернусь и улечу к ебёне матери!

– И оставишь свою ненаглядную любовь подыхать в лапах кровавого диктатора? – злорадно расхохотался Игорь Иванович. – Ладно, пошутили и будет. Я же понимаю, что если тебе рассказать все те ужасы, которые у нас тут творятся, ты сам в бой понесешься, как ужаленный.

Значит, это… типа ритуал, овеянный тьмой веков. Правитель, только что получивший власть, должен принять ярлык из рук хозяев земли русской и американской. Что за хозяева, спросишь ты? Ха-ха, ни за что не докумекаешь. Ну-ка, попробуй угадай.

– Рептилоиды, что ли? – предположил я, чтобы стимулировать его на дальнейшие откровения.

– Хуй там плавал. Чукчи! Ну умора же, а?!

– Да, умора. Хватит полоскать болталом, я же попросил.

– Ну не, тут всё без шуток. Если хочешь знать, я этих тюленеёбов с самого детства знаю, так уж получилось. И смешного там мало, все больше страшное до усрачки… Но основная проблема не в этом, а в том, что чукчи – старейший и единственный из легендарных магических народов, когда-то населявших Россию. Ну, не Россию, конечно, а то место, которое раньше было до неё. И вместо всего остального мира, кстати. Другие великие племена они перебили и сожрали в седой доисторический период. И заметь: это они у нас тут – типа придурковатые спивающиеся людишки из анекдотов, а вот в Америке, когда-то населенной сонмами их потомков, они права качают будь здоров. Ты же знал, что индейцы произошли от чукчей?

– Слышал что-то. Я не этнограф.

– Оно и видно… Так вот, никакие они не дураки и не алкоголики. Это маска, старательно поддерживаемый имидж. Когда сначала европейские, а затем русские завоеватели пришли на земли чукчей, разразилась кровопролитная война, длившаяся в течение трех веков. Кстати, наши в ней постоянно сливали, у американцев дело шло чуть получше, но тоже довольно паршиво. Короче говоря, что бы там сейчас в школьных учебниках ни писали, европейские колонизаторы эту войну позорно просрали – уж больно свирепыми оказались чукотские племена, хотя и их к концу здорово проредили. И вот когда эта волынка достала все без исключения участвующие стороны, был заключен ВВП, сиречь Всеобщий Вечный Пакт. По нему чукчи признавались победителями и полномочными владельцами всех русских и американских земель, а Россия и, соответственно, США – их протекторатами. Однако признание это было совершенно формальным – примерно как Канада или Австралия до сих пор называют бабулю Елизавету своей королевой, хотя на самом деле в реальной политике им на неё глубоко насрать. Вот и настоящие правители России – тогда еще царской, и Америки в обмен на признание себя пораженной стороной выторговали себе полную независимость и возможность творить что заблагорассудится. А главное – доступ к Тихому океану и его побережью со всеми богатствами, что было нелишне ввиду того, что Китай уже тогда представлял серьезную опасность. Чукчи же, как я говорил, отнюдь не идиоты, и остались вполне удовлетворенными, выцыганив заодно себе вечное содержание своими бывшими соперниками, и – что важно – церемониальное право согласовывать новых президентов и царей, пообещавших приезжать к ним на поклон. Теперь понятно, зачем туда президент после выборов намылился?

– Да у вас белая горячка. Что за бред вы несете…

– Вот-вот, были среди правителей такие, которые тоже не верили и беспечно отмахивались от всей этой истории. Оказалось, что чукчи вовсе не так просты – на отказ явиться за ярлыком они смиренно пожимали плечами, но тот, кто пренебрег своей обязанностью, потом горько жалел об этом. Маленков – в качестве предупреждения – легко отделался. Потом были Кеннеди, Андропов… Короче, после Черненко ни у кого уже желания шутить с чукчами не возникало. Все молчаливо признали, что чукчи каким-то образом умудрились взять за яйца самые могущественные мировые империи, и перечить им – себе дороже. В конце концов, не в средние века живем – сел на самолет, повалял дурака часок-другой перед этими

морщинистыми дедами, а дальше – гуляй, Вася, ничего от тебя им больше не надо.

– Ну допустим. А при чем тут Надя?

– О, это совсем другая история. Хотя не, история всё та же, просто тут один дурацкий чукотский миф удачно наложился на ещё более дебильный, но на этот раз наш, отечественный. Короче говоря, эти палеолитические азиаты страшно надрачивают на всякий мистицизм и требуют, чтобы покорность вступающего на трон правителя непременно подтверждалась принесением в жертву самого ценного, чем располагает его народ. И поэтому каждый раз встает насущный вопрос: а что у нас самое ценное? Часто удавалось убедить проклятых чукчей, что это какая-нибудь ерунда, вроде огромного алмаза из короны, но несколько раз пришлось жертвовать, например, Украиной – и это действительно оказывалось самым важным для России. Правда, как ты понимаешь, потом под шумок возвращали всё на место, но в результате у них там до сих пор такой пиздец творится… В общем, каждый раз проблему с жертвой решали индивидуально, и часто эта жертва оказывалась действительно настолько серьезной, что угрожала существованию самого государства. И вот в двадцатых годах прошлого века случилась огромная удача, и Россия решила этот вопрос раз и навсегда. Специальная комиссия Наркомата внутренних дел РСФСР, созданная для поиска кандидата на роль жертвы ещё Лениным, в одном из вологодских монастырей наткнулась на мохнатую легенду, происходящую чуть ли не от языческих славян. Согласно ей, Русь и её жители существуют только до тех пор, пока жива их надежда – причем не как некая абстрактная эмоция, а как персонифицированное метафизическое существо, имеющее образ прекрасной царевны, и самим своим присутствием пробуждающее волю к жизни у русских. То есть выходило, что русская надежда – это как раз самое ценное, что только может у нас быть, без неё загнёмся на фиг. Чукчам предъявили эту байку, не особо рассчитывая на положительный результат – сами-то в нее, конечно, не верили, народ тогда был прагматичный, – но те неожиданно проявили культурный интерес и согласились принять именно такую жертву. С тех пор всё пошло как по маслу – находят очередную Надежду, внешне подходящую, везут её на Чукотку, чикают там по-быстрому, и дело в шляпе. Хотя и не всегда по-быстрому, от конкретных обстоятельств зависит – вот у самого Ильича, да и у Усатого, например, их Надежды ещё несколько лет протянули, так договорились. Понял теперь?

– Всё вы врете, – похолодел я.

– Как бы не так! Сам охренел, когда узнал. Да, такие вот

прогрессивные нравы в просвещенном двадцать первом веке… Но ты не отчаивайся. Я же умный и не зря тебя туда послал. Нормально сработаешь – останется жива твоя Надежда, и надежда всея Руси тоже уцелеет, хе-хе.

– Тогда объясните толком, наконец, что нужно делать?

– Значит так. Нынешний дед всех достал, как репей под хвостом. Засиделся он, заигрался. Очень большие люди хотят совершить, так сказать, импичмент. Сейчас самое лучшее время, чтобы это сделать – достаточно, чтобы валенки-чукчи не приняли жертву, и президенту хана. Я тебе только в общих чертах всё рассказал, на самом деле церемониал очень сложный, и в нем задействовано много людей, а в наши дни, в связи с успехами научно-технического прогресса, – ещё и оборудования. Блок управления, который ты везешь – это компонент некоего устройства, которым по ходу сценария потребуется воспользоваться президентской команде. Они его ждут и будут тебя сильно благодарить за то, что ты его доставил прямо к порогу. Штука в том, что блок подменный – настоящий везет сейчас совсем другой человек и другим маршрутом и, будь уверен, он не доберется до места. В критический момент устройство не сработает, и всё будет кончено. Любое нарушение в ходе ритуала превратит мистическую Надежду в самую обычную девку. Возьмешь её за руку и отправишься домой. Доступно?

– Не очень. Я так и не понял, что сделать-то?

– Да ничего делать не надо! Ты не должен разбираться в тонкостях и деталях. Отдай блок техникам, и они своими руками подложат эту мину под тощую задницу нашего гаранта. Капишь[3]?

Я промолчал, ошеломленный абсурдной дикостью картины, открывшейся моему знанию. Я был лучшего мнения об окружавшей меня действительности. Конечно, я догадывался о том, что тот трансцендентный мир, в котором происходит неприглядное и недосягаемое простым смертным копошение сильных мира сего, подчиняется каким-то своим, людоедским законам; но настолько неприкрытого пещерного идиотизма не ожидал никак.

– Все, дружище, хорош пиздуна гонять, – капризно протянул Игорь Иванович, – ко мне тут подруга пришла, смотрит на меня тоскливыми глазами и желает, чтобы я завязывал с откровениями и скорее на клык ей кинул. Что, не так, милая? Хе-хе-хе. Ещё вопросы будут?

– Вы с самого начала все это знали? Куда её везут?

– Скажем так, я догадывался, – голос собеседника вновь взял серьезный тон. – Но был непонятен маршрут. Они выехали слишком рано, я не понимал, как они будут двигаться и где их

лучше перехватить. Все стало ясно только сейчас. Завтра к вечеру они будут в Гудыме. Кто же знал, что президент, мать его за ногу, из всех возможных способов выберет именно этот летучий матрац…

– Какой матрац? – не понял я.

– Завтра узнаешь сам. Все, отбой…

Трубка печально пискнула и умолкла. Вот и поговорили.

Я был подавлен разговором, но попытался всё же отыскать в услышанном хоть какую-то рациональную сторону – отбросив прочь всё мистическое, этнографическое и просто дурацкое. Вот, что получалось в сухом остатке: Наде, безусловно, угрожает смертельный риск – это было понятно с самого начала, но теперь опасность происходящего просто истерически вопила о себе (даже если считать, что мой наниматель безбожно завирается). Как минимум, Надежду следует предупредить – но как? Второе: как бы оптимистично не был настроен чёртов Игорь Иванович, полагаться на железку, которую я таскал с собой, было глупо: среди подручных маньяка-президента наверняка достаточно специалистов, чтобы в нужный момент исправить ситуацию. Значит, нужно всеми силами постараться проникнуть внутрь этого Гудыма и вызволить Надю своими силами. Лично морду ему разобью – злобно подумал я, вообразив во всех деталях физиономию почтенного Владимира Владимировича – но это, конечно, был всего лишь приступ ребяческого шапкозакидательства. Нужен был план, и с этим было туго – что ждало меня впереди, я представлял более чем смутно. Всё, что мне оставалось сейчас – это положиться на удачу и по прибытии на место держать ухо востро. А теперь… что ж, следовало воспользоваться простодушной максимой о том, что утро вечера мудренее и попытаться поспать, как бы ни было тревожно на душе.

Обстановка располагала. Самолет застыл в ночном небе, как гигантский комар в темном янтаре. Разумом я понимал, что он несётся с бешенной скоростью, ежесекундно пожирая километры пространства; но в кабине было так спокойно, что казалось, мы стоим на месте, терпеливо пережидая, пока Земля неспешно провернется под нами с запада на восток. Надя (рыжая Надя, находящаяся вместе со мной, а не та, что стенала сейчас в застенках президентских палачей) безмятежно дрыхла, так и не сняв шлема – через лежавшие на моих коленях наушники я слышал ровное посапывание её дыхания. А что же мне делать с ней? – подумал я и прикрыл глаза. Не могу сказать, что все представившиеся мне варианты ответа на этот вопрос были слишком уж целомудренными…

Проснулся я от тычков Надиного кулачка в плечо. Она явно была встревожена и горячо жестикулировала, но блестящее стекло шлема, по-прежнему закрывавшего её лицо, не пропускало ни звука. Я оглянулся: ночь закончилась, и в лицо был ярко-красный свет поднимающегося рассветного светила. Посмотрев вбок, я обнаружил, что облачность тоже исчезла, и где-то далеко внизу неторопливо проплывали черно-белые пятна земной поверхности. Шлемофон на моих коленях настойчиво попискивал неразборчивыми словами и, успокаивающе кивнув девушке, я поспешил надеть его на голову. Ровный голос без выражения повторял, как заведённый:

– Неопознанный борт, двигающийся по направлению Певек-Анадырь. Отзовитесь. Неопознанный борт, двигающийся по направлению Певек-Анадырь. Прошу связи.

– Это нас! – прошипела Надя в наушники. – Сделай что-нибудь сейчас же!

– Неопознанный борт, двигающийся по направлению Певек-Анадырь. Прекратите личные переговоры. Ответьте на позывной.

– Алё, – неуверенно сказал я. – Диспетчер? Вы нас вызываете?

Голос помолчал.

– Неопознанный борт, вы приближаетесь к закрытой зоне. Ваш сертификат опознания просрочен. Немедленно измените курс к югу на тридцать градусов.

– Я пассажир… Самолет не управляется. Движется сам. Я не могу изменить курс!

– Неопознанный борт, передайте связь пилоту.

– Здесь нет пилота, я… мы одни. Летим из Норильска в Гудым. У нас груз для…

– Вам запрещен вход в закрытую зону. Смените курс или будут предприняты необходимые меры.

– Да как вы не понимаете! Я не лётчик, я не могу свернуть, не умею! – попытался объяснить я.

– Вас понял, – ответил диспетчер и замолк.

Несколько минут прошли в напряженной тишине. Но всё по-прежнему было тихо: самолёт, не сворачивая, продолжал свой курс, связь безмолвствовала. По моим расчетам, лететь оставалось не более получаса.

– А если… – начала Надя.

И тут машина совершила безумный кивок носом вперед: меня бросило на ремни, горизонт рванулся куда-то вверх, а спереди неопрятным пузырем вздулось черное облако разрыва. Индикаторы на панели управления отчаянно замигали. Самолет сильно тряхнуло, Надя заорала от страха и тут же замолчала, нелепо прижав руки к тому месту на шлеме, где должен

располагаться рот. Казалось, пронесло: совершив долгую пологую петлю и снизившись на несколько тысяч метров, мы выровнялись и продолжили движение, но теперь оно было не таким ровным, как на высоте – корпус машины вибрировал, а нос едва заметно рыскал из стороны в сторону. Промелькнул еще десяток секунд, и нас, уже слегка успокоившихся, внезапно накрыло второй волной атаки. Взрыва на этот раз я не видел – бронированный колпак прозрачного фонаря разлетелся пылью осколков, как ёлочная игрушка, попавшая под паровой молот, неистовый ветер швырнул мою голову назад, а небо и земля перед нами закрутились в единую тошнотворную спираль. В ушах вновь раздался истошный взвизг девушки, заглушенный резким, как выстрел, звоном – и через мгновение я понял, что вокруг сплошная пустота, кабина куда-то исчезла; сам я вместе с креслом болтаюсь в воздухе, подвешенный за стропы к парашюту, а земля приближается, и довольно быстро. Где-то далеко сбоку чернела точка Надиного кресла под таким же, как у меня, куполом, её голоса в своем шлеме я больше не слышал. У меня болела шея, спина, глаза, заложило уши, а желудок выворачивало наизнанку, но видимо, я всё же был цел – снаряд, попавший в наш самолет, не причинил мне непосредственного вреда. Теперь надо было постараться приземлиться, не переломав кости – и это казалось мне явной проблемой, слишком уж быстро я падал, несмотря на раскрытый парашют. До столкновения оставались считанные метры, я сжался и стиснул зубы, стараясь максимально сгруппироваться. Но в тот самый момент, когда я уже ожидал удара и боли от страшного падения, подо мной словно бы взорвался воздух: спасительное кресло выбросило вниз и вбок широкие надувные маты, смягчившие приземление настолько, что я отделался всего лишь нервным испуганным смехом. С трудом мне удалось оглядеться: обломки самолета догорали где-то у горизонта, устремляя к солнцу густые клубы дыма, а кресло с прицепленной Надей рухнуло совсем рядом, подняв в воздух снежное облако. Я, путаясь в ремнях и матерясь вполголоса, отстегнулся, сполз на землю, и побежал в ее сторону. Ругнулся погромче и вернулся к месту приземления: надо было забрать кейс. К счастью, он оказался там же, где я его оставил – за креслом. Тело моё вроде бы вело себя послушно, но вот ноги все время стремились запутаться и зацепиться одна за другую: вероятно, я получил что-то вроде контузии. Надя же и вовсе была без сознания: когда я стащил и отбросил в сторону растрескавшийся шлем, то увидел бледное безжизненное лицо с приоткрытым ртом и зажмуренными глазами. Но она дышала и крови нигде не было видно – так что я решил, что особой опасности для жизни нет.

Расстегнув ремни, я осторожно положил девушку на сложенную ткань парашюта.

Теперь надо было понять, как выбираться отсюда. Нечего было и думать о том, чтобы идти пешком – снег не был особенно глубоким, но с той слабостью, которую я испытывал, и с бессильной Надей на руках пройти несколько десятков, а может быть и сотен километров, отделяющих нас от цивилизации, было нереально – при том, что я даже не представлял в какой стороне находится эта цивилизация. Разумным решением было оставаться на месте и ждать спасения, но помощь, подумал я, можно поторопить. Достал из кармана телефон и, второй уже раз за сутки, вызвал Игоря Ивановича.

– Опять ты, – проворчал он недовольно. – Дай отдохнуть по-человечески, а?

– Нас сбили. Мы в тундре, одни. Где точно, не знаю. Нужна помощь.

– Прибор цел? – озабоченно поинтересовался он.

– Не знаю. Снаружи вроде в порядке.

– А ну пошла вот отсюда! – заорал Игорь Иванович кому-то у себя. – Это не тебе. Ну и что, какие соображения?

– Никаких. Пришлите какой-нибудь вертолёт, чтобы нас забрали.

– Пф-ф-ф, ну ты сказал. Что у меня – вертолётный завод, что ли? Нет там поблизости ничего. Выкручивайся сам…

– Ну и конец тогда всему, и вашему плану тоже.

– Напугал ежа голым задом… Ладно, сделаем так. Я сейчас переключу твое устройство связи на оператора. Он сможет соединить тебя с обычной телефонной сетью. Скажешь ему, чтобы вызвал местное МЧС – есть же у этих чукчей какие-то спасатели… Ты говоришь, своих координат не знаешь? Не страшно, если вы были на самолете, то после аварии включается маяк. Скажи, пусть идут по маяку. Всё ясно?

– Попробую.

– Давай. Переключаю…

Трубка замолчала, и я вновь нажал кнопку соединения. Ответил незнакомый голос:

– Оператор семнадцать. Назовите абонента.

– Служба спасения, Анадырь… Номера не знаю.

– Перевожу вызов.

Меня переключили. Там внимательно и без всяких эмоций выслушали моё взволнованное сообщение и предложили оставаться на месте. Сказали, что крушение уже зафиксировано, и подмога отправлена на сигнал бедствия. Это было настолько просто, что я изумленно покрутил головой, закончив разговор.

И тут мне пришла в голову безумная мысль – а что, если?..

29 марта

Утро началось со странного и пугающего происшествия, о котором я хочу рассказать тебе, Дневник.

Если быть точной, то утро началось с нашего прибытия в Гудым, что тоже особо приятным не назовешь. Это даже не город, а просто база, затерянная в оврагах и мерзлых болотах самого недоступного краешка страны. С высоты выглядит интересно и даже красиво – сверкающая конструкция с футуристическими очертаниями пятилучевой звезды. Она представилась мне огромным кораблем космических пришельцев, зачем-то обосновавшихся в этой унылой каменистой местности. Но это оказался муляж, очередная маска-сооружение, по терминологии нашего Саши – внутри пустотелого металлического купола оказалось совершенно безлюдно, темно и холодно. Вся настоящая жизнь тут кипит глубоко в недрах земли, изрезанных бетонными норами – и всё подчинено сугубой утилитарности и пропитано скучной солдатской атмосферой. Нет ни малейшего намека на уютную роскошь, которая так радовала меня во время предыдущих остановок. Бедный Саша сбился с ног, выискивая по всему серому гудымскому подземелью хоть какие-нибудь милые безделушки и стараясь придать отведенной мне комнате подобие жилого вида.

Мы прибыли не одни – с каждым часом нас становится всё больше. Что-то задумал мой В.В., что-то грандиозное и величественное. Неужели он действительно хочет настолько триумфально и громко совершить наше венчание?

(Я догадалась, что это будет именно венчание, а не гражданский брак, потому что видела, как на маленьком юрком самолётике прилетел сам Патриарх со служками – надо же! Ещё одно доказательство того, что мы с моим Любимым мыслим в унисон – конечно, с ним я была бы согласна хоть на задрипанный анадырский ЗАГС, но в своих отроческих мечтах всегда представляла именно красивейший церемониал православного христова таинства).

Некоторое время я торчала наверху, на ветру и морозе, наблюдая, как с ревом приземляются на летное поле бегемотьи туши транспортов, как сходят на землю, сотрясая аппарели, тяжелые ракетные тягачи, а вдоль полосатой от грязи туши нашего воздушного Левиафана маршируют коробки бравых десантников в зимней форме. Это прибывали войска генерала Романопоклонского – того, с кем я познакомилась в Норильске, и конца-края им не было видно. Наконец, я замерзла, мне наскучило смотреть на садившиеся нескончаемой чередой самолёты (для

скорости они приземлялись парами, одновременно – никогда раньше не знала, что так можно), и я отправилась к себе. Всем было в этой суете немного не до меня – офицеры и чиновники бегали вокруг как ошпаренные, лишь отдавая мне честь или демонстрируя вежливый кивок, – и я была вынуждена искать дорогу самостоятельно. Благо, до этого я уже проделала путь вниз и обратно наверх – вернулась за забытой на борту дирижабля косметичкой, да и осталась на поверхности, засмотревшись на нежданный парад. После долгого ожидания в лифте я приехала на нужный этаж, и через нескончаемый коридор жухло-голубого цвета прошла в свою комнату. Благодетель Саша уже расстарался, наводя уют – и в моем жилище стало, слава Богу, не так тоскливо. Я прилегла было отдохнуть, но тут-то и случилось то событие, с упоминания которого я начала сегодняшнюю запись.

Запищал телефон – да, тот самый, для секретной связи. Я безмятежно ткнула кнопку – наконец-то про меня вспомнили!

“Надя, Надя!” – встревожено прохрипела трубка. У этого телефона звук всегда такой паршивый, что голос не узнать – но кто мне мог звонить, кроме В.В.? И поэтому я спокойно ответила:

“Да, Любимый, слушаю тебя. Где ты, мне тут одной скучно…”

Трубка помолчала, а потом разразилась потоком новых слов – и вот тут мне уже стало не по себе:

“Надюха, ты что, белены объелась? Какой любимый?! Это я, Максим! Максим!”

О, Боже… Как он меня нашел? Зачем? Что случилось? Я выкрикнула в волнении:

“Максим, тебе нельзя сюда звонить! Это закрытая связь, тебя накажут!”

“Надя, послушай меня, тебе угрожает страшная опасность! Тебя хотят убить! Беги оттуда, Надя!”

“Макс, – строго сказала я. – Ты что, пьян?”.

Он не слышал меня и продолжал надрываться:

“Тебя принесут в жертву как надежду России! Президент! Чукчи! Они так делают ещё со Сталина! Беги!…”

Нет, похоже не пьян, а что похуже. Я решительно остановила его:

“Максим, хватит пороть чушь! Никуда я не побегу”.

Наконец-то он замолк – я слышала только отголоски его частого дыхания. Собравшись с духом, я печально продолжила:

“Я выхожу замуж, Макс. У меня завтра свадьба”.

Шум дыхания прервался, в трубке воцарилось ошеломленное молчание. Бедный, он расстроился! Я зачастила, стараясь его утешить:

“Макс, пожалуйста, пойми меня! Он самый лучший человек на

свете… Нет, ты тоже хороший, но я люблю его, понимаешь? Я вас с ним познакомлю – прямо завтра, сам увидишь, какой он, ты ведь тоже здесь будешь в гостях, да? Насчет подарка не заморачивайся – я просто безумно буду рада тебя видеть, это будет лучший мне подарок…"

Кошмар, что я несла. Всё-таки хорошо, что он смог мне позвонить – намного проще объясняться так, издалёка, чем глаза в глаза. До завтра он со всем свыкнется, и можно будет просто говорить обо всём легко, как встарь, с моим лучшим другом – так ведь? Макс, похоже, уже пришел в себя, но явно обиделся и вздумал, представь себе, угрожать:

"Надя, – ровным бездушным тоном сказал он, – я рад за тебя, но учти – это всё подлый обман. Никакой свадьбы не будет, точно говорю. Ты в беде…"

Тут в дверь настойчиво постучали, и я тут же нажала отбой и спрятала телефон под подушку. Вот же сумасшедший!

Вошел В.В. В руках он держал большую картонную коробку, перевязанную лиловой лентой с бантами. Оглядевшись по сторонам, он спросил:

"Ты одна? Надо было прислать Антошу или Митюшу, чтобы развлекли тебя, пока мы не закончим с делами. Всё равно бездельничают, поросята…"

"Нет-нет, – поспешно ответила я. – Я просто решила прилечь, передохнуть до обеда".

Дневник, я не стала ему ничего говорить про разговор с Максом. Он бы просто меня засмеял. Какая опасность, какие угрозы? Кому я нужна? Если тут и есть что-то опасное, то для самого Макса – его наверняка по головке не погладят за то, что влез, как пират, на правительственный канал. Ох, будем надеяться, что никто ничего не узнает.

"Вот твой венчальный наряд" – В.В. положил подарочную коробку рядом со мной, а сам уселся на стул напротив. – "Хочешь примерить?"

"Конечно, хочу!" – обрадовалась я. Я азартно разобрала коробку и погрузилась в содержимое. Сверху лежала простая, совсем незамысловатая диадема – я аккуратно взяла её и повесила на уголок большого, в полстены зеркала (одна из немногих приятных деталей местного интерьера). Затем извлекла на свет ворох струящейся белой материи и вопросительно взглянула на В.В. Он кивнул:

"Действуй, не обращай на меня внимания".

Я заколебалась:

"Но ведь жених не должен видеть невесту в свадебном обличье заранее. Плохая примета, вы слышали об этом?"

“Ерунда, – улыбнулся он. – Знаешь, свадьба – это довольно нудное мероприятие. Друг на друга совершенно нет времени, всё внимание – гостям, а гостей у нас будет много… Можешь быть совершенно уверена, что у нас не будет ни минутки, чтобы остаться наедине и полюбоваться друг другом. Поэтому хочу здесь, в тишине, сполна насладиться твоей красотой”.

Но я сомневалась. Мне пришло в голову, что придётся раздеться перед ним, потому что в моих «апартаментах» всего одна комната – не будешь же прятаться в туалете, как маленькая? А раздеваться… ну, понимаешь, дневник, мне не хотелось и было страшно. Он ведь раньше и не видел меня толком без всего – всё происходило в темноте, либо вообще в одежде, как тогда, перед камином. А я говорила тебе, что немного стесняюсь своего тела, ну, то есть, мне было бы некомфортно, если бы он стал его разглядывать и пришел к выводу о том, что я недостаточно для него изящна. Пока я судорожно размышляла, как бы мне избежать такой незавидной участи, он, кажется, всё понял, но не стал – вот хороший! – меня уговаривать, а просто сказал спокойно и уверенно:

“Ты самая красивая. И в этом платье ты станешь ещё краше. Ты должна посмотреть на это сама, и тогда ты согласишься со мной. Не бойся, никто не станет подглядывать… если ты сама не захочешь”.

Удивительно, но эта фраза слегка задела меня. Как это – он не будет подглядывать? Ему что, не интересно? Вот уж нет, пусть все видит и сам решает – нравлюсь я ему или нет!

“Нет, смотрите, – голос мой немного дрогнул, но я уже взяла себя в руки, – я хочу, чтобы вы всё видели. Всё до конца”.

Я встала перед ним и, зажмурившись, потянула вверх кофту. Торопясь, запуталась в рукавах, больно потянула волосы, но всё же освободилась и так же, боясь раскрыть глаза, бросила одежду на пол. Поколебавшись, завела руки за спину и расстегнула застежку лифа. Бретельки свободно повисли, щекоча мне кожу, и, помедлив ещё мгновение, я неловко повела плечами и скинула бюстгальтер вслед за кофтой. Теперь я была обнажена по пояс, и оставалось самое трудное, почти невозможное – спустить вниз юбку и остаться полностью голой. Это можно было сделать одним движением, захватив заодно и трусики, чтобы не снимать их отдельно – я делала это прежде тысячи раз, перед тем как лечь в кровать, но простенькое действие никак не давалось мне – я нерешительно взялась за резинку на талии, да так и застыла, не в силах продолжить.

Прошло с полминуты, и раздался Его голос:

“Открой глаза. Кажется, нужно тебе помочь”.

Я послушалась, но, встретившись с его невозмутимым взглядом, тут же, как маленькая, закрыла женское ладонями. Однако он был настолько спокоен, что его уверенность – нет, безмятежность – передались мне, нервозность утихла, и руки, повинуясь исходящему от него безмолвному приказу, безропотно опустились вдоль боков. Теперь я просто неподвижно стояла – будь что будет, и ждала, даже не пытаясь догадываться, что же случиться дальше.

В.В. благодарно кивнул, ценя мою послушность; он неторопливо встал на одно колено, и его сильные прохладные пальцы оказались там же, где еще минуту назад были мои – под широким поясом юбки. Он бережно потянул её вниз, ниже и ниже, пока она не оказалась прижата его руками к самому полу. Ему пришлось для этого наклониться ещё сильнее вперёд, и его лицо вдруг оказалось прямо перед моими бедрами. Было видно, что его это взволновало: он глубоко вздохнул, потом ещё раз, и смущенно взглянул на меня снизу вверх. Потом он так же аккуратно взялся за колготки, опустив их до самых ступней – я переступила уже босыми ногами, и отшвырнула их подальше поскорее, чтобы он не заметил дырку на пятке, о которой я помнила ещё с самого начала раздевания. Не вставая, мой мучитель (а как его назвать после всего происходящего?) вновь глубоко вдохнул воздух, и взялся за бельё. Я была ни жива ни мертва, и больше не могла на это смотреть – отвернулась к зеркалу и безучастно – словно это происходило с другой, наблюдала, как он снимает с меня последнюю защиту, оставляя полностью нагой.

“Господи, неужели я вам нравлюсь такой?!” – в отчаянии воскликнула я, обращаясь к его отражению в зеркале. Никогда раньше я не жаловалась на свое тело, но сейчас, будучи так бесцеремонно и насильно обнаженным, оно неожиданно вызывало у меня отвращение: передо мной красовалась нескладная рослая деваха с комично напуганным, краснощёким лицом, такой же пунцовой от смущения шеей и угловатыми плечами. Её – мой! – угрожающих размеров бюст двумя мясистыми грушами нависал над мягким животом, а вызывающе оттопыренный зад бесстыдно возвышался над мощными ляжками. Да уж, не художественная и не гимнастка – скорее откормленная цирковая силачка вроде мультяшной кобылы Анжелы, отплясывающей лихие фуэте на здоровенных ножищах, – короче, моя ненавистная фигура оказалась вдруг откровенно, кричаще непристойной. Это было ужасно, Дневник, хотя сейчас я думаю, что слишком придирчива к моему бедному отражению. Просто хотелось быть для Него не грубой бабищей, а женственной, нежной девушкой… Он, конечно, принялся меня разубеждать:

“Даже не сомневайся. Да ты посмотри сама повнимательнее!”

Он встал и, сделав шаг назад, вернулся в кресло. И тут произошло непонятное – мой взгляд самопроизвольно вильнул вбок, комната качнулась, а потом всё вернулось на место, и я снова видела себя – но как-то странно, с необычного ракурса. С замиранием сердца я поняла, что передо мной уже не отражение, а я сама, повернувшая голову вбок и уткнувшаяся в зеркало. Я видела себя Его глазами!!! Я, которая стояла передо мной (как странно, Дневник!), тоже осознав происходящее, побледнела, и встревоженно, по-птичьи, задёргала головой.

“Успокойся” – раздался голос Владимира Владимировича прямо у меня в ушах. – “Просто хочу показать тебе, до чего же ты красива. Встань ровно и не крутись”.

Это подействовало: моё тело напротив выпрямилось и расслабилось, отрешённо отвернув лицо в сторону. Восприятие поменялось снова – теперь оно неторопливо следовало сверху вниз по обнаженному силуэту, повинуясь Его подсказкам. Я словно бы участвовала в бессловесной экскурсии по собственной фигуре, сопровождаемая безмолвными интонациями настроения того, кто владел сейчас моим сознанием – и его эмоции не оставляли сомнений в том, что для Него я достаточно хороша. Лучше, чем кто бы то ни было!

Ему никогда не нравились точёные, высушенные диетами и деньгами типовые красотки, в изобилии наполнявшие его жизнь краткими иллюзорными знакомствами. Он всегда ценил в женщине силу, стать и здоровье, и только их расценивал как истинную красоту. Он был рад, что судьба, наконец, свела его со мной – и не притворялся, делая комплименты моей внешности и поведению – да, с удивлением узнала я, этот человек действительно отождествлял меня с той воображаемой Россией, которую он так любил, он безоглядно верил, что я – это она, спустившаяся к нему с небес на землю, и в тот короткий миг я сама поверила в это.

Вот он указал мне взглядом на высокую шею, скользнул по трогательным ключицам, и надолго задержался у плотных, тяжелых грудей, увенчанных трогательными карминовыми ареолами. С удовольствием прошелся по крепкой талии, отметил легкую округлую линию живота, помедлил перед целомудренным светлым треугольником между широкими бедрами, и по нескончаемо длинной траектории, не спеша, спустился по белоснежной полноте ног – завершив свой путь на упруго налитых икрах. Теперь я видела – знала, что вся я – от кончиков волос до пальцев на ступнях, вызываю его одобрение, нужна ему, идеальна подхожу его желаниям – а всё остальное не имело значения. И ещё я заметила, что к концу этого анатомического путешествия края

моего зрения (то есть нашего общего зрения) стали мерцать уже знакомым мне голубым светом – и как только это произошло, сознание, перепрыгнув, вновь вернулось в мое полное распоряжение. Знаешь, в этот момент я испытала приступ невыносимого одиночества – к счастью, короткий.

Моих сил хватило только громко вздохнуть и мешком свалиться на кровать. Абсолютно голая, но уже не делающая жалких попыток прикрыться, я ошеломленно спросила:

“Что это было?”

“ОНФ, – ответил он, – точнее, одна из его функций. Передатчик вмонтирован в твой головной убор, – он кивнул на диадему, висящую на зеркале, – а твоя голова оказалась близко к нему. Прекрасный шанс показать тебе всё”.

Я не рассердилась за то, что он сделал это без спроса – ведь как иначе я смогла понять, что действительно красива? Мне в голову лезли совсем другие, неуместно игривые мысли.

“Так что же, – задумчиво произнесла я, – если этот ваш ОНФ включить, когда мы… ну, то есть, когда вы меня… в смысле, я тоже всё почувствую и увижу от вашего лица?”

“Надо же, какая ты затейница, – усмехнулся В.В., – но мне нравится направление твоих мыслей. А теперь давай начнём примерку. У меня не такая железная выдержка, как это принято считать, и если ты не оденешься, то наша брачная ночь может незапланированно начаться прямо сейчас”.

Я, наверное, была бы и не против, дневник (в конце концов, ну их, эти условности! – так хочется поскорее узнать все самой), но не осмелилась ослушаться.

Сначала платье разочаровало меня – простое, легкое, свободное, совсем не праздничное – только на закрытой груди перламутровая вышивка. Хорошо хоть плечи догадались открыть, а то совсем на ночную рубашку было бы похоже. Я слегка скривилась (так, чтобы он заметил), но потом, понукаемая нетерпеливым взглядом В.В., всё же натянула его через голову и с недоверием уставилась на свое отражение. Оказалось, всё не так плохо, Дневник. И чем дальше я смотрела, тем больше убеждалась, что не просто неплохо – нет, все было СУПЕР! Наряд был подобран с удивительным вкусом. Видно было, что его готовили только для меня, учитывая все особенности – и пропорции, и длину волос, и цвет глаз, и даже оттенок кожи. Вышло совершенно потрясающе – само платье абсолютно не бросалось в глаза, но оно как будто выпускало наружу и усиливало мою собственную красоту и силу, которые только что продемонстрировал мне мой замечательный жених. Кроме того, когда я во всём разобралась, выяснилось, что сшито оно не из дешёвого хлопка, как мне показалось вначале, а из

тончайшей белой шерсти (ух, дорогущее, наверное), а скромная вышивка обернулась художественным орнаментом из жемчуга, брильянтов и серебряных нитей. В общем, прелесть, а не платье! Даже меня, не накрашенную, простоволосую, стоящую босиком на грубом полу, это одеяние делало сияющим неземным существом: женственным, но строгим; недоступным, но желанным – вроде волшебной эльфийской царицы, которую я видела в одном фильме. Однако В.В., хоть и смотрел с нескрываемым удовольствием на то, как я верчусь перед зеркалом, подыскал другое, на мой взгляд, странноватое, сравнение:

"Ты похожа на дитя цветов" – мечтательно улыбаясь, сказал он.

Я непонимающе нахмурила брови, и он, немного смутившись, пояснил:

"Не поверишь, но в школе мы все увлекались культурой хиппи – тогда это было модно. Земляничные поля и так далее. Смешно, все считали меня хулиганом и задирой… который тайком слушал The Velvet Underground – один друг дал переписать катушку, – и мечтал дать миру шанс. И вот сейчас ты – в точности как сказочный, небывалый, самый волшебный цветок". (Не уверена, но, кажется, это тоже какая-то кинематографическая цитата эпохи психоделики).

Ну, пусть: не богиня, так хиппи. Хоть горшком назови, как говорится, только чтобы ему нравилось…

Потом он сверился с часами и сказал:

"У нас есть немного свободного времени. Хочешь, посмотрим вместе местное хозяйство, покажу тебе зал, где завтра будет всё происходить?"

Еще бы не хотела! Я быстро переоделась в свое обычное (на этот раз безо всякого кокетства), взяла его под руку, и мы отправились в путь. Спустились на лифте на пару этажей и пошли по длинной-предлинной анфиладе одинаковых залов с голыми стенами. В.В. сказал, что весь комплекс строился «на вырост», и когда-нибудь здесь будет полно сотрудников и оснащения, а пока царит запустение и тишина. Всё равно, не очень приветливое местечко. Надеюсь, в будущем мне нечасто придётся тут бывать. В конце концов череда помещений закончилась, и мы оказались в широченном круглом зале. Помнишь, когда-то давно я писала о саде, разбитом Митей в старой подземной шахте? – так вот, тут было что-то похожее, только безо всякой зелени и больше в разы, нет, в РАЗЫ – и в ширину, и в высоту. Очень неуютно, знаешь ли, было ощущать себя крохотным человечком на дне этого огромного пузыря, сдавливаемого со всех сторон толщей чукотских пород. Но мой спутник сказал, что к завтрашнему дню тут всё украсят,

завезут всякую развлекательную аппаратуру, и будет светло и весело – мне понравится. Ну дай-то Бог.

В зале были люди. На обширном полу нижнего этажа копошились техники, а на широком бортике, вторым светом обводящим помещение, стояли трое и махали нам руками. Но В.В. не пошёл к ним, а сначала помог мне спуститься на дно бетонной чаши по лестнице (попутно утешив меня, что завтра она будет укрыта коврами), и подвёл к дальней стене. Там возвышались невообразимых размеров запертые ворота (он сказал, оттуда будет выезд процессии), а рядом, совсем невидимая на фоне всех остальных гигантских предметов в этом зале, притаилась небольшая прозрачная капсула – похоже, сделанная из настоящего горного хрусталя. Она мирно покоилась на пирамидальном постаменте из голубого мрамора и красиво поблескивала в свете прожекторов.

"Вот это, – объяснил В.В., откидывая тяжелую крышку капсулы, – твоё ложе, центральная часть всего сценария. Здесь ты ляжешь перед началом церемонии, побудешь тут несколько минут, а потом мой выход. Подхожу к тебе, открываю крышку, целую, как сказочную королевну – ну, а дальше сама поймешь. Не испугаешься?"

"Чего же?"

"Вот и умница. Там внутри вентиляция с кондиционированием, душно не будет. Пойдем теперь, познакомлю тебя с важными гостями".

Мы вернулись обратно – к тем троим, кого я заприметила наверху, а теперь смогла рассмотреть поближе. В первую очередь меня заинтересовал молодой парень с равнодушной, безжизненной скуластой физиономией – он был одет в совершенно неуместную здесь меховую шубу и такую же шапку (хотя, надо признать, в зале было прохладно, так что такой стиль одежды имел под собой некоторые основания). В одной руке он сжимал длинную палку, подозрительно похожую на копьё, а в другой – странно выглядящий на фоне остального одеяния богатый портфель кайманової кожи (кажется). Он не поздоровался и вообще не обратил на нас никакого внимания. Его взгляд был прикован ко второму участнику этой троицы – очень пожилому, тоже смуглому, но с весёлым, улыбчивым выражением на изрезанном морщинами лице. В отличие от своего молодого спутника старик был облачен в строгий дорогой костюм, а на галстуке сверкала изумрудная заколка. Я догадалась, что портфель тоже принадлежит ему, а парень – что-то типа референта или даже охранника. Третий персонаж был явный иностранец, тоже немолодой, седой, с ковбойскими висячими усами и тяжелыми роговыми очками.

“День добрый, господа, – поздоровался с ними В.В., – позвольте

представить вам Надежду Сергеевну Соловьёву, вы уже слышали о ней во время нашей предыдущей беседы".

Пожилые закивали, с интересом меня рассматривая. Господи, что он им наплёл-то?

"Надя, познакомься, – продолжал В.В., – вот это Ымрын Лелекаевич Гамалея, верховный председатель береговых лууравеглланов – по крайней мере, так можно перевести его титул".

Коричневый старик церемонно поклонился:

"Очень рад знакомству, уважаемая Надежда Сергеевна".

"Ну что вы, – смутилась я, – просто Надя, если можно".

"А это мистер Джон, – продолжил представление Владимир Владимирович, – он просит, чтобы в конспиративных целях его называли именно так. Он прилетел из Соединённых Штатов, чтобы подготовить завтрашний визит своего шефа".

Американец широко улыбнулся мне, но предпочел обратиться к В.В.:

"You're lucky guy, Vlad. My congratulations. He or she looks pretty cute and no doubt this is exactly what you need. But I heard you've got a backup option, yeah?".

В.В. довольно сердито зыркнул на него глазами. И впрямь оскорбительно: всего лишь pretty cute, надо же. Гомик он, что ли?

"Don't talk nonsense, John. She's my only princess" – поддержал меня В.В.

"Oh, come on, dude. She or he doesn't look too fucking smart to understand what we talk about…[4]" – продолжал кривляться противный Джон, и тогда В.В. уцепил его за усы (ну ладно, за плечо) и отвел в сторонку, где они принялись что-то обсуждать вполголоса.

Так получилось, что я осталась наедине с Ымрыном Лелекаевичем (ну и имечко, как я только умудрилась его запомнить с первого раза) – сопровождающий его истукан не в счет. Молчать было неловко, и, чтобы хоть что-то сказать, я произнесла:

"Мне рассказывали про ваш замечательный народ. Сказали, что вы по праву первородства утверждаете наших руководителей…"

"Увы, это действительно так, – развел руками старик, как бы извиняясь за важность своей персоны, – хотя, говоря между нами, всё это условности и пережитки далёкого прошлого. Но нам не хочется разрушать древнюю традицию хотя бы в силу её красоты. Праздник лишним не бывает, верно?"

"Да, я тоже люблю праздники", – вежливо ответила я. Почувствовав, что разговор заходит в тупик, мой собеседник свернул на другую тему:

“Россия – великая страна. Приписываемая нам эзотерическая роль забавна сама по себе, но я рад, что к нам, чукчам, относятся с почтением, и даже позволяют раз в несколько лет прицепить на грудь президенту именной значок. Это так трогательно. Но тем не менее, мне очень нравится, что я и мои друзья живём именно здесь, а не на какой-нибудь Аляске. А вы любите Россию?”

“Конечно. Как можно не любить часть себя?” – сморозила я. Старик рассмеялся:

“Да-да, Владимир Владимирович рассказывал, что у вас есть официальное звание Надежды России. Однако приятно, что вы так себя идентифицируете, это необычно и почетно для людей вашего возраста”.

“Нет-нет-нет! – похолодела я. – Вы не так меня поняли! Я вовсе не хвастаюсь и не задаюсь! Просто я хотела сказать – я всегда так говорю, что Россия – это и есть мы все, и я, и вы, а не просто кусок суши с границами. Тогда вопрос о любви к Родине проясняется сам собой”.

“Не переживайте, я отлично вас понял. Вы очень мужественная и самоотверженная женщина. (Что он, спрашивается, имел в виду? Тоже, что ли, посчитал мою внешность мужиковатой?) Я счастлив нашему знакомству. Однако, мне пора попрощаться с вами до завтра, а ваш друг уже ждет вас” – он кивнул на В.В. и обратился к телохранителю, сказав что-то вроде:

“Коля-на! Гым тыпэн’ъивэтгъэк ынкъам тырэйылк’ын’ыркын![5]”

Перед тем, как удалиться, он пожал руку В.В. и тихо сказал ему, поклонившись:

“Вы были правы, мой Президент. Она – идеальна”.

Подмигнул мне и ушёл. Сопровождавший его молодой чукча так и не издал ни звука – даже на прощание.

Собственно, на этом экскурсия закончилась. Меня В.В. отправил обедать, простившись до утра – и строго наказал, чтобы я не вздумала нервничать перед предстоящими событиями. После я немного повалялась, а потом прилежно уселась записывать события, как уже привыкла за эти дни. И вот, представляешь – снова вспомнила про разговор с Максом, расстроилась… Так и прошёл день.

А что я себя накручиваю? Ну, Макс. Ну, несёт ересь. Понимаешь, дневник, до сегодняшнего дня я, наверное, скорее бы поверила Максу, чем кому-либо другому. Но – ты ведь помнишь? – сегодня я смотрела на себя глазами Владимира Владимировича. А значит, я точно знаю, как дорога ему. Разве он может желать мне зла? Нет, всё это ерунда полная. Увижу завтра этого засранца Макса – всю душу из него вытрясу за то, что так разбередил меня.

Догадываюсь, что мое кислое настроение связано с другим. Вся моя сказочная, невозможная история превращения из студенческой Золушки в избранницу Президента – история последних четырех с половиной недель, каждый день которых был восхитительно волнительным, – неизбежно завершается. Развязка совсем близка, и, какой бы чудесной она ни была, радость новых открытий, невероятные приключения, счастье и муки первой любви – всё это уходит в прошлое, и как знать, будут ли в моей жизни ещё времена, настолько насыщенные событиями? Посмотрим…

Пришлось прерваться – заходил А.Э., был необычно обходителен и приветлив (не заболел ли?) Даже принес какого-то замечательного чаю, достоинства которого он нахваливал со старушечьей настойчивостью – до тех пор, пока я не выпила чуть ли ни весь чайник. Сказал, президент извиняется за то, что лично не может пожелать мне спокойной ночи. Ну ладно, переживем.

А.Э., лис такой (или, применительно к нашим северным реалиям, скорее, песец), прав. Надо ложиться спать, а то уже глаза слипаются. Утро вечера мудренее, правильно, Дневник? Столько дел будет – и прическа, и макияж, да что говорить, ты же Женский Дневник, и сам всё отлично себе представляешь. А.Э. сказал, что все мастера, кто для этого нужен, будут готовы с самого рассвета, так что лучше бы мне не разлёживаться. Надо же, завтра у меня свадьба. С Президентом Российской Федерации. Обалдеть не встать.

29 марта

Железная будка в кузове спасательной машины была жесткой и тряской. Меня то и дело подбрасывало на кочках под самый потолок и било о разнообразные острые углы, которые тут имелись в избытке. При каждом прыжке я старался удержать Надю на узкой медицинской лежанке и не дать ей свалиться на пол. Состояние у неё было так себе: она ненадолго пришла в сознание, пока её выковыривали из катапультного кресла и перекладывали на носилки, но после этого снова впала в забытье, и лишь иногда издавала невнятные жалобные звуки. Ребята-спасатели, сделав осмотр, авторитетно заявили, что тяжелых травм нет, и через несколько часов она должна отойти от шока. Это здорово меня успокоило, так что теперь я не особо волновался за состояние девушки. Нужно было приглядывать только, чтобы она не получила новых повреждений, вылетев с носилок на очередном ухабе.

Как мне объяснили, ехать было недалеко и недолго. Когда я объявил, что я офицер, направляющийся в Гудым, а падение самолёта произошло из-за чрезмерной ретивости местных вояк, к которым я не имею ни малейшего отношения, меня предложили довезти до базы вместе с раненной спутницей, а там разбираться самим – что вполне меня устраивало. Кейс по-прежнему был со мной, и я рассчитывал поскорее от него отделаться, отдав кому положено (хотя кому именно, я пока не представлял), а потом увезти с собой свою Надежду – просто взять за руку и утащить, невзирая ни на что. Не такие же они людоеды, чтобы насильно удерживать ни в чем не повинного человека – по крайней мере, хотелось в это верить. Правда, предстояло озаботиться судьбой и второй Нади – не бросать же её одну в логове врага, – но я предпочел решать проблемы по мере их поступления. Короче говоря, цена всем моим планам была дерьмо, но ничего другого, кроме как действовать по обстоятельствам, я придумать не мог.

– Макс! – позвала меня слабым голосом Надя. Очнулась, слава богу. Я наклонился к ее лицу: бледная, вялая, но в целом, в порядке – если судить по внешнему виду.

– Макс, у меня проблемы…

– Так и есть, – ответил я, – но, поверь, всё не так страшно.

– Нет, страшно… – прошептала она. – Я же преступница… диверсантка. Я думала, что подберусь к нему поближе… Но они, видишь, достали меня, и теперь я слишком больна, чтобы что-то сделать.

– Ты не бредишь? – заботливо поинтересовался я.

– Не надейся… Они схватят меня и сразу же отправят в утиль. Так что теперь вся надежда на тебя.

– Допустим, – рассеяно сказал я, – ты поспала бы лучше.

– Ты не веришь! Пойми, это единственный наш… твой шанс! Иди сюда ближе, чтобы никто не услышал… – она схватила меня рукой за шею и притянула к себе. Теперь, если бы нас кто-то видел, то, верно, решил бы, что мы целуемся. – Пусть я умру, но и он должен умереть! Все дело в этой штуке, – она поискала глазами кейс, нашла и удовлетворенно прикрыла веки. – Она убьет его, если ты всё сделаешь, как надо. Обещай мне, что ты всё сделаешь, как надо!

– Знаешь, – сказал я, вырываясь из ее слабых объятий – я думал, что тут только я один хреново разрабатываю планы. Но то, что говоришь ты, это полный бред. Прости, но я не намерен в этом участвовать. Я не хочу никого убивать. Сейчас мы с тобой приезжаем в Гудым, отдаем этот кусок железа, забираем мою Надю и быстро валим оттуда все вместе к чёртовой матери. Пусть дальше сами там трахаются друг с другом. Без нас. Ничего, ничего – прожили восемнадцать лет с этим президентом, и ещё столько же проживём, не помрём. А тебе заниматься всей этой ерундой я больше не позволю.

Надя смотрела на меня странным взглядом, в котором смешивались сомнение и презрение. Потом сказала еле слышно:

– Ну хорошо. Сваливаем так сваливаем, хер с тобой. Но тогда вот, – она залезла за пазуху и вытащила плотный конверт из коричневой бумаги. – Пусть это будет у тебя. Когда меня схватят, и ты увидишь, что я права, то прочтёшь. Может, тогда поймёшь, как оно всё на самом деле. Потому что меня оттуда уже больше не выпустят.

Она отвернулась к стенке и до самого конца дороги она не сказала больше ни слова. Ничего, пусть обижается. Я ещё сделаю из неё человека, – самоуверенно подумал я. Тоже мне – террористка с расстройствами сексуального поведения…

Ближайшее будущее показало, что человека, равно как и кого бы то ни было ещё, мне из Нади не удастся сделать никогда. Как только машина остановилась у тяжелых ворот секретной базы Гудым, нас разлучили – причем самым грубым, неприятным, и, что скрывать, совершенно неожиданным для меня образом. Встречать нас выбежала целая толпа солдат – и двое из них, не говоря ни слова, заломили девушке руки за спину и быстро поволокли прочь, оставив меня недоуменно смотреть им вслед. Надя успела вывернуть голову и прокричать: «Макс, не забывай меня!.. Да здравствует северное…», но тут ей от души влепили резиновой палкой по затылку, и она замолчала и обмякла, так,

что только ноги волочились по снегу. Такой она и осталась в моей памяти: тощая как палка, жалкая, в драной грязной одежде, с обвисшими конечностями и спутанными рыжими кудрями с кровавым пятном на макушке.

Я дернулся было за ней, но немедленно обнаружил, что в живот мне во множестве упираются автоматные стволы, а из-за них выглядывают свирепые уставные лица. Из-за спин солдат вышел важный офицер, насмешливо осмотрел меня и предостерегающе покрутил пальцем. Подождав и убедившись, что я успокоился и не предпринимаю попыток сопротивляться, он сообщил официальным тоном:

– Гражданин Борщёв Максим Анатольевич, вы подозреваетесь в государственной измене и подлежите аресту. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в течение трех суток вам будут предъявлены обвинения.

Он подумал и добавил уже обычным голосом:

– Но если будете рыпаться, то и трое суток не протянете, уверяю. Грохнут безо всяких обвинений. У нас тут официально зона че-эс на ближайшую неделю, так что особый режим. Короче, выкобениваться не рекомендую, поняли?

– У меня груз для президента, – мрачно сообщил я.

– Это я знаю, – хохотнул офицер, и отдал приказ солдатам: – Обыскать его!

Не церемонясь, меня тут же обшарили, стащив всю одежду прямо на морозе и неряшливо нахлобучив её обратно. Отняли кейс, отняли пистолет с обоймами, отняли телефон – и конверт от Нади тоже оказался в руках офицера. Тот осторожно осмотрел его, но вскрывать не стал, а аккуратно спрятал в планшет. Пистолет и прочее небрежно отбросил в сторону, а металлический ящик со снисходительной улыбкой вручил группе щуплых очкастых солдат, переминающихся с ноги на ногу неподалеку. Передачу товарно-материальных ценностей веселый офицер сопроводил словами: «Держите свой несчастный арифмометр, инноваторы херовы». После чего скомандовал конвою, чтобы меня увели.

Меня втащили за ворота, в которых ранее исчезла Надя, посадили в микроавтобус и долго везли кружной дорогой, огибающей аэродром и прилегающие строения. Потом машина и вовсе нырнула в темный тоннель, который, судя по постоянному наклону и поворотам, опускался серпантином всё ниже и ниже. В конце концов меня привезли в глубокое подземелье, проволокли по штольням, больше напоминающим обычные канцелярские коридоры, и втолкнули в камеру – или, скорее, кабинет для допросов, судя по голым стенам: в помещении отсутствовали

шконки и параша, а вместо них имелся стол и два стула, накрепко привинченные к полу друг напротив друга.

Здесь мне пришлось провести немалое время – часы отобрали, и отсчитывать минуты, проведенные в одиночестве, было сложно. Сначала я не слишком нервничал: в глубине души теплилась робкая надежда, что всё это окажется недоразумением, за которое будет нетрудно оправдаться. В самом деле, никакие мои «преступления», даже если их так назвать, не тянули на измену родине – ни в настоящей действительности, ни в воображаемой. Как бы я не отзывался порой уничижительно о государственном строе, в эпоху которого мне выпала доля существовать, но к самой своей стране я всегда относился хоть и без восторгов, но в целом благожелательно и даже с некоторым романтизмом. Ну что на меня могли повесить? Разве что взорванный сарай на заводе. Возможно, там погиб человек – но, право слово, он первый начал стрелять, и было его ничуточки ни жаль. Я горько усмехнулся: жалко, не жалко – это категории эмоциональные, а тут речь шла о юридическом признании события самообороной; в любом случае, все мои выходки формально находились в плоскости скорее криминальной, нежели политической. Была ещё Надя, которая, по собственному признанию, намеревалась укокошить президента – но, во-первых, она даже не предпринимала к этому никаких попыток, а только болтала языком, а во-вторых, я за Надю не ответчик. Как бы то ни было, мои (да и Надины) действия никакого вреда ни государству, ни кому-либо другому не нанесли (не считая разрушений на и без того потрепанном заводе в Мантурово), так что в теории можно было отбиться на условняк. Да и вообще, какого чёрта они держат меня взаперти без объяснения причин?

Невооруженным глазом была видна инфантильность и неуместность моих размышлений. Какие законы, объяснения, справедливость? Ещё в начале моего путешествия, после первого разговора с Игорем Ивановичем (который казался мне уже не таинственным заговорщиком, а старым, хоть и неприятным, знакомым), было ясно, что я выпал из законов повседневного мира – пусть несовершенного и не очень уютного, но со скудным набором общепризнанных правил игры. Нет, с тех пор и навсегда я был подчинен условиям мира нереального, порожденного большими деньгами и бескрайней властью – где происходящее настолько же оторвано от обычаев простой человеческой жизни, насколько и от привычной иллюзорной законности. Поиск любых рациональных причин и следствий здесь был попыткой выдать желаемое за непостижимое действительное. Но что мне оставалось делать, кроме как вхолостую предаваться

успокоительному самообману в комнате, сам вид которой будил тоскливые аллюзии на плохо отмытые допросные кабинеты из мифического тридцать седьмого года?

Полагаю, что именно на такую реакцию бесхитростно рассчитывали мои тюремщики. Чего проще – запихнуть человека в камеру, и оставить томиться в бездействии и безызвестности на несколько часов? Это дало результат: незаметно для себя я сполз с вершин наивного оптимизма в пучину тревожного отчаяния. Осознав, что стал жертвой примитивнейшего следовательского приема, я собрался, заткнул, насколько смог, глотку печальным внутренним реминисценциям, и даже несколько приободрился – на этот раз не без доли ухарского фатализма. Мне пришла в голову мысль, что события последних недель, несмотря на их картинный и даже нелепый драматизм, сами по себе стали для меня неплохим призом после скучных лет обыденной жизни – давно я не попадал в настолько волнующие и увлекательные переделки. Стоило надеяться, что и из нынешнего непростого положения удастся выкарабкаться с приемлемыми потерями – главное, смотреть в оба и не упустить свой шанс. А ещё неплохо было бы вытащить отсюда Надю… пусть только одну.

Вероятно, всё это время за мной наблюдали – и, обнаружив, что жертва перестала трястись и горестно вздыхать, решили более не терять времени. Стукнул засов в двери, заскрипели несмазанные петли, и в камеру вошел гость – один, без охраны и сопровождающих. Неторопливо проследовав к столу, он устроился напротив, будто бы не замечая меня, а затем надолго углубился в изучение бумаг, извлеченных им из кожаной папки.

Это был немолодой, но и совсем не старый человек в безупречном синем костюме и при галстуке в полоску. Лицо его было породистым, обрамленном рыжеватыми кудрями, но слегка лошадиным в профиль. Крупный, благородных форм нос болезненно морщился, пока его хозяин просматривал документы, – словно отказывался верить написанному и находил его если не отвратительным, то лживым; светлые прищуренные глаза сосредоточенно бегали по строчкам. Так прошло не менее десяти минут; я смирно молчал, ожидая инициативы от гостя. В конце концов, тому надоело ломать комедию. Он небрежно, сминая, запихнул стопку листов обратно в папку и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом. При этом он неодобрительно, еле двигая подбородком, покачивал головой – вероятно, размышляя, как же столь приятный молодой человек, как я, смог натворить такую прорву непоправимых глупостей. Я ждал, пока он вдоволь насмотрится на меня, по-прежнему не произнося ни слова.

– Мое имя Игорь Иванович, – наконец лениво разлепил сочные губы мужчина, – и, как нетрудно догадаться, мы с вами некоторое время знакомы.

Он внимательно и профессионально следил за моей реакцией. Я, как смог, постарался скрыть разочарование тем, что мой единственный, как ни крути, тайный союзник оказался во вражеском стане, – и постарался замаскировать его, как учили когда-то, показным удивлением:

– Вот как? Признаться, во время наших бесед я представлял вас совсем другим. Вы совсем не выглядите, как гнусный напыщенный мудак.

– Внешность обманчива, – согласился Игорь Иванович, демонстрируя тем самым похвальную самокритичность суждений. – Вам, безусловно, ясно, что раз мы с вами находимся в недвусмысленной позиции обвинителя и обвиняемого, то с самого начала события развивались не совсем так, как вы воображали?

– Куда уж яснее, – признал я. – Ваш электронный металлолом мог быть доставлен получателю тысячью других, более быстрых и безопасных способов, а я тут ни причём.

– Нет, – лицо моего интервьюера впервые посетило некое подобие улыбки, или, точнее, ухмылки, – вы даже не представляете, Максим Анатольевич, насколько вы тут причём.

Наступила очередная пауза, во время которой я вновь подвергся оценивающему разглядыванию от ушей до кистей рук, лежавших на столе. Несмотря на свою невозмутимость, мой собеседник явно испытывал затруднение – он не мог решить, в какую сторону повернуть разговор: должен ли я узнать что-то, по его мнению, важное, или стоило махнуть на меня рукой и оставить наедине с собственными проблемами, не вмешиваясь более в мою судьбу? Его лицо было бесстрастным, поза – безвольно-расслабленной, но живые, беспокойные глаза искали встречи с моими и, похоже, в них читалась что-то вроде… просьбы? Поняв, что его чересчур пристальное внимание раскрыто, он спрятал поблескивающий взор под веками и заговорил голосом ровным и скучным:

– Мои люди вели вас, Максим Анатольевич, от Лубянки и до самой этой камеры, не позволяя нигде сбиться ни на шаг. Мы знали всё, что с вами происходит, о чём и с кем вы говорите, а мои аналитики даже предполагали, о чём вы думаете – или, если уж быть совсем откровенным, подсовывали вам нужные мысли прямо в голову. Задачей, которую поставил мне Президент, было привести вас сюда в нужный срок, в нужной кондиции и качестве… Я вижу, вы не удивлены?

– Почему же, даже поражён. За каким… зачем я вам сдался?

– Скоро поймёте. Сначала вы радовали меня дисциплиной. Я даже надеялся, что наше совместной путешествие – ваше на этих безумных танках, моё – у экрана монитора, пройдет без сучка и задоринки. Я, знаете ли, кровно был в этом заинтересован, поскольку от того, доберетесь ли вы до места вовремя и в целости и сохранности, зависит моя позиция и карьерное будущее. Видите, я всё вам рассказываю, как есть.

– Ничего себе – без задоринки! Взорвали у вашего гаража в этом, как его… Ножинске? Потом в Мантурово стреляли на поражение, потом эти сумасшедшие полицейские на дороге… Я уж не говорю про генерала-эротомана с поехавшей крышей!..

– Да бросьте. Это всё был цирк, постановка – чтобы мотивировать вас действовать как следует, и убедить в серьезности положения. Всё это были мои люди, и никто из них даже серьезно не пострадал.

– И генерал? – скептически усмехнулся я.

– Вы о Романопоклонском? К сожалению, нет – он не мой подчиненный, а, скажем так, коллега. Конечно, он человек со странностями, это сложно отрицать, но имеет на них полное право – заслужил за годы безупречной работы… Я попросил его просто оставить вас в живых и дать самолет.

– И что дальше?

– А дальше вы стали меня расстраивать, Максим Анатольевич. Спутались с этой бесстыжей инсургенткой…

– А она что, не ваша?

– Была наша, а стала ничья. Эта дура затеяла свою игру, очень опасную, а вы ей с удовольствием помогали. Она ведь действительно собиралась убить Владимира Владимировича, и вы прекрасно об этом знаете. Пособничество терроризму налицо, Максим Анатольевич. Нехорошо, – он укоризненно покрутил пальцем перед своим выдающимся носом.

– Здоровы вы брехать, – не без восхищения заметил я. – Никому я не помогал, а просто вёз её в больницу. У нее была ранена, хм… спина. Сами же говорили, что всё видели и слышали – давайте, предъявите, каким это образом я записался ей в сообщники.

– Ну как же. Вот письмо, написанное её рукой, и найденное у вас. И смертельно опасное устройство, обнаруженное у вас же, – он залез в свою папку, выудил знакомый мне конверт и придвинул его по столу в мою сторону. – Посмотрите, не бойтесь. Ваши отпечатки и ДНК на нем и так уже есть.

– Как и ваши, – проворчал я и взял письмо.

Из разрезанного конверта выскользнул листок бумаги,

исписанный корявым почерком, а вслед за ним – маленькая плоская шайба, похожая на пуговицу с торчащей кнопкой. Это, что ли, смертельное орудие?

Развернув письмо, я прочел:

«Дорогой товарищ Максим! Я всё время тебе врала, прости. Я двойной агент – пыталась угодить и тем, и этим, и подхалимам президента, и подполью, и в результате запуталась настолько, что всем надоела, и меня решили прихлопнуть, как муху. В прошлый раз ты вытащил меня, но теперь я попалась без вариантов, и сейчас уже всё равно что мертва. Через час-полтора, когда мы приземлимся в Гудыме, меня сцапают навсегда, и больше мы не увидимся. Но я не обманула тебя в одном – я действительно всей душой ненавижу Президента и должна его уничтожить. Тогда, в Сосногорске, ты поклялся мне, что будешь помогать во всем. (Вот бабы, с искренним возмущением подумал я, вечно они всё перевирают в свою пользу! Точно помню, что обещал лишь защищать ее, а она, оказывается, поняла это по-своему). Настало тебе время принять знамя Северного сопротивления и стереть, наконец, эту гадину с лица земли. Это будет несложно, я всё хорошо подготовила. Мне точно известно, что завтра президент и его приспешники будут использовать блок, который я изготовила. Я знаю это, потому что видела дату в прошивке. Прибор нужен им для того, чтобы объединять несколько человеческих сознаний в одно. Я не знаю, как и зачем это делается, но знаю, что в этот момент они будут уязвимы, и их жизни будут зависеть от исправности этого устройства. Ты должен только нажать на кнопку передатчика, который я сделала (его я прилагаю к этому письму), и в этот момент они все немедленно погибнут. Вероятно, тебя схватят после этого, но ты не должен бояться – ты навсегда останешься народным героем и овеешь своё имя легендами. Надеюсь, ты не подведешь меня. Твой боевой друг Надя».

Заметив, что я закончил чтение этого трогательно-возмутительного документа, Игорь Иванович поинтересовался:

– Ну как вам послание от вашего боевого друга? Клятвы надо исполнять, не так ли?

– Ерунда, – огрызнулся я, начиная нервничать всерьез, – не было никаких клятв. Все она выдумала.

– Как же, как же… Я же говорил вам, что у нас все записано, нет смысла отпираться. Молчите? Ну так я вам скажу, что все это только вишенка на торте. Главное, на чем строится ваше обвинение, заключается в том, что с самого начала вы знали: ваше задание должно нанести вред высшему исполнительному органу власти – и были согласны с этим. Не так?

– Это провокация, – с достоинством ответил я, – это не

считается.

– Как юрист с почти тридцатилетним стажем, я бы предложил вам поберечь все эти оправдания для суда, а там изложить их письменно, свернуть в трубочку… И далее по смыслу. Только ведь не будет никакого суда, никаких адвокатов и прокуроров. Положение слишком серьёзное, понимаете?

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль, которая несколько меня успокоила – возможно, по крайней мере один из аспектов этой дикой истории больше не внушал беспокойства. Я положил письмо обратно на стол – рядом с крохотной кнопкой, которая так и лежала, выпав из конверта, и спросил:

– Погодите. Значит, если всю дорогу вы лгали, то про судьбу Надежды Соловьёвой наврали тоже? Ей ничего не угрожает, так?

– Не так, – безжалостно разрушил мои надежды Игорь Иванович, – ситуация опасна для нее в полной мере.

Я почувствовал, что неприлично близок к отчаянию, и от этого разозлился:

– Да вы мне скажете, наконец, зачем я вам тут понадобился? Что вы постоянно вокруг да около ходите, как баба?

– Ну слава богу, – удовлетворённо кивнул мой собеседник, – вы, в конце концов, перешли к правильным выводам. А то мне показалось, что нам тут вечера предстоит бесплодно пререкаться. Помните, я рассказывал вам про ритуал? К вашему несчастью, все это чистая правда – и про жертвоприношение, и про надежду, и про Россию с чукчами. Всё это, несмотря на неприкрытый дикарский идиотизм, действительно существует в нашем прекрасном мире. Я только умолчал – чтобы не сбить вас с пути раньше времени – о том, что жертва должна быть двойной. Она не будет принята, если хозяева не убедятся, что русский народ действительно не сможет жить без своей Надежды… Дальше вы уже поняли, да? Нужен ещё один кандидат на символическую роль народа – и вот он сидит передо мной.

– Простите за нескромный вопрос, – промолвил я, удивляясь внезапно нахлынувшему спокойствию, – но почему же именно я? Неужели я тоже обладаю какими-то особенными качествами?

– Да в целом, нет, – развел руками Игорь Иванович, – вы, уж не обижайтесь, самый обычный человек, ничего выдающегося в вас нет. Но знаете ли, у чукчей свои закидоны, а у моего начальства – свои.

– Это какие же?

– Не забывайте, что помимо прочего, у нас тут своего рода инаугурация, вступление в должность – а нашему президенту для этого необходим метафизический соперник. Ну не сможет он спать спокойно, если не придет к власти через честную битву и

победу. На выборах иметь настоящих противников политически нецелесообразно, а вот здесь, в узком и надежном кругу, со страховкой – почему бы не пощекотать себе нервы? И здесь вы – идеальный кандидат.

– Почему?

– Ну что вы всё заладили… Потому что такова утвержденная концепция. Надежда России – это Россия и есть. Избранный президент овладевает ей, забирает её себе – для того, чтобы сразу отдать чукчам в обмен на реальную власть. То есть такая свадьба перед похоронами, понимаете? А для этого надо вырвать Россию из лап соперника – то есть её предыдущего народного жениха. Вы же собирались делать ей предложение, что бы там не вешали мне на уши?

– Вот ещё, – задумчиво фыркнул я. – А впрочем, допустим. И как всё это будет непосредственно происходить?

– Как и всё здесь – с пафосом и показухой, а главное – предсказуемо, по сценарию. На церемонии присутствуют представители западного сообщества – я вам говорил, кажется, что наши американские друзья тоже, как собачки, бегают к чукчам за подачками. Значит, одной из вторичных, но тоже важных задач будет нагнать как можно больше шума, чтобы произвести должное впечатление. Для этого всё действо сосредоточено на демонстрации военно-технической мощи, в том числе – с вашим непосредственным участием.

– Что-то вы меня совсем запутали.

– Не волнуйтесь, сейчас всё распутаю по мастям. В нынешнем году на вооружение принимаются боевые машины антропоморфного типа – их начали разрабатывать ещё в начале двухтысячных, после приснопамятной интернет-конференции. Говоря простым языком – огромные боевые человекообразные роботы. Не хихикайте. Какому-то воодушевленному патриотическому олигофрену из снабженческого генералитета эта мысль показалась перспективной, а президент, простая душа, и вовсе пришел в восторг – уж больно эффектно эти многометровые куклы показали себя во время опытных испытаний. Отнюдь не эффективно, замечу, – такую каланчу сбить из пушки проще пареной репы – но зато красиво: дым столбом, огонь во все стороны, грохот, механические конечности отлетают с искрами… Одним словом, загляденье. Ну и вот – в одну машину забираетесь вы, в другую – президент со своими ребятами, и – let the fight begin. Как вам такое?

– А почему я один, а президент с ребятами? Нечестно.

– Очередной завет предков: государь должен быть с дружиной, а поганое чудище всегда одиноким.

– Да перестаньте уже. Вы точно меня не разыгрываете?

– Помилуйте, не те обстоятельства для шуток. Можете быть уверены в моих словах без остатка.

– Так значит, – вопросительно посмотрел на него я, – это будет поединок, честный бой один на один? И я могу победить?

– Ну что вы, конечно, нет. Я же говорю – тут слишком многое поставлено на карту, чтобы доверяться случайностям. Все срежиссировано. Ваша машина будет иметь дублирующее управление со стороны оператора, который не даст вам взять верх.

– Тогда я не понимаю. Вы спокойно рассказываете, что завтра мне предстоит погибнуть. Что девушка, которая мне дорога, тоже будет убита этим вашим тираном. И в то же время зачем-то ждете моего согласия. Вам важно, чтобы я с радостью и добровольно побежал на смерть? Тогда потрудитесь объяснить, в чем тут подвох и в чем, так сказать, мой профит?

– А в том, что вам предлагают погибнуть стоя прямо и с мечом в руках – пусть и игрушечным. Вы сами что предпочитаете – Героя России посмертно со всеми привилегиями и льготами наследникам – ну там, детский сад вашем именем назовут, или переулок какой в родном городе? Или же вам больше по душе безвестный расстрел в тихом подвальчике на глубине семисот метров? Решайте…

– Ну и паскудный же у вас выбор.

– А что вы хотели? Знаете, Максим, мне нужно, чтобы завтра вы сражались всерьёз, с мужеством обреченного, а не разнюнились, опустив лапки. Скажу вам даже такую крамольную вещь: пусть всё против вас, но вы должны всеми силами желать победить Президента – пусть только в том, насколько ваш дух окажется сильнее его. В конце концов, обосраться не стыдно, стыдно не стараться…

Повисло молчание. Я мрачно оценивал имеющиеся перспективы. Игорь Иванович напряженно размышлял о чем-то – очевидно, так и не решив, может ли он доверить мне ещё какую-то мерзкую тайну из своей коллекции. Наконец, он пришел к какому-то выводу.

– Что же, я не тороплю вас. Можете думать хоть до самого утра… Только вот ещё что, – он внезапно подался вперед, перегнувшись через стол. Я уже сказал вам, что у вас нет ни малейших шансов в бою против президента. Но… послушайте меня теперь особенно внимательно – я могу ошибаться. Всё в руках божьих. Понимаете?

Тут он сделал едва различимый жест – коротким движением подбородка указал на Надину кнопку, так и валявшуюся на столе,

а затем тяжело посмотрел мне в глаза.

– Вы хорошо поняли меня? – ещё раз медленно спросил он.

До меня начало доходить. Как же – в таком деле и без придворных интриг…

– Нет, простите, не расслышал вас, – пробормотал я, цапнув кнопку и пряча её в карман брюк.

– Ладно, неважно. Рад уже тем, что вы проявили разумную позицию и готовы к сотрудничеству. Тогда, если позволите… вот бланк отказа от претензий, а вот это, уж как водится – о неразглашении.

– Послушайте, вы там совсем охренели в своих высших эшелонах? Какое разглашение, если меня завтра угробят к псам свинячьим?!

– Ну, знаете… Это у вас, так сказать, завтра все проблемы закончатся. И то не факт. А нам, грешным, здесь оставаться жить дальше. Береженого бог бережет, а аппаратчика – правильная бумажка. Так что уж не обессудьте… Подписали? Мерси.

– Теперь всё? Больше вы от меня ничего, надеюсь, не хотите? – устало сказал я.

– Полагаю, на сегодня достаточно, Максим Анатольевич, – Игорь Иванович удовлетворённо откинулся на спинку стула. – Действительно, вам следует отдохнуть. Я прикажу, чтобы вас перевели в камеру. Но вас ожидают ещё посетители. Постарайтесь уделить им не меньше внимания, чем моей персоне, договорились?

– Какие еще посетители? – раздраженно буркнул я. – О чем тут ещё лясы точить?

– А вот сейчас сами и узнаете. До завтра!

Он легко поднялся и не оборачиваясь, порхающей походкой выскользнул за дверь. Что же, он уже мог начинать праздновать победу – при любом итоге событий он проходил в дамки. А мне оставалось лишь надеяться, что его игры не обернутся для меня очередной ловушкой – или, по крайней мере, что эти кошки-мышки продлятся достаточно долго для того, чтобы я нашел спасительный выход сам.

Дверь снова громыхнула. На этот раз на пороге стояли двое. Один, помоложе, был явный монголоид – сонно зажмуренные глаза, острые скулы, редкая щеточка усов на желтой коже, да ещё дурацкая остроконечная шляпа с бубенчиками на полях. Второй, много старше, был гораздо больше похож на европейца своими круглыми глазами, мясистым носом картошкой, а, в особенности, деловым покроем костюма. При этом, как ни странно, все эти атрибуты парадоксальным образом подчеркивали его восточную сущность, а не маскировали её.

– Здравствуйте, Максим, – звучным глубоким голосом произнес пожилой, усаживаясь на стул. Молодой остался стоять за его плечом. – Меня зовут Ымрын Лелекаевич, а это мой помощник Коля-на Манту. Мы чукчи.

– Я догадался, – хрипло ответил я. Как только я увидел их, меня начало потряхивать от ненависти к этим доисторическим маньякам. – Что, пришли сами посмотреть, подхожу ли я на роль второй жертвы?

– И это тоже, – легко согласился пожилой. – Но мне кажется, вы находитесь в некотором заблуждении относительно роли моего народа в происходящем. Я хотел бы поговорить с вами и убедить вас в нашей дружбе и благих намерениях.

– Вы что, издеваетесь? – задрал брови я. – Меня завтра убьют по вашему приказу, самого близкого мне человека тоже убьют, и всё лишь для того, чтобы потешить ваше идиотское национальное самолюбие. О какой доброжелательности вы вообще талдычите?

– О, Великий Анан, какой же чуши вам наплели, – скорбно поджал губы старик. – Простите, но ваши русские чиновники по большей части совершенно несносны: абсолютно не умеют брать на себя ответственность, норовят всю вину за некрасивые решения спихнуть на других. Поверьте: никто из луораветланов – так называют нас, обитателей этой суровой, но благословенной земли – не желает зла ни вам, ни вашей подруге. Мы с Колей-на, кстати, только что видели её, и должен сказать, она производит впечатление намного более счастливого человека, чем вы, Максим.

– Да что вы? Полагаю, её просто не предупредили о судьбе, на которую вы её обрекли. И поэтому завтра она умрет в радостном неведении, так?

– Еще раз официально заявляю: народ луораветланов не желает ничьей гибели и не требует ничьих жертв – ни людей, ни моржей, ни рыб, ни прочих живых существ. Нравственным базисом нашей нации является абсолютный нейтралитет по отношению ко злу. Мы не заинтересованы в смерти граждан России Максима Борщёва и Надежды Соловьёвой.

– Это всё, что вы мне хотите сказать? – саркастически заключил я.

– Именно это я хочу вам сказать. Или, если угодно, уполномочен сообщить. Мы заботимся об имидже своего народа. Вы не должны погибать, искренне считая это злодеяние делом рук чукчей. Тогда наше будущее будет светлее и радостней.

– Какое вам дело до того, что я думаю о вас? – удивился я. – Ненавижу я вас или люблю – всё это уйдет вместе со мной через несколько часов. А вот сучьи русские правители, которые

засунули меня в эту яму, всё равно будут считать, что потакают исключительно вашему дикарскому людоедству. Вы бы лучше им объяснили, чем мне – глядишь, тогда бы и умирать не пришлось, а?

– Мы говорили с ними тысячу раз, – картинно всплеснул руками старый чукча, – но они находятся в плену собственной дремучей мифологии и не желают ничего слышать. Это они, а не мы, совершенно добровольно и с явным удовольствием последовательно уничтожают всё, что на самом деле кажется им ценным: своих возлюбленных по имени Надежда, куски своего государства со всем населением, какие-то ненужные никому камни, книги, и даже – однажды – несколько сотен тонн золотого запаса из западной зоны оккупации Германии. Представляете? Специально приволокли реактор для того, чтобы бессмысленно изгадить металл до невозможности… Им, видите ли, кажется, что, избавляясь от всего, что есть у них дорогого, они обретают свободу и неуязвимость. Если больше нечего терять, то нечего и бояться – так размышляют они… Разве вы, житель вашей страны, не видите признаков той же политики на уровне государственной стратегии?

– Так что же, вы хотите сказать, что вы тут ни при чём и желаете остаться в белом?

– Конечно! Поймите, народ чукчей очень стар – и в историческом смысле, и чисто в физиологическом. За десятки тысяч лет существования в этом северном краю, на первозданной границе тундры, гор и океана, мы научились жить долго, очень долго – но при этом полностью утратили некогда присущую нам воинственную пассионарность, в былые времена заставлявшую содрогаться весь обитаемый мир. Мы более не хотим ни на что влиять. Мы мирные наблюдатели, исследователи – антропологи, историки, этносоциологи, и амбиции правителей планеты интересуют нас только как психиатрический феномен. Максимум, что мы позволяем себе – это изредка подравнивать баланс, чтобы мир не пошел вразнос – как это было, например, с тем самым немецким золотом… Но, уверяю вас, все легенды о жертвоприношениях рождены в идеологических отделах соответствующих бюрократических ведомств – мы тут ни при чем. Сценарий завтрашних печальных событий полностью определяется маниакальными стремлениями лидера вашей страны. Что же, мы не одобряем такого поведения, однако не имеем возможности и желаний противодействовать ему – для нас это, в любом случае, всего лишь ценный экспериментальный опыт. И это тоже наша официальная позиция, которую я имею честь до вас довести.

– Благодарю вас, – сухо сказал я. – Я польщён тем, что буду убит не вашими руками, и особенно признателен за то, что вы не будете этому препятствовать. Теперь вы можете спать спокойно.

– Спасибо и вам за понимание, Максим! Редко, когда подобные переговоры заканчиваются столь гармоничным унисоном в мнениях сторон. Буду рад приветствовать вас завтра на ринге. Коля-на, в путь!..

30 марта

Я думал, что меня будут готовить к предстоящему испытанию каким-то особенным образом: накачивать стимуляторами, вживлять в голову, как мартышке, электроды, читать вслух и под роспись длинные параграфы с правами и обязанностями, водить под конвоем длинными коридорами, или хотя бы объяснят толком, что мне предстоит делать (именно так происходило в детских голливудских фильмах, обыгрывающих схожие моим обстоятельства). Но утро началось совершенно будничным образом, никому из сильных мира сего, очевидно, пока не было до меня дела.

Вчера Игорь Иванович исполнил свое обещание. После ухода ужасно гордых своим непоколебимым нейтралитетом чукчей, меня, измученного бесконечными разговорами, покормили на крохотной кухне, примыкавшей к следственному блоку, а затем вежливо препроводили в камеру. На удивление, она скорее напоминала обычный номер в заштатной, но не лишенной претензий гостинице: по крайней мере, тут имелся относительно чистый туалет с душем, стены единственной комнаты были оклеены весёленькими обоями с разноцветными Карлсонами, а вместо сетчатой тюремной кровати стояла нормальная – мягкая и полутороспальная. Здесь был даже маленький пузатый телевизор, правда, всего с двумя каналами: по одному без перерыва показывали старые советские комедии, а по второму – записи передачи «В мире животных». Очевидно, такая атмосфера должна была настроить меня на позитивный лад. Отчасти так и вышло: мной овладело безразличие и угрюмое спокойствие – может быть, дело было в усталости, но скорее – в таблетке, которую мне, не скрываясь, дали выпить за поздним обедом. Как бы то ни было, мне удалось довольно быстро заснуть, ускользнув из круговерти тревожных мыслей, а утром проснуться вполне отдохнувшим и даже бодрым.

Настольные часы в виде совы с цифрами вместо глаз показали восемь, когда раздался предупредительный стук, и в дверь вошла горничная-таджичка. Она молча принесла завтрак: овсяную кашу, оладьи со сгущенкой и стакан с какао. На подносе, в качестве дани уровню обслуживания, лежал свежий номер либеральной газеты «Новые времена», совершенно непостижимым образом попавший во враждебную среду милитаристских казематов. Что же, спасибо и за такое утреннее чтиво: потягивая сладкую бежевую жижу какао, я развернул газетный лист и прочитал первую попавшуюся заметку:

«Последнее программное выступление Президента (автор употребляет слово “последний” лишь с той неизбывной русской надеждой, которая удерживает его от неминуемого падения в пучину малодушного пессимизма) продемонстрировала бесповоротную импотенцию престарелого гаранта конституции, заставившую возглавляемую им вертикаль беспомощно свернуться поросячьим хвостиком. Придворных спичрайтеров, извергших на свет божий сей аморфный текст, остается только предать суду чрезвычайной тройки в специально сконструированных для этих целей лубянских подвалах ввиду несомненного саботажа своих обязанностей. Одинокая максима, которую позволено будет извлечь непритязательному уму из презентованных простодушной публике рассуждений, заключается в том незамысловатом факте, что единственным сохранившимся активом нашего государства является конденсированный негативный заряд отвращения к самым обыденным гражданским ценностям, накопленный на отечественной стороне цивилизационного изолятора. Подобно электрической разности потенциалов, этот заряд какое-то время сможет насыщать суету внутри страны энергией, но что случится тогда, когда все позитивные субъекты мысли – ученые, гуманитарии, писатели, да обыкновенные ЛГБТ-активисты с хипстерами, наконец – утекут через границу к притягивающему их полюсу нормальной человеческой жизни? Что будете делать вы, господин Президент, когда на вашей стороне останутся лишь послушно-патриотичные, но безынициативные и деструктивно настроенные носители отрицательного энтропийного поля? Печально предвидеть несомненное и ближайшее будущее России, выпавшей из контекста истории, разваливающейся на картофельные султанаты, населенные инфантильной, патерналистской, безвольно потребляющей медийный жмых массой, которая…»

Дальше я не вытерпел. Несмотря на мои собственные свободолюбивые взгляды и невеселые обстоятельства, позволившие мне самому непосредственно ознакомиться с жизнью российской власти изнутри, самовлюбленная истерика этих зловещих критиканских каркуш могла вызвать только издевательскую усмешку. Я посмотрел на подпись под колонкой – Евгения Клизман – и покачал головой. Да ты бы, сукина дочь, обоссалась, если бы тебя против президента поставили. Как меня…

Горничная дождалась, пока я закончу завтрак, и ушла, позволив мне принять душ. Когда я, мокрый и завернутый в полотенце, вернулся в комнату, там меня уже ждали: старый знакомец Игорь Иванович, на этот раз не в синем, а в черном

костюме (что, очевидно, должно было подразумевать особую торжественность момента), а с ним – нагловатого вида качок с тоннелями в ушах и сизыми разводами татуировок на бритом затылке. Одет этот второй был в серый комбинезон с погонами, но без знаков различия. Еще один такой же невзрачный наряд валялся на кровати и, судя по всему, предназначался для меня.

– Утро в хату, Максим Анатольевич! – сочась жизнелюбием и оптимизмом, вскричал Игорь Иванович. – Хочу представить вам ещё одного вашего давнего приятеля – Сашу Пушкова. Это ваш оператор на сегодня.

– А, – приветливо, в тон Игорю Ивановичу, сказал я, – так это, значит, вы в нужный момент меня прихлопнете?

– А что вы от меня хотите? – тут же набычился лысый. – Я человек служивый, под присягой. И вообще, я за вас ответственности не несу, моё дело машина. А дальше всё на совести Владимира Владимировича, его рука владыка.

– Ну и чёрт с вами, – рассеяно успокоил я его, думая о другом. – Отвернитесь, господа, не хочу быть невежливым и трясти перед собранием голым задом.

Они послушно отвели взгляд, а я, воспользовавшись этим, переложил заветную кнопку из кармана брюк в новый комбинезон. Быстро оделся, зашнуровал высокие форменные ботинки и сообщил, что готов.

– Вот и чудно, – снова обрадовался Игорь Иванович. – Рад видеть в вас столько решимости, мой дорогой Максим. Нечасто встретишь такую самоотверженность в современных…

Всю дорогу – от комнаты, приютившей меня в последний раз, через опостылевшие нескончаемые коридоры и до ангара с техникой – он продолжал разглагольствовать и рассыпаться хвалебными эпитетами в мой адрес. Я не слушал. Очевидно, у нечистого на руку чиновника, замыслившего мятеж, было неспокойно на душе, и он пытался унять волнение нудной болтовней. В свою очередь, лысый Пушков, как истинный инженер, был молчалив, и в пути не проронил ни слова. Зато, оказавшись в своей стихии – в просторном захламленном зале, наполненном разнообразными механическими приспособлениями, он оживился и принялся всё показывать и рассказывать. На то, чтобы научиться пользоваться предназначенным мне роботом, отводилось не больше ближайших пятнадцати минут – время у организаторов категорически поджимало. Сама церемония, как я понял, уже началась, и происходила за огромными воротами, отделявшими ангар от той пока невидимой сцены, где мне предстояло выступить. Из-за створок доносилась приглушенная музыка,

невнятный микрофонный бубнеж, и прочие звуки Большого Праздника. Веселые похороны, подумал я. А впрочем, это мы ещё посмотрим.

Вместе с оператором я подошел к своему снаряду. В угловатой и грубой конструкции, окрашенной в экономный зеленый цвет, было сложно поначалу различить человекоподобные черты. Но присмотревшись, я понял, что возносящиеся вверх многометровые сетчатые фермы с торчащими тут и там гидравлическими шлангами – это, должно быть, руки и ноги. В центральной части туловища, еле прикрытой металлическими листами и должной обозначать, по-видимому, грудь, виднелась капсула из радужного бронестекла. В ней, как объяснил Пушков, располагалось рабочее место механика-водителя – то есть меня. Целиком весь агрегат, хоть и был высотой метров двадцать, и чуть ли не упирался тем местом, где полагалось быть голове, в потолок, не производил впечатления угрожающей или хотя бы надежной машины. Он выглядел так, будто был сварен небрежным мастером из обрезков стального уголка и строительной арматуры, броня по большей части отсутствовала, отовсюду свисали голые провода и трубки самого уязвимого вида. Всё вместе это напоминало решетчатую мачту линии электропередач, завязанную в бараний рог прошедшим накануне торнадо; кроме того, нигде не было видно сколько-нибудь серьезного оружия. И тут подстава, вздохнул про себя я. Ну ни капельки не хотят играть по-честному, сукины дети.

– Что это он у вас такой кривой и косой? – спросил я своего наставника.

– А что вы хотели, – повторил тот свою мантру, – это макетный образец. Остался с приемки, не пропадать же добру. Да вы не пугайтесь, он крепкий… Пойдемте поближе, покажу, как рулить.

Но прежде, чем мы отправились дальше, неугомонный Игорь Иванович отвел меня в сторону для напутственного слова. Я ожидал от него потока очередной патетической тягомотины, но вместо этого он хулигански подмигнул мне, достал из кармана красный маркер и каллиграфически вывел на опоре робота слово «Игорёк».

– Так прозвали этот прототип на испытаниях, – стыдливо пояснил он. – Надеюсь, вы простите мне эту слабость. Для вас – пустяк, я мне польстит, если боевая машина, названная моим именем, будет противостоять целому президенту. Ну что ж, на этом наши пути расходятся. Прощайте!..

Он отошел в сторону, фальшиво промокая глаза галстуком, безвкусно расцвеченным разноцветными мишками. А меня вновь

взял под свою опеку бритый наголо майор.

В кабину можно было попасть только по отдельной приставной лестнице – самостоятельного способа подъема и спуска в конструкции жалкого робота предусмотрено не было. Я залез внутрь, а Пушков остался на ступеньках, засунув голову через окошко со шпингалетом, и принялся объяснять. Впрочем, инструктаж был недолгим: управление машиной оказалось на удивление простым и понятным; более того, с таким способом водительского интерфейса, несмотря на свое техническое образование, мне раньше сталкиваться не приходилось.

– Тут ничего делать не надо, – гудел майор, – все эти ручки, кнопочки – это управление приводами конечностей. Тут вот джойстики на руки, как в экскаваторе, вот этими рычагами управляете ногами, а тут, снизу – педали поворота. Но вы всё это не запоминайте (я запомнил), это ручное управление, оно не понадобится. Только вот эта гашетка вам, наверное, пригодится, от пулемета. Во-он он, видите, приварен к левой руке? Вот, им пользуйтесь, если захотите. Ничего более тяжелого поставить нельзя, иначе весь бункер разнесете на пару с президентом, а там ведь приглашенные в зрителях, делегаты… Короче, требования техники безопасности. А вот здесь, над вашей макушкой – специальный передатчик, называется бесконтактный биосенсор. Читает всё что у вас в голове происходит, прямо с двигательной корочки. Поэтому, чтобы совершить, скажем, шаг, или поворот – просто представьте, как вы сами двигаетесь, и датчик поймет. Ну-ка, попробуйте рукой слегка шевельнуть, – он щелкнул тумблером где-то вверху, – всё, включил. Только меня не сшибите вместе с лесенкой…

Я напряг мышцы предплечья и мгновение спустя рука робота тяжело, нехотя качнулась.

– Получилось! – радостно объявил Пушков. – Поняли теперь, как надо? На сенсоре задержка – сто миллисекунд, меньше пока не получается сделать, поэтому вам покажется, что приводы реагируют на ваши приказы не сразу. Так что старайтесь двигаться, насколько можно, плавно и думайте заранее, какой маневр совершать будете. Плюс не забывайте про инерцию – масса у этого железного долдона ого-го. Представьте, что вы едете на очень тяжелой и высокой фуре – из тех, что поворачивать начинают после того, как десять раз руль провернешь. Ну вот здесь поведение примерно такое же. Что хорошо – о равновесии можете не думать вовсе: гироскопы работают автоматически. Теперь я спущусь, вы потренируйтесь пару минут – вон место в ангаре есть, и чего ждать – в путь-дорогу? Как ворота отворятся, выходите полегоньку наружу, а там разберетесь…

Был большой соблазн скинуть его с себя вместе с лестницей и навести тут шороху, но… Что дальше? У ворот такой вид, будто их не прошибешь и атомным взрывом. Лаз, по которому мы пришли сюда с Игорем Ивановичем, слишком узкий для робота, не пролезешь. Да и остались ещё вопросы к дорогому Владимиру Владимировичу, так что сбегать было рано.

Дождавшись, пока Пушков спустится на пол и откатит в сторону лестницу, я сделал несколько неуверенных шагов по тесному пространству ангара. Машина угрожающе кренилась и раскачивалась, но в целом её поведение оказалось довольно предсказуемым, и каждый следующий шаг давался легче предыдущего. Постепенно я перестал осознавать крохотную паузу между тем импульсом, который мысленно подавал, и движением робота, и вскоре мне уже казалось, что я управляю не скрипучим бездушным автоматом, а собственным телом – странно раздувшимся, растолстевшим и ставшим неуклюжим, но всё-таки оставшимся почти родным и послушным. Через несколько минут я даже сумел совершить несколько приседаний и невысоких прыжков, после чего почувствовал себя вполне уверенно. Решительно подойдя к воротам, я замер у них, демонстрируя решительность и готовность. Крохотный Игорь Иванович показал мне снизу большой палец и выскользнул в калитку, открывшуюся в воротах. Оттуда донёсся взрыв многоголосого шума, и гигантские створки в нескольких метрах от меня начали неторопливо раздвигаться. Концерт вошел в свою кульминационную фазу, и я, несомненно, был гвоздём программы.

Первое, что я увидел, перешагнув порог ворот – это расстилающийся передо мной бескрайний, как мне показалось, диск арены – с большую городскую площадь, залитый слепящим светом софитов. Он не был пустым: вдоль уходящих ввысь стен, образующих замкнутый цилиндр, выстроились ротные коробки войск – самых разнообразных, если судить по многоцветной гамме обмундирования и головных уборов. Именно солдаты производили шум, слышимый мной ранее: как и полагается на настоящем параде, они непрерывно кричали «Ура!» и «Здравия желаю…», сливавшиеся в неясный, но грозный гул.

Я смело дернулся навстречу этой толпе, но понял, что пока не могу пошевелиться – я мог сколько угодно напрягать свои руки и ноги, но робот оставался неподвижным. Напротив моего лица вспыхнула красная лампа наподобие запрещающего сигнала семафора, и я догадался, что проклятый Пушков чутко контролирует мои действия, не давая выходить за рамки неведомого мне сценария. Тем временем на сцене

разворачивалось красочное представление: войска, четко и слаженно разворачивая ряды, маршировали по залу поротно и побатальонно. Минуя почетную трибуну с высокими лицами, они брали под козырёк и исчезали в широких дверях на противоположном конце арены, постепенно освобождая пространство для поединка.

Но огромный зал отнюдь не остался безлюдным. Изогнутые стены на высоте пятиэтажного дома были опоясаны длинными панорамными окнами, изготовленными из того же, судя по всему, толстого стекла, что и кабина моей машины. За окнами виднелись амфитеатры сидений, усыпанные зрителями и пополняемые всё вновь прибывавшими снизу людьми.

Проследив за перемещениями шеренг солдат, я, наконец, обнаружил своего основного оппонента. У кумачового помоста, на котором уже практически не осталось гостей, массивной тушей возвышался гигантский робот. По сравнению с ним мой собственный выглядел ржавой жестяной развалюхой – вроде измазанной в навозе садовой тачки, поставленной на тоненькие ножки. Машина противника имела вид завершённый и эстетически совершенный: своими стремительными, рубленными обводами она была больше похожа на вставший на хвост сверхзвуковой истребитель. Силуэт этого внушающего уважение механизма, больше моего раза в полтора, был гордо выкрашен в цвета российского флага. Из грозной, лаконичной металлической фигуры не торчало ничего лишнего, кроме пары заглушенных пушечных стволов за могучими плечами, да прозрачного пузыря кабины в животе. Особенно мне не понравилось то, что к одной из рук робота была приварена длинная заточенная полоса брони, несомненно призванная во время боя исполнять роль острого рубящего клинка.

Затем, впервые в своей жизни, я увидел того, о ком столько слышал с самого начала своего кафкианского приключения – Его, великого и ужасного, верховного главнокомандующего, гаранта конституции, отца демократии, спасителя Отечества, надёжу и опору России, ум, честь и совесть эпохи, вершителя народных судеб, национального героя, сияющую вершину вертикали власти, образцового в своей мягкости авторитарного правителя, душителя либеральных свобод, тирана и диктатора, кровавого палача, похитителя надежд и других маленьких девочек, единственного и несменяемого лидера многострадальной нации, солнцеликого Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Всемогущего. Его лицо, хоть и далекое, отделенное от меня широким пространством круглого ринга, было прекрасно узнаваемым за мутноватым стеклом кокпита. На

голове его был надет убор наподобие шлемофона, а за спиной угадывались смутные силуэты соратников. Экипаж противостоящей мне машины, по всей видимости, находился в сдержанном эмоциональном напряжении, скрываемом превосходной моральной и физической подготовкой: глаза президента, небрежно прищуренные, впились в меня пристальным – но спокойным и даже несколько ироничным взором; однако даже на таком расстоянии было видно, как на его скулах волнами возникают и тут же рассасываются нервные желваки.

Не буду лукавить, утверждая, что такой взгляд было просто выдержать. Спустя несколько секунд игры в гляделки (а я физически ощущал, что мой противник видит меня так же хорошо, как и я его), я позорно опустил глаза вниз и чуть не вскрикнул от изумления. Прямо у моей железной ступни, почти у самого пола, в воздухе висел – так мне показалось – стеклянный кокон, внутри которого было ясно различимо неподвижное тело девушки. Она была завернута в белую ткань, глаза на неподвижном лице закрыты, но она не была мертва, а просто находилась без сознания или под наркозом – об этом можно было судить по живому, розовому цвету кожи и еле заметному дыханию, слабо приподнимающему грудь. И это была Надя, моя Надя, без сомнения – та, за которой я гнался всё это время, и наконец-то она очутилась так близко ко мне – наклонись и бери рукой!

Каюсь, именно это я и попытался сделать, на радостях позабыв об окружающей меня действительности. И отвлекшись, совершенно упустил момент, когда лампа перед моим лицом сменила цвет с красного на зеленый, а боевая машина президента начала стремительный и неумолимый разбег, рванувшись по кратчайшей траектории ко мне через весь зал, – и уже в движении занося над головой тяжелый многометровый клинок. Вскинувшись на грохот металлических ног, оставлявших на бетонном полу глубокие выкрошенные впадины, я едва успел податься в сторону, и разящий удар меча пришелся не в самую середину туловища, как было намечено, а по правому плечу, попутно вспоров толстую бронь ворот за моей спиной. Рука, принявшая этот немыслимый натиск, отлетела далеко в сторону, искря разорванными проводами, а оставшаяся часть робота грузно рухнула на бок, огласив пространство зала оглушительным лязгом. Мне самому внутри кабины тоже пришлось несладко. Я повис на ремнях, ошеломленно вертя головой, но сказалась прежняя подготовка: засунув усилием воли дрожь от первого потрясения куда подальше, я быстро

сориентировался, убедился, что по-прежнему владею управлением, и в дальнейшем был уже начеку.

Увидев, что мой робот неподвижно лежит у стены зала, Владимир Владимирович развернул машину и одним прыжком подскочил ко мне, вновь занося руку и готовясь нанести решающий удар. Однако тут возникла помеха: клинок был неподвижно приварен к конечности и не был приспособлен для колющих движений – им можно было только рубить наотмашь. Чтобы достать мою распластавшуюся по полу машину, ему пришлось неудобно наклониться, да еще отвести руку вперед, опасно вынося центр тяжести наружу – и вот тут-то, в этом неустойчивом положении он получил от меня подсечку ногой под колено. Мой расчет оправдался полностью – теперь уже робот соперника всей массой, высекая искры и теряя разлетающиеся во все стороны мелкие детали, плашмя грохнулся на пол, а я использовал полученную передышку для того, чтобы попытаться принять вертикальное положение.

Это удалось не без труда; вдобавок, как только я выпрямился, выяснилось, что отсутствие одной из двух тяжелых рук катастрофически нарушает равновесие: машину постоянно вело в сторону, и непрерывные отчаянные попытки выровнять её отнимали массу сил и внимания. Вражеский робот тоже неуклюже ворочался на полу, пытаясь подняться. Из-за непропорционально широких плеч и узкого зада, к которому крепились нижние конечности, это получалось у него ещё хуже, чем несколькими секундами ранее у меня. Пока что меня спасало то, что эти идиотские механизмы, родившиеся словно в воспаленном воображении обкурившегося японского аниматора, имели своей единственной задачей устрашение и демонстрацию показного могущества – причем даже не настоящим врагам, а собственным патриотам, по детски любящим вооруженных роботов, – и совершенно не были предназначены для реального боя. Решив продлить, сколько можно, затянувшийся паритет, я открыл огонь по барахтавшейся туше из пулемета, прикрепленного к левой, невредимой руке.

Президент рефлекторно закрылся широким бронированным локтем от звякавших по металлическому телу пуль, но видно было, что они не причиняют ему никакого вреда – на это защиты хватало с избытком. Расстреляв боезапас, я замер в растерянности – непонятно было, что делать дальше. Моих возможностей передвигаться еле хватало, чтобы держаться у стены – не было и речи о том, чтобы подойти к машине противника и постараться нанести ей какие-то осознанные повреждения. Хотя…

Оттолкнувшись от стены здоровой рукой, и с трудом сделав

несколько неуверенных, пьяных шагов, я размашисто, как убитый выстрелом в затылок Железный Дровосек, повалился всем телом на машину президента. Это, очевидно, не нанесло ему особого ущерба, кроме легкого сотрясения или, может быть, контузии, но он явно не ожидал моего маневра. Вдобавок, теперь ему было вдвойне сложнее поставить своего робота на ноги. На короткий момент стекла наших кабин сблизились: я увидел искаженное бешенством лицо Владимира Владимировича с источающими ярость глазами – он-то давно, видно, привык, что любая задача дается ему легко и без усилий, – и не удержался от того, чтобы с торжествующей издевкой показать ему язык.

Это привело его в неистовство. Напрягая всю свою волю, и натягивая все до одной железные жилы послушного ему гигантского автомата, он приподнял манипуляторы, с натугой сбросив щуплое тело моего робота на пол, после чего чудовищным усилием привел свою машину в вертикальное состояние. Диспозиция с точностью повторяла ту, в которой мы уже находились минуту назад: я лежал, а президент осторожно подбирался ко мне боком, приглядываясь, с какой стороны лучше нанести смертельное поражение своим клинком. Я уже начал надеяться, что он вновь попадется на ту же самую незамысловатую уловку с подсечкой, но, видимо, моя увертливость начала надоедать кукловодам этого поединка, и в игру вступил лысый майор Пушков. Как только робот Владимира Владимировича оказался достаточно близко, чтобы я смог достать его ногой, вспыхнула красная лампа, и я снова потерял любой контроль над происходящим. Теперь мой соперник мог ничего не опасаться: он, не торопясь, выбрал позу понадежней, занес меч и приготовился к последнему прыжку.

Ну уж нет, не сегодня, – с мрачной решительностью подумал я, и вдавил прямо сквозь карман кнопку партизанского передатчика: я помнил о ней самого начала боя, выжидая лишь удобный момент. Честно говоря, у меня не было уверенности, что после нажатия произойдет хоть что-то существенное – слишком много вранья и интриг было в словах всех участников этой запутанной истории, чтобы надеяться на их окончательную искренность. Однако результат приятно меня удивил – и, надо полагать, вверг в шок всех остальных собравшихся в этом подземном цирке.

Как только я привел в действие устройство, лампа передо мной потухла, и после уже не светила никаким светом. Но привычный мне способ управления роботом так и не вернулся – его стальные мышцы более не реагировали на мои мысленные веления. Очевидно, то же самое произошло и со снарядом

президента – он нелепо запутался ногами в самом начале начатого прыжка, по инерции приподнялся на несколько метров в воздух и стал тяжело и неотвратимо, как в замедленном фильме, падать на меня – при том, что его страшный клинок был всё ещё беспомощно завернут за спину, и не представлял для меня ни малейшей угрозы. Все также отчетливо, как на киноэкране, передо мной проплыло лицо грозного и еще секунду назад непобедимого Владимира Владимировича – оно удивленно вытянулось, а затем мучительно перекосилось, как от зубной боли (краем глаза я заметил, что то же самое происходит и с его клевретами, устроившимися во втором ряду кресел кабины). Мой враг – да, сейчас он был несомненным врагом, жаждущим моей смерти, падал на меня в железном коконе, не зная, что предпринять, но, думаю, не особо тревожась за свою судьбу – разве мог он ожидать от моего робота с выключенным управлением какой-то пакости?

Следовало, все же, быть готовым и к такому, господин президент. С того самого мига, как все окрестные нейродатчики приказали долго жить, повинуясь сигналу игрушечного передатчика бедной шлюшки Нади, я не забывал о ручном управлении, опрометчиво оставленном мне беспечным Пушковым. И вот, дождавшись, когда траектория падения президентского робота станет ясной и предсказуемой, я всего лишь поднял единственную оставшуюся руку вверх, и в следующую же миллисекунду огромная стальная туша с разгону напоролась на нее всем своим весом, чудовищным многотонным импульсом вминая внутрь корпуса прозрачный пузырь кабины. Тот с поразительной легкостью треснул и съежился, как яичная скорлупа, а затем исчез в недрах разорванного металла. Насаженная на острую ферму руки, как медведь на рогатину, гигантская машина произвела железный стон и рухнула, дымясь, рядом с моей.

Я осторожно огляделся. Несомненная и бесповоротно свершившаяся гибель Президента вызвала истерическую панику в рядах его сподвижников, собравшихся на церемонию. Я с изумлением наблюдал, как трибуны за стеклами быстро пустеют, а ещё недавно преданные всей душой власти чиновники и офицеры разбегаются в стороны как ошпаренные кипятком тараканы. Уж насколько я сам был взвинчен пережитой только что передрягой, едва не сведшей меня самого в могилу, я не мог не найти это зрелище символическим и поучительным. Люди метались в стороны не только, кажется, от испуга, но и потому что исчез тот центр притяжения, который долгие годы объединял их в единый политический организм, уравновешивая своей

ужасающей гравитацией ненависть, страх и презрение, излучаемые или самими в сторону друг друга. Теперь связывающая сила исчезла, и верх взяла хаотическая энергия взаимного расталкивания – как при распаде обреченного, дряхлого, перетяжеленного бесполезными балластными нейтронами атомного ядра.

Прошло несколько минут, и в огромном зале стало тихо, крики паникующей толпы затихли в далеких коридорах, и единственным звуком, отражавшимся эхом от круглых стен, остался треск, с которым догорал поверженный мной робот. Видимо, я переоценил собственные силы – разобраться с запорами люков и выбраться наружу стоило огромного труда. Когда я всё-таки спустился на закопчённый, залитый машинным маслом пол, то чуть не рухнул на землю от навалившихся усталости и опустошения. Еле-еле передвигая ноги и хватаясь руками, чтобы не упасть, за горячий металл, я добрел до стены зала, и уже вдоль неё, осторожно, дополз до хрустального сосуда. Слава богу, он не пострадал в разразившейся битве машин, а сама Надя, казалось, даже не заметила разыгравшейся вокруг драмы – она все так же спокойно спала, и лицо её в этом спокойствии, обрамлённое длинными светлыми волосами, было непередаваемо прекрасным.

Ладно, – озабоченно подумал я, – оставим романтику на потом, а сейчас надо бы придумать, как убраться отсюда, да побыстрее, и, желательно, подальше… Крышка стеклянного футляра отыскалась и открылась без особых проблем, хотя я и измучился под её тяжестью, пытаясь аккуратно отвести ее в сторону. В конечном итоге я просто спихнул ее на пол, и она звонко разлетелась на тысячи блестящих осколков. Но теперь предстояло искать выход наверх, да ещё с бездвижной Надей на руках, а у меня уже совсем не было сил. Я грустно подумал, что моя победа, по всей видимости, окажется пирровой, или, во всяком случае бесплодной – тут мне и предстоит сдохнуть, рядом с телом любимой в хрустальном гробу.

За спиной раздалось деликатное покашливание – предшествующих ему шагов я не слышал. Я резко обернулся (откуда только прыть взялась), и столкнулся глазами с невозмутимым взглядом чукотского старейшины – и не менее каменной физиономией его верного сопровождающего, легкой охотничьей поступью подкравшихся сзади. Имрын Лёлекаевич, или как его там, внимательно осмотрел учинённый мной беспорядок, и, не высказав ни малейшего удивления, важно кивнул:

– Мы беспристрастны, но отнюдь не бесчувственны, Максим.

Раз уж вы нашли выход из смертельного цейтнота, было бы стыдно не показать вам короткий путь наружу. Позвольте-ка взглянуть на девочку.

Я посторонился, пропуская его к саркофагу. Старик, не касаясь, провел руками надо лбом и ушами спящей девушки, немного подумал, склонив голову, а затем достал из кармана маленький флакончик, и, открутив крышку, поднёс его к носу Нади. Она тут же чихнула и открыла глаза; изумленно вскрикнула, увидев меня, попыталась встать – но оказалась слишком слаба для таких резких движений. Упав обратно на свое ложе, она недоумевающе забегала глазами по нашим лицам. Похоже было, что она ещё не до конца пришла в себя, и только слабо подняла руку с поблёскивающим кольцом.

– Коля-на, неси-на! – скомандовал пожилой чукча, и молодой без слов взвалил пискнувшую Надю на плечо и быстро понёс к видневшейся вдали лестнице. Я заметил, что в свободной руке он тащил рюкзак, из которого высовывался розовый рукав куртки – видимо, там предусмотрительно были собраны женские вещи. Мы с его сюзереном пошли следом, но были вынуждены передвигаться не так споро. Ноги по-прежнему плохо меня слушались, хотя в целом я уже чувствовал себя намного лучше, чем сразу после боя. Мой спутник тихо говорил мне:

– Следуйте до выхода за Колей-на, он поможет с деньгами, охраной и транспортом, – он протянул мне затейливый брелок с вензелем «AMG». – До Анадыря всего сорок километров, дорога одна, домчитесь быстрее, чем на оленях… А теперь постойте-ка.

Мы поднялись на верхнюю галерею и встали у распахнутой двери лифта. Молодой чукча был уже внутри, он крепко держал Надю за талию и сердито посматривал на нас, недовольный моей нерасторопностью. Но Ымрын Лелекаевич хотел ещё что-то сказать на прощание.

– Максим, мне кажется, что вчера вы всё-таки не полностью ухватили мою мысль. А мне очень важно, чтобы вы вышли из этой истории, только поняв суть произошедшего до конца. Помните, я говорил вам о бессмысленности и тщетной бесполезности любых попыток что-то исправить в этом мире? Сейчас вы сами убедитесь в этом. Посмотрите вниз.

Я развернулся и с замиранием сердца увидел, как огромные ворота снова с лязгом и скрежетом раздвигаются. В образовавшуюся щель чья-то сильная рука вытолкнула жалкую рыжеволосую фигурку, мешком свалившуюся на пол. Вслед ей из ворот вырвались струящиеся потоки пара, а может быть, напротив – морозного тумана, и сквозь эту дымку, уверенной и решительной походкой бывалого борца прошёл человек и

остановился посреди зала. Его руки были разведены в стороны, и казалось, будто секунду назад неподъемные половины ворот разошлись, повинуясь только его невидимой воле. В лучах прожекторов, дрожащих и преломляющихся на облаках пара, казалось, что контуры его тела подрагивают и испускают неживое, отдающее синевой, свечение. Это был воскресший непостижимым образом Владимир Владимирович, в отглаженном и безукоризненно сидящем дорогом костюме, целый, невредимый, и словно бы даже помолодевший и посвежевший. Своей широкой фигурой он заслонил тело новой жертвы, бессильно копошащейся на полу, и неторопливо осмотрелся вокруг, будто недоумевая, куда все подевались. Заметив нас, он впился острым взглядом в белоснежный силуэт Нади, а мне укоризненно погрозил пальцем.

– Ну что, видите, Максим? – печально заметил старый чукча. – Вы всегда вольны выбирать, вы даже можете драться или умирать – но все это не влияет на результат. Вот сейчас вы должны решить, какое из этих невинных существ останется жить. Это критически важный для вас и для них выбор – но он не изменит ничего. Чтобы вы не решили, всё пойдет своим чередом, и всё в мире останется по-прежнему. Давайте проверим. Каково ваше решение? Та или эта?

Не говоря ни слова, я развернулся и шагнул в лифт. Коля-на вжал кнопку, и сквозь медленно закрывающиеся двери до меня донеслись последние слова мудрого урода:

– Именно, Максим! Безучастность – единственный возможный выбор! Теперь вы…

ЭПИЛОГ. 29 февраля, восемнадцать лет спустя

Привет, Дневник!

Как я рада тебя видеть! Так смешно: прошло столько времени, и вот я снова, как неразумная школьница, обращаюсь к тебе за помощью. Искала тебя полдня, перерыла все шкафы, антресоли и старые папки с детскими рисунками, а потом ещё два битых часа читала и перечитывала то, что написала тогда – той страшной, волшебной, незабываемой весной. Странно всё это выглядит по прошествии стольких лет – неужели эти события, сейчас кажущиеся откровенной фантасмагорией, действительно произошли с той наивной девушкой Надей, которой я когда-то была? Или мне всё пригрезилось, или вовсе я была не я? Трудно, почти невозможно осознать, что это было, было на самом деле – с тех пор произошло столько всякого разного, что в моей памяти уже почти не сохранилось свидетельств тех дней. Я имею в виду, что даже перечитывая историю, записанную собственной рукой, я долго не могла убедить себя в том, что непосредственно участвовала в этом театре абсурда – нет, я словно бы знакомилась с дрянной повестью о приключениях глупой и незадачливой до невозможности девчонки.

А всё-таки, как хорошо, Дневник, что я тогда решила тебя завести и переносить все события на бумагу как можно более подробно! Иначе бы и вовсе отмахнулась от воспоминаний, как от дурного сна – и не поверила бы самой себе, что когда-то была любовницей и невестой Президента, а он за это решил меня убить.

Наверное, тебе будет интересно узнать, что случилось после нашего бегства из чукотских подземелий. Никто не гнался за нами и не пытался удерживать. Добравшись до аэропорта, мы без проблем купили билеты на ближайший рейс, и так же без всяких происшествий пересели в Москве на самолет до родного города. А вот там уже нас ждали у самого трапа, и понеслось… Полтора года, Дневник, мы не выбирались с допросов и дознаний. Мне даже пришлось три ужасных дня провести в тесной одиночной камере – представляешь? – а вот бедный Макс загремел на целых четыре месяца, и я через день ходила на свидания, и меня не пускали к нему, а я всё равно ходила. Ну, потом закрыли дело, решили не выносить сор из избы. Да и предъявить-то нам толком было нечего – не покушение же на Президента? Вон он, живой и здоровый на всех экранах страны… До сих пор не могу понять, чего они от нас добивались. Думаю, просто отрабатывали зарплату и

демонстрировали рвение. Но уже летом настал Решительный Прорыв, и всем стало не до нашей сладкой парочки. А потом началась Первая каспийская война, и про нас окончательно забыли, и слава Богу. Максу даже сохранили звание подполковника и вернули обратно в его желтый дом, только должностью повыше, так что всё устроилось наилучшим образом – было на что семью кормить, кроме моих карточек.

Да-да, мы с Максом поженились! Как-то само так вышло после всех перенесенных мытарств – они сблизили нас больше, чем вся предшествующая детская дружба. Так что, когда он осмелел и сделал предложение, я совсем не сомневалась – в ту же минуту согласилась. Ну и правильно, что тут раздумывать? Что сделано, то и сделано, а другого не вернешь.

У нас двое замечательных сыновей – старшенький, Шурик, уже заканчивает тринадцатый класс, а малыш Сережа только что перешел из юных бурундуков в разведчики и ужасно гордится этим. Так нам пишут их воспитатели. Сейчас не то, что в нашем детстве, и воспитанием подрастающего поколения занимается государство в специальных лагерях и Суворовских училищах – если, конечно, родители сами не против. Мы не против. От этого сплошное облегчение и больше времени остается на работу, хоть и скучно иногда без деток. Поэтому мы с Максом кукуем вдвоём. Он стал такой солидный, усы сбрил, растолстел, полысел, и сейчас, увы, вместо наших совместных развлечений, на которые он был большой выдумщик в молодости, предпочитает горизонтальную позу на диване. Ну что ж, я не расстраиваюсь, всему своя пора. Я ведь тоже, увы, не девочка.

Нет, время ещё щадит меня, грех жаловаться. Я по-прежнему красива, и даже умудрилась не растолстеть – это с моей-то комплекцией! Мне вслед по-прежнему иногда оборачиваются мужчины, даже педагоги в моем колледже, где я преподаю будущим нейропрограммистам и вакуумным сварщикам историю Единой России (такое название нашей страны было принято вместо прежнего в память о знаменательном объединении Старой и Новой Россий в нормальное унитарное государство). Да, так вот, даже мои коллеги, которые за много лет ко мне привыкли, отдают должное моему внешнему виду, что несомненно приятно. Хотя, сильно подозреваю, Дневник, что это просто потому, что все они староваты – мне самой даже не на кого из них глаз положить (ой, что я пишу-то!) Поделюсь здесь, пожалуй, накопленной житейской мудростью: пожилым мужикам все женщины хороши, кто помладше, так что даже если ты располневшая сорокалетняя разведенка с тремя детьми в прицепе, и считаешь, что личная жизнь окончена, не торопись горевать – ты, без сомнения найдешь

свой успех у 60-летних.

И все же слава Богу, что меня миновала эта участь. Так больно смотреть – я это вижу по своим воспитанницам, особенно сварщицам, которые прилежно приходят к нам каждый год в гости на День Выпускника, – как из тонкого ангельского цветка в считанные годы вырастает угрюмая ширококостная матрона, опора семейства и общества. Дело тут не в образе жизни и не во внешних обстоятельствах – наблюдая за знакомыми, я пришла к выводу, что причиной такого перерождения является неумолимый природный механизм, безжалостным таймером тикающий в каждой женщине и активируемый запуском ее основного биологического назначения. Для того, чтобы стать матерью, и для того, чтобы быть матерью, требуется два принципиально (и даже противоположно) разных набора качеств. Завлечь мужчину в семейные узы и превратить его в отца может только легкое, воздушное, по-детски задорное существо – я не зря выше употребила сравнение с цветком, который, как известно, завлекает пчелу яркими, ничего не значащими лепестками и ароматами. Но когда оплодотворение свершилось, то воспитать здоровых детей сможет только сильная, крепкая, равнодушно-выносливая женщина с невероятными запасами жизненной мудрости и терпения. Вроде меня, да, дневник? Все из перечисленного при мне, кроме бесформенной фигуры, – и то благодаря тому, что детей я беззастенчиво свалила на попечение государства. Ах, да хватит об этом.

Что тебе ещё рассказать о моем житье-бытье? Я уже давно вступила в ОНФ – как и все мои знакомые. Макс пока морщится, пользуется от случая к случаю, а так всё больше ходит по старинке, с телефоном. Но ничего, скоро и он сдастся. Это оказалась настолько удобная штука, что теперь я и не представляю жизни без неё – как бы, например, я справлялась с трудными учениками в своих классах? А так наше обучение больше похоже на веселую игру, чем на нудную зубрежку в школах моей юности. Приятно всё-таки, что я, некоторым образом, стояла у истоков зарождения такой полезной вещи, как нейроинтерфейс – ну или, по крайней мере, была одной из первых, кто испытал его на себе. И ещё, изредка, включаясь в национальную сеть, я представляю, что среди миллионов других участников где-то прячется ОН, и, может быть, я однажды почувствую на себе его внимание.

Ну вот, добралась до самого главного – ради чего затеяла всю сегодняшнюю писанину. Похоже, я совсем не изменилась, Дневник – болтаю и болтаю о ерунде, лишь бы не говорить с самой собой о том, что единственное волнует меня на самом деле.

Он совсем не изменился, то есть вообще, совершенно. Наоборот, с каждым днем становится свежее и румянее, и теперь ему никак не дашь больше пятидесяти. То ли медицина наша делает успехи, то ли это заслуги телевизионных гримеров – не знаю, но, судя по тому, что и как он говорит каждый вечер с экрана, ум его ничуть не отстает от тела. Инициативы и преобразования, которые он непрерывно запускает в правительство, настолько рациональны и продуманы, что даже мой Макс, вечный скептик, в последнее время не находит, к чему придраться – только чешет в затылке и задумчиво вздыхает. Жаль только, что правительство не очень спешит с… а впрочем, какая разница.

Все мои старые знакомцы тоже остались на своих местах и постоянно мелькают в телевизоре – разве что один из Игорей Ивановичей пропал с политических горизонтов сразу после всей той истории. Не оправдал надежд, сказал по этому поводу Макс, но развивать тему не стал, а я не решилась настаивать. У нас с мужем так негласно повелось – не приставать друг к другу с расспросами о том, что случилось с каждым во время того памятного путешествия. Только в самом начале мы оба ограничились, если можно так выразиться, кратким отчетом о пережитом, не вдаваясь в подробности. Нас обоих это устраивает – не знаю, за что может быть неловко Максу, но представить себе не могу, как бы я рассказывала ему о том невозможно интимном уровне близости, что связывал меня с В.В. Так что я даже не побежала к Максу за объяснениями, когда, разбирая его стол, наткнулась на старую вырезку из их рабочей многотиражки. Там был опубликован текст закрытого указа о присвоении звания Надежды России – но не мне, а какой-то другой женщине. Её лицо было напечатано рядом – порядком размытое, но я без труда узнала ту драную рыжую кошку, фотографию которой когда-то увидела на дирижабле, и которая якобы была Максовой подружкой. Вся, помню, извелась, глядя на неё – несложно было себе представить, в каком качестве она получила орден, который по праву принадлежит мне. Слава Богу, больше она в новостях не появлялась – тоже, наверное, чего-то не оправдала. Впрочем, как и я в свое время, да?

Ты спросишь, была ли я счастлива все эти годы? Отвечу так: вполне. Жаловаться не на что. Хорошая семья, любящий муж, два раза в год отпуск на море – в Батуми или Актау (за границу страны Максима не выпускают из-за работы) – в общем, жизнь наша пусть и небогата на яркие события, но уж точно достойная и не омрачается никакими потрясениями. И вот сегодня – представляешь? – этому спокойствию пришел конец. Именно

сегодня утром я получила письмо от В.В. – впервые с тех далёких времен он дал понять, что не забыл меня. Вот оно, его коротенькое и сухое послание, привожу его целиком:

“Милая Надя,

все ранее данные гарантии остаются в силе. Ты вправе участвовать в нашей работе и стать супругой Президента. Для нас обоих будет лучше, если ты прибудешь в Кремль немедленно, для тебя заказана спецплацкарта. Тебя ждет новая, долгая, насыщенная жизнь, по сравнению с которой краткий месяц нашего незавершенного знакомства покажется сонной прогулкой. Можешь безусловно доверять моим словам: хоть ты совсем ещё ребёнок и полна желаний, но и моё физическое и духовное здоровье теперь гораздо крепче, чем прежде (ты не можешь даже отдаленно представить себе все чудеса отечественной геронтологической науки, которую теперь возглавляет известный тебе академик Н.Ы. Манту-На). Так что нас ждёт много приятных и полезных занятий.

Ты можешь доверять мне и во всём остальном. Не представляю, чем тебе забили голову наши недоброжелатели, но вспомни и оцени своим собственным умом всё, что произошло. Ты не сможешь найти ни одного доказательства, факта, слова или дела, свидетельствующего о моей недобросовестности. Всё, что было обещано тебе, было сделано. Мы действительно готовились к свадьбе, и только. Слово Президента и человека: никто не желал тебе угрожать или вредить, ты всё время находилась в полной безопасности. А всё, что тебе рассказывали – зловещие выдумки, целью которых было запугать тебя и извратить твоё предназначение.

Сколько надежд – моих, и хочется верить, твоих – было разрушено в тот горький день, когда ты сбежала из-под венца, легкомысленно поддавшись на подлые уговоры наших так называемых «партнеров». Не скрою, много месяцев и даже лет меня не покидало чувство горького разочарования. Заслуженное наказание понесли многие, и лишь тебя оно миновало – потому что даже виновная, ты заслуживаешь лучшей доли. Но знай, что теперь ты окончательно прощена. Получены неопровержимые свидетельства того, что ты – такая же невинная жертва обстоятельств, что и твой обманутый Президент. Снимаю с тебя обвинения, приношу извинения за столь долгое, неоправданное сомнение, и, наконец, призываю тебя всей силой своей любви. Приди, и ты ни на мгновение не пожалеешь о сделанном выборе. Бог видит: мы обречены быть вместе”.

Письмо без подписи, но по адресу на конверте, да и по важному виду генерал-курьера, его доставившего, всё ясно. И вот я

перечитала его по пятому разу, и всё сижу и думаю, Дневник, и никак не могу для себя ничего понять…

Признаюсь, я не забывала о В.В. ни на минуту из тех, что составили эти быстро пролетевшие восемнадцать лет. Почти никогда я не вспоминала о нем с ненавистью, или с любовью – просто осознавала, что этот человек есть на белом свете, и что месяц, проведенный рядом с ним, изменил меня навсегда. Я не знаю, хороший ли он или плохой, но его мощь, величие, магнетизм навсегда покорили мою душу. Я никогда не позволяла себе мечтать о том, чтобы вернуться в его объятия, но была благодарна ему за то, что на короткое время он вознёс меня к сверкающим вершинам настоящей жизни – и, что скрывать, Большой Любви.

Это сейчас я могу писать об этом так легко, а первые месяцы после расставания сходила с ума. Кидалась на Макса (в те дни, когда он не сидел в тюрьме, конечно) со страшными обвинениями, кричала, что он психопат, параноик, как ему только в голову взбрело, что кто-то собирался причинить мне зло! Но Максим смог найти в себе силы, чтобы перетерпеть мои истерики. Рассказал мне кое-что, да я и сама со временем успокоилась, задавила боль от того, что больше не могу быть рядом с тем, кого считала своим суженным. Нет-нет, я ни на секунду не поверила версии Макса – о том, что должна была быть принесена в какую-то дурацкую жертву таким чудаковатым, но добрым чукчам. Младенцу ясно, что это совершенно невообразимо. Но я убедилась в том, что мой "спаситель" Макс не врал, и уж точно действовал из самых искренних устремлений – он действительно был убежден, что я вот так могу взять и погибнуть. К тому же, его-то уж точно пытались убить, только вот кто – до сих пор не могу разобраться, слушая его путанные объяснения. Как бы то ни было, ещё вчера я думала, что слишком много времени прошло с тех пор, чтобы о чем-то сожалеть всерьез. Но это было вчера, а вот сегодня я оказалась перед очень непростым выбором. Что предпочесть – правду или счастье? (ой, нет, кажется, это в данном случае одно и то же). Надо так: что выбрать – свое счастье на века или счастье своей семьи?

Такие вот невеселые пироги с котятами, Дневник. С одной стороны – дети, дом… Ах, детей, наверное, можно будет взять с собой, – но Макс! Это же не просто муж-объелся-груш – это вся моя жизнь с самого детства, полная искренней, преданной, но, увы неоцененной мной любви… Я потратила на него всю молодость, я вложила в него столько, что самой страшно – а он превзошёл это, отдав мне себя самого, без остатка. Без меня от него останется пустая, безусая оболочка – он не переживёт разлуки. Я знаю это точно, и я знаю, что бросив его – убью.

С другой стороны – В.В. Да, я боюсь его до сих пор, боюсь иррационально, как дура… но признайся себе, наконец, здесь, сейчас – ты же любишь Его, и всегда любила, и будешь любить до самой смерти. Только он тебе нужен, с ним – настоящая жизнь, а без него – бессмысленное прозябание! И жизнь эта не кончится старостью, которая уже морщинит нашу с Максом кожу – она будет долгой, вечной, бесконечной – я знаю, Он придумает и все устроит так, что мы будем счастливы всегда – в самом прямом смысле, у него по-другому не бывает.

И надо, надо что-то решать, немедленно брать на себя ответственность за своё будущее и будущее всех важных для меня людей, и, как это не смешно – Его будущее тоже. Непостижимым образом я чувствую, я знаю, что выбор надо сделать прямо сейчас, сегодня, не откладывая на потом. Он пока ждет, но он хочет моего согласия немедленно, сию секунду – иначе ещё до конца дня я навсегда потеряю невероятным образом снова выпавший мне волшебный шанс. А потеряв его, сгублю и свою обычную, размеренную жизнь – просто не смогу жить ей дальше, сойду с ума. Понимаешь? Что же мне делать, Дневник?..

Что же мне делать?

notes

Примечания

1

Слова из композиции “Lucky” группы Radiohead. Примерный перевод: “Самый главный призвал меня, но у меня не нашлось для него времени. Сегодня будет знаменательный день: я чувствую, что удача повернется ко мне”.

2

Жертва (англ).

3

Понял? (итал.)

4

– Ты везунчик, Влад, поздравляю. Выглядит как надо. Но я слышал, есть запасной вариант?

– Не городи ерунды, Джон. Она – единственная.

– Да ладно тебе. Она ж ни хрена не понимает… (англ.)

5

Николай, я устал и хочу спать (чук.)